

18+

Андрей Ветер

КОРИДОРЫ СОБЫТИЙ

СВЯТОЙ
ГРААЛЬ

Андрей Ветер

Святой Грааль

Коридоры событий

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

© Андрей Ветер, 2026

Грааль — всего лишь символ. Символ величайшего знания. Символ постижения истины. Где-то Грааль назван чашей, где-то — камнем. Алхимики искали философский камень, это — тот же Грааль, *prima materia*. Алхимики пытались нащупать некую одушевлённую материальность, то есть знания, живущие вне человека, знания космические, божественные — называйте это как угодно. А в книгах примитивные переписчики начертали просто — «философский камень». Но Грааль — не камень и не чаша. Это олицетворение истины.

18+

Оглавление

Святой Грааль

Мордред

Из книги «Жития Святого Мерлина»

Спящий город

Путники

Гвиневера

Человек-Медведь

Страсть

Из книги «Жития Святого Мерлина»

Турнир

Праздник

Профессор

Лезвие разлуки

Из книги «Жития Святого Мерлина»

Поход

Эктор Непобедимый

Война

Мерддин

Из книги «Жития Святого Мерлина»

Альбигойская ересь

Нашествие

Нарушитель

Мифы создаются мифами.

В основе сегодняшней неопровержимой истины
лежит вчерашняя откровенная ложь.

(Книга больших и малых слов)

Мордред

Сентябрь 470 Года

Всадники перевалили через холм и сквозь неподвижную дымку тумана увидели высокий частокол знаменитого Красного Дома. Отряд молча начал спускаться по пологому склону. Командир отряда, одетый в серое шерстяное платье и плащ из волчьих шкур, хищно смотрел вперёд. На шее у него висел охотничий рог, на бедре покачивался длинный меч в кожаных ножнах, украшенных по всей длине тиснением кельтских узоров. Он был молод, но черты лица выдавали в нём человека не по годам решительного и жестокого.

Намётанному глазу было достаточно беглого взгляда, чтобы определить численность отряда — человек пятьдесят. Большинство всадников ехало с непокрытой головой, лишь двое-трое накинули на себя капюшоны из грубой шерсти и ещё столько же было в круглых кожаных шлемах. Все они легко держались верхом, хотя стремянами никто не пользовался. Зато лошади, которых они вели на поводу, были со стремянами, богатой сбруей и высокими сёдлами. У всех этих свободных лошадей возле стремени раскачивалась отрезанная человеческая голова, привязанная за длинные волосы.

— Вот уж удивится вледиг[1] нашему внезапному приезду! — воскликнул кто-то в отряде.

— Удивится, если он нынче здесь, в Красном Доме, — уточнил второй. — Мордред, ты думаешь, Лодегран здесь?

Командир угрюмо кивнул, не отрывая сощуренных глаз от крепости:

— Гуляют. Слышишь?

Вокруг частокола раскинулось с десяток приземистых хижин, сложенных из неровных камней и крытых толстым слоем соломы. Возле некоторых домишек вытянулись низенькие ограды из таких же кривых булыжников и сплетённые из прутьев загоны для скота. Земля раскисла после долгих дождей, лошади скользили копытами, упрямылись. С яростным лаем из небольших ворот навстречу всадникам бросились

две мохнатые собаки.

— Вледи́г здесь, — усмехнулся Мордред, указывая на ближайшую псину. — Это его пёс... Айльбе, успокойся, неугомонная тварь! Или ты не узнаёшь меня? А ну закрой пасть!

— Мы стали слишком редко появляться у Лодеграна. Собака успела позабыть нас, — сказал ехавший рядом с Мордредом высокий мужчина.

Услышав конский топот и яростный лай, из хижин высыпали люди. Кто-то держал наготове длинный топор, кто-то — дротик, но, в основном, все были невооружённые. Несколько женщин, укутанных в тёмные пледы с головой, изучающе смотрели на всадников.

— Это Мордред со своей Волчьей Стаей! — раздался девичий голос.

Сильно пригнувшись, всадники въехали в ворота, над которыми чёрным контуром на бледном небосводе вырисовывался дозорный с копьём в руке.

— Вижу, вы с трофеями, — хохотнул голос сверху. — Как раз к веселью.

Едва отряд очутился во дворе, вокруг столпились мужчины, все в длинных рубахах, без оружия, расслабленные, некоторые пили из медных кубков.

— Приветствуем Волчью Стаю! — радостно закричали они.

— Судя по вашим раскрасневшимся рожам, вы уже давно пируете, — отозвался Мордред.

— Не первый день...

Мордред окинул взглядом внутреннее пространство крепости. Посреди возвышался Красный Дом — просторные покои Лодеграна, срубленные из красного тиса, с деревянным полом и черепичной кровлей. Искусная рука резчика богато украсила стены дома снизу доверху изогнутыми телами змеевидных рыб и зверей, которые хватили друг друга за хвосты и сплетались со стеблями цветов, создавая нескончаемые гирлянды кельтских узоров. Вправо и влево от дома тянулись две огромные пристройки, представлявшие собой врытые в землю столбы и положенные на них перекрытия. В летнее время на перекрытиях ничего не укладывалось и находившиеся в пристройках столы и скамьи стояли под открытым небом, но сейчас, когда подкралась осень и почти ежедневно шли дожди, на перекрытиях лежала солома и дранка. Вдоль крепостной стены вытянулись хозяйственные постройки — кузница, пекарня, гончарная мастерская, конюшни

и домики для дружинников и слуг. Густо стелился дым костров, над которыми жарились туши баранов. Из кузницы нёсся размеренный перестук молотков. Возле пекарни молодая женщина с усталым лицом крутила каменный жёрнов, перетирая зерно в муку. Перед входом в дом вледига из земли торчало бревно, к которому был прикован цепью медведь. Собаки, устав лаять на всадников, с рычанием бросились к зверю, но особенно не приближались, подскакивали и тут же пятились, припадая на передние лапы и поджимая хвосты.

— Что это у вас? — спросил Мордред, указывая на неподвижное человеческое тело, смятое медведем.

— Рыскал тут один любопытный, — пьяно пояснил кто-то. — Мы руки-то ему заломили, расспрашивая, а затем медведю бросили.

— Даже нагрудный панцирь не сняли с него, — посетовал Мордред, разглядывая нелепо вывернутого набок мертвеца. — А мы у всех забрали доспехи и оружие... Германец?

— Да.

— Должно быть, лазутчик, — решил Мордред. — Похоже, его-то и дожидались те, кого мы накрыли.

— Многих прикончили?

— Всех. Везём головы в подарок вледигу. Пусть порадуетя.

Мордред спрыгнул на землю, поднёс к губам рог и протрубил. Его люди отозвались дружным волчьим воем, задрав головы кверху.

— Ха-ха! — заорали отовсюду. — Да здравствует Волчья Стая! Приглашаем к столу, друзья!

— Про панцирь-то верно подмечено. Зря добром разбрасываемся, — крикнул кто-то и, схватив длинное копьё, кольнул медведя. Зверь вскочил и заревел. Чёрные губы его затрепетали, обнажая громадные клыки.

— А ну посторонись, — человек продолжал несильно тыкать копьём в медведя, — дай мне вытащить из-под тебя покойничка.

— Хорошо, что этого не видит Артур, — усмехнулся один из всадников Мордреда.

— Чего не видит?

— Как ты орудуешь сейчас копьём. Всем известно, что Артур считает медведя своим зверем-охранителем[2].

— Теперь Артур стал нашим союзником. Можно не бояться его гнева.

— Союзником? — хохотнул другой всадник. — Как-то не очень

верится, что Лодегран протянул руку дружбы Артуру.

— А вот и протянул. Потому и празднуем...

Мордред прошёл в дом.

— Храни тебя Христос, мой государь, — поприветствовал он вледига, шагая к нему через сумрачный зал.

Лодегран задумчиво сидел на большом деревянном стуле с высокой резной спинкой, опираясь на массивный подлокотник. В двух шагах от него на полу коптил масляный светильник.

— Почему ты томишься в одиночестве, когда твои гварды[3] веселятся?

Вледиг сощурился и улыбнулся. В мягком красноватом подрагивающем свете его лицо выглядело не таким уж старым.

«Пожалуй, для своих шестидесяти он выглядит великолепно», — подумал главарь Волчьей Стаи.

— Мордред, мой дорогой мальчик! — Лодегран медленно поднялся и шагнул навстречу гостю. Он был одет в тунику до колен, сшитую из золочёного шёлка — самую роскошную ткань, поставлявшуюся в Уэльс из Галлии.

«Впрочем, передвигается он неважно. Наверное, ноги болят», — продолжал оценивать гость.

Лодегран протянул руки, чтобы обнять Мордреда, но тут же остановился:

— Ты весь перепачкан кровью. Нет, не стану обнимать тебя, пока ты не приведёшь себя в порядок. Или ты хочешь, чтобы мой наряд пришёл в негодность? Разве мы варвары? — Вледиг жестом отстранил Мордреда и подошёл к окну. — Пуйл! Кликни Элейну, пусть она поможет Мордреду вымыться! — Он повернулся к гостю и улыбнулся. — У меня появилась редкой красоты рабыня. Я отдал за неё девять коров, втрое больше обычного! Прекрасная девица. Она понравится тебе. Насладись ею сполна. Ступай, ты знаешь, где находится баня...

Выйдя из Красного Дома, Мордред мельком взглянул на сваленные в кучу отрезанные головы германцев и снова обвёл взглядом крепость. Уже совсем стемнело. Костры жарко пылали, капавший с бараньих туш жир громко шипел, падая в огонь и заставляя пламя колыхаться с новой силой, высвечивая во мгле лоснящиеся лица.

Обещанная рабыня и впрямь оказалась прехорошенькой. Она сосредоточенно наполняла кадку нагретой водой и не заметила

приближения Мордред. За шумом застолья его шаги были неслышны. Когда он, подойдя сзади, крепко взял её за грудь, она вздрогнула от неожиданности и посмотрела через плечо ему прямо в глаза, чуть выгнувшись телом.

— Приветствую тебя, любезный господин.

— От тебя исходит чудесный запах. — Мордред ткнулся носом в её шею.

— Это травы.

— Травы... — повторил он, жадно шевеля ноздрями. — Помоги мне раздеться. Только прежде сама скинь с себя рубаху, не то вымажешься. Я изрядно изгадился, расчлняя этих германцев...

Девушка послушно стянула через голову шерстяную тунику и повернулась к Мордреду. Он расстегнул пряжку ремня и бросил меч на землю, затем освободился от второго ремня, на котором висели два ножа и изящно расшитый серебряными нитями мешочек, где хранились отрезанные кончики языков убитых врагов. Не отрывая взора от рабыни, он приподнял ногу, подставляя Элейне мягкий кожаный башмак, затянутый сбоку толстым шнурком.

— Сними...

Она стянула с Мордред. обувь и размяла ему ступни.

— Похоже, я утомился сегодня...

Он распустил узлы кожаных завязок, державших штаны, скинул просторную рубаху, и рабыня помогла ему забраться в кадку. Мордред с наслаждением внимал прикосновению её мягких рук. Он сел, согнув ноги в коленях и положив локти на гладко обструганные края кадки. Вода колыхалась на уровне его груди.

— Погоди, не отворачивайся, — он властно повернул голову девушки к себе, когда она отвела глаза от его заметно набухшего члена. — Приласкай меня... Напомни, как твоё имя?

— Элейна, господин.

— Элейна... У кого же тебя купил наш вледи? — спросил Мордред и пошевелил бёдрами. — Какие у тебя замечательные руки. Как ты думаешь, Лодегран уступит тебя мне? Или он сам любит спать с тобой?

— Мне кажется, что он уже не нуждается в таких утехах, — тихо отозвалась девушка и внимательно поглядела на Мордред. доволен ли он ею? — И мне кажется, что он упомянул однажды, что купил меня специально для тебя, господин.

— Неужели? — Мордред приподнялся на локтях и выставил нижнюю часть тела из воды. В темноте его почти не было видно, но Элейна всё же различила блестящую твердь, по которой скользили её пальцы.

— Пресвятая Дева, — прошептала она.

— То ли ты обладаешь таинственным даром, то ли я просто истосковался по женщине, — процедил Мордред. — Эту ночь ты проведёшь на моём ложе, и я не дам тебе сомкнуть ни твоих глаз, ни твоих ног...

Некоторое время он молчал, его громкое сопение смешивалось с всплесками воды.

— Скажи, а разве Гвиневеры здесь нет? — спросил он, когда освободился от первого напора желания. — Она не приехала сюда с отцом? Осталась в другом доме?

— Госпожа Гвиневера была здесь, но пять дней назад покинула Красный Дом.

— Почему вдруг? Сейчас не лучшее время для прогулок! — проговорил Мордред, досадуя, что не повстречал дочь Лодеграна.

— У неё большая свита, много воинов.

— Куда же она отправилась?

— В дом Артура, её ждут в братстве Круглого Стола.

— Что?! — Мордред едва не потерял дар речи. — Зачем?

— Разве ты не знаешь, мой господин, что вледиг Лодегран отдал свою дочь в жёны Артуру?

— Как?.. Что?.. Повтори!.. Гвиневера станет женой Артура? Когда?! — он вскочил и оттолкнул растерявшуюся девушку.

— Она уже жена. Свадебный пир уже состоялся[4].

— Ах вот оно что!.. Но нет! Обещал мне свою дочь, а пытается откупиться рабыней...

Мордред выпрыгнул из кадки, расплёскивая по земле воду, и бегом бросился к дому вледига. Распахнув заднюю дверь, он ворвался в зал и закричал:

— Государь!

— Что стряслось, мой мальчик? — вышел ему навстречу Лодегран. — Почему ты голый? И что у тебя за безумный взгляд? Неужели Элейна напугала тебя своими ласками?

— В чём я провинился? Почему ты обманул меня? — Мордред с трудом сдерживал душившую его ярость. Он выпростал перед собой

кулак и потряс им в воздухе, будто угрожая.

Лодегран нахмурился:

— Говори спокойнее... Что беспокоит тебя?

— Гвиневера!.. Ты отдал её Артуру!

— Да, — ответил Лодегран и отвёл глаза. Мордред словно окаменел и уставился на вледига. — Ты давно не бывал здесь, совсем ни о чём не знаешь. Наверное, тебя очень занимали набег. Надеюсь, ты хорошо поживился.

— Почему ты отправил Гвиневеру к Артуру? — Мордред оглянулся на вошедшую в зал Элейну и рявкнул: — Скройся!

— Он взял мою дочь в жёны, — сообщил Лодегран. — Мы уже справили здесь свадебный пир. Стех пор минул почти месяц. Артур уехал сразу, не стал задерживаться, а Гвиневера покинула Красный Дом лишь пять дней назад. — Вледиг окинул долгим взглядом стоявшего перед ним голого юношу. У Мордреда было крепкое, стройное, пропорционально сложенное тело, с несколькими крупными рубцами на груди, на бедре, на животе.

Мордред просительно вытянул перед собой руки:

— Но ты обещал её мне, государь! Как же так? Ты же говорил, что она будет моею. Я не мечтал ни о каких других милостях. При мысли о твоей дочери у меня кружится голова. Она — моя единственная мечта, о Лодегран!

— Знаю.

— Я, сын великого Кэдмона, ждал дня, чтобы стать мужем твоей дочери и слиться с твоей семьёй. Ты утверждал, что для тебя будет большой честью породниться с родом Кэдмонов из Корнуолла... Но вот я приезжаю, и ты сообщаем мне, что Гвиневера, оказывается, отдана другому. И кому! Отдана Артуру!.. Ты владеешь обширными землями, государь. Зачем ты хочешь породниться с человеком, у которого нет никакого имущества? — Мордред побледнел.

— Это у Артура-то ничего нет? — Лодегран скривился в ядовитой улыбке. — Ты ошибаешься, мой мальчик. Богаче Артура сейчас не сыскать человека на наших землях. Просто он хитёр. Он ничего не присваивает, всё отдаёт Круглому Столу, всё для всех. Сколько раз вожди самых разных кланов предлагали ему, чтобы он принял звание вледига или вергобрета[5], но он отказывался раньше и продолжает отказываться поныне.

— Я слышал об этом и не верю, что Артур отказывается... Что за глупость? Какой нормальный мужчина не захочет украсить себя венцом верховной власти?

— Бремя власти тяготит, мальчик мой. Артур не желает этого бремени. Твоя молодость не позволяет тебе понять этого. Твою голову распирают мечты о золоте, несметных стадах, обширных землях, множестве рабов. Но за власть, за право восседать на этом резном стуле, — Лодегран постучал сухой рукой по массивным подлокотникам высокого деревянного кресла, — многие готовы убить. Быть властителем — это не только заботы о своих владениях, но и постоянное напряжение, ожидание коварства со стороны многочисленных недругов. А недругов у любого вледи́га всегда хватает в избытке. Умный правитель ищет союзников. В одиночку он не может ничего.

— И ты выбрал Артура? Почему же не меня?

— Ты хороший воин, Мордред...

— Я лучший! — запальчиво воскликнул юноша, и мышцы его обнажённого тела заиграли.

— Да, ты прекрасный воин, однако ты всего лишь рубака, — продолжил Лодегран. — Что ты умеешь, кроме как воевать? Не всё решается оружием. Артур имеет почти неограниченное влияние на вождей большинства кланов, под его рукой в любую минуту могут собраться тысячи лучших воинов. Он пользуется уважением всех, кто умеет сидеть верхом, держать меч, метать копьё. Пусть ты и ненавидишь его, но это так. В тебе же говорит зависть и дух соперничества. Артур хитёр, ему удалось сделать то, чего не сумел добиться даже я... Да, я покупал солдат, как это делал ещё мой отец и как поступал мой дед. Они брали пример с римских наёмных легионеров. Но пока здесь стояли римляне, мы не очень-то нуждались в собственных сильных дружинах. Теперь всё изменилось. Как только римляне ушли из Британии, все бриттские вледи́ги передрались друг с другом, чтобы заполучить побольше земель и рабов. Многие были простыми воинами, но стали в одночасье называться вледи́гами. Всех манит власть. Меня она тоже манила, но со временем я устал от неё. Теперь власть манит тебя, Мордред.

— Что же здесь плохого? Мужчина не может не стремиться к высокому положению. Это приносит уважение и богатство.

— Я устал от беспрестанных междоусобиц, мой мальчик, устал

отражать нападения врагов.

— И ты, государь, решил перехитрить судьбу. Я верно понял твой ход? Ты хочешь только выглядеть вледигом, но всё бремя власти ты понемногу переложил на Артура...

— Если это получится.

— Но он же не хочет власти, разве не так ты только что сказал?

— Германцы слишком напуганы, они совсем обнаглели. Артур и его Круглый Стол — единственная реальная сила, способная противостоять чужеземцам. И пусть Артур не желает, чтобы его провозгласили верховным правителем, по сути он уже стал государем. Да, он называет себя равным среди равных, ибо так требуют правила Круглого Стола. Но кто ещё называет его так? Никто! Для всех он — *первый* среди равных. Многие опускаются перед ним на колени, многие припадают к его руке. И этим сказано всё...

— Мой господин, — Мордред слегка склонил голову, как это делали слуги и рабы, слушая хозяев, — я всегда был верен тебе. Разве не мой отряд получил громкое прозвище — Волчья Стая Лодеграна? Разве не я всегда первым откликался на твой зов? Зачем ты обманул меня? Ты обещал Гвиневеру мне, но теперь у меня нет шансов получить её! Почему ты не сдержал своего слова?

— Правители часто обманывают, мой мальчик. Такова природа власти. — Вледиг повернулся спиной к Мордреду, подошёл к столу и отломил кусок лепёшки.

— Так ты давно задумал выдать Гвиневеру за Артура, — догадался Мордред. Его глаза сделались безумными. Он обхватил мокрую голову руками. — Какой же я болван! Ты просто водил меня за нос!

— Гвиневера будет хорошим залогом моего союза с Артуром. Прости, Мордред, что пришлось скрыть от тебя мои планы. Я благодарен тебе за твою преданность, но я не могу доверять тебе всего. Ты чересчур вспыльчив, горячность твоя может нарушить тонкое равновесие сил.

— Я проливал за тебя кровь, о Лодегран, а ты пренебрег моей дружбой!

— Ты проливал кровь не за меня, мой мальчик, а ради собственной славы, — холодно парировал Лодегран. — Да, нередко ты отдавал мне значительную часть добычи и даже оставлял себе гораздо меньше, чем наживались твои люди. Но ведь ты всегда пользовался моей благосклонностью, я щедро одаривал тебя. Твой дом в Корнуолле давно

разрушен врагами, у тебя нет ничего, кроме громкого имени. Но здесь, на моей земле, ты получал всё, что могло прийти тебе на ум, потому что я считаю тебя моим сыном, а не вассалом... Однако сейчас ты забываешься и смеешь повышать на меня голос!

— Ты обещал Гвиневеру мне! Мне!.. Теперь же она разделит ложе с этим варваром Артуром. Он же не признаёт Господа нашего! Разве Гвиневера заслужила такое наказание? Ты обрекаешь её на ужасные страдания! Она — добрая христианка, но ей никогда не отмолить того, чем она запятнает себя в этом браке!

— Я взял этот грех на себя. — Лодегран бросил через плечо быстрый взгляд на стоявшую в углу массивную деревянную фигуру Христа; через круглое лицо изваяния, с условно обозначенной бородкой, тянулась тонкая трещина, на кистях едва заметно вытянутых в стороны рук висели венки из высохших цветов и трав.

— Государь, я исповедую ту же веру, что и ты! — Для убедительности Мордред схватился за висевший на груди деревянный крестик и сильно потянул его, отчего кожаный шнурок впился ему в шею. — Но Артур требует соблюдения прежних ритуалов. Круглый Стол и впрямь собрал лучших воинов, но никто из них не прольёт ни капли крови за нашего Господа. Грешно связывать себя союзом с нашим врагом по духу.

— Пусть он сколько угодно пьёт из колдовского котла друидов всякую дрянь, — отмахнулся Лодегран. — Мне нужна его сила... И довольно говорить на эту тему! Вопрос исчерпан. Дело сделано. Свадебный пир состоялся. Теперь Гвиневера уехала к Артуру...

Мордред повернулся и медленно зашагал прочь, оставляя на дубовом полу мокрые следы...

Ночью он проснулся от боли, разлившейся по всему телу. Боль исходила из сердца и была похожа на выбросы тысячи раскалённых игл, которые проникали всюду и пронзали твёрдыми остриями каждую клетку его существа.

Вчера после разговора с Лодеграном Мордред не присоединился к застолью и отправился в домик, выделенный специально для него. Он взял с собой Элейну, но кипевшая в нём злость не позволила его телу возбудиться, и он просто уснул рядом с обнажённой девушкой, грубо

стиснув её в своих объятиях.

Теперь он проснулся. Всё ещё доносились пьяные голоса и громкий смех.

«А мне не до смеха», — подумал Мордред, поглядев на крепко спавшую Элейну, и осторожно выбрался из-под тёплых шкур и крадучись вышел во двор. От задней двери в дом Лодеграна его отделяло не больше ста шагов, и Мордред чувствовал, как жажда мести влекла его к той двери.

Он оглядел себя... Не вооружённый... Голый...

Мордред бесшумно двинулся к дому вледи́га, зорко оглядывая пространство. Никто не видел его. Крепость спала, за исключением нескольких человек, продолжавших сидеть за столом.

Он прошёл в покои Лодеграна так аккуратно, что не раздалось ни единого скрипа у него под ногой...

Лодегран спал, что-то бормоча себе под нос. «Старый обманщик», — подумал Мордред, склонившись над вледи́гом, и едва не прокричал эти слова в ухо Лодеграну, но вовремя сдержался. Его крепкие руки стремительно опустились на голову вледи́га и рывком повернули её, с громким хрустом сломав шейные позвонки. Старик даже не охнул.

— За обман надо расплачиваться, — прошептал Мордред, приложив губы к уху Лодеграна.

Он быстро и так же бесшумно вернулся к своему ночлегу и задержался у входа лишь для того, чтобы справить малую нужду. Вслушиваясь в громкое журчание струи, Мордред вдруг успокоился.

— Теперь надо вернуть Гвиневеру... А потом уничтожить Артура...

Войдя в дом, он остановился. Бледный лунный свет проникал сквозь крохотное окошко на ложе и падал прямо на лицо Элейны. Её прямой нос с тёмными отверстиями ноздрей, матовая округлость щёк и лба, обволакивающая плёнка подрагивающих век с длинными тёмными ресницами — всё это внезапно пробудило в Мордредe неудержимое желание. Он лёг рядом с девушкой, прижавшись к ей спине, и запустил руку ей между ног. Во сне она отбросила его руку, но он снова сунул сильные пальцы в её тело, пошевелил ими, проникая глубже и глубже...

Снаружи продолжали доноситься пьяные голоса дружинников.

[1] W l e d i g (валл.) — владыка, правитель (здесь и далее примеч. автора).

[2] Считается, что имя Артур происходит от древнекельтского «art», то есть «медведь».

[3] G w r d a (валл.) — собственно, означает «добрый муж»; употреблялось в значении полноценных общинников, обладающих собственностью. Позже это слово стало чаще употребляться в значении «воин».

[4] Валлийская свадьба сводилась лишь к свадебному пиру, который устраивался для членов рода жениха и невесты. После этого они считались законными мужем и женой. После свадьбы невеста в течение некоторого времени оставалась в родительском доме, затем торжественно переезжала в дом к мужу. Обычное обозначение женитьбы в валлийской терминологии — «cysgu genthi», то есть «спать вместе».

[5] В е р г о б р е т — блюститель законов. От кельтских слов: querg — деятель, breth — суд. Вергобрет со временем заменил короля, назначался только на один год, подобно римскому консулу.

Из книги «Жития Святого Мерлина»

Король Лодегран скончался в четыреста семидесятом году от Воплощения Господа нашего Иисуса Христа.

Уложили Лодеграна в каменный гроб и на груди у него оставили оружие, сбрую любимого коня, драгоценные камни и монеты. Четыре дня покойный лежал в открытом гробу, дабы народ мог бросить на короля прощальный взгляд. Затем его опустили в землю.

Надгробную плиту украсили латинской надписью: «Здесь покоится король Лодегран, сын Эдрика, сына Глеха, и Риммелты, дочери Гвиллема, победитель Аматея, известного как Властитель Зелёных Гор, и Патрика, прославившегося под именем Сильнейший».

Хоронили Лодеграна известные вожди, служившие ему верностью. Были там Эадлрит, сын Гвеагона, Думинферт, сын Пуббы, Бронд, сын Эадлбальда. Не было там дочери его Гвиневеры, ибо находилась она в замке доблестного Артура, куда отправилась со своей свитой, так как король Лодегран отдал Гвиневеру в жёны Артуру.

Мордред, сын доблестного Кэдмона, обратился к собравшимся вождям со словами: «Вы знаете, что наш король Лодегран относился ко мне, как к родному сыну. Не раз он говорил мне, что передаст мне управление этими землями. Теперь настало время! Я возлагаю на себя царственный венец».

Но не согласились с его словами вожди и прямо на могиле Лодеграна устроили ссору, которая привела к кровопролитию.

Многие уважаемые воины пали в тот день от руки Волчьей Стаи, вожаком которой был властолюбивый Мордред, однако ему так и не удалось одержать победу.

Ещё два дня храбро сражались люди Лодеграна против людей Мордредда и вытеснили Волчью Стаю со своих земель, запретив ему возвращаться.

«Мы поднимаем против тебя всех, и ты будешь убит, Мордред!» — сказали ему.

И он уехал, не получив желаемого и затаив ненависть ко всему роду

человеческому. Изливая свою неуёмную животную злобу на людей, он разорил несколько окрестных деревень, предал огню жильё, опозорил молодых женщин и скрылся в горах. Там он провёл много дней, погрузившись в тяжкие думы. Он не желал возвращаться в свои родные края, ибо его давно томила страсть к Гвиневере. И теперь он решил похитить дочь Лодегрانا.

В то время в братстве Круглого Стола шумно отмечали свадьбу Артура и Гвиневеры.

Согласно древним правилам, Артур протянул свой меч Гвиневере, она подержала его в руках и вернула обратно, что означало: «Ты владеи мной, как этим мечом».

Очень доволен был мудрый Мерлин, ибо он давно вынашивал план свести вместе прекраснейшую из женщин Британии со своим воспитанником Артуром.

В ту ночь Мерлин увидел сон.

Два дракона схватились друг с другом: белый и красный. Белый дракон был покрыт рыбьей чешуёй и имел рыбью голову. У красного же дракона была медвежья голова. После продолжительной битвы, которая принесла разрушения многим городам и горе многим людям, победил белый дракон.

Мерлин долго размышлял над значением сна и в конце концов открыл его смысл.

«Белый дракон символизирует Гвиневу, ибо имя её в переводе с валлийского языка означает Белый Призрак. Гвиневра исповедует христианство, а рыбья голова и чешуя — символизируют христианство», — так размышлял Мерлин. — «Артур же — красный дракон с медвежьей головой — отказывается принять крещение, несмотря на все мои старания. Поэтому и происходит схватка белого дракона с красным. И если я правильно расшифровал мой сон, то победить должна новая вера. Гвиневра поможет мне наставить Артура на путь истинный».

И в сердце великого Мерлина пробудилась радость...

Спящий город

декабрь 1095 года

Ван Хель остановился, вслушиваясь в звуки ночи. Только что над городскими стенами прокатился волной грохот деревянных колотушек и трещоток: так стражники оповещали друг друга об истечении очередных тридцати минут дежурства и заставляли проснуться тех, кто задремал на посту. Теперь непроглядные узенькие улочки снова наполнились холодной тишиной, слышалось только, как вода негромко струилась в сточной канаве и тяжёлые капли, срываясь с мокрых после недавнего дождя крыш, звонко шлёпались тут и там на залитую грязью дорогу.

Ван Хель поднёс руку к ремню, перетягивавшему короткую рубаху на талии. Пальцы коснулись холодной костяной рукоятки клинка. В дневное время оружие было сокрыто плащом, но сейчас, когда не нужно было прятать ножи и мечи от городской стражи, Ван Хель держал клинок открытым. С наступлением темноты улицы попадали во власть грабителей, и тот, кто по несчастью угодил в лапы к разбойникам, мог уповать только на их милость, ибо помощи ждать было неоткуда. Ночной дозор обычно лишь песнями и трещотками оповещал всех о своём присутствии, но крайне редко вступал в схватку с разбойниками, никогда не зная наверняка, многочисленна или нет шайка преступников, напавшая на загулявшего обывателя.

Ван Хель прислушался. Город спал, и в крошечной тьме безлунной ночи даже острое зрение с трудом угадывало очертания деревянных домов, тесно лепившихся друг к другу и взбиравшихся вверх по кривой улочке, усыпанной на отдельных участках соломой, позволявшей хоть как-то пройти по обильной грязи. Однако Ван Хель видел всё: сваленные вдоль домов старые бочки, колёса, сорвавшиеся со стен полусгнившие вывески и набросанные на перекрёстке камни и деревянные обрубки, по которым люди могли переправиться через непросыхающую лужу. Он умел видеть в темноте и мог потягаться в этом даже с волками.

Ван Хель ощущал глазами лежавшее перед ним пространство и продолжил свой путь. Он шёл легко и весьма быстро, несмотря на зиявшие справа и слева глубокие выходы из погребов, оборудованные кривыми дощатыми ступенями, куда неосторожный прохожий мог запросто провалиться даже в дневное время и переломать себе ноги. Но несмотря на то что Ван Хель двигался спокойно, ловко ступая по узкой кромке относительно твёрдой и не раскисшей под дождём земли возле деревянных стен и умело перескакивая через скользкие булыжники и залитые навозной жижей ямы, в его походке чувствовалась величайшая осторожность. Впрочем, это не была осторожность крадущегося вора. Это было беззвучное продвижение человека, умеющего быть незаметным почти в любых условиях, даже на людях. Это был уверенный шаг человека, обладающего способностью в любую секунду превратиться из простого прохожего в ошетилившегося оружием воина.

Он был одет в короткие, до середины икр, штаны из грубой домотканой тёмно-серой материи и в такую же грубую шерстяную рубаху, прямую и широкую. Плащ синего цвета, застёгнутый на плече причудливой булавкой в виде дракона, опускался почти до колен. На ногах у Ван Хеля были высокие сапоги из мягкой кожи, напоминавшие чулки и перетянутые под коленами кожаными ремнями. Так одевалось большинство жителей Франции в конце одиннадцатого века по христианскому летоисчислению. Более нарядную одежду носили только вельможи, но в этой части города никогда не появлялись люди в пурпурных плащах до земли и в туниках, расшитых золотом и серебром.

Ван Хель снова остановился, уловив звук торопливых шагов, и весь превратился в слух. Впереди раздался тревожный возглас:

— Почему вы преследуете меня? Кто вы?

После этих слов наступила пауза, а за ней донёсся звук нескольких неспешных ног, шагнувших по хлюпающей грязи.

— Господин де Бриен? — спросил кто-то хриловато.

— Какое вам дело? — испуганно ответил первый голос.

— Я задал вопрос!

— Что вам угодно, сударь? Я буду кричать!

— Попробуй пискнуть...

По слышимым звукам Ван Хель без труда определил, что несколько

грабителей окружило какого-то несчастного.

«Пожалуй, надо помочь бедняге», — решил Ван Хель.

Он тенью скользнул вдоль дома и свернул за угол.

— Твоё имя Жак де Бриен? — услышал он угрожающий голос хрипато.

Мутные фигуры стояли посреди тесной улочки. На них были длинные плащи и тёплые высокие войлочные шапки.

— Что вам надо? Вам нужен мой кошелёк? Спрячьте же нож! — сдавленно прокричала жертва. Судя по всему, хрипатый или какой-то другой разбойник сдавили де Бриену горло.

— Что ж, не хочешь отвечать, будь по-твоему. Если мы ошиблись, всё равно тебе придётся кормить червей!

— Эй! — Ван Хель метнулся вперёд.

— Что? — рявкнул кто-то из разбойников, оборачиваясь. В его руке тускло блеснул нож.

Без видимого усилия отведя руку с направленным на него клинком в сторону, Ван Хель потянул грабителя за запястье на себя и сделал неувимое движение пальцами. Раздался хруст, и нож вывалился из руки. Ван Хель подхватил его на лету и в следующее же мгновение ткнул ножом обомлевшего противника в горло. Остальные не успели сообразить, что случилось, но, почувствовав присутствие чужого и опасного человека, рассыпались в стороны, раздувая при быстром движении свои чёрные плащи и принимая угрожающие позы. Ван Хель видел, как их жертва упала в лужу и на четвереньках заспешила к дому. Нападавшие (их осталось теперь трое) выхватили кинжалы и выставили их перед собой.

— Убирайся, тварь! — зловеще процедил один из них, медленно наступая. — Или тебе наскучила жизнь?

В ответ издевательски прозвучал громкий смешок.

— Тогда сдохни! — Разбойник ринулся вперёд, но наткнулся на собственную руку, необъяснимым образом вывернувшуюся при столкновении с Ван Хелем в обратную сторону. Послышался приглушённый стон.

Ван Хель повернулся к двум оставшимся грабителям и, молниеносно взмахнув обеими руками, метнул в них два ножа, отобранные у их же товарищей. Оба рухнули на спину, не успев даже схватиться за горло, куда с лёгким хрустом вонзились лезвия.

— Вот и всё, сударь. — Ван Хель повернулся к Жаку де Бриену. — Теперь они вас и пальцем не тронут.

— Да не обойдёт вас Всевышний своей милостью! — слабо послышалось в ответ.

— Вы не ранены?

— Нет. Благодарение Господу, я в полном порядке, если не считать моё совершенно испачканное платье. Придётся потратиться на прачку... Не могу взять в толк, кому пришло в голову покуситься на мою жизнь. Ведь они намеревались убить меня, просто убить! Они не потребовали у меня ни денег, ни чего бы то ещё! Это были не грабители, сударь!

— Не грабители, — согласился Ван Хель, помогая де Бриену подняться. — Но раз ваш кошелёк ничуть не интересовал их, то ответ следует искать где-то ещё. Просто ради удовольствия вряд ли кто вознамерится лишить человека жизни... Вам далеко идти?

— Нет, вот мой дом. Мне осталось войти в дверь и подняться по лестнице.

— Они поджидали вас возле вашего дома? Очень занятная история... Простите мне моё любопытство, кто вы? Может, ваша профессия сможет объяснить это покушение? Не случайно же они хотели перерезать вам горло.

— Меня зовут Жак де Бриен. — Увидев, что объявленное имя не произвело на спасителя никакого впечатления, де Бриен пояснил: — Я занимаю должность придворного сочинителя и хрониста, сударь.

— Рад такому знакомству. — Ван Хель слегка склонил голову.

— Позвольте и мне поинтересоваться: кому я обязан спасением?

— Меня зовут Винсент Брюс Эктор Ван Хель, но если коротко, то просто Ван Хель.

— Вы приехали из Фландрии?

— Почему из Фландрии?.. Ах, вас ввело в заблуждение моё имя! Нет, нет, сударь, Ван — вовсе не приставка на голландский манер. Это громкое родовое имя мне подарил один из правителей далёкой восточной страны. Однажды я спас ему жизнь, и в знак благодарности он принял меня в свою семью. Ван Хон — так меня звали в его семье. В Корее это имя известно многим.

— Корея? Что это за страна?

— Вы слышали про Китай?

— Это очень далеко. — Де Бриен неопределённо махнул рукой куда-

то в сторону.

— Корея ещё дальше.

— Господи Иисусе! Ещё дальше! — ужаснулся Жак де Бриен. — Так вы купец? Налаживаете торговые маршруты?

— Нет, я воин.

— Рыцарь?

— Наёмный воин. Это моё призвание. Если вам нравится слово «рыцарь», то вы вполне можете применить его ко мне, хотя в рыцари меня никто не посвящал. Отбросив скромность, могу смело сказать, что мне нет равных в воинском искусстве. Когда-то я был известен как Эктор Непобедимый.

— Как же вас угораздило попасть в Китай и ещё дальше? — спросил де Бриен, зябко переминаясь с ноги на ногу. — Что вы делали среди нечестивых?

— Воевал... Но сейчас речь не обо мне. Давайте вернёмся к вашим проблемам, сударь. Вы сказали, что служите при дворе, занимаетесь составлением хроник?

— И пишу романы. Нынче в моде рыцарские романы.

— Тогда не возьму в толк, кому вы перешли дорогу. Может, они ошиблись?

— Нет, господин Ван Хель. Один из них спросил меня, вцепившись мне в горло, меня ли зовут Жак де Бриен. Так что караулили они именно меня.

— Что ж, это дьявольски интересно...

— Это дьявольски неприятно, сударь, и у меня до сих пор трясутся колени, — глубоко вздохнул де Бриен, толкая плечом разбухшую дверь. — Я живу на втором этаже. Заглянете ко мне? Угощу вас хорошим вином.

— Нет, благодарю. — Ван Хель учтиво поклонился.

— В это время по городу лучше не ходить без специального разрешения. Стражники имеют право задерживать каждого до утра.

— Меня это не пугает...

Едва дверь со скрипом затворилась, гроыхнув железным кольцом, Ван Хель шагнул к неподвижным телам нападавших, всматриваясь в них, словно пытаясь разгадать тайну их необъяснимой нелюбви к придворному сочинителю, и пробормотал: «Ну-ну». Он забросил один из концов своего плаща через плечо, плотно закрыв грудь, и бесшумно

двинулся вверх по улочке.

В следующее мгновение из-за больших плетёных корзин, перегородивших переулочек слева, вынырнула крепкая мужская фигура. В темноте мелькнуло длинное лезвие кинжала. Ван Хель умело уклонился от предназначавшегося ему удара, перехватил вооружённую руку, перебросил нападавшего через себя и неуловимым для взгляда тычком ноги поразил поваленного незнакомца в горло. Тот не успел издать ни звука и распластался без движений в грязи. Выпавший из руки кинжал тонко чмокнул, втыкаясь в жидкую глину.

— Похоже, ты хотел разделаться со мной, а затем довершить то, что не сумели сделать твои приятели, — прошептал Ван Хель. — Ваша настырность слишком подозрительна. Жаль, что не успел спросить тебя раньше.

Ван Хель, всё ещё продолжая сжимать запястье незнакомца, повернул его руку и теперь обратил внимание на тускло блеснувший перстень. Склонившись, он внимательнее посмотрел на украшение.

— Не может быть!

Сорвав кольцо с мёртвого пальца, он поднёс его к глазам.

— Да, так и есть! Тайная Коллегия!

Несмотря на глубокую тьму, Ван Хель без труда разглядел символ, которым был украшен серебряный перстень: два перекрещенных знака бесконечности, наложенных на тонкие перекладины креста. Неискушённый в магических символах человек принял бы это за изображение четырёх изящных лепестков, сцепленных друг с другом своими основаниями и помещённых поверх крестовины. Но в этом несложном узоре Ван Хель сразу узнал знак, который носили так называемые Псы Тайной Коллегии — низшие чины тайного общества, не имеющие посвящения, не допущенные к магическим знаниям и выполняющие черновую работу.

— Что же им понадобилось от жалкого придворного писаки?

Он стиснул перстень в кулак и быстрым шагом вернулся к тем, кого убил несколько минут назад. Осмотрев их, он не обнаружил на их руках ни перстней, ни татуировок.

— Значит, только этот был Псом из Коллегии. Остальных он просто нанял за несколько монет, — решил Ван Хель.

Подбросив перстень на ладони, он повернулся на пятках и направился к двери, за которой скрылся Жак де Бриен. Стремительно

взлетев по узкой лестнице на второй этаж, Ван Хель увидел в темноте спину писателя. Тот всё ещё стоял перед своей комнатой, гремя ключами, и сильно вздрогнул, услышав позади шаги на скрипучих ступенях.

— Господин де Бриен, — позвал Ван Хель.

— Сударь, это вы? — с облегчением проговорил тот, услышав знакомый голос. Разглядеть в темноте он ничего не мог.

— Я решил, что грешно отказываться от чарки вина, дружески предложенной при таких малоприятных обстоятельствах.

— Конечно, — обрадовался де Бриен. Чувствовалось, что после пережитого ему совсем не хотелось оставаться одному.

Он наконец отворил дверь.

— Замочек-то, оказывается, не заперт, — удивился он. — А я стараюсь, ключом в него тычу. Только ведь я запираю его, я точно помню...

Он проковылял в комнату и опустился перед камином. Послышалось постукивание огня, вспыхнула заранее заготовленная кучка мелких стружек, затрепетал огонь. Поднеся к пламени стоявшую на камине свечу в бронзовом подсвечнике, де Бриен зажгёт и её, затем распрямился.

— Пресвятая Дева! — воскликнул сочинитель, окинув взглядом каморку.

— Они побывали у вас дома, господин де Бриен, — сказал Ван Хель.

— Они что-то искали! Всё кувырком!

— А вы утверждаете, что им ничего от вас не нужно... Что-нибудь пропало?

— Так сразу не скажешь. Собственно, у меня и взять-то особенно нечего. Разве что старинные рукописи. Должность придворного романиста — место отнюдь не прибыльное. Взгляните на моё платье: вряд ли вы назовёте его роскошным. — Он невесело встряхнул руками, расправляя промокший и отяжелевший от грязи плащ. — И обитаю я, как вы можете заметить, в квартале булочников, а вовсе не в королевском дворце. Я не голодаю, но лишняя монета у меня никогда не водилась.

— Скажите, вы когда-нибудь видели такой перстень? — Ван Хель поднёс к лицу де Бриена кольцо, снятое с убитого.

— Нет, — покачал головой Жак. — А почему вы спрашиваете?

— Потому что такие перстни носят только члены Тайной Коллегии.

— Это монашеский орден?

— В некотором роде. Только самый могущественный из всех и самый таинственный. Тайная Коллегия не занимается пустяками, сударь.

— Что вы хотите сказать?

— Если вы заинтересовали этих людей, то я могу предположить, что вы имеете отношение к чему-то очень важному, хотя сами вы и не подозреваете о важности того, чем занимаетесь. А если они решили вас убить, то это означает, что вы владеете какой-то информацией, поэтому вас, как носителя этой информации, следует уничтожить.

— Невообразимая чушь, просто дьявольщина какая-то. — Де Бриен нервно передёрнул плечами и набожно перекрестился. — Что такого я могу знать? Никакой важной информацией я не владею. Помимо романов я занимаюсь лишь составлением хроники: в каком году наш король совершил поход, когда и куда направил посольство... Кому это может мешать?

Ван Хель пожал плечами.

— Ой, они забрали книгу! — воскликнул вдруг Жак.

— Какую книгу? — Ван Хель в одно мгновение очутился рядом с ним.

— «Жития Мерлина». Я принёс её сюда несколько дней назад.

— Зачем вам «Жития Мерлина»? — В глазах Ван Хеля вспыхнула новая искра интереса.

— Наш государь — да хранит его Господь — велел мне написать роман о короле Артуре. Вы, должно быть, недавно вернулись из своих путешествий и не представляете, каким спросом нынче пользуются романы о рыцарях. Про короля Артура написано уже несколько поэм, их читают с упоением. И наш государь желает, чтобы о похождениях славного Артура было создано новое произведение. А я очень кстати обнаружил в дворцовом книгохранилище «Жития Мерлина».

— Неужели? — удивился Ван Хель. — Это французский список с кельтской «Книги Мерддина».

— Вы специалист в этой области?

Ван Хель не обратил внимания на вопрос:

— Неужели вы решили положить «Жития» в основу вашего будущего романа? — спросил он, впери в де Бриена пронизывающий взгляд.

— Именно. Но почему это удивляет вас?

— Вы успели прочитать эту книгу?

— Нет, только бегло проглядел.

— И всё же решили положить её в основу вашего романа? Если так,

то мне жаль вас...

— Не понимаю. — Де Бриен ошеломлённо уставился на своего гостя. — Почему вам жаль меня? Что такого неправильного я сделал?

— Мне кажется, я начинаю догадываться, в чём тут дело...

— В чём же?

— В рыцарских романах.

— Я вас совсем не понимаю, сударь. — Де Бриен продолжал растерянно стоять посреди замусоренной комнаты, держа свечу на вытянутой руке. У него было усталое лицо, тонкое, с крупными губами и прозрачными глазами, обрамлённое длинными русыми волосами. На лбу, подбородке и щеках темнела набрызганная грязь.

— Судя по всему, — задумчиво заговорил Ван Хель, — замысел вашего романа не укладывается в концепцию Тайной Коллегии.

— Какую концепцию?

— Тайная Коллегия всегда очень тонко ведёт игру, планируя свои шаги на много лет вперёд.

— Какую игру? Объясните в конце концов! Вы пугаете меня, сударь!

— Совсем недавно я был в Клермоне и слушал выступление Папы после церковного собора. Он произнёс пламенную проповедь, в которой призвал рыцарей дать обет и освободить христиан от мусульманского ига^[1].

— Да, да, я в курсе. Но при чём тут мой роман?

— При том, что рыцарство должно быть, как бы это точнее выразить, наделено высокими духовными качествами. Рыцарству нужен идеал... Вы, сударь, о каких рыцарях пишете в романах? Чем заняты ваши герои?

— Совершают всевозможные благодеяния, сражаются против нечестивцев во славу Господа нашего Иисуса Христа, да снизойдёт на всех нас его божественная благодать...

— Вот и я о том же, — улыбнулся Ван Хель. — Король Артур начинает постепенно превращаться в символ рыцарства. А вы, глупец, решили взять за основу «Жития Мерлина»! Разве вас не удивило, какими красками описан Артур в этой книге? Он же не имеет ни малейшего отношения к христианству! Он же — язычник!

— Неужели?.. А вы читали эту книгу?

— Читал, — как-то странно отозвался Ван Хель. — Это единственное сохранившееся письменное свидетельство тех лет. Было ещё три других

сочинения, где Артур вовсе не являлся защитником веры Христовой, но их давно сожгли. Теперь Тайная Коллегия уничтожит «Жития» и окончательно сотрёт следы действительной истории. Ничто больше не мешает им создавать свою легенду и направлять мышление людей в нужном Коллегии русле.

— Простите, сударь, — пробормотал Жак, совсем сбитый с толку, — но мне никак не удаётся поймать вашу мысль.

— Господин де Бриен, бегло проглядев «Жития», вы не вникли в суть.

— Признаюсь, вы правы. Обнаружив эту книгу, я буквально вцепился в неё, надеясь найти там много полезного для моего будущего романа. Но прочитать ещё не успел.

— Потому-то вы и не понимаете меня, — усмехнулся Ван Хель. — Между тем там ясно сказано, что Артур, величайший из предводителей валлийцев, был ярым противником Христа. Случалось, он даже разорял монастыри... Что ж, господин де Бриен, кажется, вы обещали налить мне вина.

— Сию минуту, — заторопился де Бриен и, путаясь в своём плаще, нырнул куда-то под стол. — Вот, очень хорошее вино. Рекомендую. — Он поставил перед собой на стол две глиняных чашки, потряс, проверяя наличие вина, бутылку, оплетённую ивовыми прутьями, и наполнил чашки тёмно-красным напитком. — Угощайтесь...

— Значит, вы не успели прочитать «Жития Мерлина», — проговорил задумчиво Ван Хель, отпивая вино.

— Не успел.

— Выходит, вы могли лишиться жизни зря. Тайная Коллегия считает, что вам известно содержание книги и что вы можете поведать о нём всему миру.

— Ужели образ Артура так ужасен в «Житиях Мерлина»?

— Ничего ужасного, сударь. Крови младенцев он не пил. Но облик его, как я понимаю, не укладывается в концепцию новой идеологии.

— Я не в силах уразуметь. Вы говорите загадками. — Де Бриен устало опустил на дубовый табурет и расстегнул застёжку плаща. Мокрая ткань тяжело упала на пол.

— Никаких загадок. Просто идёт строительство нового мироустройства. Впрочем, я не могу объяснить это. Да меня это и не интересует. Никто из простых смертных не способен проникнуть в замыслы могущественного тайного общества. А что касается короля

Артура, то тут я могу лишь догадываться.

— Поделитесь же со мной вашими догадками, сударь.

— Мало кому нужна истина, люди нуждаются в мифах. Красивый миф способен поднять людей на подвиги. Если Тайная Коллегия решила сотворить нового Артура, значит, он будет камнем в новой стене, которую воздвигают маги.

— Какие маги?

— Тайная Коллегия Магов, так это называется.

— Маги? Выходит, они не христиане?

— Никоим образом. Они — маги... Но многие из них сейчас выглядят вполне добропорядочными христианами и даже возглавляют епископаты. А многие — истовые магометане. Они пользуются любыми формами для достижения своих целей. И никто не в силах отличить их от обыкновенных людей...

— Святой Георгий, охрани нас от этой напасти!

— Когда-то у них был свой храм, небольшой, очень скромный, и, в отличие от большинства религиозных обществ, Коллегия была по-настоящему закрытой, никто не знал, чем она занимается. Но за стенами их неприметной обители вынашивались грандиозные замыслы, рождались сильнейшие маги. Знаменитые халдейские жрецы со своим легендарным чародейством — младенцы в сравнении с магами Тайной Коллегии... Да, когда-то у них был свой храм, но теперь им нет надобности возводить свои святилища, они пользуются христианскими церквями, мусульманскими мечетями, индуистскими храмами. Они растворились в окружающем мире. Они умеют путешествовать, выходя из собственных тел, и поэтому их можно назвать почти вездесущими.

— Оборотни! Демоны! Господи, просвети очи мои, очисти сердце моё...

— При чём тут демоны! Впрочем, вы не поймёте. Вы способны усвоить только те идеи, которые провозглашаются сейчас. Вам не понять, что такое вечность.

— Жизнь вечную обещал Господь наш Иисус Христос, но обещал только тем, кто последует за ним.

— Нет, нет, сударь, это не та вечность... Да и знаете ли вы в действительности, о чём говорил тот, кого называют Христос? Вы опираетесь лишь на то, что пишут в книгах Отцы церкви.

Жак де Бриен болезненно сморщился:

— Вы позволяете себе странные высказывания, сударь, подозрительные высказывания, почти крамольные. Да простит вам Господь согрешения ваши... Из ваших слов я могу сделать вывод, что вы ставите под сомнение содержание Священного Писания.

— Ошибаетесь. Я ни в чём не сомневаюсь, — ухмыльнулся гость.

— Слава Богу! — вздохнул с облегчением де Бриен и набожно перекрестился. — И да защитит меня Пресвятая Дева в день печали и скорби... Однако ж позвольте всё-таки спросить, господин Ван Хель...

— Можете называть меня просто Винсент.

— Откуда вам известно всё это?

— Что?

— Ну... про эту ужасную Коллегию. Ведь ежели она столь таинственна, как вы-то сподобились узнать про неё?

— Вам нужна правда? — Ван Хель недоверчиво покачал головой.

— Да.

— Что ж, извольте: когда-то я был одним из её членов.

— Вы?.. — Де Бриен почти с ужасом взглянул на собеседника. — Помилуй меня, Господи, грехи мои очисти покаянием. Помилуй и сохрани, не оставь душу мою гореть в аде... — Он снова перекрестился. — Но теперь вы, как я понимаю, отреклесь наконец от этих нечестивцев во славу Господа нашего Иисуса Христа.

— Вы всё о своём! — Ван Хель медленно обошёл комнату, осторожно перешагивая через разбросанные вещи, и остановился перед крохотным окном, затянутым вощёным холстом. — Вам сейчас надо думать о собственной шкуре, Жак. Коллегия добралась до «Житий Мерлина», но хочет разделаться с вами, поскольку думает, что вы знаете некоторую правду об Артуре и сможете отразить её в вашем романе... Хотите, дам вам совет?

— Слушаю вас. — Де Бриен подался вперёд, вперившись в лицо Ван Хеля.

— Вам надо пустить слух о том, что ваш Артур будет совершать во имя Христа подвиг за подвигом.

— Пустить слух?

— Иначе откуда *они* узнают, что вы создаёте именно такой образ Артура, а не тот, который написан в «Житиях»?

— Да я и сам хочу, чтобы мой персонаж был благороден и высоко нёс знамя истинной веры. Он должен бороться со всяким злодейством,

удивлять милостью своей и щедротами...

— И всё-таки не забудьте, что вам всюду надо рассказать о ваших замыслах... И никому, разумеется, не упоминать о знакомстве со мной... А теперь давайте выпьем ещё вина, — улыбнулся Ван Хель.

— Минутку, эта бутылка уже пуста. — Жак де Бриен засуетился. Казалось, он обрёл нарушенное душевное спокойствие. Разгребая наваленные перед шкафом вещи, он торопливо освобождал дверцу, чтобы добраться до спрятанных внутри шкафа бутылок. — Я с готовностью возьмусь за написание романа о великом рыцаре, о славном короле, поднявшемся на борьбу с тёмными силами, — бормотал придворный сочинитель, словно убеждая кого-то невидимого. — Я создам удивительный образ, который послужит примером твёрдости духа и прекрасных порывов. Это будет высочайший идеал рыцарства...

Когда он наконец извлёк из шкафа вино и повернулся к гостю, победно потрясая бутылкой над головой, Ван Хеля уже не было в комнате.

— Сударь! — проговорил растерянно де Бриен. — Где же вы?
Никто не отозвался.

Ван Хель остановился. Спереди донеслись звуки трещоток и деревянных колотушек. Из-за угла появились трепещущие отблески факелов. Послышался грубый смех и нестройная песня.

Ван Хель бесшумно прыгнул к деревянной стене дома и, прижавшись к ней всем телом, как ящерица, без видимого усилия вскарабкался на крышу, цепляясь за выступы брёвен. В ночной тьме он был неразличим — просто колыхнувшаяся густая тень на доме.

Распластавшись на черепичной кровле, он видел, как внизу неторопливо прошли десять мужчин, вооружённых копьями и мечами. На металлических шлемах и наконечниках копий подрагивали отблески факелов. Трещотка смолкла, прервалась песня.

— Эге, братцы! Да тут, похоже, была поножовщина. Клянусь пресвятой Девой! Покойники кругом валяются, — гаркнул грубый голос.

— Посвети-ка маленько, — прозвучал второй голос. — Должно быть, какая-нибудь шайка не поделила добычу.

— Чего не поделили? Гляньте на этого, у него кошелёк при себе! — воскликнул третий.

Ван Хелю уже не было видно людей, они скрылись за поворотом, но их голоса и шаги по лужам и грязи ясно доносились до его слуха.

— Не удалось им пожить. Славно же кто-то разделался с ними.

— Не повезло мерзавцам...

— Утром надо прислать за ними повозку, — заключил старший. — Запомните, куда ехать. Квартал хлебопёков...

Ван Хель отполз немного по кровле в сторону, но из-за плохо державшейся черепицы, грозившей осыпаться при неосторожном движении, решил дожидаться, пока ночной дозор отойдёт подальше. С крыши дома ему были видны далёкие мерцающие точки факелов на городских стенах. Снова по стенам прокатилась шумная волна трещоток и колотушек со стен — часовые оповещали друг друга об истечении очередных тридцати минут ночного дежурства.

Выждав ещё немного после того, как дозор удалился, Ван Хель бесшумно спустился на дорогу и продолжил свой путь. Через несколько минут он добрался до квартала ткачей и остановился перед трёхэтажным домом, над входом в который был нарисован громадный белый лебедь с причудливо изогнутой длинной шеей, а всё остальное пространство стены было покрыто изображениями женщин, занимающихся пряжей и вышиванием. Фасады очень многих домов в городе были так или иначе разрисованы, указывая на характер деятельности домовладельца и его семьи.

Окошко на втором этаже было распахнуто, и оттуда сочился тусклый жёлтый свет.

«Не спит», — понял Ван Хель и, осмотревшись, взобрался вверх по стене, ловко наступая на торчавшие балки и крючья, к которым крепились вывески. Заглянув в окно, он тихонько позвал:

— Изабелла!

В комнате послышалось шуршание платья, и в следующее мгновение перед ним появилась девичья голова. Большие тёмные глаза взволнованно блестели.

— Ванхель, милый мой Ванхель, наконец-то вы пришли! А я уж чего только не подумала...

— Со мной ничего не может случиться, ангел мой.

— Я боялась, что мы уже не свидимся более.

— Что за глупости! О чём вы говорите, Изабелла? Разве я хоть раз не держал данного слова?

— Речь не вовсе о вас, сударь.

— О чём же?

— О моём отъезде. — Девушка всхлипнула. — Боюсь, сегодня ночью мы расстанемся с вами навсегда.

— Вы решили уехать?

— Не я, а мой батюшка принял такое решение. Он отсылает меня в замок графа де Парси. Завтра рыцари графа отправятся в его владения, они будут сопровождать обоз с товарами. Поеду и я.

— Но почему вдруг?

— Граф прознал о том, что никто не может превзойти меня в искусстве вышивания. И мой отец решил не упустить случая хорошенько заработать на мне. Вдобавок отныне у него всегда будет повод показаться на глаза графу, дабы испросить какой-нибудь милости, навещаая меня в его владениях... Будь проклят тот день, когда я взяла в руки иглу с ниткой!

— Не печальтесь, моя дорогая, и не вините своё мастерство, — успокаивающе проговорил Ван Хель и нежно коснулся ладонью щеки Изабеллы. — Я что-нибудь непременно придумаю, чтобы оказаться подле вас.

— Но как?

— Я найду способ... А теперь позвольте мне влезть в окошко, потому что висеть на стене не так удобно, как восседать на табурете...

— Конечно, мой милый Ванхель...

Она порывисто отстранилась, давая мужчине возможность проникнуть в уютную комнату, стены которой были обтянуты коричневыми шерстяными тканями, с искусно вышитыми на них белыми, жёлтыми и красными цветами. На стоявшей в углу кровати лежало несколько подушек, а подле спального места громоздился сундук, где хранилось бельё и одежда. Горевшая свеча бросала свет и на элегантную этажерку из резного дерева, где лежали большие ножницы и множество катушек с разноцветными нитками.

— Вы продолжаете одеваться не по погоде, — посетовала она, оглядывая гостя. — Уже декабрь, а вы до сих пор не сменили платье на зимнее.

— Я не боюсь холода и почти не ощущаю его, — отмахнулся он.

— Вы испачканы. — Изабелла указала на его плащ, измазанный грязью на плече.

— Должно быть, это грабитель задел меня грязным башмаком, когда я перебросил его через себя.

— Вы столкнулись с разбойниками?

— Пришлось вступить за одного несчастного.

— Как вы не боитесь? Ванхель, неужели вас ничто не страшит?

— Только разлука с вами, — пошутил он.

— Вы настоящий сумасшедший. — Она припала головой к его груди и с наслаждением вслушалась в тепло, потёкшее в неё из его крепких рук, бережно обнявших её плечи. — Никогда не забуду, как вы разбросали тех бесстыжих господ, которые пристали ко мне на рыночной площади. А ведь их было пятеро! И все вооружены!

— Разве я мог позволить, чтобы кто-то отпускал мерзкие шутки в вашу сторону?

— Безрассудный... Они могли убить вас, и это сошло бы им с рук, ведь они — рыцари, люди благородных кровей, не привыкшие считаться с людьми более низкого происхождения. У меня сердце замирает, когда я вспоминаю тот день. Как они схватились за мечи, готовые изрубить вас! А вы каким-то непостижимым образом расшвыряли их, расправились с ними голыми руками! Я никогда не перестану восхищаться вами, мой милый Ванхель...

— Изабелла, почему бы вам не уйти со мной прямо сейчас?

— Без родительского благословения? — вздохнула она. — Я не смею.

— Вы слишком много значения придаёте этим пустякам.

— Зачем вы говорите, что благословение — пустяк? — с горечью проговорила она. — Порой ваши слова пугают меня.

— Не будем спорить об этом... Не сейчас... Просто придётся повременить с нашим счастьем. Наберитесь терпения, родная... И ложитесь спать, вам следует отдохнуть перед завтрашним путешествием. Путь до владений графа де Парси не близкий.

— Ванхель, не оставляйте меня сейчас...

Она отчаянно прижалась к нему всем телом, чего не позволяла себе никогда при их прежних встречах с глазу на глаз.

— Я люблю вас!

— Знаю, мой ангел. Я тоже люблю вас.

— Как же нам быть? — шептала она.

— Если бы вы согласились уйти со мной... Впрочем, всё уже сказано. Езжайте к графу де Парси, раз такова воля вашего батюшки. Обещаю вам нагнать вас в скором времени, а там и решим, как нам быть.

Он мягко отстранил её от себя.

— Ванхель...

Девушка снова протянула к нему руки, и он увидел в её глазах мольбу.

— Изабелла, мой нежный цветок. — Он шагнул к ней и наклонил голову, припав к её губам долгим поцелуем.

Тело девушки задрожало.

— Я хочу быть вашей, — проговорила она, задыхаясь.

— В недалёком будущем у нас обязательно появится такая возможность. И нам не нужно будет скрываться от посторонних глаз, нам не придётся таиться. Обещаю. — Он поцеловал её ещё раз, но теперь коротко, почти по-братски. — А теперь прощайте... И помните, что мы с вами разлучаемся на очень малое время...

Сказав это, он легко выбрался в окно и спрыгнул на дорогу...

С Изабеллой он познакомился три месяца назад, когда вступился за неё на улице. Увидев горячие слёзы в её глазах, Хель уже не мог выбросить из головы Изабеллу. Такого не случалось с ним прежде. Он относился к женщинам легко, принимал их ласки и даже любовь, но сам не допускал никого из них к своему сердцу. Бывало, он увлекался кем-то ненадолго, но забывал о своём увлечении, едва дела звали его в путь. Он даже не прощался с той, которая согревала его ночами... И вдруг в его сердце поселилась любовь. Образ Изабеллы постоянно возникал перед его глазами, и Ван Хель не знал, как к этому относиться. Девушка стала казаться ему самым дорогим существом на свете, и он — человек, которого и человеком-то было трудно назвать, ибо он познал тайные глубины многих оккультных сообществ, был посвящён в знания, дававшие ему огромную власть над людьми, прошёл через самые кровавые войны последних нескольких веков и не только остался жив, но заполучил бессмертие, — он тосковал, разлучаясь с Изабеллой, как тоскует по девушке всей душой безусый юнец, не познавший ещё сладости женского тела.

Ван Хель удивлялся себе и вопрошал: «Ты ли это, дружище? Откуда в тебе нелепое мальчишеское волнение? Откуда жажда глядеть в девичьи глаза, надеясь увидеть в них всякий раз нечто особенное?

У тебя было много женщин. Некоторые по праву считались прекраснейшими женщинами своего времени. Лучшие гетеры дарили тебе свои ласки. Лучшие танцовщицы плясали для тебя. Но ты всегда оставался спокоен, потому что никогда не признавал никакой тайны за тем, что принято называть любовью. И вдруг что-то изменилось в тебе. Может, ты заболел? Или ты прозрел, внезапно разглядев в привычной для тебя жизни новую грань? Ты удивляешь меня...»

Шарль по прозвищу Толстяк низко склонился над столом и что-то записывал, поскрипывая гусиным пером по пергаменту. Жёлтый подрагивающий свет свечи придавал его одутловатому небритому лицу мягкость, сглаживая некрасивость крупных черт. Этот зрелый мужчина, прошедший нелёгкий жизненный путь, смотрел на появлявшиеся из-под пера чернильные буквы почти с тем же восторгом, с каким мальчишка смотрит за появлением сверкающего меча из ножен прославленного рыцаря.

Закончив фразу, Шарль привалился к высокой спинке деревянного стула и откашлялся, прикрывая рот ладонью, чтобы брызги слюны не попали на только что написанный текст.

— Ты простужен? — спросил Ван Хель.

Шарль вздрогнул от неожиданности.

— Как всегда, ты проникаешь ко мне беззвучно, как демон, — проговорил он, взяв себя в руки. Его покрасневшие слезящиеся глаза несколько раз испуганно моргнули.

— Может, я и есть демон? — засмеялся вошедший и опустился на табурет перед почти угасшим камином. — Как всё-таки хорошо, когда можно расслабиться перед огнём...

— Если бы ты был демоном, Хель, я готов был бы, пожалуй, продать тебе душу ради разгадок некоторых тайн, — задумчиво сказал Шарль и положил гусиное перо на стол. Обычно он пользовался палочкой и навощёнными досками, как древние римляне, и лишь придав написанным мыслям бесспорное изящество, Толстый Шарль переносил их на бумагу. К бумаге он относился трепетно, почти как к священной реликвии.

Ван Хель потянул носом. В доме Шарля всегда пахло травами

и настойками.

— А что ты будешь делать, если вдруг откроешь для себя всё, что ищешь? — спросил Хель.

— Что я буду делать? Ничего. Просто почувствую себя счастливым.

— Ты в этом уверен? А не думаешь ли ты, Толстяк, что тебе станет скучно? Сейчас ты целиком отдаёшься поиску, а чем же ты станешь заниматься, когда тебе искать будет нечего? Да и как ты поступишь с полученными знаниями?.. С бесконечными знаниями! Ведь это — тяжёлая ноша. Поверь, ими невозможно просто владеть, ими надо пользоваться, иначе они превращаются в бремя, способное раздавить человека.

— Я посвятил так много лет поиску ответов на вопросы, которые беспокоят меня с раннего детства! Так неужели я откажусь от знаний, даже если они раздавят меня, как обрушившаяся каменная громадина?

— Каменная громадина? — переспросил Ван Хель. — Хорошее сравнение. Заниматься наукой — всё равно что грызть камень, пробиваться в глубины окаменевшей человеческой мысли, крушить твердь неповоротливого мышления. Но одолеть это может лишь тот, кто не закупорил себя в тесной конуре косности. Чтобы добиться знаний, нужна широта взглядов, нужно быть философом, мой дорогой Толстяк.

— Ты же знаешь, что я занимаюсь философией, Хель. Но я очень одинок. — Шарль плаксиво сморщился и потёр руками грудь. — Одиночество переполняет меня! Мне не с кем поговорить. Всё, чего я добился, я несу в себе. Народ удручающе тёмен. Церковь задавила всех, узурпировала право на истину.

— Узурпировала? Нет, дружище, церковь лишь пользуется сложившейся ситуацией. Народ тёмен, в этом ты прав. Но он всегда был тёмен и ленив. Ему не нужна истина. Его интересует только кусок хлеба. А истина... Она предполагает безбрежность, она вмещает в себя всё, у неё нет краёв, нет предела. — Ван Хель помолчал, затем продолжил: — Вот ты только что сказал, что Церковь взяла на себя право провозглашать истину.

— Да, это так.

— Но ведь ты тоже принадлежишь Церкви, Шарль. Ты был монахом. И ты никогда не покинул бы монастырь, если бы не переругался со всеми.

— Я переругался из-за того, что мне не позволяли заниматься

философией.

— Но ты и не можешь заниматься философией, Толстяк.

— Почему?

— Потому что ты ограничен рамками католической веры. Настоящий философ никогда не ограничивает себя строгими рамками, он не может быть ни христианином, ни магометанином, ни кем бы то ни было другим, кто принимает правила Церкви и идёт строго по узенькой дорожке...

— Но человеку нужна вера, Хель, — виновато ответил Толстый Шарль.

— А что такое вера, друг мой? Следование текстам? Разве это вера? Ты лишь идёшь у кого-то на поводу.

— Я не иду ни на каком поводу! — возмутился Шарль. — Я со многими спору, нередко сомневаюсь. За это меня и прогоняют частенько с насиженного места.

— Ладно... Уже поздно...

— Где ты так долго бродил?

— Разные дела задержали... Городские ворота были уже на запоре, когда я вернулся. Пришлось перебираться через стену, прятаться от стражи... Кстати, сегодня ночью мне довелось познакомиться с неким Жаком де Бриеном, придворным сочинителем.

— Очень увлечённый человек.

— Ты знаешь его? — удивился Ван Хель.

— Мы сталкивались с ним несколько раз в книгохранилищах.

— Ты имеешь возможность входить в хранилища?

— За деньги можно проникнуть в любое запретное место. А книги нынче становятся модны у благородных господ, даже если это формальные хроники военных походов или скучнейшие описи домашнего имущества. Сейчас каждый барон велит монахам, живущим при его рыцарском замке, обзавестись библиотекой. Редко кто умеет читать, но все любят похвастаться содержимым своих книгохранилищ. Это и есть причина того, что из монастырей день за днём пропадают фолианты. Бароны и герцоги устроили настоящую охоту за книгами. Если не удаётся купить у монахов старинную рукопись, то они нанимают переписчиков. Книги копируются второпях, с многочисленными огрехами. Но кого это интересует? Мессеры жаждут лишь обилия толстых переплётов, а содержимое их не волнует. Впрочем, встречаются и настоящие любители книг, но их крайне мало. И что-то подсказывает мне, что так будет всегда.

— Ты прав, — согласился Хель.

— А Жак де Бриен — настоящий поэт, написанное слово имеет для него огромный вес. Сейчас всё чаще из Италии к нам забредают трубадуры, но их тут пока никто не понимает. Зато де Бриен был в полном восторге, однажды повстречав трубадура и послушав его стихи... Нет, слово у нас не пользуется уважением, в поэмах и романах видят только лёгкое развлечение. Времена Цицерона и Сенеки ушли надолго, если не навсегда, — печально заключил Толстяк.

— Пожалуй, я прилягу, дружище.

— А мне надо ещё кое-что доделать, — Шарль повернулся к разложенному на столе пергаменту.

— Скажи, а ты не знаешь, далеко ли отсюда владения графа де Парси?

— Дней пять пути, если ехать верхом. Почему тебя интересует этот тупоголовый боров?

— Хочу наняться к нему.

— Что за странная причуда, Хель? Почему вдруг к нему?

— У меня есть причина.

— И наверняка у этой причины чудные глазки и волшебный ротик, — горестно вздохнул Толстяк.

— Ты на редкость проникателен, мой друг.

— Послушай, Хель, — Шарль опять отложил гусиное перо, — я слышал, что у графа есть некоторые очень любопытные книги. Почему бы тебе не прихватить меня с собой? Мы составим славную парочку, явившись пред светлые очи Робера де Парси: воин и книжный червь, два непревзойдённых мастера своего дела.

Ван Хель засмеялся в ответ и принялся растёгивать пряжки ремней, перетягивавших сапоги.

— Я говорю серьёзно! — возмутился Шарль. — Что вызвало у тебя такой едкий смех? Что за ирония в твоём голосе?

— Ты представляешь, сколько мы будем добираться вдвоём до владений де Парси?

— Чуть дольше, чем ты ехал бы без моего общества.

— Толстяк, на хорошем коне я преодолею это расстояние в два дня.

— Зато со мной ты сможешь провести время в приятных беседах. Да и потом, когда ты подрадишься на службу к этому борову де Парси, тебе потребуется кто-нибудь, чтобы ты не подох там со скуки. Впрочем, я

забыл, что у тебя будет чем занять себя вечерами. Ты же едешь за дамой своего сердца.

— Пожалуй, я поразмыслю над твоими словами. Может, ты и впрямь согласишься для чего-нибудь...

[1] 18–25 ноября 1095 года в Клермоне (южная Франция) под председательством Папы Урбана II состоялся Церковный собор. А 27 ноября Папа выступил на поле около города, под открытым небом с призывом к франкским рыцарям дать обет отвоевать у неверных Гроб Господень в Иерусалиме.

Путники

Декабрь 1095 года

Посреди площади возвышался каменный столб, увенчанный железным распятием. К столбу был прикован цепями грузный мужчина, раздетый по пояс. Он висел лицом к столбу, а ноги его почти касались коленями каменной площадки, из которой этот столб торчал. Два рослых человека в длинных рубахах и толстых кожаных куртках мехом наружу лениво, но сильно хлестали прикованного розгами. Рядом приплясывали двое других: один стучал в барабан, другой играл на рожке. Наказуемый истошно кричал, а собравшаяся толпа, состоявшая в основном из женщин и детей, с интересом наблюдала за публичной поркой.

— Кого наказывают? Что он сделал?

— Делал хлеб из дешёвой муки, а выдавал его за первосортный.

— Жалкий пройдоха хотел выкачать из наших кошельков побольше серебра. Теперь уж ему вовек не забыть нашей благодарности.

Ван Хель прошёл мимо, не обратив на избиение никакого внимания. Он видел много казней на своём веку, его мало интересовали такие зрелища. Зато горожан того времени радовало любое событие. Жизнь была размеренной, скучной, непогода и плохие дороги вынуждали часто отсиживаться дома. Поэтому люди спешили поглазеть на всё что угодно, будь то прибытие гонца, приезд бродячих акробатов, свадьба, драка на площади или же публичная казнь — лишь бы отвлечься от унылых будней.

— Ты имеешь право остаться в городе на три дня, чтобы залечить раны! — рявкнул один из палачей, расстёгивая замок на руках жертвы.

Окровавленное тело тяжело рухнуло на каменные плиты.

— Что, ворюга, плохо тебе? — простуженным голосом спросил какой-то коротышка, протиснувшись сквозь толпу и склонившись над неподвижным телом.

— Проваливай! — рявкнул на коротышку второй палач и даже замахнулся на него розгами. Свободной рукой он бросил на избитого

принадлежащую ему куртку и поманил кого-то пальцем. — Отвезёшь его домой, как распорядился его милость прелат...

Ван Хель свернул в проулок.

— Выливаю! — послышался над головой предупредительный крик, и кто-то выплеснул из окна содержимое ночного горшка.

Ван Хель остановился, дожидаясь, чтобы вонючие брызги благополучно пролетели мимо, и двинулся дальше, ловко перепрыгивая через лужи.

Выйдя на рыночную площадь, он пробрался между лотками и тряпичными навесами, миновал шумное многолюдное пространство и вскоре приблизился к городским воротам, располагавшимся в основании круглой каменной башни, вправо и влево от которой тянулась высокая каменная стена. Деревянный мост, поднимавшийся на ночь над глубоким рвом, сейчас был опущен, и по нему с грохотом катили повозки, ненадолго останавливаясь перед стражниками, проверявшими у возниц разрешение на въезд в город. Под сводами башни было мрачно и душно, затхлый запах нестерпимо бил в нос. Выйдя из ворот за городскую стену, Хель сразу почувствовал, что здесь было значительно холоднее из-за гулявшего на просторах ветра. На каменном мосту сидело с десятков нищих, подложив под себя для тепла охапки сена. В город их не пропускали. По эту сторону стены тоже стояла городская стража, облачённая в начищенные панцири и вооружённая копьями. Со стены за мостом наблюдали лучники, иногда отпуская сверху какие-нибудь грубые шутки в адрес своих товарищей, топтавшихся на каменном мосту. Чуть в стороне от башни с воротами на самом верху стены виднелась нависавшая крохотная кабинка, где стражники справляли нужду. Из-под кабинки тянулся вниз по стене густой тёмный след.

В сотне шагов от моста находилось лобное место. Здесь всегда вилась огромная стая птиц, оглашая окрестности неугомонным криком. Два тёмных тела, облёванные воронами, поворачивались на ветру, скрипя промёрзшими верёвками.

В нескольких минутах ходьбы от города находилась деревня, от которой тянулся терпкий запах навоза. По мере приближения к деревне становился слышен гомон домашних птиц и хрюканье свиней.

— Братец, — окликнул Ван Хель одного из крестьян.

— Слушаю, сударь.

— Подскажи-ка мне, где я могу купить повозку. Самую бесхитростную...

Крестьянин поскрёб себе шею грязными пальцами и неуверенно сказал, что на другом конце деревни у кого-то была телега.

Хель быстро разыскал хозяина, осмотрел товар и заплатил требуемую сумму. Там же он нашёл и подходящего мула и велел хозяину поддержать их у себя.

— Завтра или послезавтра я привезу вещи. Может, это сделает мой приятель. А затем мы избавим тебя как от телеги, так и от этого доходяги-мула. Только не вздумай перепродать всё это кому-нибудь ещё, иначе я отсеку тебе голову. А если ты вычистишь эту колымагу получше, чтобы в ней можно было сидеть, не задыхаясь от навозной вони, и хорошенько наполнишь её соломой, чтобы мы не отбили себе бока, то я прибавлю ещё несколько монет.

— Премного благодарен, ваша милость. — Крестьянин торопливо поклонился несколько раз.

Хель ещё долго бродил по окрестностям, размышляя о чём-то. А по дороге в город он увидел, как из ворот выехали несколько крытых повозок в сопровождении десятка всадников, трое из которых были рыцарями.

«Должно быть, это и есть обоз, направляющийся в замок графа Робера де Парси», — предположил Хель и ускорил шаг, дабы получить возможность взглянуть на повозки вблизи. Однако, как ни старался он, так и не смог разглядеть, была ли там Изабелла...

— Мы приедем к графу де Парси в удачное время, — с удовольствием доложил Толстый Шарль, когда Ван Хель возвратился в его дом.

— О чём ты говоришь?

— Я слышал, что он собирается устроить турнир. Он уже разослал герольдов. Ты сможешь проявить там своё умение, обратить внимание графа на себя. И тогда уж денежки потекут рекой в наши кошельки!

— Для начала раздобудь где-нибудь тачку, чтобы мы могли допереть твой чёртов сундук до нашей телеги.

— Разве ты не пригонишь её сюда?

— А кто мне даст разрешение на проезд в город? Ты полагаешь, что у меня в кошельке позвякивают лишние монеты, чтобы я разбрасывался ими на ненужные бумаги? Нет, братец, мы погрузим сундук на тачку и отвезём его туда. Затем ты вернёшь тачку хозяину, и мы сможем

отправиться в путь.

— Я облачусь в монашескую рясу, как всегда делаю это во время переезда с место на место, — сказал мечтательно Шарль. — Странствующий монах вызывает у людей доверие и участие.

— Вернись на землю, Толстяк, — одёрнул его Ван Хель. — Ты знаешь, где можно добыть тачку? Вот и отправляйся за ней. Это твоя забота.

Шарль недовольно фыркнул.

День их отъезда совпал с торжествами в городе. Накануне перед церковью появились заграждения, от храма до королевского дворца вдоль всей улицы по обе стороны на стенах домов были развешены покрывала, растянуты ткани, на дороге толстым слоем лежала солома.

— Смотри, какое пышное прощание устраивает нам Париж! — засмеялся Ван Хель.

— Ах, если бы это было в нашу честь, — вздохнул Толстый Шарль.

— Похоже, намечается чьё-то крещение? Кто-то из королевской фамилии?

— Я слышал, что у его величества гостит герцог Прованский. Поговаривают, что герцог привёз из Испании иноземную красавицу и хочет взять её в жёны, но она исповедует магометанскую веру. Может, её хотят крестить?

— Всё может быть... Что ж, придётся нам подождать, пока вся эта процессия доберётся до баптистерия[1]. Всюду стражники, нас не пропустят сейчас с нашим скарбом... Ладно, поглазем на это великолепие...

Из дворца двигался кортеж, возглавляемый духовенством со святыми Евангелиями, крестами и хоругвями. Над городом разносились песнопения. За священниками следовал в богатых одеждах король со своей огромной свитой и многочисленной охраной.

— Похоже, я был прав, — сказал Шарль. — Глянь-ка на ту особу. Это Орабль, та самая сарацинка, привезённая герцогом из Испании. Видишь, епископ ведёт её за руку? Это её будут крестить.

Народ толпился возле украшенной лентами и коврами церкви, ожидая приближения процессии.

— Хоть бы разок побывать в обществе этих шикарных господ, —

проговорил Шарль, облизываясь. — А как бы я хотел потрогать ручки и ножки этих благородных дам!

— Ты же монах! — удивился Хель.

— Монах я по одежде, а в душе я философ и искатель истины. Ты же сам требуешь от меня, чтобы я мыслил широко, а как можно рассуждать, скажем, о первородном грехе, ежели не проникнуть в тайны женских прелестей.

— Трепло толстопузое, — засмеялся Ван Хель.

Место, откуда они наблюдали за процессией, находилось довольно далеко от церкви, поэтому видели они немного, а слышали и того меньше. Но когда по окончании службы те немногие из пышной королевской свиты, кто был допущен внутрь, вышли наружу и король произнёс несколько слов, толпа восторженно взревела, замахала руками, вверх полетели шапки. Герцог Прованский отвязал висевший у него на поясе кошелёк и, насыпая в ладонь монет, принялся швырять их в толпу. Народ ринулся подбирать деньги, отталкивая друг друга. Началась давка, поднялся крик, стражники опустили копья и пытались оттеснять толпу, но люди не отступали. Слышались вопли: «Нет, это моё! Не уйду! Убирайся прочь со своим копьём!»

— Вот она, государева щедрость, — почти равнодушно заметил Ван Хель.

— А ведь там непременно раздавят кого-нибудь, — заволновался Шарль. — Из-за презренного металла...

— Что люди ценят превыше всего, из-за того и гибнут, — ответил Ван Хель.

— Ты так спокойно говоришь об этом, — возмутился Толстяк. — Неужели в тебе нет ни капельки сочувствия к этим несчастным?

— Почему я должен сочувствовать им? Смерть бросила им приманку в виде серебряных монет, они с готовностью заглотили эту наживку. Нет, я никогда не сочувствую дуракам.

— Ты называешь тех несчастных дураками?

— Да.

— Они же просто пришли посмотреть на красивых людей.

— Они пришли развлечься и поживиться на дармовщинку. Я таких презираю. Хлеба и зрелищ! Всё это уже было. И всё это будет всегда. Если опыт ничему не учит людей, почему я должен сочувствовать их глупости?..

— Ты слишком суров к людям, — пробурчал Толстяк.

— Суров, но не жесток. У меня есть такое право. Я повидал больше, чем ты можешь себе представить, даже если твоё воображение разыграется не в меру.

— Я бесконечно уважаю тебя, Хель, — сказал Шарль очень печально, — но там, — Толстяк указал на кишашую толпу, — есть и старики. А они тоже кое-что знают о жизни. Ты не настолько стар, чтобы быть мудрее всех.

— Некоторые проживают очень долгую жизнь, но так и не понимают ничего.

— Пусть так. Но всё же нельзя настолько равнодушно взирать на человеческую боль, как это делаешь ты, — с горечью ответил Шарль. — Жизнь даётся нам всего один раз.

Хель усмехнулся.

Они ехали на небольшой телеге, запряжённой стареньким мулом. Единственной их поклажей был сундук Толстяка, где Шарль хранил свои рукописи и несколько имевшихся у него книги. Поверх монашеской рясы Шарль набросил огромный меховой плащ с капюшоном. Ван Хель облачился в короткую кожаную куртку мехом наружу, шерстяные штаны и войлочную шапку. На поясе у него висели два ножа, а на спине он пристроил меч в строгих, но изящных ножнах, потёртый ремень которых тянулся наискось через грудь и придавливал косматый мех куртки. Отправляясь в путь, Хель всегда держал меч за спиной и никогда не пользовался плащом.

Вечером третьего дня они остановились в мрачной деревне и увидели собравшихся перед церковью людей. Только что прошёл дождь, смешанный со снегом, и в воздухе висела сизая муть. На скользких каменных ступенях церквушки стоял сутулый священник в забрызганной грязью рясе и потрясал над головой длинной палкой, на верхнем конце которой была закреплена поперечная перекладина с привязанной к ней линиялой синей тряпкой с нашитым на неё белым крестом, что придавало палке с крестовиной некое сходство с хоругвью. Лицо священника покраснело от холода, губы дрожали, но он не обращал внимания на пробирающий до костей ветер и простуженным

голосом обращался к толпившимся перед ним крестьянам:

— Сыны Божьи! Уж коли обещали мы Господу установить у себя мир и блюсти добросовестно права церкви Христовой, то не можем мы забыть и о главном. Я говорю о Гробе Господнем в Иерусалиме! Отвоевать его — ваша первейшая обязанность! Это дело сегодня — главнейшее для вас, стоящее превыше прочих, на которое вам следует обратить вашу силу и отвагу. Необходимо, чтобы вы как можно быстрее поспешили на выручку вашим братьям, проживающим на Востоке, не дожидаясь, пока орды нечестивцев вторгнутся на нашу землю. В пределы Романии уже вошло персидское племя турок, жадное до христианских земель. Они семикратно одолевали христиан в сражениях, многих поубивали, многих забрали в полон, разрушили наши церкви! И если будете вы долго прозябать в бездействии, придётся вашим братьям по вере пострадать ещё больше. Вот потому и несу вам слово Папы: прошу и умоляю вас, глашатаев Христовых, чтобы вы со всей возможной настойчивостью увещевали людей всякого звания, как конных, так и пеших, как богатых, так и бедных, позаботиться об оказании всяческой поддержки христианам. Изгоните с наших земель нечестивых! Я обращаюсь к присутствующим и поручаю сообщить отсутствующим. Так повелевает Христос! Если кто, отправившись туда, окончит своё житие, пораженный смертью, будь то на сухом пути, или на море, или же в сражении против язычников, отныне да отпустятся ему грехи! Это обещано всем, кто пойдёт в поход, ибо святую нашу Церковь наделил такой милостью сам Господь. О, какой позор, если бы презренное и недостойное племя язычников, служащее дьявольским силам, одолело бы народ, проникнутый верою во всемогущество Божье. О, каким срамом покроет вас Господь, если вы не поможете Ему и тем, то исповедует веру христианскую!

— Какие щедрые посулы, — сплюнул Ван Хель и натянул пониже войлочную шапку.

Стоявший возле него мужчина смачно высморкался в кулак и вытер руку о подол куртки.

— Если и впрямь отпустятся все грехи, то ошибкой будет не отправиться туда, — прошепелявил он.

— Те, кто намерен пойти в поход против неверных, — продолжал священник, — пусть не медлят, но, оставив собственное достояние и собрав необходимые средства, пусть с окончанием этой зимы, уже

весной горячо устремятся по стезе Господней.

— Я готов идти хоть сегодня, святой отец! — не очень громко выкрикнул сморкавшийся. — А ждать до весны мне не с руки, потому что жена совсем измучила своей сварливостью. Впрочем, если вы подкинете несколько монет, чтобы я мог переждать до наступления тепла, то я потерплю.

— Ха-ха-ха! — поддержал его кто-то ещё. — Если нам простятся все грехи, то надо успеть согрешить побольше. А восточные девки, говорят, хороши: горячие и душистые. Дураки мы будем, если не попользуемся ими — всё простится...

Но основная масса собравшихся на площади завывала призывно:

— Смерть нечестивцам! Так хочет Бог!

— Сыны Божьи! — Священник повысил голос. — Пусть ваши сердца воспламенятся жаждой освобождения Гроба Господня, которым ныне владеют и который оскверняют нечестивые! Устремитесь же в святые места! Помните, что Иерусалим — пуп земли, край плодоноснейший по сравнению с другими, земля эта — словно второй рай! Её прославил Икупитель рода человеческого, украсил её своими деяниями, освятил страданием, искупил смертью! Так пойдите же туда и освободите землю святую, оросите её кровью язычников!

— Аминь! — взревели люди. — Так хочет Бог!

Ван Хель с любопытством обернулся на этот рёв и увидел несколько десятков раскрасневшихся лиц, вскинутые над головами кулаки и несколько брошенных в воздух шерстяных шапок.

— Так хочет Бог! Пусть же этот клич станет для вас воинским сигналом, ибо это слово произнесено Богом! — Эта фраза, надрывно произнесённая священником, окончательно потонула в шуме человеческих голосов.

— А теперь не мешало бы прогреть внутренности глотком доброго вина, святой отец! — гаркнули в толпе.

— В храме Божьем всегда найдётся горячительный напиток для верных сынов Христа[2], — закивал священник. Он махнул своим жезлом, и привязанная к палке мокрая тряпка с белым крестом измученно колыхнулась.

Из раскрывшейся двери церкви вышел коренастый монах, он катил перед собой тяжёлую бочку, громяхая ею по каменной кладке. Налитое кровью лицо надулось, когда монах стал сдерживать разогнавшуюся

бочку, дабы она не сорвалась по ступеням вниз. Несколько крестьян бросились вперёд, чтобы помочь монаху управиться с бочкой.

— Пейте, дети мои! — воскликнул священник. — Пейте, радуйтесь и помните, что все едины во грехе, но не всех следует мерить одной мерою!

Народ бойко загомонил и ринулся к бочке, все отпихивали друг друга, норовили стукнуть в глаз и в ухо.

— Терпение, дети мои! — воззвал к ним священник. — Дождитесь, пока мы вынесем чашки...

— Где у вас кузница? — Ван Хель тряхнул за плечо беспрестанно сморкавшегося мужчину. — Мне надо поправить колесо.

— Отправляйтесь чуток вниз по дороге, ваша милость, там и найдёте кузнеца, — по возможности учтиво ответил крестьянин. Несмотря на небогатую одежду Хеля, он намётанным глазом сразу определил по осанке Ван Хеля, что тот не был простолюдином.

Кузнец сидел на лавке возле своей мастерской, набросив на плечи шерстяной плащ, и ковырял металлическим прутom в жирной земле. При входе в кузницу виднелась покосившаяся деревянная фигура Мадонны с младенцем на руках, любовно покрытая яркими красками — лицо светилось бледно-розовым, плащ — синевой, младенец — снежной белизной. Мадонна приветливо улыбалась гостям кукольным лицом и неотрывно наблюдала за ними чёрными крапинками глаз.

— Почему не слушаешь священника, дружище?! — крикнул ему Ван Хель. — Славно у него язык подвешен. Народ уже горит желанием громить неверных.

— У каждого своя стезя, — откликнулся кузнец, говоря медленно, словно взвешивая каждое слово. — Моё место здесь. Надо оружие выковать — сделаю. Надо лошадь подковать — сделаю. Ключ или замок придумать с хитринкой — тоже могу. А кровь пусть другие льют, коли им охота.

— А как же отпущение грехов? Церковь большие обещания даёт.

— Что мне на роду написано, того не избежать, и церковь тут ни при чём. А грехи — отпущены они или нет — никуда от нас не денутся. Отпущенные грехи всё равно грехами остаются. Перед Богом отвечать будем, а не перед Церковью.

— Весело рассуждаешь.

— Жизнь весёлая, — широко оскалился кузнец.

— Колесо посмотришь?

— Чего же не взглянуть. — Кузнец поднялся, и шерстяной плащ мягко соскользнул с него, открыв круглые обнажённые плечи.

— А переночевать тут есть где?

— У меня и заночуйте, сударь, если не брезгуете. — Он указал сильной рукой на приземистый домишко, приютившийся возле кузницы и обнесённый аккуратным деревянным забором

— С удовольствием. — Ван Хель обернулся к Шарлю: — Спрыгивай с телеги, Толстяк. Отдыхать пора.

— Хвала Господу, — забормотал радостно Шарль и, тяжело перевалившись через борт повозки, плюхнулся обеими ногами в глубокую вязкую лужу, и если бы его кожаные боты не были туго перетянуты сверху толстыми ремнями, он наверняка зачерпнул бы изрядную порцию грязи.

— Сколько же нам ещё до владений графа? — спросил Шарль, когда седьмой день их путешествия подходил к концу.

— Ты утверждал, что нам ехать пять дней.

— Мне так говорили...

— Доберёмся до какого-нибудь хутора и там спросим.

— Мы сегодня весь день никого не видели. А эта дорога ведёт неизвестно куда. Мы заблудились!

Было холодно и ветрено. Кое-где в лесу и на дороге виднелись белые пятна снега.

— Я продрог насквозь, — пожаловался Шарль.

— Хорошо, что похолодало. Дорога застыла, грязи нет совсем, — сказал Хель.

— «Хорошо, что похолодало», — передразнил Шарль. — Не понимаю, как ты умеешь обходиться без плаща.

Телега загромыхала, переваливаясь на закоростеневших комьях земли.

— Как бы наше колесо опять не разболталось, — заволновался Толстяк.

— Если бы не твоё жирное пузо, колёса выдержали бы и не такую дорогу, — оглядывая темневший вокруг лес, ответил Ван Хель.

— А не перекусить ли нам? — предложил Толстый Шарль.

— Ты способен думать о чём-нибудь, кроме своего брюха?
— Думать можно о чём угодно, но моё брюхо всё время напоминает о себе настойчивым урчанием...

— Чёрт с тобой.

Ван Хель остановил мула и прыгнул на землю. Расправив плечи, он постоял несколько мгновений, прислушиваясь.

— Что такое? — Шарль вскинул брови.

— Какой-то шум в лесу.

— Далеко ли?

— Далеко, — ответил Хель, продолжая вслушиваться. — Не пойму.

— Мало ли что там... Олени дерутся... Эх, сейчас бы свежей оленины!

Ван Хель кивнул и стал собирать хворост, бросив через плечо:

— Может, ты соизволишь спуститься на эту грешную землю, Толстяк, и поможешь мне развести огонь?

Шарль шумно завздохал и тяжело прыгнул с повозки.

— Не жалеешь ты меня, Хель. Требуешь от меня чего-то и требуешь, а у меня такое слабое здоровье.

— Брюхо твоё надрывает тебе здоровье...

Тут Ван Хель, прижав к груди подобранные ветви, опять прислушался. Беспокоивший его шум стал громче. Хель бросил хворост и вперил взор в лесную чащу. Звуки становились ближе и громче с каждой секундой. Постояв несколько мгновений неподвижно, Ван Хель вдруг круто развернулся и закричал:

— Шарль! Быстро в повозку!

— Что?

— Лезь в повозку! — повторилась команда.

— Зачем? То слазь, то залезь!

— Прячься! Вепрь!

По характеру стремительно нараставшего шума Хель безошибочно определил, что сквозь лесную чащу мчался огромный кабан. Его кто-то гнал. Возможно, шла охота, и затравленный зверь нёсся сквозь заросли напролом. Где-то далеко раздавались людские голоса, гулко расплывавшиеся над лесом.

Шарль торопливо двинулся к повозке, приподняв полы рясы. Когда он уже вскарабкивался на телегу, из леса, громко топая, вырвался гигантский кабан. С его высокой рыжей щетины, стоявшей дыбом на спине и похожей на жёсткую гриву, сыпалась налипшая хвоя и труха

древесной коры. Животное вильнуло, не останавливаясь, и бросилось к телеге, где испуганно встрепетул мул. Судя по сильному запаху навоза, исходившему от кабана, этот зверь устроил себе логово где-нибудь возле деревни близ свинарника в навозной куче, чтобы насладиться теплом. Вероятно, там его и спугнули проезжавшие всадники и начали погоню, заставив зверя броситься наутёк и мчаться напролом сквозь такие заросли, которые для лошадей были непроходимы. Но сейчас, когда на лесной опушке перед очумевшим животным оказалось лишь два человека, кабан решил отыгаться за свой нарушенный покой и метнулся для начала к телеге. Испуганный голос Шарля привлёк его внимание. Вепрь потряхнул своими большими ушами, зычно хрюкнул, словно рывкнул, и ударил могучей головой в колесо. Повозка вздрогнула, и Толстый Шарль едва не вылетел из неё. Мощное тело вепря, покрытое чёрным подшёрстком, было похоже в сумерках на сгусток ожившей тени, невероятно юркий и страшный. Все дикие свиньи весьма неуклюжи, но очень быстры и сильны. Ударив плечом в колесо второй раз, вепрь сломал две деревянные спицы. Шарль не удержался на ногах и рухнул на дно телеги, отчаянно закричав и дёрнув на себя вожжи. Испуганный мул, неуверенно топтавшийся на месте, рванулся вперёд, но уже на втором его шаге повреждённое колесо повозки издало громкий треск и переломилось в обод. Мул бешено забил передними ногами и заревел, стараясь сдвинуть перекосившуюся телегу, но это ему не удалось. Зато рассвирепевший кабан теперь направил всю свою силу против несчастного мула, лишённого возможности спастись бегством от ярости обезумевшего зверя. Длинные и чрезвычайно острые бивни вепря с лёгкостью вспороли мулу брюхо, вытаскивая наружу кишки. Кабан, словно выплёскивая свою ненависть на всё, что имело отношение к человеку, снова и снова ударял запряжённое животное, которое пыталось лягаться, но копыта его лишь один раз слегка задели кабана.

С момента появления вепря на опушке прошло не больше минуты, но для Шарля это время вытянулось в вечность. Увидев, что Шарлю угрожает серьёзная опасность, Ван Хель решил, что надо действовать, и выхватил меч, лежавший в закреплённых на спине ножнах. Примериваясь, как удобнее подступить к метавшемуся назад и вперёд грозному зверю, он сделал несколько шагов по направлению к завалившейся набок телеге и остановился.

В следующее мгновение вепрь увидел его и, не замедляя своих движений, молниеносно повернулся и бросился на нового врага. Кабану оставалось сделать последний рывок, чтобы свалить стоявшего перед ним человека, когда тот внезапно подпрыгнул, сделал переворот через голову и в прыжке рассёк могучую кабанью холку. Зверь оглушительно завизжал, остановился на несколько секунд, дико мотая головой и разбрызгивая вокруг себя кровь, затем опять сорвался с места и ринулся на человека. В этот раз Ван Хель лишь немного отпрянул в сторону, присел и, стремительно опустив руку почти к самой земле, подскочил мечом переднюю ногу кабана. Тот споткнулся, кубарем покатился по мягкому мху, попытался подняться, ткнулся тяжёлой мордой в камень, но всё же заставил себя развернуться и прыгнуть к человеку, свирепо хрипя. Хель ловко отстранился и очередным ударом отсёк вторую переднюю ногу вепрю.

— Разрази меня гром! — раздался за спиной Ван Хеля изумлённый голос.

Секундой раньше Хель уже увидел появившегося на лесной опушке всадника с копьём в руке. И в тот момент когда кабан рухнул на бок, обливаясь кровью, дёргая крепкими задними ногами и бешено вертя большими ушами, ему в сердце вонзилось длинное копьё.

— Разрази меня гром, — почти выкрикнул всадник, — но вы справились с этим дьяволом без меня! И как! Без коня, без копия! Клянусь святым Георгием, вы — настоящий мастер. Ничего подобного мне не доводилось видеть в жизни...

Всадника переполняли эмоции, он не мог подобрать нужных слов, чтобы выразить своё восхищение.

— Где вы научились так владеть мечом? А ваш прыжок! Такое под силу только акробату!

— Пустяки, мессир. — Ван Хель скромно улыбнулся и вытер лезвие меча пучком сорванного мха.

— Ваше платье не отличается блеском, сударь, и мне трудно судить о вашем положении, — проговорил всадник, — но ваше умение владеть мечом да и ваша ловкость, столь изумившие меня, свидетельствуют о том, что вы принадлежите к рыцарскому сословию. Простолюдину не доступно такое мастерство. Кто вы?

— Признаюсь, мессир, что ни в Британии, ни во Франции, ни в Италии никто не посвящал меня в рыцари, — сказал Ван Хель. —

Но в далёком восточном царстве я был усыновлён тамошним государем и с тех пор ношу громкое имя древнейшей династии Ван. А этот меч, — он плавно махнул обнажённым оружием перед собой, и блеснувшее лезвие издало мягкий свист, рассекая вечерний воздух, — выковал для меня лучший оружейник королевства. Там я был удостоен почестей, какие оказывались разве что самому императору. Так что, мессир, если вас не смущает мой скромный наряд, вы можете разговаривать со мной, как равный с равным.

— Ваше имя?

— Винсент Эктор Ван Хель, прозванный Непобедимым.

— Барон де Белен. — Всадник в ответ сделал утиный поклон в седле.

В ту минуту раздававшиеся в лесу голоса и конский топот внезапно сделались громкими, и из зарослей наконец появились одним за другим всадники — всего десятка полтора. Одним из первых на опушку выехал человек в чёрно-красном костюме, расшитом золотом. В руке он держал копьё. Его голова спереди была абсолютно лысой и блестела выступившими каплями пота, сзади же, от затылка, спускались длинные чёрные волосы. Вероятно, его тёплый головной убор сорвался с головы во время погони за вепрем. Сейчас его волосы были взлохмачены от быстрой езды и придавали их владельцу демонический вид. Рыхлые щёки всадника подёргивались, тонкие нервные губы пересохли и раскрылись, жадно глотая холодный воздух. Мелкие зубы добавляли к блестящему черепу тот незначительный штришок, за счёт которого облик человека делался поистине отталкивающим.

С первого взгляда Ван Хель понял, что перед ним был граф де Парси.

— Чёрт возьми, барон, вы всё-таки опередили меня! — с досадой обратился граф к барону де Белену, и его горячее дыхание вырвалось изо рта облаком пара. — А крови-то пустили кабану! Крови-то! На куски вы его, что ли, успели порубить?

— Ваша светлость, вынужден признать, что вепрь пал не от моей руки. Я лишь добил его ударом копья.

— Кто же разделался с этой огромной тварью?

Барон указал свободной рукой на Ван Хеля и пояснил:

— Слава в убийстве этого зверя по праву принадлежит мессире Ван Хелю, ваша светлость.

Граф перевёл горящие глаза на Ван Хеля и словно впервые заметил его, хотя стройная фигура Ван Хеля сразу бросилась ему в глаза,

привлекли внимание и торчавший из-за спины меч и гордо вскинутая голова. Но одет этот человек был столь непритязательно, что граф, выехав со свитой на опушку, не удостоил его даже беглого взгляда.

— Мессир? — переспросил он с откровенным удивлением и перевёл взгляд на опрокинутую повозку. — Это ваше, чёрт возьми... ваше имущество?

Граф объехал повозку вокруг и потыкал древком копыа умиравшего мула.

— И даже свой собственный пастырь, — усмехнулся он, разглядывая перепуганного Шарля, скорчившегося в глубине телеги.

Затем он остановился перед Ван Хелем, подъехав к нему почти вплотную, и спросил:

— Вы что же, сударь, не на коне были, когда разделались с вепрем?

— Нет, ваша светлость, — подняв голову и стараясь смотреть графу в глаза, ответил Хель. — Я намеревался собрать хворост, чтобы погреться у костра, и тут появился кабан.

— Ваша светлость, — вступил в разговор барон, — я видел, как это произошло, и осмелюсь сказать, что ничего подобного мне не приходилось созерцать прежде. Это было великолепно! Какое мастерство! Словами не передать! Думаю, что никто из ваших рыцарей не умеет обращаться с оружием так искусно. Мессир Ван Хель — настоящий виртуоз!

— Вы поёте словно соловей, барон, — недовольно хмыкнул граф де Парси и опять посмотрел на того, кто вырвал у него из-под носа охотничью славу. — Значит, вы убили его мечом?

— Да, ваша светлость.

— Кхм, кхм... Но этот кабан из моего леса.

— У меня и в мыслях не было охотиться на него, — скупно улыбнулся Ван Хель. — Я лишь защищался, ваша светлость. К сожалению, я немного опоздал и не сумел спасти нашего мула. Теперь у него вылезают кишки и нам не на чем ехать дальше. Зато у нас появилась возможность полакомиться кониной.

— Думаю, что вы заслужили полное право полакомиться лучшими кусками этого кабана, — опять включился в разговор де Белен. — Надеюсь, вы не откажетесь провести вечер в нашем обществе?

Ван Хель молча опустил голову в почтительном поклоне.

Граф недовольно стрельнул глазами в сторону барона, дёрнул щекой

и, тронув коня, поманил де Белена за собой. Всё это время остальная свита не проронила ни слова, только лошади громко всхрапывали, наполняя холодный воздух клубами горячего пара, и били копытами о землю.

— Барон, вы уже несколько раз назвали этого человека мессиром, — полушёпотом сказал граф. — Разве он благородного происхождения?

— Он принадлежит к императорской семье какого-то далёкого восточного царства Ван. Этот человек не простой, ваша светлость.

— Не простой? Не простолюдин, хотите сказать вы?

— Не простолюдин и совсем не простой. Он особенный, уверяю вас. Нам следует взять его с собой в замок. Убеждён, что он вам будет полезен.

Граф долго молчал.

— Что ж это за королевство такое? Как вы назвали его? Ван?

— Так он назвал королевский род, к которому принадлежит.

— Королевский род? — фыркнул граф де Парси. — Если судить по его одежке, то он просто бродячий наёмник.

— Даже если бы он был безродным воином, ваша светлость, такой человек для вашей свиты — редчайшая находка, клянусь святым Георгием!

— Найдка? Вы говорите о нём только в превосходной степени.

— Он владеет мечом, как если бы его рукой водил сам Сатана!

— Чёрт возьми, чем же он покори́л вас, барон?

— Предложите ему участвовать в турнире, и вы увидите сами.

— В турнире?.. А почему бы и нет?

— До турнира ещё почти месяц, ваша светлость. Вы вполне успеете сблизиться с мессиром Ван Хелем и к началу турнира с уверенностью сможете объявить его вашим почётным гостем.

— Что ж, — задумчиво проговорил граф, — коли вы так настойчивы в своём желании ввести сомнительного незнакомца в наше общество... Да будет по-вашему. Но имейте в виду, — де Парси хищно оттопырил верхнюю губу и показал жёлтые зубы, — я возлагаю на вас всю ответственность за эту подозрительную затею, барон. Пусть для начала он появится в моём доме в качестве вашего гостя, а не моего. Дальше посмотрим.

Де Белен низко склонил голову:

— Вы как всегда мудры, ваша светлость.

Барон прекрасно знал врождённое чувство осторожности графа, доходившее порой до болезненной подозрительности. Однако в этот раз, к его удивлению, Робер де Парси согласился невероятно быстро. Видно, он был заинтригован жадным стремлением барона сблизиться с незнакомцем.

— Господа, — де Белен вернулся к Ван Хелю и Толстому Шарлю, — я повторяю моё приглашение. Согласитесь ли вы провести нынешний вечер во владениях его светлости графа Робера де Парси в качестве моих гостей?

— С удовольствием! — гаркнул Шарль, успев прийти в себя после внезапной и бешеной атаки вепря. — Признаться, по моему брюху уже давно раскатывается голодное эхо.

— Как зовут вашего спутника? — спросил барон у Ван Хеля.

— Это брат Шарль, странствующий монах и составитель всевозможных документов. Некоторым он известен как Толстяк. Он сочиняет поэмы и пишет семейные хроники для знатных родов, — важно проговорил Ван Хель, стараясь придать максимум веса своим словам. — Брат Шарль пользуется неизменным уважением среди многих благородных господ.

— Ты занимаешься написанием хроник? — заинтересовался граф.

Шарль Толстяк попытался смиренно поклониться, но не устоял на перекосившейся повозке и сорвался вниз. Дружный хохот рыцарей огласил опушку.

— С вашего позволения, я пишу всё, что угодно благородным господам, и оформляю тексты множеством рисунков, кои оживляют книгу и придают ей красоту и неповторимость, — поспешил похвалить себя Толстяк. — Если вашей светлости интересно, я могу хоть сейчас вскрыть мой сундук и продемонстрировать вам мои таланты.

— У меня будет для тебя работа, — громко сказал граф де Парси, вдоволь насмеявшись. — Что ж, пожалуй, сегодняшний день на редкость удачен. Разделайте кабана, — велел он кому-то из свиты, — и отправляйтесь в замок.

— Ваша светлость, — позвал Шарль, молитвенно сложив руки на груди. — А как же мне донести мои вещи? Повозка сломалась, несчастный мул издох!

Граф не обратил внимания на этот призыв о помощи, зато барон де Белен вновь вернулся к опрокинутой телеге.

— Я пришлю за вами людей... Что у вас за груз?

— Книги и рукописи. Другим богатством я себя не обременяю.

— За вами приедет мой оруженосец с вьючными лошадьми. Через пару часов он будет здесь. Отсюда до замка его светлости подать рукой, так что скоро вам представится возможность уютно устроиться за обеденным столом и выпить доброго вина.

— Буду молить пресвятую Деву о вашем вечном здравии, мессир! — благоговейно воскликнул Шарль.

— Лучше уж ты напиши историю о моей встрече с мессиром Ван Хелем. Наша встреча должна стать достоянием рыцарских хроник. — Барон де Белен оскалится. — Как видишь, у меня тоже есть для тебя работа, брат Шарль. И обычно я бываю более щедр, чем его светлость. Учти это...

Шумное застолье быстро утомило Ван Хеля. Рыцари успели сильно опьянеть, некоторые спали, уткнувшись головой в блюдо, другие вытянулись на скамьях, покрытых коврами и подушками, кое-кто продолжал лениво, без аппетита, пережёвывать мясо, остальные перебрасывались пустыми фразами, вовсе не слушая друг друга и скукаясь смотрели на плясавших в центре зала шутов, приехавших в замок графа дней пять назад. Ван Хель вышел из-за стола и спросил у прислужника, где могли находиться покои женщин, занимавшихся вышивкой.

— Ступайте вниз по лестнице, господин. Внизу пойдите по коридору до конца. Там минуете охотничий зал, а после него снова будет коридор. Вот где-то в тех краях и должны быть комнаты мастериц...

Изабеллу он увидел в охотничьем зале. Она в задумчивости стояла перед огромной головой лося, висевшей на стене, и, похоже, была зачарована размахом его невероятно больших ветвистых рогов. Она была в мягкой голубой рубаше до пола, поверх которой была надета тёмно-синяя далматика[3]; небольшое лёгкое покрывало одного цвета с далматикой окутывало её голову и ниспадало на плечи.

— Изабелла, — негромко позвал Хель, — любовь моя!

Девушка медленно обернулась. Несколько мгновений она вглядывалась в сумрак зала, затем лицо её озарилось счастьем.

— Милый Ванхель! Неужели это вы? Сердце моё, душа моя! — Она бросилась к нему и прильнула головой к его груди.

— Изабелла, дорогая, как вы?

— Совсем извелась. Я уже думала, что никогда не увижу вас.

— Прошло не так много времени.

— Для меня это была целая вечность!

— Поверьте, вечность сильно отличается от семи дней нашей разлуки.

— Я боялась... Боялась, что вы не приедете сюда... не сможете... Эта мысль пугала меня пуще смерти.

— Смерти нет, любовь моя...

— Её не будет, если только мы заслужим жизнь вечную нашей праведной жизнью, — поправила его Изабелла.

— Смерти нет, — повторил Хель, глядя девушку по голове, — есть только безумно сильный страх перед ней... Но не будем спорить об этом, — поспешил сказать он, увидев, что Изабелла шевельнула красивыми губами, чтобы возразить ему. — Как вам тут живётся? Хорошо ли вас устроили?

— Очень уютно. Разве что здесь гораздо скучнее, чем в городе. И стены эти каменные нагоняют тоску... Зато скоро будет рыцарский турнир! Все здешние уверяют, что ради такого блестящего праздника можно провести в ожидании хоть целый год!.. Ванхель, пойдёмте, я покажу вам мою скромную обитель.

Она потянула его за собой, радуясь его присутствию, как малый ребёнок любимой игрушке.

— Сюда. — Она завела его в небольшую комнату, стены которой были сплошь увешаны шкурами зверей. В стене напротив двери располагался камин, в нём пылал огонь. Справа от входа громоздилась мощная дубовая кровать, накрытая пуховым одеялом и пледом из сшитых звериных шкур. Возле кровати примостилась тумбочка со всевозможными баночками и флаконами, без которых немислим женский туалет. Прямо за тумбочкой возвышался деревянный шкаф. Посреди комнаты стояла большая деревянная рама с натянутым на ней полотном.

— Здесь вы занимаетесь вышиванием? — спросил Хель.

— Пока ещё только обживаюсь, ведь я приехала всего позавчера вечером. Но для работы всё уже готово. Если захочу, могу вообще

не выходить отсюда. Мне будут приносить сюда кушанье.

Он обошёл комнатку по периметру и остановился перед тумбочкой. Его взгляд задержался на раскрытом резном ларце.

— Изабелла, что это? — Хель подцепил пальцем кожаный шнурок, на котором была подвешена крохотная деревянная куколка: обнажённая женская фигурка с поднятыми и сложенными над головой руками. — Откуда это у вас?

— Матушка передала мне перед своей смертью, — пояснила девушка. — Она сказала мне по секрету, что эта деревянная фигурка очень необычна.

— Что ещё сказала она?

— Что это амулет и что давным-давно он принадлежал какому-то очень знатному человеку. — Изабелла неуверенно пожала плечами. — Только я не знаю, кому именно.

— Как же он попал к вашей родительнице?

— От её матушки, а та получила его от своей... Это родовой амулет. Только теперь такую вещицу нельзя носить на теле, потому что она языческая. Но мне было велено хранить её и никогда не расставаться с этим амулетом, хоть он и пришёл из варварских времён.

— Так вы, моя милая Изабелла, оказывается, происходите...

— От кого? — жадно спросила она.

— Вы слышали о знаменитом короле Артуре?

— Сейчас бродячие артисты всюду поют о нём песни.

— Так вот знайте: этот амулет принадлежал ему.

— Не может быть!

— Поверьте мне. — Хель вытянул перед собой руку, и деревянная фигурка легонько закачалась, повиснув на шнурке.

— Откуда вы знаете?

— Я много чего знаю... Вы когда-нибудь внимательно разглядывали эту вещицу?

— Нет.

— Тогда посмотрите. У неё снизу, на кончике ноги есть маленькая выбоина. Это след от ударившей стрелы.

Девушка рывком поднесла амулет к глазам.

— Верно, вот вмятина... Откуда же вы знаете об этом? Надо очень хорошо взглянуть, чтобы увидеть это повреждение, а вы сразу углядели...

— Эта фигурка сделала из дерева, которое древние валлийцы называли каменным деревом. Его долго вымачивали, затем долго коптели над огнём, снова выдерживали в специальном растворе, и оно становилось крепким, как камень. Обычное дерево от удара стрелы разлетелось бы вдребезги.

— Вы видели этот амулет раньше? — догадалась Изабелла и тут же отрицательно покачала головой. — Нет, исключено. Мама не показывала эту вещь посторонним. И я тоже... Откуда же вы знаете?

— Есть очень осведомлённые люди. Также есть древние хроники, описывающие самые разные события.

— Вы слышали про этот амулет! — поняла девушка. — Слышали про этот случай со стрелой! Я верно угадала?

Он улыбнулся и кивнул.

— Значит, поэмы про короля Артура — не измышления? — спросила она. — Все эти баллады рассказывают правду?

— Песни и баллады нагло лгут, дорогая.

— Песни врут, но король Артур не выдуман, раз вы знаете про эту вещичку. — Изабелла поднесла к лицу деревянную фигурку. — А Мордред и прекрасная Гвиневера? Они были?

— Да, все они были: Артур, Мордред и Маэль, выведенный в нынешних французских стихах под именем Ланселот. И между этими мужчинами пропастью пролегла вражда из-за любви к Гвиневере...

[1] Б а п т и с т е р и й — просторный круглый зал (иногда квадратный), в центре которого выкапывали широкий бассейн (иногда с богатой мозаичной кладкой на полу на римский манер), где и происходило крещение святой водой. К концу одиннадцатого века баптистерии почти повсеместно были вытеснены каменными купелями.

[2] «Приходские церкви были центрами не только религиозной деятельности, в них в немалой степени протекала и гражданская жизнь. В церкви заключались сделки, устраивались пиры, их помещения могли быть использованы для хранения зерна, торговли, служили аренами для игр и борьбы. Священник, содержащий таверну, варил пиво в помещении церкви. Даже праздники, не лишённые языческого характера, иногда справляли в церковных дворах... Таким образом приходская церковь привлекала народ по многим и самым разным причинам» (Гуревич А. Я. «Проблемы средневековой народной культуры»).

[3] Д а л м а т и к а — туника средней длины с короткими прямыми рукавами, чаще всего из плотной ткани.

Гвиневера

Сентябрь 470 года

Вечерело. Высокий седовласый человек в серой тунике из грубой шерсти опирался на ясеновый посох и неторопливо пересекал усыпанный соломой двор, направляясь к воротам. Через каменную ограду вокруг монастыря Святой Крови Господней можно было без особого труда перебраться, ибо это была отнюдь не крепостная стена. Не очень аккуратно сложенная из плоских камней, она достигала лишь уровня груди человека среднего роста. Дорога в монастырь пролежала через каменную арку, украшенную могучим крестом наверху и запертую деревянными воротами.

Разгорячённые кони всхрапывали, топчась перед воротами, всадники в красных плащах посмеивались и негромко переговаривались.

— Храни вас Господь, — проговорил старик, остановившись возле ограды и устремив взор в лицо всаднику, лоб которого был покрыт жирной синей краской. Многие мужчины, следуя древней традиции, раскрашивали себя, отправляясь в походы, но среди христиан этот обычай встречался всё реже и реже, потому настоятель сразу решил, что перед ним кто-то из сторонников Человека-Медведя, продолжавших поклоняться языческим богам.

— Ты здешний настоятель? — громко спросил человек с раскрашенным лбом. Он был молод и строг. — Приветствую тебя.

— Да будете хранимы и все вы именем Христа...

— Меня зовут Маэль Длинное Копьё, — запальчиво отозвался юноша. — Я послан Артуром, чтобы сопровождать его супругу Гвиневеру в Дом Круглого Стола. Мы договорились, что она будет ждать нашего приезда в этом монастыре. Здесь ли уже госпожа?

— Милостью Божьей благословенная дочь благородного Лодеграна благополучно достигла стен нашей обители и сейчас проводит время в молитве.

— Тогда открывай ворота, — приказал Маэль. — Мои люди устали и нуждаются в коротком сне. Есть ли чем накормить лошадей?

Пока продолжался этот разговор, из каменной часовни показались два монаха. Повинуясь знаку настоятеля, они почти бегом направились к воротам и сняли с крючьев тяжёлый засов.

Отряд сразу же ворвался на территорию обители, нарушив умиротворённую тишину гиканьем и топотом. Неуёмная энергия всадников была через край. Казалось, что даже резные каменные кельтские кресты, величественно возвышавшиеся перед входом в церковь, сразу утратили часть своей строгости.

Территория монастыря была невелика, но там уместилось два жилых деревянных дома с высокими двускатными крышами, каменная церковь с часовней, конюшня, свинарник, хлев и кладбище на заднем дворе. Увидев две повозки с балдахинами из оленьих шкур, Маэль догадался, что это были экипажи Гвиневеры и её свиты. Навстречу приехавшим из ближайшего дома высыпало человек десять, вооружённых мечами.

— Вы сопровождаете госпожу Гвиневеру? — спросил Маэль, всё ещё оставаясь в седле.

— Да.

— Ты старший? — продолжал расспрашивать Маэль всё тем же командным тоном. — Как тебя звать?

— Труйт Лесной Камень.

— А я — Маэль Длинное Копьё.

— Много слышан о тебе. — Труйт шагнул вперёд и протянул руку. Ему было лет тридцать, тёмные глаза его смотрели уверенно и чуть насмешливо. Маэль соскочил с коня и пожал руку Труйта, рядом с Труйтом он выглядел совсем мальчишкой.

— Проводи меня к госпоже, — велел Маэль.

— Сейчас она молится... Надо подождать, нельзя сейчас тревожить её...

— Подождём, — согласился Маэль. Он давно заметил, что христиане истово отдавались чтению молитв. Он не понимал этого, но уважал их религиозность. Несмотря на свою молодость и воинственный нрав, он трепетно относился к любым священнодействиям и даже во время набегов никогда не осквернял алтарей и никогда не поднимал руку на христианских священников, хотя они всегда напоминали ему назойливых мух и порой вели себя довольно агрессивно по отношению

к иноверцам. — Сегодня мы отдохнём, а наутро тронемся в путь. Ты поедешь с нами, Труйт, или отправишься назад? Здесь начинается земля Круглого Стола, так что, присоединившись к нам, тебе придётся подчиняться мне.

— Как прикажет моя госпожа, — спокойно ответил Труйт.

— Лучше держаться вместе, — предложил Маэль, поглядев на угасавшее небо. — Я видел следы всадников. Отряд в пятнадцать человек, но не знаю, кто это. Со мной двадцать воинов, это лучшие мои люди.

— Со мной тоже два десятка человек. Думаю, мы справимся с любым противником...

Из часовни вышла Гвиневера. Под распахнувшимся пурпурным плащом, сцепленным на груди крупной серебряной заколкой, виднелась ярко-красная туника, расшитая по нижнему краю широким золотым позументом. На голове у Гвиневеры лежало тонкое белое покрывало, прижатое к волосам тонким золотым венцом. Она выглядела очень юной, почти девочкой. Остановившись на пороге часовни, она обвела глазами монастырский двор, оценивая перемены, связанные с появлением отряда Маэля, и сказала что-то негромко следовавшей за ней женщине.

Увидев Гвиневеру, Труйт поклонился. Маэль стоял неподвижно и как замороженный смотрел на неё.

«Она явилась сюда прямо из страны фей. Не знай я, что она — дочь Лодеграна, я принял бы её за сказочное существо. Какое дивное лицо... Мой повелитель пользуется особым расположением богов, раз получил в жёны такую женщину».

Маэль тряхнул головой, отгоняя от себя чары, и быстро направился к Гвиневере, забросив плащ на плечо. Остановившись перед ней в двух шагах, он приложил руку к груди. Гвиневера ответила ему лёгким наклоном головы. На её совсем ещё детском лице появилось любопытство.

— Приветствую тебя, моя госпожа. — Он заговорил на латыни, желая проявить свою образованность.

— Кто ты? — Она тоже ответила на латыни. У неё был нежный и певучий голос, от звука которого сердце Маэля восторженно задрожало.

— Меня зовут Маэль. Меня прислал Артур.

— Маэль? — Она внимательно оглядела стоявшего перед ней молодого человека. Ему было едва больше двадцати. Его синие, одного цвета с краской на лбу, глаза смотрели твёрдо, на тонких губах трепетала тень смущённой улыбки. — Не тот ли ты самый Маэль, снискавший громкую славу многими победами?

— К твоим услугам, госпожа. — Маэль опять почтительно склонил голову.

— Тебя называют самым верным слугой Артура. — Гвиневера перешла на родной язык.

— Я присягнул Артуру на верность, как если бы он был вледигом. — Юноша гордо расправил плечи. — Мне жаль, что Артур отказывается стать государем. Он — величайший из вождей. Если бы ему была подвластна вся Британия, то здесь давно воцарился бы порядок. Сейчас это понимают многие, поэтому вокруг Круглого Стола собираются новые и новые вожди.

Девушка поманила его к себе.

— Я бы хотела, чтобы у меня был такой же верный слуга.

— Готов сию же минуту доказать тебе мою преданность, прекрасная госпожа! — пылко воскликнул юноша. — По дороге сюда я видел следы чужого отряда. Вели мне сейчас же отправиться на их поиски и принести их головы — и помчусь немедленно!

— Мне не нужны ничьи головы. — Гвиневера опустила глаза. — Мне не нужна ничья кровь. Я лишь спросила о верности.

— Слуга навеки! — Он низко склонил голову, и его длинные светлые волосы шевельнулись тяжёлой копной.

— В трапезной уже накрыт стол, — сказала Гвиневера. — Ты разделишь со мной ужин?

— Если ты так велишь, госпожа.

— Расскажи мне об Артуре, — попросила она, когда они вошли под каменные своды зала. — После свадебного пира я уже считаюсь его женой, но я ничего не знаю о нём.

— Артур рождён для побед. Он — лучший из людей.

— Чем же он заслужил такую любовь с твоей стороны?

— Он справедлив, отважен, честен.

— Чересчур много достоинств для одного человека, — проговорила она вполголоса. — Когда мы сидели за столом рука об руку, он показался мне угрюмым. Мне было бы трудно жить с человеком, сердце которого

лишено радостей. Он всегда суров? Или на его лице иногда появляется улыбка?

— Ему свойственно всё, что свойственно каждому из нас, моя госпожа.

Они остановились перед массивным столом из тёмного дерева, и возле них сразу появился невысокий щуплый человек в монашеском облачении.

— Это отец Герайнт, он сопровождает меня, — объяснила Гвиневера.

— Вознесём же благодарения Господу Превечному, Спасителю нашему, — пробормотал монах, сцепив на груди костлявые руки и переплетя пальцы.

Гвиневера повернулась к отступившему от неё на пару шагов Маэлю.

— Ты не носишь креста? — спросила она.

— Нет... Не стану и мешать вам. Я вернусь чуть позже. — Он кивнул и вышел за дверь.

— Праведен Господь во всех путях своих, — донеслись до него слова монаха.

Некоторое время он стоял на крыльце и наблюдал за тем, как его люди занимались лошадьми и разводили костры. Краски на небе совсем растаяли...

Когда он вернулся в трапезную, там горели факелы; естественного освещения, проникавшего в крохотное окошко, уже не хватало. Маэль задержался в двери, разглядывая Гвиневеру со спины. На мгновение ему почудилось, что воздух вокруг девушки пронизал лёгким сиянием.

«Что это? — оторопел Маэль. — Кто она? Что за чудесное создание? Она излучает тепло! Даже отсюда я чувствую его. Она нежна, как... нежна, как майский цветок...»

Маэль никогда не отличался мягкостью нрава, никогда не испытывал необходимости приласкаться к кому-нибудь, разве что в раннем детстве любил положить голову на колени матери. Выросший в среде воинов, он превыше всего ценил безрассудную доблесть и отвагу. В чужой жизни он ценил только силу, которую надо было сломить или которой следовало покориться самому. Потому его немало изумило и смутило возникшее в нём чувство нежного влечения к Гвиневере. Его потянуло к ней, захотелось поднять её на руки, как ребёнка, и убаюкать.

«Что со мной? — Он почти испуганно осмотрел себя и шевельнул руками, дабы убедиться, что он по-прежнему ощущает крепость

и эластичность своего тела. — Нет, я не сплю. Но тогда что происходит? Уж не околдован ли я? Однажды я видел, как Мерддин одним только взглядом укротил сошедшего с ума человека, поставил его на колени и затем усыпил. Не обладает ли Гвиневера таким же даром?»

Он осторожно сделал шаг вперёд, пытаясь преодолеть охватившее его смятение.

Ещё шаг...

Гвиневера стала ближе, и его сердце забилося сильнее.

«Может, это просто женские чары? Может, она прибегает к какому-нибудь колдовству, чтобы подчинять себе мужчин? Я слышал, что некоторые девицы пьют специальный отвар, чтобы их тело манило мужчин... Но тогда бы меня не терзало смущение. Хотеть женщину — что может быть обычнее! Однако я весь дрожу, смотря на неё. Тут дело не в желании... Вот она передо мной, я вижу её хрупкие плечи, спину, затылок. И я наполняюсь слабостью... Что со мной? Может, на меня так дурно влияет этот христианский храм? Но мне уже приходилось ночевать в монастыре, ничего плохого со мной не происходило...»

Гвиневера медленно повернулась, словно уловив на себе его взор, и одарила его долгим взглядом:

— Почему ты не садишься за стол?

Он молча кивнул и быстро подошёл к ней.

— Госпожа, мне кажется, что я не голоден.

При свете факелов его лицо, покрытое синей краской, было страшным.

— Ты так и будешь ходить с вайдой[1] на лбу?

Он провёл ладонью по лбу.

— Зачем ты в краске? — спросила девушка. — Ты не на войне сейчас. Смой её, она пугает меня. Я не люблю этого варварства...

Он покорно кивнул и попятился к двери.

— Госпожа, — прошептала служанка, склонившись к её плечу, — ты покорила этого юношу. Он смирнее овцы. А ведь он — один из самых, как говорят, свирепых и сильных воинов Артура.

— Да смилуется над ним Пречистая Дева, — тихо произнесла Гвиневера. — Но доколе же будут мужчины похваляться кровавым беззаконием?

— Так устроен мир, госпожа, — раздался с противоположного конца стола голос отца Герайнта. — Так задумал Господь, и не нам судить

о замыслах его.

— Он очень красив, — опять зашептала служанка, не отрывая глаз от двери, за которой скрылся Маэль. — Даже индиго на его лице не может испортить этой красоты.

— Какое мне дело до этого? — так же шёпотом удивилась Гвиневера.

— Я просто подумала, госпожа, что было бы приятно завести себе такого дружка, — хихикнула служанка.

— Твоя голова забита только мыслями о мужчинах, — строго ответила Гвиневера.

— Ничего не могу поделаться с собой, потому как знаю, насколько приятны их объятия...

— Ты хуже вавилонской блудницы, — проворчал беззлобно Герайнт. — Придёт час, и с тебя спросится.

— Я усердно замаливаю грехи...

Гвиневера смиренно приняла решение отца выдать её за Артура, хотя основатель Круглого Стола был вдвое старше и ничем не тронул её сердце. «Такова воля Господа. Знать, не суждено мне познать любви», — решила девушка и покорилась судьбе, хотя всё её существо протестовало против этого брака. Она была юна и знала мужчин только с одной стороны: все они были для неё беспощадными рубками, единственный смысл жизни которых составляла война. Она видела, как мужчины возвращались из походов, грязные, израненные, но довольные собой. Она видела животный оскал на лицах воинов и никогда не видела мягкости в их глазах. Лишь после того как деревенская девушка Лейла, с которой она иногда ходила купаться на реку, рассказала ей о своём возлюбленном Кае, в Гвиневере зародилась надежда. «Лейла утверждает, что Кай необычайно нежен и любит её больше всего на свете. Значит, есть всё-таки любовь, есть радость и счастье, — твердила она себе, мысленно возвращаясь к разговорам с Лейлой. — И мне тоже должен встретиться человек, которого я люблю. Я тоже имею право на счастье».

Но жизнь вела свою игру, и мужем Гвиневеры стал Артур — крепкий широкоплечий мужчина, прошедший сквозь множество баталий, к которому она не испытывала никаких тёплых чувств. Человек-

Медведь — так называли его в народе. В его внешности и впрямь было что-то медвежье. Это необъяснимое сходство Артура с косматым хищником сразу бросилось в глаза девушке и пробудило в ней тревогу. Не о таком муже мечтала она.

Вдобавок девушка была христианкой, Артур же продолжал молиться древним кельтским богам, и это было главным, что отдаляло её от мужа.

— Могу ли я считать его моим законным супругом? — спросила она настоятеля монастыря, оставшись с ним наедине. — Угоден ли наш брак Господу? Не согрешу ли я, разделив ложе с язычником? Не погублю ли я душу мою?

— Сказано: «Сберёгший душу свою потеряет её, а потерявший душу свою ради Меня, сбережёт её». Дочь моя, — ответил старик задумчиво, — неведомы нам замыслы Небес. Про Артура я слышал всякое: дурное и хорошее. Многие из тех, кто принял нашу веру, продолжают вести прежнюю жизнь, полную греха, оставаясь в сердцах своих язычниками: вино пьют без устали и на ратных делах кровью умываются с наслаждением. Есть ли в их сердцах Христос? Была бы твоя жизнь праведной, стань ты женой такого вледи́га? Нет, всё не так просто, как нам бы того хотелось. Бог посылает нам испытания множественные, проверяет крепость нашей веры. И ты стала женой Человека-Медведя для того, может, чтобы и его привести в лоно Церкви. Быть женой Артура — твой крест. «И кто не берёт креста своего, тот не достоин Меня», — сказал Иисус. Помни об этом, дочь моя.

— Святой отец, я слаба! Неужели я смогу справиться с этим? Говорят, что воспитателем Артура был ужасный колдун Мерддин.

— Мерддин не колдун. Да, он учился у друидов. Нынче в Британии всех святых старцев называют по привычке друидами. Лишь те, которые живут при монастырях, не позволяют называть себя так, а в народе всё по-прежнему... Мерддин давно принял крещение и несёт слово Божие людям.

— Но говорят, что он умеет творить чудеса, — неуверенно произнесла Гвиневера.

— Христос тоже творил чудеса.

— Ты думаешь, я могу довериться Мерддину, приехав в дом Артура?

— Мерддин возложил на себя тяжёлую ношу. Люди Круглого Стола проповедуют старые нравы, верят в силу колдовских котлов. Мерддин старается донести до них истинную веру, хотя это даётся ему нелегко.

Не всякий, кто входит в братство Круглого Стола, осмелится объявить, что он принимает крещение... И ты постарайся оказать влияние на Артура со своей стороны. Не бойся Мерддина. Он принадлежит к числу тех друидов, на которых опираются епископы. Верь ему!

Вспоминая об этой беседе, Гвиневера куталась в меха и смотрела в потолок. Она уже давно лежала в постели, но сон не шёл к ней. Через пару дней ей предстояло въехать в город Артура. Там её примут как жену величайшего воина и правителя (пусть Артур и отказывается официально принять звание вледига, все почитают его за государя).

«Ах, если бы он был хотя бы молод и хорош собой, как Маэль...»

Она вздрогнула, испугавшись промелькнувшей в голове мысли.

«Маэль... Зачем я подумала о нём?.. С этим юношей у меня нет ничего общего. Он — воин и гордец. И пусть он статен и красив лицом, у него тёмная душа язычника. Через несколько лет он сделается ещё более грубым и жестоким... Но если бы у Артура были такие же глаза, как у Маэля, и такие же губы... Господи, о чём я думаю! Какой стыд!»

Она вскочила с кровати и бросилась на колени перед деревянным распятием, висевшим на противоположной стене.

— Припадаю к твоим стопам, Господи, припадаю, как блудница, и молю о прощении грехов моих. Пошли мне очищение от скверных помыслов, избавь меня от темноты души моей...

Она бы немало удивилась, узнав, что Маэль, преданнейший воин Артура, терзался на своей лежанке почти такими же переживаниями. Перед его глазами то и дело возникало лицо Гвиневеры. «Чудо! Какое чудо и счастье находиться рядом с такой женщиной! О великая Дану, Матерь богов, только ты могла наделить женщину столь прекрасной внешностью. Но зачем ты заставила меня повстречать её? Теперь моё сердце изнывает. Никогда мысли о женщине не лишали меня сна, и вот я изнываю. Хочу видеть её, слушать её голос. Я околдован... Но я не имею права думать о Гвиневере, ибо она — жена моего господина. Создатель, прибавь мне терпения и мужества, дай мне силы устоять перед чарами этой сказочной девушки!»

Рано утром обоз выехал из монастырских ворот. Настоятель перекрестил в спину каждого проезжавшего мимо него всадника

и взглядом дал знать выглянувшей из повозки Гвиневере, чтобы она не беспокоилась.

Стелился густой туман, вдалеке звонко заливалась какая-то одинокая пичужка. Лошади громко цокали по выложенной камнями дороге, колёса повозок скрипели, оружие гремело. Когда процессия проезжала мимо высокого, гладко отёсанного, вертикально стоящего камня, Маэль придержал возле него коня, бросил к подножию дольмена небольшой кожаный мешочек, перевязанный травяной косичкой, и прикоснулся рукой к той грани камня, на которой по всей длине отчётливо виднелись насечки огамического письма.

— Что ты оставил там? — спросила Гвиневера, едва юноша поравнялся с её повозкой.

— Подношение, чтобы нам сопутствовала удача.

— Вот самый верный амулет, — проговорила она и протянула ему руку. В кулаке было что-то зажато. — Это тебе.

— Благодарю, моя госпожа.

Маэль принял от неё свёрнутый в комок шнурок. Расправив его, он увидел крохотный деревянный крестик и усмехнулся. Посмотрев на Гвиневеру, он почтительно наклонил голову, но ничего не сказал.

Погода понемногу ухудшалась, выкатившее из-за холмов утреннее солнце скрылось за набежавшими тучами. Начал накрапывать мелкий дождик, но вскоре прекратился. Однако на сером небосводе остались тёмные поволоки, словно кто-то плеснул помоями на облака.

Ближе к полудню вымощенная дорога закончилась. Друиды поговаривали, что это была одна из тех дорог, которая сохранилась с доримских времён. Друиды утверждали, что в Британии до появления римлян было много хороших дорог, но часть из них пришлось разобрать, чтобы использовать камни для военных укреплений. Кое-где в лесах и на болотах Маэль встречал остатки древних дорог, аккуратно выложенных гладко пригнанными друг к другу брёвнами. Вдоль дорог древних бриттов обязательно стояли молитвенные камни с надписями, понятными только друидам...

Маэль оглянулся на обоз. Под натянутым балдахином покачивалась красивая головка Гвиневеры. Маэль придержал коня.

Теперь под ногами лошадей гулко стучала широкая, вся в рытвинах тропа, и повозки поехали медленнее.

— Стой!

— Что там?

Поваленное поперёк дороги дерево перегородило отряду путь. Оно не отличалось внушительными размерами, но было слишком ветвистым, что мешало подобраться к нему. По обе стороны дороги начался лес, так что повозки не могли объехать препятствие.

— Придётся оттащить его! — крикнул Маэль, указывая на дерево. — Отсекайте ветви!

— Мне не нравится это. — Труйт подъехал к Маэлю, но смотрел не на него, а вглубь лесной чащи. — Дерево упало не само.

— Ты полагаешь, что кто-то устроил нам западню? — спросил Маэль, осматриваясь. — Думаешь, кто-то поджидает нас?

— Да.

— Так или иначе, но нам надо убрать его с пути, — сказал юноша.

Труйт кивнул, продолжая буравить лес настороженными глазами. Он распорядился, чтобы пятеро людей спешилось и вооружилось топорами, остальным же велел оставаться верхом и наблюдать за лесом.

— Ждите гостей, братцы, — прорычал он негромко и обернулся к лучникам. — Если кто-то появится из зарослей, бейте без предупреждения.

Он подъехал к повозке, где находилась Гвиневера.

— Моя госпожа, у меня плохое предчувствие.

— Ты чувствуешь опасность? — спросила она. — А что говорит Маэль?

— Этот мальчишка? — усмехнулся Труйт. — Возможно, он отменный вояка, госпожа, но я кишками чувствую опасность. Сейчас произойдёт схватка. Уж можете поверить мне.

Гарцуя на горячем скакуне, к ним приблизился Маэль.

— Не лучше ли нам отвезти повозку подальше от этого места, пока путь не будет расчищен? — предложил юноша.

— Верная мысль, — кивнул Труйт. — Беда лишь, что тут не развернуться. Придётся пятиться. Эй вы, — он махнул рукой, привлекая внимание возничих, — осторожненько сдавайте назад. И без паники...

Несмотря на осторожность, с которой происходило перемещение на этом крохотном участке дороги, там началась сутолока. Всадники теснились к лесу, лошади громко всхрапывали, поднимались на дыбы, ржали. Повозки медленно откатывались назад. Громко стучали топоры, шелестела влажная от прошедшего дождика листва.

И вот, когда отряд заметно растянулся, двое всадников Труйта качнулись в сёдлах и опрокинулись на землю. В груди каждого торчало по две стрелы.

— Сучьи дети! — взревел Труйт.

Все заметались, засуетились, не видя врага, но чувствуя себя под прицелом.

— Закройте госпожу!

Несколько человек, сдерживая обеспокоенных лошадей, образовали живую стену вокруг повозки Гвиневеры. Трое всадников подняли копыта и пустились в лес с криком: «Вот они! Бей их!»

Послышался треск и хруст ветвей, жестокие вопли, удары. В окружавших Гвиневеру воинов посыпались стрелы, они втыкались им в руки и в плечи. Два человека упали с коней, сражённые насмерть. Откуда-то из кустарника вынырнули фигуры с капюшонами на головах и, выставив перед собой копыта, ринулись на охрану Гвиневеры. Раненые всадники не сумели дать должного отпора, и некоторые погибли, не ответив ни разу на удар. Труйт пустил коня во весь опор, вклинился в нападавших и свалил двоих из них взмахом меча. Маэль бросился в чащу, увидев там ещё нескольких чужаков, и поочерёдно свалил их своим клинком.

— Трое, — выдохнул он, глядя на убитых.

С дороги донеслись женские крики.

Он стремительно повернул коня и, не обращая внимание на хлёткие удары упругих ветвей по лицу, вылетел к повозкам. За те двадцать-тридцать секунд, пока он находился в лесу, на дорогу рухнуло ещё одно дерево, отсекая почти всю охрану от Гвиневеры. Чужие люди пытались вытащить девушку из экипажа. Служанка свисала из повозки головой вниз, её наголовное покрывало набухало от крови. Труйт с трудом удерживался в седле, между лопаток у него торчала стрела.

— Бей! — сдавленно произнёс он, глядя на Маэля, но не в силах сфокусировать зрение.

Юноша молниеносно оценил обстановку, понял, что по эту сторону деревьев с ним было трое надёжных воинов, а врагов он увидел лишь пятерых. Сколько их пряталось в лесу, он не знал.

Не успели ноги Гвиневеры коснуться земли, пока она падала из повозки, отбиваясь от троих похитителей, Маэль растолкал их и подхватил девушку. Он успел дважды ткнуть клинком перед собой,

пронзая чью-то грудь, второй рукой подтягивая Гвиневеру к себе. Его конь поднялся на дыбы и ударил передними ногами кого-то из нападавших. Гвиневера с трудом удерживалась позади Маэля, прижавшись к нему всем телом.

Труйт закатил глаза и соскользнул со своей лошади под колёса повозки. Маэль, не зная, сколько ещё человек могло наброситься на него, заставлял коня вертеться на месте. Он держал меч наготове, хотя к нему никто не приближался. Его люди расправились с напавшими на экипаж и теперь перешли бросились на прятавшихся в лесу.

— Сколько их было? — спросил он, когда звуки сражения стихли.

— Двадцать человек.

— Отчаянные! — Маэль помог Гвиневере спуститься на землю.

— Зачем они напали? — спросила она.

— Должно быть, решили захватить тебя, чтобы получить выкуп.

Но каковы наглецы!

— Я бы хотела расспросить кого-нибудь из них.

— Не получится, госпожа. Они все мертвы.

— Труйт тоже погиб?

— Да! — Маэль грозно сверкал глазами. — Стрелы... Они сумели многих достать стрелами. Мы тут просто как на ладони были. Клянусь, таких отчаянных наглецов мне не приходилось встречать. Никто не осмелился бы напасть ни на меня, ни на моих людей, имея даже равный по численности отряд... Разбойники... Оуэн, сколько наших погибло? Вы там друг друга не перебили случайно?

— У нас трое убито. В отряде Труита — пятеро. И пятнадцать человек ранено. Двоим досталось прямо под сердце, они вряд ли выживут.

— Ясно... Теперь давайте разбирать эти завалы, иначе кто-нибудь опять позарится на нас.

— Маэль, — тихо позвала Гвиневера.

Он повернул к ней изодранное ветвями лицо.

— Слушаю, моя госпожа.

— Маэль, мне страшно, — с трудом проговорила она и беспомощно подняла руки.

Увидев этот жест мольбы о помощи, юноша почувствовал, как в сердце у него вскипела горячая волна ненависти ко всем, кто мог осмелиться ещё хоть раз напугать Гвиневеру. На глазах у него навернулись слёзы, и он нервно затряс головой, пытаясь стряхнуть их.

Спрыгнув с коня, он подхватил девушку на руки, и она уронила голову ему на плечо. Это прикосновение вызвало в Маэле новую волну бурных чувств. Он готов был рыдать и смеяться одновременно, мчаться на край света, прижимая к себе Гвиневеру, целовать её лицо...

«Целовать! Хочу целовать её! От этого желания у меня мутится перед глазами...»

Он донёс Гвиневеру до повозки, переступая через разбросанные под ногами разноцветные подушки, и осторожно уложил её внутрь, где сидел, сжавшись в комок, монах Герайнт. Гвиневера отпустила шею Маэля, но продолжала держать его руку.

«Какая нежная, тонкая, белая рука!» — Его взгляд приковался к полупрозрачной коже девушки.

— Маэль... — прошептала она. — Спасибо...

— У тебя есть вино? — Юноша повернулся к монаху.

— Здесь несколько видов, — испуганно закивал Герайнт и постучал по ящику в дальнем конце повозки.

— Налей госпоже самого крепкого. — Маэль осторожно высвободил руку, начиная опасаться прикосновения Гвиневеры. От её тела исходило тепло, устоять перед колдовской силой которого было почти невозможно. Юноша понимал, что помедли он ещё немного и — просто потеряет голову. — Госпожа, выпейте вина. Сейчас это вам нужнее всего.

Она едва заметно кивнула, чуть приподняла веки, но тут же снова закрыла глаза. И было непонятно, хотела ли она украдкой посмотреть на Маэля или же у неё и впрямь совсем не осталось сил.

«Но до чего же хороша!» — опять подумал юноша.

Отойдя от повозки, он огляделся.

— Оуэн, отрежь всем головы, — сказал он, указав на труп ближайшего разбойника. — Отвезём их Артуру. Выставим напоказ. Может, люди узнают кого-нибудь из этих мерзавцев... Всех наших погибших уложи во вторую повозку. И тяжелораненых тоже.

— Они всё перемажут кровью.

— Госпожа простит нас за это. — Маэль бросил быстрый взгляд на Гвиневеру и вспрыгнул в седло.

[1] В а й д а — род растений семейства крестоцветных. Прежде широко культивировалась в Западной Европе в качестве красильного растения, листья её давали тёмно-синюю краску (индиго).

Человек-Медведь

Октябрь 470 года

Дом Круглого Стола — большое бревенчатое строение с несколькими просторными комнатами и широким залом, где принимались почётные гости и от случая к случаю устраивались пиры, — стоял посреди деревянной крепости, вокруг которой за десять лет существования знаменитого воинского братства успело вырасти огромное селение, почти город. Тесно лепились друг к другу приземистые домишки, покрытые соломой или черепицей, но виднелись и основательные бревенчатые постройки в два этажа, их разделяли просторные загоны для овец и коров. Вившиеся между домами улицы были достаточно широки, чтобы могли разъехаться две крестьянские телеги. На большой рыночной площади хватало места для торговых лавок, крытых грубой материей, и для кибиток заезжих акробатов. Всюду из труб умиротворённо поднимался дым, пахло углем, сеном, скотом и хлебом. Вокруг города тянулся глубокий ров с высоким земляным валом, на отдельных участках которого возвышалась каменная стена.

На лето молодёжь обычно уходила из деревень со стадами в холмы, леса, долины, но к ноябрю все возвращались домой и проводили долгие зимние вечера за домашними ремёслами. Зима — время рассказов, время парада мертвецов, предводительствуемых темноликим вождём, символом его власти были меч и серп. До ноября, первого месяца зимы, начала тёмного времени года, оставался ещё месяц, однако разнёсшийся повсюду слух о женитьбе Артура заставил народ вернуться в город раньше обычного. Все ожидали большого праздника.

В городе было шумно и многолюдно. Тут и там виднелись сделанные из соломы причудливые существа, увенчанные оленьими рогами и цветочными венками, торчали из земли высокие деревянные идолы с лошадиными головами. Во времена римского правления тут размещался зимний лагерь легионеров, ровными рядами тянулись деревянные бараки, на вершине холма красовался храм Юпитера,

облицованный мрамором, у подножия холма находился общественный туалет, мозаичный пол которого был гордостью командующего и мог сравняться в изысканности с отхожими местами в лучших термах Рима. После ухода римских войск здесь всё быстро пришло в запустение, храм Юпитера был разрушен до основания, но каким-то чудом сохранилась часть мозаичного нужника. Артур, начиная строить крепость, велел восстановить прежде всего римскую систему водоснабжения, затем распорядился возвести стены и крышу над туалетом. Когда его наставник Мерддин попытался пошутить на эту тему, вспыльчивый Артур разгневался не на шутку.

— Ты всегда учил меня чистоте духа и тела. У валлийцев баня в почёте, и никто не смеётся над вымытым человеком. Почему же ты насмеаешься над моим желанием привить людям также любовь к красивым туалетам?

— Потому что можно быть чистым, не обзаводясь роскошью.

— С уходом римлян наш народ быстро превратился в животных. Я то и дело слышал в детстве о гордости бриттов и о нашем праве жить самостоятельно, однако видел лишь убогие лачуги и грязь на каждом шагу. Только там, где осталось что-то от римлян, и можно увидеть достойные жилища. Когда-то тут были проложены дороги, но теперь вокруг нас всего-то охотничьи тропы, залитые лужами. А я не желаю жить в грязи! Пусть у нас всё будет чисто и красиво. И прежде всего пусть станут чистыми нужники. Я никого не принуждаю выкладывать новую мозаику, но мы обязаны сохранить то, что имеем сегодня. Это не чужое, это наше! Здесь всё — наше! Мы жили с римлянами бок о бок три сотни лет, это должно было давно стать частью нашей культуры, но люди лишь злобно оскаливаются, вспоминая о римском порядке, царившем здесь совсем недавно. Мы бываем с тобой во многих наших деревнях, Мерддин, и всюду глазам открывается грязь, постыдное убожество, всюду воздух наполнен нестерпимой вонью. Люди кладут кучи чуть ли не под дверью собственного дома, отойдя лишь на несколько шагов в сторону. Отказываясь от того лучшего, что наш народ получил от совместной жизни с Римом, мы фактически отказываемся от себя, разрушаем себя... Нет, мой город никогда не будет похож на навозную кучу...

С тех пор минуло свыше десяти лет; при помощи Мерддина Артур создал братство Круглого Стола и объединил вокруг себя большое

количество вождей. Молва о благородстве и силе Человека-Медведя влекла к нему многих: одни хотели служить у него, другие просто любопытствовали, но, побывав при Круглом Столе, оставались там навсегда, возводя для себя дома и учась ратному делу. Город рос...

— Тебя что-то гнетёт. — Из двери вышел Мерддин и остановился на крыльце. Гулявший по двору ветер взлохматил его длинные волосы и вздул длинный чёрный плащ, застёгнутый на груди крупной серебряной бляхой с изображением кабана. Старик положил худую руку на плечо Артура. На могучем плече воина его рука выглядела немощной, но всем было хорошо известно, что сутулый семидесятилетний Мерддин, казавшийся болезненно-щуплым, в действительности обладал необыкновенной силой, которая не зависела от развитости мышц и крепости сухожилий. При желании он мог свалить быка лёгким тычком своего посоха.

Артур сложил руки на груди и задумчиво смотрел вдаль. Его длинные светлые волосы были сплетены у висков в тонкие косы, а сзади гривой стекали на спину. Густая борода обрамляла волевое лицо со строго сведёнными бровями.

— Со мной всё в порядке, — ответил Артур.

— Ты мрачен. Женатый мужчина должен быть бодр и уверен в себе.

— Именно жена — причина моей угрюмости, Учитель. Я не в силах понять Гвиневеру, — ответил Артур.

Он спустился на пару ступеней с крыльца. Перед главным входом по кругу располагался навес, под которым стояли массивные деревянные столы. За каждым могло свободно поместиться, сидя лицом к центру круга, по четыре человека, а всего столов было двенадцать. За этими столами собирались вожди племён и главы родов. Здесь обсуждались важнейшие вопросы войны и мира. Здесь, в центре круга, был устроен очаг, обложенный крупными камнями, над огнём которого Мерддин варил в священном котле магический напиток и подносил его каждому в специальных кубках из таинственного каменного дерева. Здесь во время заседания Круглого Стола трепетало множество ярких флагов на высоких древках и с резных шестов взирали на вождей деревянные фигуры птиц и зверей — тотемы родовых групп.

Вся эта величественная пышность и пестрота встретила Гвиневеру в день её приезда в Дом Круглого Стола. Столбы, на которых крепились навесы над столами, были украшены хвойными гирляндами и цветными

тряпичными ленами. Флаги и навес заметно возвышались над деревянным частоколом крепости и были хорошо видны издали, что сразу создавало праздничное настроение. Едва миновав крепостные ворота, девушка окунулась в оглушающий ритм барабанов, бубнов и колокольцев и громкий хор приветственного гимна. Её ждали. Всё пространство крепости было заполнено людьми, и все они тянулись к Гвиневере, поднося ей подарки, как если бы она была женой верховного правителя. Отправляясь в земли Круглого Стола, Гвиневера была убеждена, что её глазам предстанет только сборище хмурых вояк (настолько велико было её предубеждение против языческих общин Уэльса), но вместо этого увидела весёлых людей, встречавших её с радостью и почтением. Открытость и доброжелательность жителей настолько поразила Гвиневеру, что она не могла не ответить им счастливой улыбкой, несмотря на тяжёлые думы.

Свадебный пир в крепости продолжался три долгих дня. Перед его началом Мерддин вручил Гвиневере церемониальный меч с рукоятью из слоновой кости. Девушка обошла по кругу знатных гостей, собравшихся в приёмном зале, и передала этот меч Артуру, низко поклонившись мужу. Вся её поза выражала абсолютную покорность. После этого супругов осыпали душистой хвоей и усадили во главе стола. В зале Дома Круглого Стола присутствовали только избранные, но время от времени с улицы, где веселился простой народ, заглядывал кто-нибудь, провозглашая тост за здоровье Артура и его прекрасной жены. Тут же воздух оглашался воплями радости, и волна громких голосов укатывалась далеко за пределы крепости.

С того дня минул почти месяц...

— С самого приезда сюда Гвиневера холодна ко мне, — сказал задумчиво Артур. — Поначалу я думал, что причина кроется в её глубоких переживаниях из-за тех разбойников, что напали на неё по дороге к нам. Но она заверила меня, что забыла о них уже на следующий день. И всё же она холодна. Любезна, уважительна, покорна, но холодна. Во всём холодна... Я до сих пор не разделил с ней супружеского ложа. Однако ведь она мне — жена! Разве законный супруг должен просить жену о близости? Я же могу просто войти в её спальню... Но я не желаю брать Гвиневеру силой...

— Она чурается тебя из-за твоей веры.

— Чем не угодила ей моя вера? Разве христиане смотрят

на иноверцев свысока? — удивился Артур. — Ты хочешь сказать, что она считает меня...

— ... Дикарём, — подсказал Мерддин.

— Какая глупость! Разве не родилась она на той же земле, что и я? Разве её предки не пили священный отвар из одного котла с моими предками? Неужели только потому, что я не ношу на шее креста, я плох для неё? Я построил этот город, здесь собрались лучшие и честнейшие люди Британии, они пришли сюда по собственной воле, никто не принуждал их. Меня уважают, мне доверяют, ко мне прислушиваются всюду. Любая женщина почтёт за великую честь, если я уделю ей несколько минут внимания, не говоря уже о большем. А Гвиневера?

— Думаю, что она смотрела бы на тебя более благосклонно, если бы ты принял крещение.

— Не думаю, что это растопит её сердце. — Артур с сомнением покачал головой. Сложив руки на груди, он задумчиво оглядел двор, где в раскисшей от дождя соломе возились свиньи и квохтали куры. — А теперь ещё этот проклятый мальчишка Мордред, разрази его гром! — процедил Артур. — Едва Гвиневера освоилась здесь, как он заявился с известием и кончине Лодеграна. Ты видел, с какой решимостью моя жена немедленно собралась ехать обратно? Ей, оказывается, непременно надо, не откладывая, помолиться на могиле отца! Да она просто ищет повод покинуть мой дом!

— Дай ей время привыкнуть к тебе. Ты — зрелый муж, она же — дитя. Взгляни на неё открытыми глазами, Артур. Ей только-только исполнилось восемнадцать лет! Она не умеет владеть собой, она подчиняется первому импульсу и покорно идёт у него на поводу. Ты мудр, умеешь управлять своими чувствами и даже подавлять их. Но вспомни себя двадцатилетним юнцом. Ты был горяч и несдержан, как вырвавшаяся из недр земли лава. Посмотри на своих лучших молодых воинов. Им некогда размышлять, они бросаются в бой не раздумывая. Они часто горячатся, и ты не только прощаешь им многие ошибки, но высоко ценишь их пылкость. Прости и молодой жене её склонность легко поддаваться чувствам, прости ей и её неопытность. Приручи её к себе. И пойди ей навстречу в том, что сегодня представляется ей самым важным.

— В чём? Нацепить на себя крест? — Артур усмехнулся и перевёл хмурый взгляд на Мерддина. — Учитель, ты многие годы рассказываешь

мне про Христа, но я не соглашаюсь молиться ему. Ты глубоко уважаем мною, но я до сих пор не последовал твоему совету принять крещение. Ужель я изменю моим убеждениям из-за прихоти девчонки?

— Эту девчонку ты взял в жёны, потому что так подсказало тебе сердце.

— Во мне просто заговорил мужчина,— решительно отмахнулся Артур.

— А что, если Гвиневера послана тебе Творцом специально, чтобы обратить тебя в истинную веру? Поверь мне, Христос объединит всех, принесёт народам мир.

— Разве вледиги Британии живут в мире? Сколько врагов было у Лодеграна? Все они носят на шее христианский крест. И все коварно нападают друг на друга! Только Круглый Стол не начинает ни с кем войны, хотя мы сильнее всех. Мы уничтожаем всех, кто осмеливается сунуться на нашу землю, но сами не вторгаемся на чужие территории. Мы живём в мире с собой и стараемся жить в мире с другими. Не за это ли христиане называют нас варварами?.. Нет, Учитель, не Христос, а наша земля даёт нам силу. Наши боги, своим дыханием наполняющие деревья, воду и воздух, поддерживают нас. Но наши враги с пеной у рта кричат, что мы поклоняемся демонам.

— Я этого не говорил никогда.

— Ты снова и снова заводишь речь о том, чтобы я начал поклоняться Христу. Зачем? Когда-то ты обучался в тайном обществе друидов. Почему тебе вдруг понадобился Христос?

— Мир меняется... Христос — часть грядущих перемен. — Мерддин успокаивающе погладил Артура по плечу и снова повторил то, что сказал несколько минут назад: — С воцарением Христа наступит мир.

— Разве есть мир на тех землях, где ему уже поклоняются? Нет!

— Мир придёт.

— Учитель! Мы и сейчас живём в мире. Братство Круглого Стола могущественно, как никогда.

— Христос даст вам ещё больше силы. Доверься ему.

— Как я могу верить в силу человека, который покорно пошёл на крест? Он не мог постоять за себя, а ты твердишь, будто он способен защитить всё человечество... По твоему настоянию я несколько раз прочитал Евангелие. Да, там рассказывается про мудрого человека, но мудрецов полно и на нашей земле. Я могу выслушать их, согласиться

с ними или поспорить, но для чего мне поклоняться им? Сильна мудрость, а не мудрецы. Вот ты утверждаешь, что у Христа было много последователей. Почему же они не вступились за него? Ты утверждаешь, что он не позволил им. А я думаю, что в действительности просто никаких последователей не было, потому что никто не принял его учения. Твоего Христа забрасывали камнями, изгоняли из деревень и в конце концов осудили на позорную и мучительную смерть. И случилось это потому, что он учил не тому, в чём нуждалась его страна. Если на собственной земле он не был принят, то почему же я должен уверовать в него?

Мерддин пристально смотрел на Артура. Тот продолжал:

— Христос проповедовал лишь среди иудеев. Я хорошо помню твою книгу. Христос говорил, что послан только народу Израиля^[1]. Но ведь я не иудей. Зачем же мне принимать его учение? Он чужой для нас, он был чужим даже для своего народа. И о его учении, думаю, никто ничего не знает толком.

— Есть книги!

— И что? Можешь ли ты доказать, что в этих книгах написаны слова того, кого ты называешь Христом? В книгах написано много мудрых слов, но почему ты думаешь, что они принадлежат одному человеку? Ответь мне также, почему люди не вняли тем словам? Не можешь? Живое слово сильнее написанного, оно наполнено огнём, оно воспламеняет. Неужто Христос говорил неубедительно? Нет, Мерддин, я думаю, что никакого Христа просто не было в действительности.

— Он был. Он приходил, но народ не был готов.

— Ты всегда учил меня, что всё вокруг происходит по воле Творца. Неужели Бог ошибся и послал его не вовремя? Разве такое возможно?

Мерддин покачал головой:

— С тобой стало нелегко разговаривать. Ты всё оспариваешь.

— Я оспариваю лишь то, что вызывает сомнение.

— Раньше ты не противился моим советам.

— Раньше ты не советовал мне отказаться от богов, охранявших Британию со дня сотворения мира. — Артур помрачнел. — Раньше от меня не требовали со всех сторон, чтобы я стал верховным правителем. Раньше у меня не было жены. Я был сам по себе. Равный среди равных за Круглым Столом... Теперь всё начало стремительно меняться.

— Пришло время перемен.

Артур повернулся к Мерддину и долго смотрел седовласому старику в лицо.

— Послушай... — сказал он наконец, затем устало накрыл ладонью свои глаза и потёр их. — Хорошо, пусть на нашей земле будет водружён крест. Пусть! Но неужели ты думаешь, что крест что-то изменит?.. Ты помнишь, как на нас напал Гвинн Оленья Нога? Мы разбили его отряд, хотя он вдвое превосходил нас. Удирая, Гвинн со своими людьми спрятался в монастыре Рудверна. Но ни стены монастыря, ни его каменные кресты не спасли никого. Мы расправились со всеми.

— Вы также убили настоятеля и всю братию.

— Потому что они спрятали у себя Гвинна, так что не попрекай меня. Это послужит остальным хорошим уроком: никакая церковь не должна превращаться в крепость. Я не трону ни одного капища, не оскверню ни одного храма, не отзовусь с неуважением ни об одной священной роще, кому бы там ни поклонялись. Священное место должно всегда оставаться местом молитв. Когда же оно превращается в убежище для воинов, оно теряет свою святость... Я разрешаю тебе поставить крест на окраине города, но не в крепости. Здесь живут воины. Пусть твой крест возвышается там... — Артур порывисто вытянул руку, указывая на излучину реки, подступавшую почти к самым домам. — Там растёт священный дуб. Туда многие ходят молиться. Пусть неподалёку от дуба стоит и твой христианский крест. Пусть к нему привыкают, если ты считаешь это нужным. Только не принуждай никого поклоняться Христу. Не принуждай! Пусть люди выбирают сами...

Ночь подкралась незаметно, как всегда навалившись уютной тишиной на соломенные крыши домов. Кое-где ещё слышались разговоры, но в основном всюду готовились ко сну. Дозорный на сторожевой башне мурлыкал себе под нос какую-то песенку. Несколько групп по два-три человека дежурили в рощах неподалёку от города и всегда были готовы в случае появления врагов домчаться до ближайших домов и предупредить об опасности.

Гвиневера в задумчивости сидела на краешке кровати. Только что она разговаривала с монахом Герайнтом, проделавшим вместе с ней

долгий путь из владений Лодеграна в Дом Круглого Стола, и разговор этот привёл её в замешательство.

— Как ты чувствуешь себя, госпожа? — спросил монах. — Ты всё время печальна. Или я ошибаюсь?

— Я грущу по дому, святой отец. Сердце моё обливается кровью при одной лишь мысли, что я не произнесла прощальных слов на могиле отца.

— Только ли это тяготит тебя?

Гвиневера промолчала и опустила глаза. У монаха была почти облысевшая голова, худое лицо и длинный нос, слегка приплюснутый на конце и потому напоминавший утиный клюв, за что всюду Герайнта почти сразу начинали звать Утиным Носом. Гвиневера привыкла доверять ему, и теперь, в окружении язычников, у неё не оказалось человека духовно ближе, чем Утиный Нос. По крайней мере, она так думала.

— Отец Мерддин поведал мне одну тайну, — заговорил монах.

— Отец Мерддин? С каких пор ты называешь этого колдуна отцом? — девушка изумлённо вскинула брови.

— С тех пор, как мы приехали сюда. Ты зря боишься его. Разве ты забыла слова настоятеля монастыря Святой Крови Господней?

— Какие слова?

— Мерддин не колдун. Он принял крещение и вот уже много лет несёт людям слово Божие, — внушительно произнёс монах. — Я провёл в беседах с ним не один час и смею заверить тебя, госпожа, что этот мудрейший старец достоин того, чтобы ты доверилась ему.

Гвиневера помолчала и спросила:

— Какую тайну открыл тебе Мерддин?

— Он рассказал мне о смерти твоего отца. Вледиг Лодегран умер не сам, его убили... Да пребудет его душа в вечном покое...

— Что ты сказал?! — девушка прижала руки к губам, словно хотела скрыть крик ужаса, готовый вырваться наружу.

— Его убил Мордред.

— Откуда это известно?

— Отец Мерддин обладает даром видеть на расстоянии. Он сказал, что Мордред убил Лодеграна...

— За что? — едва слышно прошептала Гвиневера, задышавшись от накативших слёз. — Мордред никогда не нравился мне, потому что

у него злое сердце. Но он преданно служил моему отцу. Что могло толкнуть его на чёрное дело?

— Страсть к тебе, госпожа. Вожделение сделало его безумцем.

— При чём тут мой отец?

— Вледиг Лодегран обещал однажды Мордреду, что ты станешь его женой. Но ты отдана Артуру, и Мордред потерял рассудок. Он решил отомстить за обман.

— Какой ужас! И он не боится кары Господней?

— Я поведал тебе об этом для того, чтобы ты держалась подальше от вожака Волчьей Стаи. Не слушай его, если он начнёт упрекать тебя в чёрствости и корить за то, что ты не побывала до сих пор на могиле отца.

— Почему никто не расскажет Артуру, что Мордред — подлый убийца?

— А кто может доказать? Такое обвинение может дорого стоить. И какое право у Артура судить человека за то, что тот сотворил на чужой земле? В братстве Круглого Стола есть свой устав.

— Но... Ведь ты говоришь, что все здесь верят Мерддину.

— Одно не исключает другого. Ему верят, но Круглый Стол не принимает бездоказательных обвинений.

— Господи, ужели Волчий Вожак не заплатит за свои кровавые деяния? Что творится на свете!

— Доверься воле Божьей, госпожа. — Монах быстро перекрестился костлявой рукой. — И ещё одно... — Он замолчал в неуверенности.

— Что ещё? — испугалась Гвиневера.

— Не знаю, как сказать тебе это...

— О чём ты?

— О молодом воине, госпожа...

— Не понимаю тебя, святой отец. — Девушка жадно ощупывала глазами лицо монаха.

— Я говорю о Маэле. Прости мою дерзость, госпожа, но мне кажется, что ты слишком много думаешь об этом юноше. Вынь из сердца эту занозу.

— Нет никакой занозы!

— Ты молода и не всегда умеешь совладать со своими чувствами...

Гвиневера поспешила опустить глаза и сильно сжала кулаки.

— Неужели на моём лице что-то написано?

— Многое, госпожа... И это может легко сломать твою жизнь...

— Господи, прибежище души моей! — истово забормотала девушка. — Исполни меня твоей милости, укрепи сердце моё, надели мудростью! Дела рук моих исправь и прости за грехи!

Монах поднялся, перекрестил Гвиневеру и добавил уже из двери:

— Не печалься, госпожа. На всё воля Вседержителя. Будь спокойна и помни, что ты жена Артура и должна принести ему потомство. «Плодитесь и размножайтесь»... Так сказано не нами, но нам...

Он затворил дверь, прежде чем девушка успела ответить ему что-либо...

А через час в её комнату вошёл Артур.

Он был одет только в просторную шерстяную тунику, достигавшую колен. Длинные косы у висков были расплетены. В тусклом свете масляной лампадки он выглядел великаном с косматой львиной гривой.

— Гвиневера...

— Да, господин мой, — ответила она дрогнувшим голосом и забралась подальше на кровать.

— Я терпеливо ждал целый месяц, надеялся, что твои женские причуды пройдут. Но ты по-прежнему сторонись меня. Ты выходишь со мной на люди, как подобает супруге, но в спальне отвергаешь меня...

Артур склонился над женой, затаившейся в меховых одеялах. Она напоминала ему загнанного зверька.

— Долго ли ты будешь чураться меня? — спросил он угрюмо. От него пахло элем. — Мы с тобой вступили в законный брак.

— Мы не состоим в законном браке, господин мой, — решительно возразила Гвиневера.

— Тебя все называют моей женой!

— Это ничего не значит!

— Как так?

— Я просто подчинилась воле отца. Я просто отдана тебе и покоряюсь воле Всевышнего.

— Почему ты говоришь так? Вледиг Лодегран дал свадебный пир в нашу честь! И здесь народ гулял вволю и пел песни в нашу честь.

— Этого мало, — испуганно откликнулась девушка. — Ты можешь считать меня своей женой, но я-то не могу назвать тебя моим законным супругом.

— Чего же тебе надо?

- Венчания в церкви.
- По христианскому обряду?
- Да.

— Ты требуешь от меня слишком многого! — Артур отрицательно покачал головой. — Эта земля принадлежит Матери Богов! Здесь правит Дух Земли! Почему ты считаешь, что христианские обряды важнее тех, к которым здесь прибегали испокон веков? И почему я должен отдать себя во власть твоего Христа, пришедшего и непонятного? Почему должен довериться ему?

— Потому что он несёт любовь, господин, — едва слышно ответила Гвиневера. — Прими его любовь, и тогда я смогу полюбить тебя...

— Чушь! Если ты не любишь меня сейчас, что изменится в тебе после христианского венчания? Ты станешь добрее? В тебе проснутся новые чувства? Или ты просто станешь послушнее и податливее? — Он вдруг рассвирепел. — Ты рассуждаешь, как бездумная девчонка! Последний дурак не сказал бы такую глупость!

Артур угрожающе сжал кулаки, взобрался на кровать и навис над хрупким девичьим телом, как огромный утёс. Гвиневера свернулась в комок, пытаясь укрыться от наступавшего кошмара, и притянула к лицу мягкие меха. Мужчина рывком привлёк её к себе и впился губами в её рот. Ответного поцелуя не последовало.

— В твоих глазах я вижу ужас и ненависть, — проговорил Артур, совладав с гневом. — Неужели ты искренне убеждена, что в этом мире что-то изменится, если люди уверуют в распятого на кресте человека, как в божество?

— Как в Спасителя...

— Нет никакого Спасителя!

— Так нельзя говорить... — Она едва не задохнулась от волнения и попыталась отползти от мужа, но Артур вцепился ей в плечи.

— Стой! Сегодня я хочу тебя! Сегодня ты не откажешь мне!

— Не надо... Это грех для меня...

— Нет никакого греха! Есть только польза и вред, только на эти две половины поделён мир! — Артур отбросил в сторону пышные меха и подтащил девушку к себе. — Пусть ты не любишь меня, но моё сердце кипит от любви. Никто и ничто не в силах затушить этот огонь. Ни твоё упрямство, ни твои мольбы...

Девушка прижала руки к груди. Тонкая белая рубаха, её

единственный покров, придавала ей в темноте облик призрака, полупрозрачного и воздушного. Глаза лихорадочно блеснули.

— Не противься мне, жена!

Артур властно опрокинул Гвиневеру на спину. Быстро сбросив через голову шерстяную тунику, он выпрямился — обнажённый, мощный, длинноволосый. Бледные лучи ночного светила, проникавшие в окно, лишь слегка очерчивали рельефные мышцы его крепкого тела.

— Я давно уже не юнец, чтобы завоёвывать любовь девицы, распушая перед ней пышный хвост. Я таков, каков есть...

— Да, господин мой, — едва слышно выдохнула девушка.

Он раздвинул её ноги, и она зажмурилась.

— Боже, прости меня...

Артур не стал грубо вторгаться в её плоть. Некоторое время он лежал рядом с Гвиневерой и тяжёлой рукой гладил её живот и груди, пробуждая в них трепет желания. Прикосновение шершавой ладони понемногу отогнало страх от девушки, но напряжение не покинуло её.

«Смирись, — беззвучно убеждала она себя, — смирись, ибо такова воля Всевышнего. Прими своего мужа, как должна принять законная супруга...»

Лаская её, Артур быстро наливался возбуждением. Гнев и ярость испарились, осталось только ощущение внутреннего нетерпения, зудящей дрожи под сердцем и предвкушение сладостного познания любимой женщины.

Её глаза распахнулись, и он увидел в них жидкое отражение луны, плавающее в слезах.

— Любовь моя, — проговорил он, — перестань терзать себя и меня. Отдайся мне...

— Бери меня! — Она опять зажмурилась, и крупная капля выкатилась из-под ресницы, оставляя на щеке влажный след.

Артур прикоснулся губами ко рту жены и навалился на неё всем телом. Его горячая твердь мигом прорвала девичье сопротивление и внезапно настолько заполнила Гвиневеру, что весь мир перестал существовать на мгновение. Ночная тьма сгустилась, воздух удушливо стянулся в узел и перехватил горло. Затем искрой прожгла боль, и всё тело покрылось испариной...

«Господи! Как же это? Что же такое со мной? Кто я теперь? — мысли бились в голове Гвиневеры, как насмерть перепуганные птицы,

попавшие в силки. — Теперь уж я вовсе и не я. Теперь я переполнена чем-то невероятным, разрушающим меня до основания, рвущим меня на части, забивающим меня до смерти! Какие незнакомые переживания...»

Время утекало вязко и мучительно. Тело понемногу свикалось с новыми ощущениями и начинало осознавать происходившее. Сжавшееся было сердце стало биться ровнее, но тревога не отступала.

«Я осквернена... Прости, Господи, не по собственной воле пошла я на это...»

Гвиневера лежала и боялась шелохнуться, вслушиваясь в мощное мужское дыхание. Длинные волосы Артура падали ей на лицо, его борода колола шею и грудь, вспотевший мускулистый живот прилипал к её коже.

«Отныне так будет всегда, — тоскливо подумала девушка. — Зачем мне это испытание? Никакого чуда нет в этом. Только горечь унижения...»

Ей казалось, что её нутро готово было лопнуть от проникшего в них инородного тела и что вся она разорвётся от переполнивших её неприятных чувств.

«Вот и свершилось...»

Когда они оба успокоились и Гвиневера уже стала проваливаться в дремоту, растратив все силы, Артур поднялся на локте и долго разглядывал жену, облитую мутным лунным светом и такую неземную в ночном сиянии. После долгого молчания он заговорил:

— Я смотрел на тебя сейчас, и вдруг почувствовал удивление, какого никогда не испытывал. — Артур громко и тяжело вздохнул. В его голосе слышалось замешательство. — Прости, ты уже уснула, я разбудил тебя. Прости... Но что-то новое, неведомое мне переполняет сердце. Никогда не подозревал, что физически начну ощущать время... Я вдвое старше тебя. Сейчас мы вместе. Но двадцать лет назад тебя ещё не было на свете, и мы никак не могли встретиться. Я мог пить воду из здешнего ручья, рвать цветы на соседнем поле, проводить целые дни на склонах наших холмов. Но я не мог даже прикоснуться к тебе. Тебе не существовало! Как бы я ни хотел увидеть тебя, это было невозможно. Всё было, но тебя не было. Мне странно думать об этом... Ты, конечно, не понимаешь этого, да я и не способен объяснить... Но время! Я слышу, как оно проникает в меня, наполняет меня своими токами, делает что-то

с моим рассудком...

Гвиневера не отвечала. Её лицо оставалось непроницаемым, только глаза блуждали по его губам, стараясь уловить видимую форму его слов.

— Как осознать, что всё вокруг было, а тебя, любовь моя, не было. Вообще не было! — продолжал говорить Артур. — Жаль, что не могу выразить этого, донести до тебя... Когда теряешь друзей на войне, это привычно. Это почти естественно, ведь мы отправляемся в поход, всегда готовые уйти из жизни. Уйти из жизни — привычно. Разлучаясь с кем-нибудь даже на день, я прощаюсь фактически навсегда. И если мои друзья возвращаются, я радуюсь. Если они погибают, я принимаю это как должное. Такова воля Матери-Земли... Но вот не быть в жизни — ещё не быть — когда всё уже в ней есть... Как это возможно? Я уже жил, уже воевал, уже вкусил крови и женщин, а тебя ещё не было, никто не мог рассказать мне о тебе ничего... Нет, любовь моя, ты была всегда. Ты всегда находилась где-то рядом. Я чувствую это. Ты просто ждала нужного момента, чтобы шагнуть в мою жизнь...

Запыхавшийся Мордред осадил коня прямо перед Артуром. Спрыгнув, он широко расставил ноги и вызывающе вскинул голову.

— Почему ты отказываешь мне в гостеприимстве, Человек-Медведь? — со злостью выкрикнул он. Заходящее солнце окрасило его взъерошенные волосы в розовые тона.

— Чем ты обижен?

— Твоим отношением ко мне!

Артур с удивлением посмотрел на юношу.

— Ты ждал особого внимания, Волчий Вожак? — спросил Артур и сложил руки на груди.

— Я принадлежу роду Кэдмона!

— Здесь много отпрысков славных родов, сын благородного Кэдмона. — Артур нахмурился. — Откуда твоё недовольство? Разве у тебя нет крова над головой? Может, ты и твои воины голодаете? Должно быть, ты хочешь чего-то особенного? Но здесь все равны, Мордред.

— Меня не пускали сюда, в крепость! Не пускали целый день! — выпалил юноша, сверкая глазами.

— Здесь проходил совет вождей Круглого Стола, — спокойно пояснил

Артур.

— Разве тут только вожди? — Мордред обвёл рукой стоявших вокруг людей. — Здесь и рядовые воины. Но меня не пустили! Мне отказали! Мне запретили войти!

— Ты не принадлежишь братству Круглого Стола, — спокойно пояснил Артур.

— Разве я недостаточно смел и ловок? Разве не моя Волчья Стая прославилась на всю Британию своими походами?

— Твоя стая имеет дурную славу. Тебя называют самым жестоким разбойником, Мордред.

— Я не разбойник! — хищно оскалился Мордред.

— Ты убиваешь невинных.

— На войне нет невинных! На войне есть свои и чужие, только и всего! Но раз уж ты, Человек-Медведь, заговорил о жестокости, то позволь напомнить, что ты предал огню два монастыря! — злорадно засмеялся юноша. — Две христианские обители! Разве там не было невинных служителей Господа?

— Они дали укрытие воинам, разорившим наши деревни, — холодно отозвался Артур. — Я никому не прощаю разбои! И хватит об этом! Скажи теперь, чего ты добиваешься?

— Я хочу получить право сидеть за Круглым Столом!

— Ты не имеешь никакого отношения к Круглому Столу.

— По всей Британии твердят, что Круглый Стол — место лучших воинов! Кто из вас оспорит мои военные подвиги? Мало найдётся смельчаков, которые рискнут вступить в открытую схватку со мной!

— Мне кажется, ты напрашиваешься на ссору. — Артур отвернулся от него. — Я слышал, что твои люди уже пытались затеять драку.

— Потому что над нами насмеваются.

— Уезжай, если тебя что-то не устраивает здесь. Скажу прямо: я буду только рад этому. Ты не нравишься мне, юнец! И твоя Стая тоже! — Артур нетерпеливо махнул рукой и пошёл прочь.

— Ах вот оно что! Великий Артур хочет оскорбить меня? Может, ты вызовешь меня на бой?

— Зачем? Что нам делить? — нехотя бросил через плечо Человек-Медведь.

— Хотя бы Гвиневру! — выпалил Мордред.

— Мою жену? — Артур остановился и медленно повернулся

к Мордреду. — Так вот что привело тебя ко мне... Забавно... Вот для чего ты всеми силами уговаривал Гвиневеру поехать на могилу отца. — Взгляд Артура остекленел. — Ты, оказывается, вовсе не волк, а просто мерзкий воришка, забравшийся в чужие владения...

В следующее мгновение он вцепился Мордреду в горло. Молниеносность движения застала Мордредра врасплох. Он не успел ни отступить, ни оказать сопротивления. Артур же, сильно потрянув его и едва не удушив мощной хваткой, отшвырнул Мордредра от себя на несколько шагов, опрокинув задиристого юнца наземь.

— Убирайся отсюда, пока я не оторвал твою голову и не насадил её не кол! — прорычал Артур.

Ошеломлённый такой внезапностью, поверженный так легко и стремительно, Мордред глядел на Артура исподлобья. Рука медленно потянулась к мечу, готовая выхватить оружие. Он медленно поднялся.

— Торопишься расстаться с жизнью, волчонок? — раздалось сзади.

Он оглянулся и увидел Маэля. Тот стоял в двух шагах от него, держа в вытянутой руке обнажённый клинок. В считанные секунды вокруг выросла целая стена воинов, все с боевыми топорами и мечами. Мордред понял, что стоит ему сделать неосторожное движение, как он будет изрублен на куски.

— Ты не только неловок, Вожак Волков, — проговорил Артур, — но ты ещё и глуп. Разве можно затевать ссору здесь, возле Круглого Стола?

— Что ж, сейчас сила на твоей стороне, — прошипел Мордред. — Но наша схватка лишь откладывается. Я не оставляю победу за тобой.

— Собирай своих головорезов и убирайся немедленно. — Артур громко вздохнул. — Если кто-нибудь из твоей Волчьей Стаи будет замечен на земле Круглого Стола, он будет убит. Оповести своих людей. Второго предупреждения не последует.

[1] «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева» (Матфей, 15, 24).

Страсть

Октябрь 470 года

— Гвиневера, подойди ко мне. — Мерддин поманил её своей костлявой рукой.

Она покорно остановилась перед друидом, не смея смотреть ему в лицо. Его глаза пугали её.

— Ты по-прежнему чувствуешь себя чужой здесь?

— Не знаю...

— Ты абсолютно открыта, дитя моё, проникнуть в твои мысли и в твоё сердце — вовсе не великий труд. Это может сделать и менее опытный, чем я, человек. А я знаю тебя давно. Я ведь присутствовал при твоём рождении...

— Никто не говорил мне об этом.

— Я присутствовал там незримо.

— Как так? Ах да, ты же — чародей, ты многое умеешь. — Гвиневера растерянно оглянулась, словно ища поддержки. Зацепившись взглядом за стоявшую поодаль служанку, она громко вздохнула. — Но зачем ты хотел видеть моё рождение?

— Мне надо было ощутить биение твоего духа.

— Зачем? Что во мне особенного?

— Я получил знак, что рождённой в тот год Гвиневере предначертано стать женой Артура, поэтому я отправился на поиски. Ты не одна носишь это имя. Я искал нужную мне Гвиневеру.

— Ты хочешь сказать, что Господь давно задумал сделать меня женой Человека-Медведя? — осторожно спросила девушка. — Женой варвара? Разве такое возможно?

— Никто не ведает замыслов Творца... Будь благосклонной к твоему супругу.

— Он мне не супруг, хоть я и разделяю с ним ложе! Мы не венчались в храме, не стояли перед алтарём! Мы не клялись друг другу перед лицом Бога в верности!

— Не горячись. — Мерддин положил руку ей на плечо, и Гвиневера с удивлением обратила внимание на лёгкость этой руки, показавшейся ей почти невесомой. — Ты готова на необдуманные поступки, девочка... Не оступись! Сейчас ты стоишь перед важным выбором. И это выбор не только твой личный, но и выбор всей Британии.

— О чём ты говоришь, мудрец? Разве мог Господь желать этого? Зачем? Объясни мне! Я слаба и не могу сама осилить такую ношу. Молю тебя, Мерддин, помоги мне!

Мерддин улыбнулся, и его заросшее седой бородой лицо густо покрылось глубокими морщинами.

— Я помогаю тебе, — проговорил он ласково. — Я открываю тебе тайные глубины твоей судьбы. Но ты, чтобы понять меня, должна успокоить свой дух, усмирить своё сердце... Сейчас твоя душа пребывает в смятении, и причина ясна.

— О чём ты?

— О молодом воине по имени Маэль.

Девушка мгновенно вспыхнула.

— Будь осторожна, дитя моё, — проговорил старик. — Огонь любви может легко спалить твои ангельские крылышки...

Над холмами застыли низкие тучи. Одинокая чёрная птица шустро опустилась к самой земле и юркнула в голые заросли кустарника. При малейших движениях ветра бурый лес приходил в движение, сбрасывая оставшиеся жёлтые листья.

Гвиневера придержала коня и обернулась к крепости. Над стенами возвышались разноцветные знамёна, темнели очертания деревянных птиц и зверей на макушках тотемных шестов. Соломенные крыши домов, лепившихся друг к другу вокруг крепостной стены, ясно выделялись в хмуром осеннем воздухе.

— Маэль, — позвала девушку.

— Слушаю, госпожа! — Он мгновенно оказался подле неё, готовый исполнить любое её приказание.

— Хочу прокатиться дальше. — Она махнула рукой в сторону холмов. Капюшон из рыжего лисьего меха соскользнул с головы и открыл синюю повязку вокруг лба, расшитую крупными камнями. От висков тянулись

длинные золотые подвески.

— Госпожа, это не безопасно.

— С тобой пять воинов, Маэль. Разве этого мало, чтобы ты чувствовал себя уверенно? — не то с вызовом, не то с кокетством спросила Гвиневера.

— Когда дело касается только меня, я всегда уверен в своих силах, — без тени улыбки ответил он. — Но речь идёт о твоей безопасности, госпожа. Сам я готов встретить смерть в любую минуту, прославив себя в бою.

— Не надо драться ради славы, мой друг! — Гвиневера жестом прервала юношу. — А ради меня не стоит умирать тем более... Я просто хочу прогуляться. Вот уже месяц как мы кружим по прилегающим к крепости тропинкам. Мне надоело. Мы поедем дальше.

— В таком случае я обязан взять больше людей. В последние дни мы несколько раз натыкались на германских лазутчиков. Не далее как вчера люди Олвена привезли пять вражеских голов.

— Я видела эти головы... И всё же мы поедем дальше. Нам никто не нужен. Я полагаюсь на тебя и на твою верную руку, мой друг. С тобой мне не страшно, — и добавила настолько тихо, чтобы услышал только он: — С тобой я готова отправиться хоть на край света...

Услышав эти слова, Маэль не смог сдержать охвативших его гордости и радости, и по его лицу разлилась краска.

— Линет! — воскликнула Гвиневера и жестом подозвала служанку.

— Я здесь.

К ней подъехала, не очень уверенно держась в седле, девица, плотно укутанная в меховой плащ.

— Я вижу, ты продрогла насквозь, а мы только начали прогулку. Если тебе угодно, разрешаю тебе вернуться в дом.

— Благодарю, госпожа, но я не могу оставить тебя. — Служанка покорно склонила голову, и капюшон почти полностью скрыл её бледное лицо с огромными глазами.

Гвиневера тронула коня.

— Госпожа! — в очередной раз воззвал Маэль. — Артур будет очень недоволен.

— Сейчас ты исполняешь мои приказания, а не его. — Она одарила юношу таким нежным взглядом, что он сдался.

«Ещё один такой взор, и я умру от счастья!» — подумал он

и оглянулся на своих воинов, вооружённых не только мечами, но и луками со стрелами.

Копыта гулко застучали по отверделой земле.

Кавалькада быстро удалялась от крепости Круглого Стола. Маэль скакал бок о бок с Гвиневерой, стараясь заглянуть ей в лицо, однако она подгоняла свою белую длинногивую лошадь и вырывалась вперёд. Гвиневера звонко смеялась, нахлёстывая лошадь плетью, и весь её вид свидетельствовал об охватившем её счастье...

Мало-помалу они вдвоём заметно оторвались от остальной группы и не сразу услышали тревожные крики.

— Что такое? — Маэль осадил коня.

— Всадники! — сорвавшимся голосом воскликнула Гвиневера и вытянула руку с плетью, длинный хвост которой ретиво плескался по воздуху.

— Волчья Стая! Мордред! Эх!.. Как же я... — В одно мгновение с лица Маэля слетела вся беззаботность. Обрушившаяся опасность и горькая досада преобразили его. Мягкость черт исчезла, он словно весь ошетинился, превратившись из очаровательного юноши в свирепого и бездушного хищника.

Человек десять конных во весь опор неслись из леса вниз по склону к служанке и ехавшим рядом с ней пяти воинам Маэля. Ещё столько же скакали вверх, направляясь к Маэлю и Гвиневере.

— Что нам делать? — У девушки перехватило дыхание.

Маэль быстро оценил обстановку. Назад они не успевали. Волчья Стая отрезала их от крепости. Надо было мчаться прочь и пытаться оторваться от разбойников.

— Госпожа, поезжайте по этой тропе наверх! — грозно велел он. — Я догоню.

Он выхватил меч и, вскинув обе руки вверх, принялся сигнализировать своим воинам. Как только они увидели его, один из них развернулся и ринулся в сторону крепости. До Маэля донёсся вопль перепуганной служанки.

— Всё-таки я глупец, — проговорил Маэль и размахисто двинул себя кулаком по голове. — Пойти на поводу у женщины! Я потерял разум!

Он ударил коня пятками и помчался за Гвиневерой. Её меховой плащ вздымался, длинные волосы выбились из-под голубой повязки на голове и трепетали на ветру. Пару раз Маэль оглянулся и увидел через плечо,

как кто-то из Волчьей Стаи схватил под уздцы кобылку бившейся в истерике служанки и как рухнул с коня один из его воинов, пронзённый стрелой. Оставшиеся трое вступили в схватку, ожесточённо работая мечами и укрываясь щитами от стрел. Вторая группа Мордреда поднималась вверх по склону.

Маэль обогнал Гвиневеру и свернул в лес.

— Куда?! Зачем?!

Он развернулся и молча схватил её лошадь под уздцы.

— Здесь нет дороги, мы не сможем ехать! — крикнула она отчаянно.

Он рванул повод:

— За мной! Хватит ненужных слов!

— Но куда мы?

— Я знаю место...

Дальше скакали молча. Только глухой топот копыт, громкое дыхание и хлесткие удары ветвей о бока лошадей звучали в морозном воздухе...

Когда перед ними возникла голая стена утёса, Гвиневера обомлела от неожиданности. Дальше ехать было некуда.

— Бросай лошадь! — приказал Маэль.

— Мы в западне... — только и произнесла она.

— Прыгай с лошади, госпожа! — Голос Маэля звучал почти злобно. —

И взбирайся по этим ступеням наверх.

Он выхватил лук и положил тетиву на тетиву.

— А как же наши кони? — тяжело дыша спросила Гвиневера, уже карабкаясь по едва заметным ступенькам, выбитым в камне.

— Если нас убьют, то кони нам не потребуются...

Звук погони не было слышно. Маэль лелеял надежду, что преследователи потеряют их след — всё-таки при нападении Волчьей Стаи их разделяло большое расстояние.

Гвиневера поднималась медленно. Длинная плотная туника, покрывавшая тело до пят, и парчовая палла, косо окутывавшая плечи и руки, мешали девушке двигаться. Но особенно Гвиневеру стеснял плащ из лисьего меха.

— Боже, помоги, — шептала девушка.

Убедившись, что девушка поднялась на утёс, Маэль быстро поднялся следом. Двигаться по скалам для него, как убедилась Гвиневера, наблюдая сверху, оказалось так же привычно, как шагать по ровной земле.

— Здесь какая-то землянка! — испуганно сообщила ему Гвиневера.

— Знаю... Ступай внутрь. Спрячься там.

— Нет!

— Что за упрямство?! — Он грубо схватил её за локоть и подтащил ко входу в приземистую хижину, покрытую брёвнами и камнями, поверх которых белело множество костей и черепов животных.

— Тут прибежище демонов! — она упиралась.

Маэль увидел, что Гвиневера указывала на два деревянных столба при входе в землянку, к которым были привязаны олени и медвежьи черепа. На высоком шесте чуть в стороне висел большой бубен, примитивно разрисованный фигурками людей и оленей.

— Что это за место? — девушка вырвалась из рук Маэля.

— Дом Мерддина, пристанище одинокого друида. Много лет он отшельничал здесь.

— Мерддин жил в этой лачуге?

— Здесь провёл с ним своё детство Артур... Не бойся, госпожа. Сейчас для нас это самое надёжное укрытие.

Гвиневера поёжилась и набросила на голову меховой капюшон.

— Я чувствую себя в сердце заколдованного леса.

Маэль ухмыльнулся и, шагнув к ней, спокойно взял её за руку. Она повиновалась и двинулась за ним. Он подвёл её к нависающему краю утёса и сказал:

— Посмотри вниз, госпожа. Только осторожно.

Крепко держа девушку за руку, он позволил ей вытянуть шею и взглянуть вниз, где остались их лошади. На поляне, покрытой пожухлой травой, отчётливо виднелись человеческие черепа, выложенные по окружности у основания скалы. Они лежали плотно друг к другу, их было штук пятьдесят, а то и шестьдесят.

— Какой ужас, — проговорила, содрогнувшись, Гвиневера и отшатнулась от замутнённой наплывающим туманом пропасти.

— В спешке ты не обратила на них внимания, госпожа.

— Что означают эти черепа?

— Смерть тех, кто рискнул силой захватить Дом Мерддина, — почти восторженно пояснил Маэль и потянул девушку к хижине. — А теперь ты должна спрятаться внутри.

— Нас убьют? — Она остановилась.

— Надеюсь, тебя успеют спасти.

— Кто?

— Я видел, как один из моих воинов поехал в крепость.

— Но никто не знает, где искать нас... — Её голос сорвался.

— Я подал гонцу знак, госпожа. Если он доберётся до Круглого Стола, то всё обойдётся.

— А если не доберётся?

Маэль промолчал.

— А если не доберётся?! — Гвиневера вцепилась ему в запястья.

— Тогда мы погибнем, — едва слышно ответил он. — Но я гоню прочь даже тень мысли о том, что с тобой что-нибудь случится, госпожа. Я умру, но не допущу, чтобы Волчья Стая захватила тебя! Верь мне!

Он упал перед ней на колени и принялся целовать её ноги, обутые в мягкие кожаные сапоги, покрывшиеся пылью после долгой скачки.

— Маэль...

Он резко поднялся и посмотрел в глаза девушке.

— Гвиневера, госпожа моя, позволь мне сказать... Если мне суждено расстаться с жизнью и с тобой на этой скалистой вершине, то я хочу открыться тебе... Нет человека во всём мире, кого бы я любил столь сильно и страстно!

— В первую очередь ты должен любить Артура, — тихо поправила его девушка, медленно отступая в глубину жилища. Подол её шерстяной туники, расшитый красно-синими цветочными узорами, тяжело колыхнулся. — Ты присягнул ему на верность.

— Да, я присягнул ему, моему владыке. Но тебе, госпожа, я служу иначе.

— Как? — ещё тише спросила она.

— Артуру отдан мой воинский дух, но ему не принадлежит моя душа. Тебе же я отдал всё моё существо без остатка. После того как я повстречал тебя, для меня не существует других женщин. Прости, что я говорю столь дерзко...

Он потупил взор.

— Маэль. — Она протянула к нему руку.

— Слушаю, госпожа.

— Повтори.

— Что?

— Повтори, что ты любишь меня.

— Люблю всем сердцем! Каждая частица во мне трепещет, когда я

произношу твоё имя.

— Никто не говорил мне таких слов! — Гвиневера по-детски прильнула к юноше и задрожала. Он ощутил твердь золотых её подвесок, вдавившихся ему в грудь. — Мне ещё не встречалась такая любовь. Многие вожди приходили к моему отцу и просили моей руки, но никто не говорил о любви.

— Я не прошу ничего, госпожа, не смею просить. — Он стоял неподвижно, не осмеливаясь обнять Гвиневеру. — Я просто люблю...

— Маэль, — прошептала она почти испуганно, — люби меня, заклинаю тебя!.. Я всегда была одинокой, не знала подруг, никого близкого рядом не было... И вот я слышу слова любви!

— Артур любит тебя! — не очень уверенно напомнил ей Маэль.

— Артур?.. Может быть... Да, он говорил об этом... Но только...

— Что «только»? — Юноша затаил дыхание.

— Только я не люблю его...

— Он достоин любви и уважения!

— Сердцу не прикажешь... Мои мысли всё время возвращаются к тебе...

— Что? — Маэль затаился, не поверив услышанному.

— Я люблю *тебя*, — продолжая прятать лицо у него на груди, медленно произнесла она, и сердце её сжалось от произнесённых слов. Ещё несколько минут назад она не решилась бы произнести это, не призналась бы в этом даже самой себе. И вот слова вырвались.

— Люблю... — мягко прозвучало в холодном воздухе, и голос, сказавший это колдовское слово, не принадлежал ни Гвиневере, ни Маэлю.

Они стояли неподвижно, боясь шелохнуться и спугнуть нависшее над ними облако любовного дыма. Наконец девушка осторожно подняла лицо и посмотрела в глаза Маэлю.

— Я не смею поверить в это, — прошептал он. — Я много раз видел смерть ближе, чем вижу сейчас твои губы, но я оставался твёрд. Ни полученные раны, ни напор врага не могли сломить меня. Теперь же я теряю силы, словно жизнь покидает меня... Неужели счастье разит опаснее меча?

— Счастье...

— Никогда не думал, что можно умереть от нахлынувшей радости... Ты поразила меня в самое сердце, я вот-вот лишусь чувств, — признался

юноша.

— Счастье, — повторила она. — Я счастлива сейчас... Где-то там внизу притаился Мордред со своей Волчьей Стаей, наши жизни могут оборваться... Но я впервые по-настоящему счастлива... Маэль, люби меня... — Она передёрнула плечами и сбросила на пол меховой плащ. — Пусть сюда в это время ворвётся Мордред, пусть убьёт нас, но я хочу испить до дна чашу любви...

— Гвиневера...

Он порывисто обнял девушку и выпустил клинок, громко звякнувший о камни.

— Любовь моя... — Это уже пропел наэлектризованный воздух хижины.

— Пусть нас убьют, если так угодно судьбе, — отозвалась девушка. — Не хочу ничего сейчас, только тебя. Пусть смерть, но в твоих объятиях...

— Смерть в твоих объятиях... Как это сладко...

— И как глупо, — едва слышимым эхом подпела тишина.

Гвиневера подняла лицо, подставляя мужским губам свой тёплый рот...

Они не запомнили, как освободились от одежды и припали друг к другу.

— Хочу смотреть на тебя, любовь моя, — шептала Гвиневера.

Прикосновение к пылающей коже, казалось, воспламеняло пространство.

— Хочу...

— Хочу...

— Хочу...

Они перебивали друг друга, торопясь сказать главное, душили поцелуями, метались по каменному полу и по ласкающему лисьему меху. Гвиневера кипела, её энергия подавляла Маэля. Исходивший от тела девушки жар заполнил хижину и сгустил воздух. Маэль с готовностью отвечал на жадное искание её рук, но никак не мог до конца отдаться коротким мгновениям счастья. Наслаждение ускользало, вытесняемое внутренним напряжением. Привычный находиться на чеку, Маэль вылавливал малейшее движение за пределами жилища, вслушивался в тончайшие подозрительные звуки. Но всё оставалось в покое у подножия скалы.

— Любовь моя... — Гвиневера добралась до живота Маэля, пальцы её

скользнули ниже. — Господи, не дай нам погибнуть прежде, чем мы постигнем сладость нашего единения!

Он увидел её изумлённые глаза, когда проник в затрепетавшую мякоть её нетерпеливого лона.

— Твоя! — выпалила Гвиневера.

Ему почудилось, что весь он покрылся искрами, они бегали по его рукам и ногам, приятно покалывая и вбуравливаясь в тело, чтобы под кожей порождать новые искры. В голове помутилось. Он впился в нежную женскую шею и застонал.

Время вскипело, пещера покачнулась, словно глубоко вздохнула...

И вдруг ухо уловило далёкий хруст ветвей под копытами.

Маэль немедленно освободился от объятий возлюбленной и бросился к выходу, схватив лук и колчан со стрелами.

Волчья Стая ещё не выбралась из леса, но юноша уже по звуку определил, что к утёсу двигалось более десяти человек.

— Что ж, у меня будет что вспомнить, когда я попаду на Небеса...

Он в два прыжка вернулся к хижине и, присев на корточки перед холодным, давно никем не разжигавшимся очагом, набрал горсть золы и стал обмазываться ею. Мельком он взглянул на Гвиневеру и бросил:

— Тебе надо одеться, любовь моя. Когда сюда придут, ты не должна никому дать повода усомниться в твоей добропорядочности.

— А ты?

Он поспешно нацепил штаны и мягкую обувь, оставив торс голым и перепачканным золой, и выбежал наружу.

Снизу донеслись торжествующие выкрики:

— Они здесь!

— Маэль, вонючий пёс, выходи! Быть может, мы убьём тебя сразу, если ты не разозлишь нас, и не станем жарить на костре.

— Гвиневера! Где ты? — раздался властный голос Мордред. — Я пришёл за тобой! Вернись ко мне! Твой отец обещал тебя мне! Зачем тебе Артур со своими дикарями и колдунами?

Маэль осторожно высунулся и пустил стрелу. Внизу послышался болезненный вскрик, за ним разразились бурные проклятия.

— Именем Господа! Я отрежу тебе палец за пальцем, Маэль! — прорычал Мордред.

Маэль встал в полный рост на самом краю утёса и выпустил одну за одной ещё две стрелы, сразив двух всадников.

— Ваши черепа лягут в круг рядом с другими, когда муравьи объедят ваши отрезанные головы! — задорно выкрикнул он. — Никто из врагов не поднимался на этот утёс! Хорошо ли слышит меня Волчья Свора? Поджимайте ваши хвосты и улепётывайте, пока дух Мерддина не превратил вас в неподвижные камни! Или вы не знаете, куда приехали?

— Он перебьёт нас всех, — сказал один из всадников, понукая своего коня и пятась к деревьям. — Мы не попадём в него отсюда. Он слишком высоко. Стрелять неудобно. Зато мы у него как на ладони, Мордред.

Маэль неторопливо положил очередную стрелу на лук и натянул его.

Мордред тут же пустил своего коня вскачь, чтобы укрыться от опасности в лесу. Весь отряд заметался и последовал за главарём. Маэль пустил стрелу, и она вонзилась в чью-то спину.

— Ха-ха! — торжествующе закричал Маэль. — Кажется, кто-то назвал меня псом? Где же ваши клыки, волки? Я не слышу угрожающего воя, доносится лишь трусливое повизгивание! Ха-ха-ха! А теперь сидите и ждите... Никто из вас не поднимется сюда, пока я жив... Суньтесь сюда, и я с удовольствием спущу шкуру с каждого из вас, чтобы натянуть её на боевой барабан!

— Мы будем ждать, пока ты не сдохнешь от голода, Маэль! Или ты думаешь, что кто-нибудь выручит тебя? Нет, вы сожрёте друг друга с прекрасной Гвиневерой, когда у вас подведёт животы!

— Так-то ты любишь женщину, Мордред? — зло засмеялся Маэль.

— Плевать мне на всех! Я должен отомстить Артуру.

— Трусливый вор! Ты не рискнул даже вступить в честный бой!

— Когда-нибудь я вырву Человеку-Медведю его когти и сделаю из них нагрудное украшение! — продолжал кричать из леса Мордред. — А его самого я буду травить собаками, как настоящего медведя!

— Слишком много слов! Поднимись-ка ко мне, я хочу испытать крепость твоих рук!

— Не принимай меня за дурака, Маэль! Ты же прикончишь меня, пока я буду взбираться!

— Разумеется, — хохотнул юноша. — И с огромным удовольствием! Жаль, у тебя нет ни волчьего хвоста, ни когтей, мне нечем будет украсить мой шлем. Да и откуда у тебя волчьи когти, Мордред? Ты же не волк, а жалкая собачонка во главе своры трусливых беспородных щенков! Вы умеете только тявкать!

Мимо него с жужжанием пролетела стрела и, громко стукнувшись, упала на камни возле входа в хижину. Вторая ударилась о скалу, не долетев. Третья зависла в воздухе, словно во сне, развернулась и упала обратно.

— Вижу, вы страдаете косоглазием! — бросил Маэль и скользнул к домику. — Гвиневера, счастье моё, не выходи наружу, тут опасно!

И тут же вернулся на край скалы.

Пританцовывая, вращаясь вокруг своей оси, он начал что-то напевать. Иногда он подпрыгивал, приседал, перекувыркивался через себя, тут же ловко вскакивал и плевал в прятавшихся где-то внизу людей.

— Мне становится скучно! — крикнул он через некоторое время.

— Мы подождём, пока ты уснёшь!

Маэль сел на камни и оглянулся на избушку, где скрывалась Гвиневера.

«Любовь моя, смысл моей жизни... Скоро приедут люди Артура... Но что же мне делать теперь? После того как я познал тебя, я не смогу оставаться подле Артура. Я нарушил клятву верности моему господину. Мне лучше умереть прямо здесь...»

Он поднёс руку к лицу и потянул носом, вдыхая запах женского тела, оставшегося на пальцах.

«Мне лучше умереть...»

Юноша откинулся на спину и прислушался. Понемногу стал набегать ветер. Висевший на шесте бубен закачался и издал гулкий звук, затем ещё и ещё. Маэль в тревоге повернул голову. Никогда не приходилось ему слышать, чтобы бубны сами пели. Впрочем, здесь лежала земля великого Мерддина, которому были подвластны любые чудеса.

Маэль поднялся и остановился на краю уступа.

— Эй вы, собаки! Слышите голос Мерддина? Слышите его бубен? Грядёт ваша гибель!

— Во имя Господа, Мордред, уйдём отсюда, — взмолился кто-то внизу.

— Чушь! Неужели вы верите во все эти рассказы про старого скрягу? — огрызнулся Мордред. — Что может против вас жалкий старикашка?

— Бубен Мерддина поёт песню смерти! — опять крикнул сверху Маэль.

Сгрудившиеся вокруг Мордреда воины недовольно бухтели. Снизу

им было плохо видно человека на вершине утёса. Но им открывался прекрасный вид на затянутое тучами небо.

Облака внезапно сдвинулись и побежали, клубясь и принимая причудливые формы. Над самым утёсом зависла неизвестно откуда взявшаяся чёрная птица и вскоре исчезла, оставив за собой необъяснимый мутный след в небе.

— Что это? — оторопело прошептал Мордред. — Темнеет, будто ночь надвигается.

— Снег, — проговорил стоявший возле него бритоголовый мужчина, на спине которого болталась волчья шкура. — Смотрите! Снег повалил!

Из бурлившей над скалой сизой тучи сыпались белые хлопья. Некоторые невесомо кружили над лесом, другие наливались тяжестью в полёте и падали на землю тяжёлыми крупными льдинами.

— Боже! Что это? Мордред, ты посмотри вокруг! Нигде ничего такого, только тут, прямо над нами! Я убираюсь прочь! — испуганно воскликнул кто-то. — Может, Мерддин тут ни при чём, но мне не по вкусу вся эта дьявольщина!

— Стой!

— Не останавливай меня! Я буду в нашем лагере!

Трудно сказать, сколько прошло времени, но когда послышался дружный топот множества копыт, Маэль, неотрывно наблюдавший с утёса за передвигавшимися в лесу тенями Волчьей Стаи, сразу понял, что приехала помощь из крепости.

— Гвиневера! — Он метнулся в хижину и упал на колени перед девушкой. — Приехал Артур! Ты спасена!

— Артур?

— Да...

Они вдвоём вышли на скалу.

— Волчья Стая удирает, — сказал Маэль.

— Что же нам делать теперь? — растерянно проговорила Гвиневера, глядя на двигавшихся между деревьями всадников.

— Воины Круглого Стола! Здесь воины Круглого Стола! — доносилось снизу.

Маэль затянул ремень, поправил ножны и торопливо набросил плащ. Его затуманенный взгляд блуждал по вечернему пространству.

— Если бы я знала, что нас всё-таки спасут, я бы... — Гвиневера едва сдерживала слёзы.

— Ты бы не осмелилась открыть мне твою любовь?

— Да... Как нам быть теперь? Как мне возвращаться к Артуру? Теперь жизнь будет мне хуже смерти!

— А как мне служить теперь Артуру? — подавленно спросил юноша. — Я принёс ему клятву верности, и вот я обманул его... И как обманул! Возлёт с его женой!

Они замолчали, глядя на приближавшихся всадников. Впереди скакал сам Артур.

— Я покину Круглый Стол, — произнёс Маэль. — Сегодня же...

— Нет! — почти закричала девушка. — Отныне ты связан со мной. Ты обещал служить не только Артуру, но и мне!

— Я не смогу смотреть ему в глаза.

— Смотри в глаза мне, а не ему... Маэль, я умру, если ты уедешь!

— Позволь мне уйти, госпожа!

— Я не госпожа тебе, а жена! Да, я согрешила перед Господом, вступив в незаконную связь с женщиной. Но у меня есть оправдание — любовь! К Артуру у меня нет любви... Милый мой, не покидай меня!

— Мы убили пятерых, — доложил Касваллаун, когда отряд вернулся в крепость.

Артур молча слез с коня и посмотрел на Гвиневеру. Бледное от волнения лицо девушки дрогнуло.

— Прости, господин, — едва слышно произнесла она. — Я доставила тебе много хлопот.

— Ты могла погибнуть, — только и ответил он.

— Я виновата. — Она смиренно опустила глаза.

Артур посмотрел на Касваллауна, всё ещё сидевшего верхом и поигрывавшего поводьями.

— Распорядись, чтобы сегодня же гварды обшарили местность и выяснили, где обосновалась Волчья Стая. А потом мы разорвём их на куски.

— Всё сделаю, — кивнул Касваллаун и развернул коня.

— Государь мой, — робко подала голос Гвиневера, и протянула руку Артуру.

Он молча снял жену с лошади, но не опустил на землю, а удержал

в воздухе и долго смотрел на неё изучающим взглядом. Она висела у него в руках, затаив дыхание, и не знала, чего ждать. Сердце учащённо колотилось. В эти мгновения Артур был и впрямь похож на медведя — огромный, взлохмаченный. Гвиневере показалось, что в его глазах поднялась волна гнева, и подумалось, что муж вот-вот раздавит её своими ручищами. Она сглотнула и начала молиться, но ничего ужасного произошло. Наоборот, Артур с необычайной осторожностью поставил жену на ноги и мягко поцеловал в губы. Она почувствовала солёный вкус пота, струившегося по его лицу и скопившегося в густой бороде.

Она ждала упрёков.

— Тебе надо отдохнуть, — сказал он.

— Что с моей служанкой?

— Линет? Мы не видели её. — Артур бережно провёл широкой ладонью по щеке жены. — Я мог потерять тебя.

Она не ответила, но подумала: «Он любит меня. В нём бездна тепла. Однако сердце моё принадлежит другому... Но где же Маэль?»

— Ступай к себе, — сказал Артур.

Она быстро пересекла двор, проталкиваясь сквозь взмыленных и часто всхрапывающих лошадей. Исподлобья поглядывая на воинов, она пыталась найти Маэля, но не видела его.

На ступенях дома стоял Мерддин.

— Рад, что всё обошлось, дитя моё, — улыбнулся старик.

— Милостью Господа... — Гвиневера перекрестилась.

— Не ищи его.

— Кого? — насторожилась девушка.

— Маэля.

— Почему?

— Он больше не появится здесь.

— Почему?

— Разве ты не понимаешь, дитя моё? — Голос Мерддина звучал печально. — Он предал своего государя. Он согрешил... И его грех гораздо тяжелее твоего...

Гвиневера почувствовала, как у неё закружилась голова. Мерддин всё знал, ничто не могло укрыться от его прозорливости. Щёки девушки запылали.

— Тебе нечего бояться, — не меняясь в лице, сказал друид. — Тайна твоей любви станет известна, если только ты сама откроешь её кому-

нибудь. Но отныне ты обречена на бесконечное ожидание. Маэль не позволит себе вернуться в братство Круглого Стола. Разве что на щите — искупив жизнью нарушенную клятву верности.

— Боже всемогущий! Прости меня! Не удали щедрот твоих от меня! — запричитала Гвиневера, прижав руки к груди и переплетя пальцы с такой силой, что они побелели.

— Успокойся, дитя. Господь не осудит тебя за случившееся. — Мерддин взял девушку под руку и повёл внутрь. — Любовь околдовала тебя. Не твоя вина, что ты не смогла устоять перед опаснейшей из сил, придуманной Господом для испытания наших душ.

— Откуда тебе всё известно? — Гвиневера покачнулась. — Как ты можешь знать то, чего не видел и не слышал? Ты чародей?

— Ты забываешь, дитя моё, что я — верный слуга Господа нашего. Его властью мне дано право видеть то, что скрыто от других.

— Почему я не могу быть с Маэлем? — почти неслышно спросила она.

— Потому что тебе написано быть женой Артура. Тебе суждено нести крест утерянной человеческой любви и крест сиятельной жены верховного правителя Британии. Господь да поможет тебе на одре супружества, помилует тебя и исцелит твою душу.

Гвиневера прислонилась к дубовому дверному косяку. Её наполнившиеся слезами глаза рассеянно блуждали по двору. Ей казалось, что она не различала ничего, но в какой-то момент что-то словно кольнуло её в сердце, взор её вдруг сделался ясным и остановился на фигуре пожилого мужчины в длинном плаще друида с наброшенным на голову капюшоном. Он застыл около ворот, опираясь одной рукой на длинный посох с загнутым верхним концом, завершавшимся тяжёлым деревянным набалдашником в виде человеческого черепа. На тяжеловесном лице друида застыло выражение торжества, глубоко посаженные глаза бесновато горели из-под нависших надбровных дуг.

Гвиневера ежедневно видела здесь много друидов, но не только ни на кого из них не обращала внимания, а даже сторонилась их, считая прислужниками дьявола. Они тоже не досаждали жене Артура. Этот же смотрел так, будто хотел взглядом вывернуть её наизнанку. Никто не позволял себе ничего подобного. Гвиневера нервно дёрнулась и поспешила зайти в дом, чтобы скрыться от прикосновения колючих

глаз незнакомца. Ей сделалось не по себе.

Уже отворачиваясь, она успела заметить, как губы друида шевельнулись и проговорили:

— Свершилось...

Она почти услышала его голос, хотя мужчина находился довольно далеко и на дворе стоял сильный шум: топали и всхрапывали кони, бряцало оружие, на повышенных тонах разговаривали воины.

— Что с тобой? — Мерддин шагнул к Гвиневере. — Ты побледнела.

— Я увидела человека... Там... Он напугал меня...

— Какого человека? Здесь, в братстве Круглого Стола, никто не может напугать тебя.

— Друид... Он сказал: «Свершилось»...

Мерддин вернулся к двери и внимательно осмотрел двор. Всё было вполне обычно.

— Тебе что-то пригрезилось, дитя моё.

Но едва он произнёс эти слова, как он заметил уже у ворот фигуру в длинном тёмном плаще. Человек шагал неторопливо, опираясь на посох, однако при этом перемещался быстро, словно летел над землёй. Так умели передвигаться очень немногие.

«Неужели кто-то шпионит за мной?» — Мерддин сощурился, порывисто вытянул руку и, сделав несколько раз подряд хватательное движение пальцами, пронзительно свистнул. Во дворе все смолкли, даже лошади прижали уши и застыли. Казалось, весь мир подчинился прозвучавшему оглушительному свисту, от которого у Гвиневеры настолько заложило уши, что голову пронзила острая боль. Все посмотрели на Мерддина. В наступившей тишине стало слышно, как сухие листья с шуршанием перекатывались по земле под лёгким дыханием ветра.

Таинственный друид задержался лишь на мгновение, обернулся, сверкнул глазами и скрылся за деревянными воротами.

Мерддин продолжал стоять с вытянутой рукой. Его пальцы коснулись запечатлевшегося в воздухе облика незнакомца и ощутили исходящую от него горячую волну.

— Да... — вырвалось из уст старца.

Никто из толпившихся во дворе не понял, что случилось. Для всех Мерддин просто стоял с простёртой рукой, погружённый во внезапно охватившие его думы, — непостижимый для всех мудрец в очередном

приступе озарения.

— Да, — повторил он и медленно опустил руку, налитую ощущением соприкосновения со жгучей энергией хорошо знакомой ему субстанции. — Это кто-то из них...

— Кто? — Гвиневера вцепилась ему в локоть. — Кого ты увидел?

Мерддин повернулся к ней. Его веки были опущены и подрагивали.

— Ты знаешь того человека? — настаивала девушка.

— Нет.

— Ты сказал: «Это кто-то из них».

— Да. — Старик кивнул. — Один из них.

— Кто они? О ком ты говоришь?

— Ты не должна спрашивать, дочь моя. Есть тайны, о которых обычным людям не позволено знать. — Он глубоко вздохнул и посмотрел на Гвиневеру. — Ступай. Тебе следует отдохнуть. Нынешний день принёс тебе большие испытания. — Мерддин обеими руками привлёк голову девушки к себе и поцеловал её в лоб.

Через двор, загибая ногами солому и путаясь в длинной рясе, ковылял Герайнт.

— Отец Герайнт! — воскликнула Гвиневера.

Монах взобрался по ступеням и перекрестил Гвиневеру:

— Да хранит тебя Господь!

Мерддин медленно отошёл от них. В его седовласой голове метались, словно обезумевшие, противоречивые мысли.

«Откуда здесь мог взяться маг Тайной Коллегии? Ведь я не ошибся! Это один из них... Но почему? С какой целью? Если он не захотел поприветствовать меня, то он явился отнюдь не с целью помочь мне в моей миссии. Тогда зачем?.. Неужели Коллегия не доверяет мне? Неужто сюда послан соглядатай?.. Нет, это исключено. Я почувствовал излучение огромной мощности, которым обладают только посвящённые. Маг такого высокого уровня не станет выполнять работу шпиона... Тогда кто он? Почему он пришёл сюда, но не заговорил со мной?.. Или же он не знает, кто я? Но как такое возможно?.. Придётся послать вопрос в Собрание... Нет, нельзя. А если это какая-то скрытная игра против меня? Тогда не следует показывать, что я обнаружил что-либо. Сделаю вид, что ничего не произошло. Надо выждать... Авдуг это Амрит, известный как Нарушитель? Вдруг... И тогда...»

С Тайной Коллегией Магов он столкнулся впервые лет пятьдесят

назад. Будучи друидом, он много путешествовал, соприкасался с разными людьми, делился своим опытом и перенимал чужое мастерство. Во времена римского правления друиды держались в тени, стараясь не раздражать наместников своим присутствием, но в последние годы римской власти в Британии правители стали смотреть на друидов спокойно. Жестокая хватка цезарей ослабла, губернаторы Галлии и Британии старались вести себя максимально дружелюбно с местной знатью, и друиды мало-помалу опять стали возвращать свои утерянные позиции. Однако бывшие вероучения столкнулись с новым врагом – христианством. Оно наступало без шума, но активно. Оно расползлось по стране, как сладкий яд. Друиды не сразу осознали, с каким опасным врагом столкнула их жизнь.

Совершая паломничества в дальние края, Мерддин посетил множество храмов, где совсем ещё недавно молились римским богам и приносили нехитрые жертвы, но теперь там не осталось прежних мраморных божеств, их заменило новое изваяние – крест с распятым на нём мужчиной; в некоторых храмах стояла также женская фигура с младенцем на руках. Не сразу разобрался Мерддин в сути новой веры, не сразу понял, что фундаментом её была мудрая идея любви и всеобщего смирения. Познакомившись с несколькими служителями нового культа, друид возвратился в Британию, где после ухода римлян бриттские вожди развязали междоусобную войну за власть.

Время от времени Мерддин удалялся в своё лесное логово, в окрестностях которого редко осмеливался появиться кто-либо из обыкновенных людей. И там он однажды обнаружил незнакомца. Тот назвался Гонцом и, начав издали, повёл долгий разговор о магии, завершив свою речь тем, что некая Коллегия Магов, уходящая корнями в глубокую древность, предлагает Мерддину принять участие в построении нового мира. Мерддин внимательно выслушал Гонца и согласился встретиться с Магистром – главной фигурой в Тайной Коллегии. Встреча произошла через несколько дней. Мерддину не пришлось никуда ехать: Магистр сам явился к нему, но не в теле – в хижине Мерддина появился только бесплотный облик, правда, хорошо различимый обычным человеческим глазом. Его мог бы увидеть любой, заглянувший невзначай в жилище друида. Но Мерддин знал, что случайных посетителей не будет. Он и сам умел делать так, чтобы люди сторонились его, когда в том была надобность. Он умел наполнить кого

угодно тревогой, беспокойством, апатией, а то и просто швырнуть человека в долгое бессознательное состояние.

От Магистра же исходила непостижимая энергия — пространство вокруг буквально потрескивало, искрилось. Даже Мерддин ощущал тяжесть присутствия Магистра. Он слышал о способности некоторых магов перемещаться в пространстве, но сам не обладал таким мастерством. Среди друидов таких могучих магов ему не встречалось, но о таких людях любили посудачить. И вот к Мерддину пришёл сильнейший из магов. В этом друид не сомневался.

Казалось, что у Магистра не было лица. То есть лицо находилось на своём месте, однако оно словно было лишено конкретных черт — ни молодо, ни старо, ни красиво, ни уродливо. Такое лицо невозможно запомнить, но Мерддин знал, что узнает его в следующий раз сразу, если такой случай представится. Голос Магистра звучал негромко, но отчётливо, как если бы Мерддину говорили в самое ухо.

Разговор продолжался недолго.

— Мы внимательно наблюдаем за всем, что происходит в мире, и пристально следим за теми, кто занимается магией, — сказал Магистр. — Кого-то мы уничтожаем, кого-то превращаем в проводников своих идей, хотя они даже не догадываются об этом, некоторых вербуем в наши ряды для исполнения примитивных задач, но все эти люди не имеют отношения к тайным знаниям. Избранных же, совсем немногих, принимаем в члены нашего братства. К этим немногим относишься ты, Мерддин. Ты достаточно силён и осведомлён, чтобы стать одним из нас. Я протягиваю тебе руку и предлагаю присоединиться.

Мерддин решился сразу. Сила, исходившая от гостя, ошеломила его. Друид понимал, что такой шанс дважды не предоставляется никому из смертных. С тех пор он высоко поднялся по Лестнице Знаний, отшлифовал многие навыки, силу заклятий превратил в грозное оружие, научился разить словом, как острым клинком. Но до мастерства некоторых легендарных магов ему было всё-таки далеко.

В Тайной Коллегии иногда рассказывали о маге по имени Амрит, больше известном как Нарушитель Закона. Амрит получил одну из самых высоких степеней магов, но ему всегда было мало тех знаний, которыми владели члены Коллегии, и он, забыв об уставе, занялся собственными опытами. Годы спустя он развил в себе способности, которые позволили

ему сохранять после смерти все наработанные за прошедшую жизнь навыки. Он научился переселяться из одного человеческого тела в другое, но это не была обычная реинкарнация, когда субстанция, называемая душой, воплощалась в новом теле и не помнила ничего о своём предыдущем существовании. Амрит помнил всё. Он не рождался заново неразумным младенцем, а именно переселялся, словно переезжал в новый дом. Фактически он стал бессмертным. Его невозможно было убить, так как его сущность могла в любой момент «выпорхнуть» из человеческой оболочки и подыскать себе новую, при этом не ограничивая себя во времени. Амрит умел находиться вне плотного материального тела сколь угодно долго.

Амрит вёл свою, только ему понятную игру. Он выстраивал коридоры событий, стремясь создать магические узоры конкретных судеб. Реинкарнации выбранных Амритом людей должны были сложиться в особый узор. Амрит хотел выстроить из таких узоров магический рисунок, который, по его замыслу, мог стать ключом к Истине. Тайная Коллегия во главе с Магистром прилагала огромные усилия, чтобы сломать игру Амрита. Называя его Нарушителем Закона, члены Коллегии всячески пытались вычислить очередной шаг Нарушителя, устраивали западни, создавали ловушки в тонком пространстве. Однако Амрит оставался неуловимым.

Следом за Нарушителем появились другие отступники — Хель, Кербер, Эльфия... Каждый из них обладал своим секретом, и каждый считался врагом Тайной Коллегии Магов и личным врагом Магистра — хранителя Ключа Знаний.

Мерддин не встречался ни с одним из них, но знал, что встреча была вполне вероятна — особенно теперь, когда Мерддин и другие маги Тайной Коллегии выстраивали коридоры событий, чтобы в историю новую религию. Проведав об этом, Амрит мог воспользоваться некоторыми уже созданными магическими узорами для построения своего коридора человеческих судеб. Он работал тонко, изощрённо, виртуозно, шаг за шагом отслеживая всё, что делала Коллегия, пользуясь её энергетическими каналами и вплетая свои замыслы в замыслы Коллегии. Он видел всё, сам же оставался почти невидимым. Лишь изредка некоторые жрецы натывались тут и там на следы его присутствия...

Вот и на Мерддина внезапно накатили неведомые прежде

ощущения. Фигура в капюшоне, исчезнувшая за воротами, глубоко врезалась в память. Незнакомый друид исчез без следа, но что-то неуловимо-тонкое говорило о его пребывании во дворе Круглого Стола.

«Быть может, это был Нарушитель? — содрогнулся Мерддин. — Если он здесь, то как мне поступить? Сообщить ли Магистру? Или сделать вид, что я ничего не заметил? Если это Нарушитель, то он ведёт игру на моей территории... Чем это грозит мне? Есть ли какая-то опасность? Пожалуй, лучше выждать, не привлекая к себе внимания Коллегии... У меня есть возложенная на меня миссия, поэтому надо сосредоточить все силы только на ней...»

— Сегодня я видел странный, необъяснимый сон, — сказал Артур, прыгнув с коня и обняв его шею. Он поглядел на Мерддина. — На душе у меня тяжело теперь.

— Неужели что-то испугало тебя? — Мерддин хитро прищурился из-под косматых седых бровей. — Что же ты увидал такого гнетущего?

— Во сне ко мне пришла старуха. Она долго танцевала вокруг меня, нащёптывала мне в уши какие-то слова, предлагала рог с густым напитком. Из всех её слов я запомнил только вот что: «Мягким будет твоё питьё из рога властелина — хмельной мёд, сладкий мёд и крепкий эль». Когда я глотнул из того рога, старуха легла со мной и сделалась моей женой. Едва это произошло, вокруг меня выросли горы еды, я услышал народные песни, увидел просветлевшее небо.

— И ты не понял этого сна? — Друид улыбнулся, похоже, весьма довольный услышанным. — Тут всё предельно ясно.

— Объясни, если можешь.

— К тебе пришла невеста и поднесла напиток могущества.

— Старуха?

— У неё есть имя — Власть. Что удивляет тебя? Власть стара, как сама жизнь. Ты долго отказывался, хоть она сама шла к тебе в руки. Но вот ты согласился взять её, и в твоей стране наступил праздник, пришло изобилие, наступила пора уверенности и радости. Этот сон — знак.

— Мне надо принять верховную власть?

— Этого давно ждут от тебя люди.

— Власть означает отказ от себя, — горестно сказал Артур.

— Такова твоя судьба, Человек-Медведь. Ты и сам чувствуешь, что эта необходимость назрела.

— Я встретил женщину, которая разожгла в моём сердце огонь любви, — задумчиво проговорил Артур. — Став верховным правителем, я вынужден буду отдаться той самой старухе из моего сна, отказавшись от обыкновенного человеческого счастья? Мне довелось видеть немало вледигов, но все они радели только о собственном богатстве, а не о своём народе. Я же соглашусь принять власть только ради моей любимой земли. И тогда жизнь моя будет принадлежать только Британии. У меня может быть только одна невеста — либо власть, либо женщина... Но для чего же встретил я Гвиневеру, если мне не суждено познать счастья с нею?

— Артур, ты уже давно не мальчик, поэтому я скажу прямо.

— Говори. — Артур любовно похлопал коня по шее.

— Гвиневера смиренно приняла волю отца, да простятся ему его прегрешения. Гвиневера — послушная дочь. Но, распахнув свои объятия для тебя, она не впустила тебя в своё сердце.

— Знаю. Она покорна, но холодна. И в холодности её мне не столько видится отсутствие любви, которая со временем могла бы родиться в ней, сколько я ощущаю присутствие чего-то куда более страшного... Я чувствую в ней враждебность. Моя жена терпит меня, но считает чужим по духу.

— Я уже объяснял тебе: если бы ты был христианином, она бы не сопротивлялась в своём сердце. — Мерддин коснулся руки Артура. — Ты понимаешь меня?

Артур ухмыльнулся и вспрыгнул на коня.

— Мне кажется, что вокруг меня плясала не только старуха Власть, — потряхнул он косматой головой. — Возле меня кружили и кружат все силы Судьбы, уготовившие мне совсем не то, к чему стремится моя душа.

— Чего же ты хочешь? — воскликнул Мерддин, глядя снизу вверх.

— Любви! Я хочу любви, Учитель!

В глазах Мерддина задрожали слёзы.

— Тебя любят столько людей! Ты любим почти всей страной!

— Всей страной... Это слишком много для меня, Учитель, — невесело ухмыльнулся всадник. — Я хочу любви одной женщины. Скажи, подарит ли она мне свою любовь?

— Тебя любит народ! — повторил Мерддин, и просительно вытянул

руку. Костлявые пальцы старчески затряслись. — Народ уповаet на тебя! Ты рождён быть правителем, само имя твоё требует от тебя этого[1]!

— Народ?.. Что ж... Ты прав...

Артур сдерживал коня, заставляя его крутиться на месте. Длинная рыжая грива колыхалась на ветру.

— Ты прав, мудрец... Что ж, значит, так тому и быть... Объяви всем, что я согласен принять власть. Отметим наступление зимы особым торжеством. Великий праздник Самайн[2] будет началом моего правления. Так и скажи: Артур примет венец вледи́га в главный день Самайна!

Он ударил коня пятками и пустил его вскачь, взвихрив прохладный утренний воздух.

— Да хранит тебя Господь! — улыбнулся ему вслед Мерддин.

[1] Кельты считали медведя символом верховной власти.

[2] Ночь на 1 ноября.

Из книги «Жития Святого Мерлина»

Никто в королевстве Артуровом не ожидал, что Мордред решится коварным образом похитить Гвиневеру, добродетельную красавицу, почитаемую даже в самых далёких уголках Британии.

Он же подкараулил её во время прогулки и напал на ничего не подозревавшую Гвиневеру со своими рыцарями.

Гвиневеру сопровождал лишь доблестный Ланселот. Он поспешил с королевой прочь от разбойников и успел забраться на высокую скалу. Люди Мордредра начали осаду. Помощи ждать было неоткуда.

Отважный Ланселот разил и разил наседавших врагов, и уже целая гора мёртвых тел выросла перед скалой, где пряталась прекрасная Гвиневера.

Мерлин видел с крепостной стены, как Мордред напал на Гвиневеру, однако рыцарей в замке совсем не было, ибо все отправились в поход с Артуром. Никого не осталось, чтобы выручить королеву.

В отчаянии Мерлин воздел руки к небу и возопил:

«Владыко Господи Иисус Христос, Боже наш, источник жизни и бессмертия, Сын безначального Отца, распятый и погребённый за наше греховное и злонравное естество, к тебе обращаюсь с мольбой! Приклони ухо Твоё и услышь глаголы мои. Прошу Тебя о помощи, Господи, ибо не в силах моих спасти невинную душу твоей верной дочери Гвиневеры, коей угрожает смертельная опасность от рук страшных грешников и растлителей, собранных под рукой бессердечного Мордредра, не знающего чести и любви и живущего кровавыми разбоями да беспощадными убийствами. Знаю, что ты, Господи, незлобив, долготерпелив и многомилостив, и не пристало мне просить тебя о смертельной расправе над разбойниками, но не дай чёрным дьявольским отродьям сотворить зло над чистой душой. Спаси же Гвиневеру, жену славного Артура, не дай ей испить горькую чашу!»

Не прошло и нескольких секунд, как по небу пробежали молнии, тучи собрались над войском Мордредра, поднялся страшный ветер, земля

задрожала. Воздух наполнился жаром и ударил по рыцарям Мордреда, разметав их по окрестностям. Многие были унесены ураганом за тысячи лье, их бездыханные тела обнаружили позже даже в чужеземных королевствах.

А когда небо очистилось, то Гвиневера узрела меж облаками сияющий лик Господа и, опустившись на колени, возблагодарила Его.

Так Мерлин молитвой своей спас жену великого короля Артура.

Артур же устроил погоню за Мордредом и сжёг немало селений, где Мордреду давали приют. Ужас и огонь сеял Мордред, но не меньший страх нагонял на людей и великий король Артур. Гнев его не знал границ. Сердце его забыло о пощаде. Душа его заболела недугом ненависти...

Благочестивый Мерлин изо дня в день молился о спасении души Артуровой.

Турнир

Февраль 1096 года

К концу января участники турнира прибыли во владения графа де Парси, но лишь знатым господам было позволено остановиться в замке, остальные довольствовались жизнью в палаточном лагере близ ристалища. С крепостной стены теперь открывался красочный вид: большинство палаток было сшито из цветной материи и возле каждой пестрело на ветру знамя с гербом. В лагере царил шум, слышались песни, возбуждённые ожиданием рыцари вели громкие разговоры, многие тренировались, выезжая с оруженосцами в поле.

Ван Хель стоял вместе с Изабеллой у окна башни, откуда было удобно наблюдать за палаточным лагерем и ристалищем. Девушка пользовалась любой возможностью, чтобы повидаться со своим избранником. Многочасовая работа с шитьём сильно утомляла её, свободного времени было мало, но теперь, когда вокруг всё гудело ожиданием турнира и когда ежедневно закатывались пиры, всем обитателям замка было разрешено отдохнуть. Без устали слуги трудились только на кухне.

— Я ещё никогда не присутствовала на турнирах, — посетовала Изабелла.

— Вы ничего не потеряли, душа моя. Турниры похожи на баловство грубых и глупых людей, — усмехнулся Ван Хель.

— Почему?

— Мужчины играют с оружием.

— Пусть лучше так, чем на войне.

— С оружием нельзя играть. Оружие от этого слабеет, теряет свой дух.

— Но ведь для чего-то турниры придуманы?

— А для чего придуманы пышные застолья и шумные пиры? — спросил Ван Хель. — Вот мы стоим с вами рука об руку, и никто нам не нужен. Нам хорошо друг с другом без громких песен и без множества

винных кубков. Разве не так?

— Так.

— А они, — он кивнул в сторону палаточного лагеря, — скучают, если они сами не кричат, не гремят их латы, не хрипят кони... В их сердце нет восторга от естественного течения жизни. Им плохо, когда они взирают на мир трезвыми глазами. Оставаясь наедине с собой, они тоскуют, ибо они пусты, ничем не наполнены. И чтобы спрятаться от душевной пустоты, они торопятся наполнить мир шумом. Для этого им нужны турниры, песни, крики...

— А что делают те дамы? — Изабелла жадно рассматривала фигуры внизу. Её тонкая рука указала на нескольких женщин в расшитых золотом платьях.

— Они изучают выставленные на обозрение шлемы с гербами, чтобы знать, кто намерен принять участие в турнире. Видите ли, любовь моя, этим знатым дамам приходилось встречаться с рыцарями при разных обстоятельствах. Случалось, что некоторые мессеры зарекомендовали себя не с лучшей стороны. Помните тех господ, которые пристали к вам на рыночной площади и которых мне пришлось проучить?

— Разумеется! Но неужели кто-нибудь из них осмелится вести себя подобным неуважительным образом со знатной особой?

— Рыцари — всего лишь мужчины, дорогая. Им свойственны те же слабости и глупости, что и необразованным крестьянам, а те в свою очередь обладают всеми качествами обыкновенного животного. Вдобавок мало ли неизвестных нам причин, по которым женщина может считать того или иного мужчину негодяем? Сейчас дамы ходят вдоль тех шлемов, выставленных во внутреннем двореке на обозрение, чтобы выяснить, нет ли тут кого-нибудь из тех, кто не достоин участвовать в турнире.

— Обыкновенные животные... — Изабелла растерянно взглянула на Ван Хеля. Она не привыкла думать о благородных господах с такой позиции. — Животные... А что будет, если дамы найдут недостойного?

— Они сбросят его шлем на землю. В зависимости от того, в чём госпожа обвинит рыцаря, он либо вообще будет изгнан отсюда, либо будет показательно избит. Если он обвиняется в нанесении даме оскорбления, то должен публично и в полный голос молить её о прощении и обещать впредь не отзываться о ней дурно. Но она вовсе не обязана прощать его. Если же она простит его, то он получает право

участвовать в турнире. А тот, кто обвинён в трусости, предательстве, убийстве или прелюбодеянии, будет публично избит.

— Сильно?

— Сильно. И бить его будут до тех пор, пока он не согласится отдать своего боевого коня. Это приравнивается к признанию своей вины.

— И что потом?

— Его усадят верхом вон на то бревно, что закреплено на двух чурбанчиках возле судейской ложи.

— Надолго?

— Он должен будет отсидеть там до конца турнира. И любой рыцарь имеет право ударить его, проезжая мимо. Согласитесь, что для дворянина это серьёзное унижение.

— Ужас! Разве может кто-то из благородных господ вынести такое?

— Любой человек может вынести многое. А ради славы эти люди готовы пройти через любое унижение. Все они убеждены, что рано или поздно об их позоре забудут. Кроме того, обидчиков своих они позже уничтожат втихомолку.

— Как так?!

— Подошлют наёмных убийц. Или отравят. Люди высшего сословия прекрасно ориентируются в этой области.

— Вы говорите кошмарные вещи!

— Милая Изабелла, вы просто очень далеки от жизни. А я, поверьте, насмотрелся всякого...

Вечером в главном зале замка, перегороженном пополам огромными гобеленами, собрались за столом наиболее почётные гости.

— Наконец-то завтра мы проверим, кто из нас заслуживает звание лучшего, — нетерпеливо сказал кто-то из рыцарей.

— Как я понял, вы решили не принимать участия в завтрашней схватке? — спросил барон де Белен, наклоняясь к Ван Хелю.

Ван Хель пожал плечами.

— Жаль. — Барон поднёс ко рту кубок с вином. — Граф хотел похвалиться вами.

— Когда придёт время, я покажу себя в деле.

— Граф уже многим о вас рассказал...

Ван Хель усмехнулся. Он вспомнил, как через неделю после приезда в замок с ним затеял ссору Оливье де ла Марш, один из рыцарей графа. Повод был надуманный. Ван Хель, оценив противника, мгновенно понял,

что граф де Парси подговорил де ла Марша спровоцировать ссору. Впрочем, он понял и то, что все ждали этого случая: слишком уж бойко барон де Белен расхваливал ловкость Ван Хеля, свидетелем которой ему посчастливилось стать во время охоты на кабана. Оливье де ла Марш вызвал Ван Хеля на бой прямо в зале.

— Ваша светлость, — Ван Хель поклонился графу, — разрешит мне ответить надлежащим образом на оскорбление?

— Можете даже убить де ла Марша, если вам это удастся, — засмеялся Робер де Парси. Он был сильно пьян. — Только имейте в виду, что Оливье слывёт непобедимым.

— Мессир... — Ван Хель снова поклонился графу.

Оливье де ла Марш взмахнул двумя мечами, бросившись на противника. Но каково же было всеобщее удивление, когда Ван Хель, едва заметно уклонившись от свистящих лезвий, сделал молниеносный выпад и остановил де ла Марша ударом клинка в сердце. Нападавший рыцарь выронил оба меча и рухнул на спину.

Схватка длилась пару мгновений. Никто бы даже не осмелился назвать это схваткой.

— Раздери меня дьявол! — воскликнул кто-то изумлённо.

— Клянусь всеми святыми, такого ещё не приходилось видеть!

По залу прокатился ропот изумления.

Хель в очередной раз поклонился графу и вернулся за стол.

— Надеюсь, я полностью удовлетворил всеобщее любопытство к моей персоне, — проговорил он довольно громко.

Оторопевший слуга впился пальцами в спинку массивного стула и так застыл, забыв подвинуть стул Ван Хелю и таращась на кровавую лужу, расплывавшуюся из-под распростёртого Оливье.

Вернувшись мысленно к тому случаю, Хель покачал головой.

— После того случая, — сказал де Белен, — граф не перестаёт думать, какое бы дело вам поручить, чтобы ещё раз насладиться виртуозностью вашего оружия.

— Надеюсь, граф не захочет натравить на меня никого из своих недругов, приехавших на турнир, — ответил Хель.

— Вы полагаете, что Оливье де ла Марш действовал по его просьбе?

— А разве вы считаете иначе, барон? Бросьте, я умею читать мысли и знаю, что вы думаете.

Барон смутился и предпочёл замять щекотливую тему.

— Не понимаю, почему до сих пор не приехал барон Фродоар, — донеслось с дальнего конца стола.

— От него не поступило вестей?

— Не было ни одного гонца.

— Что ж, придётся забыть о нём. А я давно хотел померяться с ним силой.

— Мессире, а не его ли там знамёна? — громко спросил мужчина, в задумчивости стоявший у окна. — Смотрите, какая торжественная процессия.

Несколько человек присоединились к нему.

— Пожалуй, я выйду на крепостную стену, — проговорил кто-то. — Отсюда ничего не разобрать...

— Да, это флаг Фродоара, — подтвердил другой голос.

Во главе кавалькады ехали трубачи и менестрели, затем следовал сам барон Фродоар в боевых доспехах, поверх которых была надета длинное пурпурное бию[1] с вышитым на груди гербом. Сразу за бароном скакал малолетний паж на крепком коне, украшенном бубенцами и пурпурной попоной, на каждом углу которой был вышит герб мессира Фродоара. Следом ехала группа рыцарей и оруженосцев, по два в ряд, тоже при полной амуниции. В конце процессии двигались оруженосцы, ведя на поводу боевых коней своих господ. Протрубил рог.

В замке сделалось шумно и тесно, как никогда. Последний день перед турниром гости провели за столом, ломившимся от яств. Казалось, что пиршество никогда не закончится. Слуги не успевали подносить вино и новые блюда.

Временами рыцари, утомившись долгим застольем, приглашали дам на танец и под звуки рожков, фретелей[2] и арфы совершали неторопливые проходы вдоль зала, едва касаясь партнёрш кистями рук и низко раскланиваясь через каждые пять-шесть шагов. Во время танцев они вели неторопливые беседы, любезно улыбались друг другу и негромко смеялись.

Когда звучала резвая музыка, выбегали танцовщицы, набранные из окрестных деревень и специально обученные развлекать господ. Девушки были одеты в яркие туники и держали в руках бубны,

украшенные пёстрыми лентами.

— Почему жизнь не всегда такая? — спросил, громко чавкая, сосед Ван Хеля. — Почему не ежедневно нас радуют эти прелестницы? Почему надо ходить в походы и проливать кровь из-за ещё одного клочка земли с какой-нибудь паршивой деревенькой? Хлеба, вина и женщин хватит на всех.

— А как же пыл сражений?

— К чёрту! Я уже давно не юнец, чтобы хвастать новой порцией выпущенных вражеских кишок. Я хочу только покоя!

— Это за таким-то столом и такими девицами вокруг? — засмеялся Ван Хель. — Да весь этот пиршественный шум разит не хуже боевой палицы. Я предпочитаю уединение.

— В вас, сударь, живёт, должно быть, душа монаха.

— Душа жреца, пресытившегося пышными церемониями.

— Ха-ха-ха! Славная шутка! За это надо выпить!

За плечом у Ван Хеля то и дело появлялся музыкант с флейтой из вываренной кожи, скрученной столь причудливо, что её можно было скорее принять за головоломку, чем за музыкальный инструмент. Эта флейта звучала очень громко и сильно раздражала Хеля.

— Если ты не провалишься сквозь землю сию же минуту, подлец, — рывкнул на флейтиста Ван Хель, — то я скормлю тебя дворовым собакам!

И несчастного музыканта как ветром сдуло. Ван Хель без удовольствия запихнул в рот кусок оленины и прислушался к разговорам за столом.

— Чудеса? Кто из нас сталкивался с настоящим чудом? — гремел высокий бородатый мужчина с огненно-рыжей львиной гривой. — Ничего такого нет! Кто из вас вспомнит хотя бы что-нибудь странное, что случилось с ним в жизни?

— Мессеры, — заговорил Фродоар, поедая жирное мясо, — вам трудно будет поверить, но прошлой зимой со мной произошло чудо.

— Любопытно.

— Опускаю нудные подробности долгого путешествия и сразу перехожу к сути. Мы заплутали, возвращались из города Альби. Вдобавок разразилась жуткая гроза, с громом и молнией.

— Зимой-то?

— Именно, мессеры. Это и стало началом дальнейших таинственных событий. Итак, поднялся страшный ветер, повалил мокрый снег. Моя

свита прекрасно знает те места, но мы забрели в гористую местность и потеряли дорогу! Поверить в это просто невозможно, однако так случилось! И вот после долгих и безуспешных попыток выбраться оттуда, промокнув до нитки и по-настоящему отчаявшись, мы вдруг встретили монаха. Если быть точным, то он просто вышел к нам, появившись из ниоткуда.

— Монаха?

— Одинокого монаха. Но что меня удивило, так это его платье. Оно было совершенно сухое! Стоя под тем омерзительным мокрым снегом, монах умудрился остаться сухим. Он заговорил с нами и предложил нам укрытие. Речь у него была престранная, он сыпал какими-то незнакомыми словами, словно из другого языка, хотя звучали они все вполне по-французски.

— Что вы хотите сказать, любезный Фродоар?

— Я понимал далеко не всё из того, что говорил тот монах! — развёл руками рыцарь.

— Местное наречие?

— Поначалу я не придавал этому значения, ведь под сенью христианских приютов можно найти целую тьму чужеземцев...

— Не отвлекайтесь, месье Фродоар, — поторопил граф. — Что же дальше?

— Монах завёл нас в пещеру.

— В пещеру?

— Да, в пещеру, которую снаружи и не заметишь. Но дальше она расширялась в просторный коридор, а ещё дальше перед нами открылся двор, где мы увидели небольшой монастырь. Никто из нас не мог понять, куда мы попали. Насколько я знаю, в окрестностях Альби про такой монастырь никто не слышал. Конечно, могли быть неведомые ещё уголки, однако всё же вряд ли.

— Мне рассказывали о том, что в Романии в пещерах живут еретики, — вставил барон де Белен, — и что где-то есть целые пещерные города. Не туда ли вас занесла нелёгкая?

— Как знать... Там нас обогрели, отменно накормили и напоили. Кстати, такого вкусного вина я не пил никогда и нигде. Настоятель был человеком молчаливым и всё больше смотрел на нас, чем говорил. Когда же всех нас проводили в отведённые нам комнатухи, настоятель пришёл ко мне и просил уделить ему немного внимания. «Хочу показать

вам кое-что, добрый рыцарь», — сказал он. Я понятия не имел, о чём пойдёт речь, поэтому ничего не ожидал. Он же провёл меня по извилистым коридорам, и в конце концов мы остановились в небольшом круглом зале, где в самом центре красовался каменный алтарь с древними, как я понял, барельефами, изображающими людей с головами разных животных: медведей, оленей, львов, собак и птиц.

Фродоар потянулся к кубку и долго неотрывно пил.

— И что же дальше? — нетерпеливо спросил Робер де Парси. — Вы нас заинтриговали, барон.

Фродоар рыгнул и поставил кубок на стол.

— Дальше? На том алтаре стоял большой овальный поднос из белого золота, весь испещрённый мелкими знаками, коих я не смог толком разглядеть. А на подносе громоздилась массивная чаша из того же сияющего металла, также густо покрытая непонятными знаками. Настоятель указал рукой на алтарь и сказал: «Эти вещи я храню уже много лет. Никто здесь не знает об их существовании. Они пришли из глубокой древности и обладают чудодейственными свойствами». Я удивился, почему вдруг настоятель решил показать мне чашу, если он хранит эту тайну от остальных. «Тебе нужна помощь», — ответил он. — Ты приходишь из рода, который имеет прямое отношение к этой чаше». «Что это значит?» — не понял я его. «Это сейчас не имеет значения. Но запомни одно: в тебе гнездится опасная болезнь, с которой не справится никто из самых опытных лекарей. Только глоток крови из этой чаши оздоровит тебя. Не отказывайся испить из этого сосуда, ибо его подносят для утешения и подкрепления души, равно как и жизни. Сия чаша священна, она имеет природу духовную». Я попытался расспросить настоятеля подробнее, но он отказался дать какие-либо пояснения. Кстати, он тоже использовал очень много непонятных слов во время разговора. И когда указывал на чашу, несколько раз то ли каркнул по-вороньи, то ли рывкнул, как охрипший пёс. Он отвёл меня обратно в мою келью и предупредил, чтобы я никому не рассказывал о том, что видел Грааль.

— Грааль?

— Да, я так окрестил ту чашу.

— Почему Грааль?

— По названию монастыря. Я спросил у настоятеля, в какое место мы попали. И он опять каркнул. Я переспросил, потому что не мог

воспроизвести этот звук, и он опять каркнул. Это было слово из того самого языка, на который время от времени переходили все монахи монастыря. Слово было невоспроизводимо, напоминало лай и карканье одновременно: «Гкрааухль! Граакль!» Что-то в этом роде. Я упростил его до Грааля.

— И что же дальше?

— Вам мало? — Фродоар обтёр рукавом сальные губы. — Утром мы покинули монастырь и вскоре легко выехали на дорогу.

— Стало быть, теперь вы сумеете отыскать то место?

— Ничего подобного. Я пытался, но не нашёл того монастыря. И там нет места, которое носило бы столь странное название. Никто и не слыхивал про такой монастырь.

— Удивительно!

— Слушайте дальше. Через пару месяцев у меня без всякой видимой причины разболелись суставы. Ноги и руки распухли. Я слёг и уже приготовился умирать, потому что ни пускание крови, ни припарки, ни отвары всевозможных трав не приносили мне облегчения. И вот когда я уже не мог двигаться, возле моей кровати появился тот самый настоятель загадочного монастыря. Никто его не впускал, никто его не объявлял. Он просто появился. Рядом с ним стояли четыре девицы, в невесомых туниках поверх голых тел, и у них по всему телу снизу доверху тянулись какие-то штрихи, выстроенные ровными столбцами. Это была татуировка.

— Древнее письмо, — вставил Ван Хель.

— Какое письмо? — не понял граф.

— Огамическое письмо друидов. Магические заклęcia, в которые заложены не только слова, но и ноты. Поющие тексты.

— Плевать я хотел на то, что это такое, будь то заклęcia или просто варварская татуировка, — фыркнул Фродоар. — Но эти разрисованные тела меня заворожили. При других обстоятельствах я таких красоток не упустил бы, но тут я остался равнодушен, ибо во мне не осталось никаких сил. Настоятель держал в руках ту самую сияющую чашу.

Фродоар щёлкнул пальцами и указал слуге на кубок. Паж быстро наполнил его вином. Барон жадно выпил.

— Дальше, барон, мы ждём продолжения.

— Дальше девицы обнажили свои руки и настоятель вскрыл им вены. Потёкшую кровь он собрал в чашу, взболтал её и подал мне. Я был

настолько слаб, что с трудом мог шевелить губами, и он сам влил мне в глотку ту кровь.

— Колдун! — произнёс кто-то из слушателей.

— Какое мне дело! — беспечно отмахнулся барон. — На следующее утро я смог подняться, а ещё через день у меня и намёка на болезнь не осталось!

— Вот это чудо! А что настоятель?

— Я после выпитой крови провалился в глубокий сон и не видел, как настоятель и девицы исчезли. Слуги уверяли, что ко мне никто не заходил. А те два пажа, которые находились возле моей кровати, наглым образом спали, забыв о своих обязанностях.

— То есть никто не может подтвердить, что это и впрямь случилось?

— Только следы крови на моей кровати и на моей одежде.

— Следы крови?

— Видно, она пролилась из чаши, когда вливали кровь мне в рот.

— Клянусь Пресвятой Девой, эта история настолько хороша, что нам всем следует осушить кубки! — воскликнул граф де Парси.

— Послушайте, барон, — спросил кто-то, когда кубки вернулись на стол. — А вы не боитесь последствий?

— Каких?

— Ведь настоятель требовал, чтобы вы никому не рассказывали о случившемся.

— Вы правы, но чертовски трудно удержать такую историю за зубами. — Фродоар сразу посерьёзшел. — Что ж, давайте выпьем за то, чтобы ничего страшного не приключилось.

— Выпьем!

— Выпьем!

Затем в наступившей тишине послышался задумчивый голос:

— Я слышал, что всякий, кто разглашает тайну, связанную с кровью, расплачивается за это смертью.

— А я готов! — рявкнул Фродоар. — Мессирь, не за тем ли мы все приехали на турнир, чтобы проверить судьбу?

— Рок правит нами!

— Да будет рука его милостива к нам, друзья!

— Именем Господа нашего! Да будем мы все в добром здравии и всегда веселы, мессирь!

— И пусть никогда не прекращает литься вино из бочек!

— И пусть красивые женщины не перестают радовать наши... ха-ха!.. наши неугомонные души и тела! Амины!

Не обращая внимания на шум застолья, Ван Хель рассеянным взглядом блуждал по залу. Когда его глаза остановились на висевшем в дальнем углу небольшом мутном зеркале, обрамлённом массивной деревянной рамой, отражение заставило Хеля напрячь зрение.

— Боже! Сила твоя безгранична! Что мы, маги Тайной Коллегии, можем в сравнении с тобой! — прошептал он зачарованно. Затем встал и медленно двинулся к зеркалу, не отрывая от него блестящих глаз.

В зеркале отражались совсем не те люди, с которыми он сидел сейчас за длинным дубовым столом. Они были иначе одеты, иначе причёсаны, иначе держались. Они не имели никакого отношения ни к рыцарству, ни вообще к происходившему в ту минуту в душном зале, плохо освещённом чадающими факелами...

Ему открылось то, что члены Тайной Коллегии называли Узлом Времени. Перед ним сомкнулись грани двух пространств, и на их стыке Хель созерцал одновременно сразу два действия, разворачивавшихся в одном и том же зале, но отделённых друг от друга долгими столетиями. Ван Хель не обладал способностью заглядывать в будущее, несмотря на свои магические навыки, поэтому не мог сказать, что за эпоха предстала перед его взором. Но не было сомнений в том, что зеркало показывало будущее. И сердце Ван Хеля заколотилось учащённо.

Боком к нему сидел мужчина в перетянутой ремнями эффектной чёрной форме. Он сидел прямо, чуть снисходительно улыбался и неторопливо разрезал серебряным ножом лежавший перед ним на фарфоровой тарелке тонкий ломтик мяса, придерживая его вилкой. На стенах горели фонари с плафонами в виде белых лотосов, и свет этих ламп мог по яркости сравниться со светом солнца. Перед зеркалом на высокой лакированной тумбе находилось квадратное нечто, где крутился диск, блестящий и тёмный, как пролившаяся с крепостной стены расплавленная смола; и от этого предмета исходила негромкая музыка.

«Какое чудо! — подумал Хель. — Неужели мне доведётся дожить до этих времён? Похоже, люди там запросто пользуются плодами магии. Вот крутится какой-то диск, а из него льётся музыка, и никто даже не смотрит на этот волшебный ящик, он всем привычен. А лампы? Что это за источник света? Ни масляные светильники, ни свечи, ни факелы...»

— Господа, а ведь возможно, что именно здесь, в этом восхитительном замке, впервые была озвучена мысль о необходимости поисков Святого Грааля. — Мужчина в чёрной форме говорил по-французски с сильным германским акцентом. — Представьте, как тут сидели рыцари и спорили о том, куда им направиться за священной чашей. Я почти вижу их здесь, на фоне этих стен, увешанных гобеленами и головами кабанов и медведей...

— Карл, мне почему-то кажется, что в действительности Грааль никого по-настоящему не интересовал, — отвечал второй, одетый в серый костюм. — По-моему, головы рыцарей были заняты только мыслями о жратве и власти. А легенду о поисках Грааля выдумали гораздо позже...

«Какие удивительно странные наряды у них! — Ван Хель продолжал жадно всматриваться в зеркало. — Длинные наши рубахи, похоже, им просто неизвестны, как и наши высокие мягкие сапоги. У них вообще всё сделано по-другому, одежда, хоть и смешная, но в целом смотрится как-то легче, свободнее, будто они избавились от всего лишнего. Неужели в будущем костюмы так сильно изменятся? Они совсем иначе скроены, даже невозможно понять сразу, как они сшиты... А этот, который в чёрном, похоже принадлежит к воинскому сословию. У него настоящая выправка, хорошая фигура... Зато женщина смотрится безобразно. Нет, дамы не должны так одеваться, они же уродуют себя. Женщины должны носить только свободную тунику...»

— Бертран! — Женщина на дальнем конце стола была облачена в лёгкое голубое платье, сильно приталенное и со слегка приподнятыми плечиками. — Бертран, неужели ты полагаешь, что господин Рейтер не разбирается в том, о чём говорит? Да будет тебе известно, что Карл занимается серьёзными исследованиями и приехал сюда, чтобы наметить место для раскопок.

— Ах вот как! — воскликнул с воодушевлением тот, кого женщина назвала Бертраном. — Так вы археолог, Карл? Не думал, что штандартенфюрер СС может иметь какое-либо отношение к археологии или истории. Я был абсолютно убеждён, что вы — человек военный. А вы, оказывается, историк! Подумать только!

— Историк-любитель, — поправил его Рейтер. — Как и рейхсфюрер СС.

— Разве господин Гиммлер занимается историей? Я полагал, что

в Германии на него возложены полицейские функции. Он ведь возглавляет службу СС, или я ошибаюсь?

— Под патронажем Гимmlера ведутся многие научные разработки[3], — ответил Рейтер.

— Никогда бы не подумал!

— Рейхсфюрер очень интересуется археологией и историей и выделяет большие средства на составление архивов. Вы даже представить себе не можете, какие редчайшие документы по истории Средних веков нам удалось собрать. Одни материалы по истории ведьм чего стоят! Сто тысяч документов, касающихся преследования ведьм! И не только в Германии, но по всему миру. Мы серьёзно занимаемся историей[4].

— Так это с подачи господина Гимmlера вы занимаетесь Святым Граалем? Господин Рейтер, неужели вы всерьёз верите в существование этой чаши? Это же просто миф! Впрочем, чему удивляться? Я слышал, что сейчас в Германии очень модны всевозможные оккультные общества, астрология и прочая глупость...

Карл Рейтер отложил вилку и нож и холодно посмотрел на собеседника. Ван Хель сразу отметил знакомые черты в лице Рейтера. «Где-то наши тропки уже пересекались», — подумал он.

— Бертран, — с нажимом произнёс Рейтер, — поверьте, что не следует вам высказываться столь пренебрежительно о вещах, которые интересуют не только меня и лично рейхсфюрера, но и многих серьёзных исследователей, а потому представляют важность для всей Германии. Сила Рейха опирается далеко не на одни штыки. Мы создаём новую культуру! — Штандартенфюрер любезно улыбнулся. — Новый дух! Поэтому Германия, обескровленная прошлой войной и униженная Версальским договором, теперь марширует по Европе победным шагом. Скажите, Бертран, разве Франция не считала себя сердцем европейской цивилизации?

Француз кивнул, и по лицу его пробежала тень.

— Но теперь ваша страна пала, — продолжил Карл, — сложила оружие и впустила на свою землю армию Великого Рейха.

— История не заканчивается на этом, господин Рейтер, — сухо возразил Бертран. — История всегда напоминала мне качели. То одно государство взлетает вверх, то другое занимает его место. Затем всё снова меняется...

— Вы слишком легковесно воспринимаете историю и её нынешнее развитие. Германия набрала силу лишь благодаря духовному поиску.

— Поиску в области астрологии и оккультизма? — насмешливо уточнил Бертран.

Рейтер медленно поднялся, отошёл от стола и остановился прямо перед зеркалом.

«Да, где-то я уже встречал этого заносчивого типа, но сейчас не могу распознать, кем он был раньше и где мы сталкивались с ним», — вновь подумал Ван Хель.

Поле, где должен был проходить бой, находилось прямо напротив замка. Границы, за которые воспрещалось выезжать, были помечены флагами. Трибуна для зрителей, накрытая многоцветным балдахином, располагалась ближе к крепостной стене.

— Разворачивайте знамёна, мессирсы рыцари и оруженосцы! Пора собираться! — громко выкрикивали герольды, скача по лагерю на облачённых в яркие попоны лошадях. — Ступайте за знаменем вашего предводителя!

К десяти часам все участники турнира уже позавтракали и отправились облачаться. На это им отводилось почти два часа. Ближе к полудню, примерно за полчаса до начала турнира, на ристалище появились дамы. Все были в меховых накидках, оживлённо переговаривались, раскланивались направо и налево. Неподальку от трибуны стояли повозки, фыркали кони, суетились слуги, извлекая ящики с продуктами и напитками, дымились костры, над которыми жарились телячьи туши.

Прибывших верхом судей и графа Робера де Парси гости встретили долгими аплодисментами. Граф, одетый в чёрное, величественно раскланялся и махнул рукой, позволяя бойцам, сгоравшим от нетерпения, выдвинуться к ристалищу.

Обе стороны выехали в строгом порядке: впереди шли трубачи и менестрели, за ними двигались предводители со своими знаменосцами, следом ехали попарно рыцари, за каждым был его знаменосец. Понемногу пространство, предназначенное для схватки, заполнилось пёстрой массой всадников, воздух содрогался от бряцанья

оружия и кольчуг, знамёна громко хлопали на ветру.

К собравшимся рыцарям неторопливой походкой вышел герольд в пунцовом наряде и, перебросив длинный бархатный плащ через плечо, пронзительно громким голосом стал говорить:

— Высокие и могущественные мессирсы, бароны, рыцари и оруженосцы! Да будет всем вам благоугодно выслушать требование устроителя турнира. Пусть каждый из вас вознесёт десницу ко всем святым и пообещает, что на турнире не станет умышленно колоть, а равно бить ниже пояса, также как и толкать и тянуть никого не будет. Помимо сего, ежели у кого ненароком падёт шлем с головы, да не коснётся того никто, покуда он шлем снова не наденет и не завяжет. Ежели же кто по умыслу сотворит иное, да объявят того изгнанным с турнира и в другой раз не допустят к участию. К тому же будет он лишён доспехов и коня. Сие касается всех и каждого. И да не прекословит никто судьям, если они огласят кого-нибудь нарушителем. В том дайте сию минуту присягу телом вашим и честью вашей!

Как только протрубил рог, два конных отряда рыцарей в боевых доспехах заняли свои места в противоположных концах поля[5]. Каждый отряд вытянулся в шеренгу, каждый всадник наметил себе противника для сшибки.

Снова протрубил рог. Трубачи и герольды бросились с ристалища, чтобы укрыться за барьерами. Рыцари тронули своих коней, заставляя их идти шагом и держать строй. Поднятые вверх копыта с прицепленными возле наконечников яркими флажками качнулись и медленно опустились, выставив острые наконечники вперёд. Это устрашающее, нарочито неторопливое движение наездников, сверкающих своими начищенными шлемами, продолжалось довольно долго. Казалось, что обе шеренги так и сойдутся, не пустившись вскачь, и просто упрутся друг в друга копытами. Но вдруг раздалась первая команда, за ней прозвучала с противоположной стороны другая, и оба отряда перешли на аллюр.

Над долиной разнёсся гул копыт и лягганье доспехов.

Столкновение отрядов было ужасным. Несколько человек с обеих сторон сразу вылетели из седел. Ржание лошадей перекрыло яростные выкрики людей. Было видно, как пара-тройка знамён сильно накренились, но знаменосцы сумели вновь поднять их. Кто-то из рухнувших на землю смог подняться без посторонней помощи,

но тут же его ноги согнулись в коленях и он упал. Это был барон Фродоар.

Его конные слуги мигом помчались к нему. Они были облачены в доспехи и вооружены палками, чтобы прогонять с пути сражавшихся рыцарей. За ними бросились и пешие слуги.

Увидев, что барон Фродоар не в силах подняться и вот-вот угодит под копыта лошадей, судьи подали знак трубачам, и схватка была остановлена.

- Что с бароном? — заголосили дамы на трибунах
- Я вижу кровь у него на лице! Он пострадал при падении?
- Нет, сударыня, у него, похоже, ранение в грудь.
- Пресвятая Дева!
- Его мантия пропитывается кровью...
- Но как он держится! Ни проронил ни звука!
- Да что нам отсюда слышно за этим громоуханием кольчуги?
- Нет-нет, я вижу, что губы барона плотно сжаты. Он очень мужественно держится...

Как только барона вынесли с ристалища, бой возобновился. Опять поехали друг на друга две шеренги, опять кто-то вылетел из седла, опять кого-то топтали кони, опять звенела сталь. С каждым разом схватка делалась ожесточённое и всё больше напоминала настоящий бой. Дважды судьям пришлось разнимать сражавшихся с помощью конных слуг, потому что несколько рыцарей, войдя в раж, совершенно забыли о правилах турнира и готовы были убить друг друга. До зрителей доносились громкие восклицания и грубая брань, которую дамы совсем не привыкли слышать в благородном обществе. Но женщины не сетовали, понимая, что рыцари распалились не на шутку, и с трибуны то и дело слышалось, как некоторые из наиболее разгорячившихся дам, поддерживая своих избранников, тоже позволяли себе выкрикивать отнюдь не поэтические метафоры, хотя всё же до непристойных выражений никто из дам не опускался.

Так продолжалось до тех пор, пока отряд рыцарей, представлявших Робера де Парси, зачинщика турнира, не вышиб из седла последнего своего противника. Граф удовлетворённо скалился и потирал руки, наслаждаясь победой.

— Знаменосцы, покидайте поле, разъезжайтесь по квартирам! — провозгласили судьи, взмахнув длинными белыми жезлами. — Вы же,

сеньоры, бароны, рыцари и оруженосцы, с честью сражавшиеся перед лицом дам, исполнили свой долг сполна и вправе теперь покинуть поле для славного отдыха!

Трубы протрубили отбой. Барьеры открылись, и знаменосцы, не дожидаясь хозяев, поскакали с ристалища. Рыцари, принимавшие участие в схватке, выстроились в том же порядке, что и приехали, и двинулись с поля строем. Трубы продолжали греметь до тех пор, пока последний всадник не выехал за барьер. Дамы выкрикивали приветствия и размахивали платками.

— Барон Фродоар славно бился на турнире, — заметил кто-то из гостей, с поклоном приближаясь к графу.

— Все мы смертны, — без сожаления ответил де Парси.

В тот же день Фродоара, предварительно окурив фимиамом, похоронили в простом дощатом гробу, закопав его на участке, отведённом под кладбище на территории замка. Почва там была глинистая, твёрдая, основательно промёрзшая.

— Холодная выдалась зима, — бормотал барон де Белен, наблюдая, как тепло одетые могильщики рыли землю. — В это время уже обычно тепло, а в этом году всё ненормально.

Похороны прошли без шума и почестей, священник лишь прочитал молитву, на том всё и закончилось.

— Почему так скромно? — любопытствовал Ван Хель.

— Мы уже отправили гонцов, чтобы за телом приехали родственники. Вот тогда и будут все траурные торжества, — пояснил настоятель. — Сейчас не до пышных похорон. Все мысли заняты турниром. Завтра опять будут биться два отряда, но уже меньшим числом: некоторые не смогут драться после сегодняшних ранений. А третий день турнира отведён под сражение оруженосцев, не посвящённых в рыцари. На четвёртый день некоторых оруженосцев будут посвящать в рыцари. А потом несколько дней подряд будут тянуться пиршества, да простит Господь графа и его гостей за столь обильные возлияния... Как видите, мой друг, сейчас не до похорон...

Через месяц мессира Фродоара извлекли из могилы. Предварительно вокруг были разложены костры, куда бросали

благовония и ладан. Все опасались, что тело уже разлагается и что никто не сможет выдержать смрада, однако, когда взломали гроб, никто не ощутил запаха.

Прямо на кладбище тело графа Фродоара было омыто духами и ладаном, затем его вскрыли и вынули из него сердце. Монахи обильно смазали труп и сердце специально подготовленным для этого случая бальзамирующим средством, после чего покойника завернули в оленьи шкуры и положили в новый гроб, привезённый родственниками. Гроб был массивный, украшен резьбой и инкрустацией из полудрагоценных камней.

Граф де Парси со всей своей многочисленной свитой и ближайшими родственниками барона Фродоара ждал в церкви. Покойника внесли туда под пение нескольких монахов и поставили гроб перед алтарём. У изголовья гроба водрузили мраморный ларец, где лежало завернутое в алый шёлк сердце Фродоара.

После мессы все покинули церковь, но гроб остался открытым весь день и всю ночь, чтобы любой желающий мог взглянуть на барона. Всё это время монахи неустанно читали псалмы и молитвы, а в церкви горели свечи.

На следующий день, опять же после мессы, гроб был закрыт высокой двускатной крышкой, испещрённой мелкими строгими узорами, и перенесён на повозку, над которой возвышался балдахин из красных, жёлтых и синих тканей — цвета герба покойного. Сам же гроб был накрыт чёрным покрывалом с белым крестом. Вдоль бортов грандиозного катафалка стояли громадные свечи, а у ног гроба лежали доспехи погибшего.

— Хороший был рыцарь, — сказал Робер де Парси, долго глядя вслед траурной процессии. — И знаете, что меня больше всего огорчает во всей этой истории и о чём я думаю со дня его смерти?

— Нет, ваша светлость. — Барон де Белен тоже разглядывал трепетавшие на ветру флаги над головными всадниками.

— Фродоар унёс с собой тайну священного сосуда.

— Вы говорите о Граале? Кажется, он так назвал ту чашу?

— Да, Грааль. Теперь будет трудно отыскать её... Фродоар не успел рассказать нам ничего толком. Все наши мысли были отданы предстоящему турниру. Но если бы я только мог предположить, что барон больше ни словом не перемолвится со мной, я бы не позволил

закончить тот ужин так рано. Я бы выведал у Фродоара мельчайшие подробности его путешествия... Где же искать тот монастырь?

— Вы намерены искать ту чашу, мессир?

— Разумеется. Искать и найти!

— Неужели вы поверили в её волшебные свойства?

— А вы полагаете, что барон Фродоар всё выдумал? И теперь погиб?

Вы разве не обратили внимание, что он был серьёзно обеспокоен тем, что повёл себя неучтиво по отношению к хранителю той чаши, разболтав нам обо всём? Не за это ли он поплатился на турнире? Рыцарю да по заслугам его воздастся...

— Глупости. Он просто был неаккуратен в схватке.

— И всё же я отправлюсь на поиски Грааля...

— Что ж, — пожал плечами де Белен, — воля ваша, мессир.

— Надеюсь, вы присоединитесь ко мне?

Барон неуверенно пожал плечами и сказал:

— Я хотел бы отправиться в Иерусалим, ваша светлость. Святая церковь призывает нас к походу против иноверцев. Обещает за это отпущение всех грехов. Можно ли отказаться от такого мероприятия?

— Вы намерены присоединиться к крестоносцам? Но послушайте, барон, я убеждён, что наш поход за Граалем будет лептой в войне за освобождение Гроба Господня. Ведь сия чаша может сослужить добрую службу. Сколько жизней мы спасём, если добудем эту таинственную реликвию! У нас будет свой крестовый поход!.. Нынче же переговорю с епископом, получу его благословение.

— Пожалуй, благословение святого отца нам потребуется, ваша светлость, — согласился барон.

— Ну что? Присоединитесь ко мне? — спросил граф. — Если мы отыщем Грааль, то слава о нашем подвиге затмит славу о походе толпы оборванцев в Иерусалим за Гробом Господним. Мы соберём только рыцарей, никакой деревенщины.

— Ваша светлость, — барон почтительно склонил голову, — если епископ даст благословение, я пойду с вами.

— Пусть попробует отказать мне, — хищно оскалился граф и провёл ладонью по своей огромной лысине.

[1] Б л о — лёгкая безрукавная накидка с боковыми разрезами, носившаяся поверх рубахи и поверх кольчуги.

[2] Ф р е т е л ь — многоствольная камышовая флейта.

[3] См. книгу Андрея Ветра «Белый Дух».

[4] «Для Гиммлера преследование колдуний было очевидным преступлением, в котором было повинно христианство, и в первую очередь католическая церковь. В охоте на ведьм он видел своего рода геноцид германского духа. В своей речи на крестьянском съезде в 1935 году он произнёс сакраментальную фразу: „Мы видим, как судебные процессы зажигали костры, на которых обращались в пепел бесчисленные тысячи женщин и девушек нашего народа“. Он не устал повторять, что в результате этих преследований Германия потеряла сотни тысяч наиболее ценных женщин. Гиммлер видел в колдуньях, ведьмах, волшебницах и чародейках носительниц немецкой народной культуры, против которых церковь веками вела неустанную борьбу. Имена, попавшие в картотеку, по словам рейхсфюрера СС, должны были быть начертаны на кровавом знамени национал-социалистического движения. Очевидно, что он собирался дать собственное наполнение расовой теории, гитлеровской расовой идеи. Видимо, любовь к ведьмам у Гиммлера была обусловлена тем, что 4 апреля 1629 года в Марнельсайте была казнена ведьма Маргарет Гимблер, числившаяся в его родословной» (Васильченко А. В. «Аненэрбе»).

[5] Основной формой турнирных схваток вплоть до конца XII века оставался групповой бой. Поединок двух рыцарей вошёл в моду лишь в XIII столетии.

Праздник

Ноябрь 470 года

Люди знали, что Канун ноября и Канун мая делят год пополам и что в эти дни, а точнее, в эти ночи магические силы земли приобретают наибольшую активность. Феи приобретают человеческое обличье, духи умерших являются на свидание с живыми родственниками и друзьями, колдуны способны творить такие чудеса, на которые в другое время им просто не хватало бы сил. На Самайн^[1] открывались Сиды^[2], их обитатели выходили наружу и были не бесплотными тенями, а вполне осязаемыми существами. Именно поэтому люди, боясь встречи с пришельцами *Оттуда*, старались не выходить из дома поодиночке, не приближаться к кладбищам, не оборачиваться, если за спиной раздавались шаги, потому что встретиться взглядом с мертвецом было губительно для обыкновенного человека. Возле каждого дома на крыльце выставляли плошку со специально приготовленным угощением, предназначенным только для мертвецов^[3].

Христианские священники, прибывшие в Британию из Рима, яростно проповедовали против празднования Самайна, но даже принявшие крещение бритты отмахивались от их речей. Особенно упорно отстаивали свои права на Священную Ночь Духов валлийцы. Возможно, причиной тому был Артур, которому старались подражать все, и особенно молодёжь. В ночь на Самайн люди встречались с миром, который их всегда страшил, но о постижении которого они никогда не переставали мечтать. Люди с нетерпением ждали Самайна. «Не умирая, мы встретимся с Творцом, и время потечёт заново», — твердили они. Даже христиане принимали участие в празднике, виновато оправдываясь: «В Самайн можно увидеть рай». Всюду над кострами висели начищенные до блеска котлы, друиды варили напиток из дурман-травы, и густой горьковатый запах призывно разливался по округе.

Во дворе Круглого Стола был разведён ритуальный огонь, и над ним

покачивался серебряный котёл, украшенный не только магическими символами, но и знаками знаменитого воинского братства. Каждый из жителей окрестных деревень мечтал сделать глоток именно из этого котла, в котором священный напиток готовился руками великого Мерддина.

— Не торопитесь, не толкайтесь, — успокаивал старик, ласково улыбаясь теснившимся вокруг него людям. — Всем достанется хоть немного. Подносите сюда чаши с ключевой водой, и я, добавив в них моего отвара, превращу простую воду в волшебный напиток Самайна... И да пребудет с вами мир! И да будете вы благословенны, дети мои!

Целый день людские потоки тянулись к Мерддину, испрашивая его благословения и подставляя кринки, наполненные простой водой, куда друид плескал немного дурман-отвара и превращал воду в друидический напиток. Многие прятали свои лица под уродливыми масками, сделанными из соломы или древесной коры. К вечеру толпа растеклась по всему городу, запрудила рыночную площадь и двор в крепости. Ждали появления Артура. Громко стучали бубны, звенели бубенцы, откуда-то доносился звук арфы. В наплывающей ночи слышались песни и смех.

Как только Артур вышел из дома, гул голосов стих почти сразу, укатившись гудящей волной во тьму, будто боги тишины одним движением стёрли звуки человеческие со всей округи. Слышалось только потрескивание дров и шипение факелов.

— Я здесь сегодня, чтобы сделать то, чего вы так долго требуете от меня, — громко проговорил Артур. — Я здесь, чтобы возложить на себя бремя верховной власти...

Толпа взорвалась ликованием. Пожалуй, никогда прежде — ни в дни войны, ни в дни мира — не слышала Британия столь мощных голосов восторга и радости.

Артур поднял руку, призывая к тишине, но долго ещё бурлила человеческая масса.

Наконец опять наступила тишина...

Два друида вывели под уздцы белую лошадь, шагая по обе стороны от неё, и остановились перед Артуром. Один из друидов был обрит наголо, у другого были длинные волосы, спускавшиеся по спине почти до поясницы. Их лица, густо покрытые синей краской, казались масками, на которых не отражалось никаких чувств, а длинные белые одежды,

тяжёлыми складками стекавшие до самой земли и скрывавшие движения, придавали особую выразительность облику жрецов.

— Человек-Медведь! Вот белая кобыла для тебя, — торжественно произнёс Мерддин, подойдя к Артуру и указывая резным посохом на приведённую лошадь. — Испей её крови, прими её силу, вбери в себя достоинства этого священного животного.

Бритоголовый друид крепко сжимал узду правой рукой, левой нежно поглаживал лошадь, нащёптывая что-то ей на ухо. Второй жрец медленно вынул из широкого рукава длинный нож и застыл, глядя на Мерддина. Тот передал посох подбежавшему подростку, которого заранее выбрал себе в помощники, и взял со стола серебряный кубок. Подняв его над головой, он кивнул жрецу, сжимавшему клинок, и лезвие, вспыхнув в свете костров, молниеносно пронзило горло животного. Лошадь захрипела, рванулась назад, мотнула головой и опрокинулась. Толпа, в глубоком молчании следившая за происходившим, теперь взревела. Мерддин подставил серебряную чашу под хлынувшую кровь. Наполнив её, он шагнул к Артуру.

— Кровь священной кобылы! — провозгласил старец и протянул кубок Артуру. — Да будет твоя жизнь служить народу, как хорошая лошадь служит своему хозяину, Человек-Медведь!

Под восторженные вопли людей Артур медленно осушил кубок, а когда отнял его от губ, на бороде его осталась кровавая пена.

— Теперь разденься догола, — велел Мерддин, и Артур начал распускать ремни.

Тем временем друиды и их помощники отрезали голову жертвенному животному, подняли тушу на перекладину и подставили под неё котёл, чтобы собрать кровь. Ловкими движениями жрецы сняли шкуру с лошади и торжественно двинулись к Артуру, растянув шкуру. Казалось, что она дымилась на морозе.

Как только Человек-Медведь обнажился, друиды набросили на него окровавленную шкуру, как плащ, и тут же пустились в пляс, двигаясь по кругу на полусогнутых ногах и очень умело имитируя при этом конское ржание. Так продолжалось довольно долго, а когда пляска жрецов завершилась, вперёд вышел Мерддин и протянул Артуру ритуальный нож с массивной костяной рукоятью.

Артур, укутанный в белую конскую шкуру, опустился на колени и принялся разрыхлять промёрзшую землю ножом. Когда почва

достаточно размякла, чтобы её можно было взять руками, он шепоткой земли намазал себе лицо.

— Взываю к тебе, Мать-Земля, родительница всего сущего! Ты слышишь каждый наш шаг, любое наше движение известно тебе, ничто не может укрыться от тебя. Так будь милостива к нам, твоим беспокойным детям. Дай нам кров, когда мы будем нуждаться в нём, и дай нам пищу, чтобы мы не знали голода...

Он говорил так долго, что всем показалось, будто время остановилось. Никто не шевелился, и только клубившееся паром дыхание людей служило доказательством того, что мир не застыл, околдованный, в сказочном сне.

Пока он говорил, друиды кипятили кровь лошади в большом чане, бросив туда также печень и сердце жертвенного животного.

Артур замолчал.

— А теперь, люди, — громко объявил Мерддин, — пришло время сделать по глотку священного напитка.

Толпа колыхнулась и загудела. Друиды, расположившиеся с котлами по всей деревне, закончили варить новую порцию теперь уже по-настоящему крепкого напитка и приготовились разливать магическое варево по чашкам.

Мерддин остановился перед высоким котлом, на стенках которого блестели серебряные пластины с фигурками людей и оленей, и взял в руку деревянный ковш, вырезанный в виде бегущего коня.

— Несите свои кубки!

Народ рванулся к священному котлу и в считанные мгновения заполнил всё пространство площади.

— Тише! Не толкайся, дружище! — слышались возбуждённые голоса.

— Первый глоток должен сделать Человек-Медведь! — сказал Мерддин. — Расступитесь!

Он окунул ковш в душистый напиток и зачерпнул побольше.

— Дурман-трава! Помоги мне увидеть невидимое, — прошептал Артур, поднимаясь навстречу Мерддину. Белая лошадиная шкура тяжело соскользнула с него, оставив по всему телу грязные кровавые следы. — Дурман-трава, будь мне подспорьем, очисти мой разум, открой моё сердце...

Он жадно сделал один глоток, затем второй.

— Пей всё, — шёпотом сказал старец, — сегодня тебе нужно...

Артур опорожнил весь ковш и почти сразу ощутил головокружение.

— Люди, теперь ваш черёд. Сделайте по одному глотку. — Мерддин вернулся к котлу с отваром дурман-травы. — Артур же, наш господин и повелитель, отправляется в котёл со священным супом!

Толпа опять ликующе взревела:

— Артур! Артур!

Многие старались прикоснуться к его запачканному кровью телу, и те, кому это удавалось, жадно облизывали после этого свои пальцы.

— Тише, друзья. — Артур поднял руки над головой, и ему показалось, что воздух лёг на его раскрытые ладони упругой круглой массой. Он увидел, как раскрашенные лица вокруг него стали вытягиваться, превращаться в звериные морды. Послышался волчий вой, рёв оленей, свист орла. — Не шумите сейчас, позвольте мне сосредоточиться...

— Господин наш! — Мерддин поманил Артура. — Зайди же в котёл, дай нам всем вкусить супа, в котором будет и часть твоей плоти! Наполни нас твоей силой и твоей кровью!

Мерддин указал посохом на чан, в котором дымился суп из конской крови. Одновременно с движением посоха слышались быстрые удары бубна. Напряжённый ритм пронзил ночной воздух и стал взбалтывать его, как жидкое тесто. Артур посмотрел в ту сторону, где человек в длинной накидке из волчьих шкур ловко стучал длинной костью по тугой поверхности бубна, и, решительно тряхнув головой, шагнул к котлу. Он знал, что содержимое котла вовсе не было таким горячим, как казалось из-за поднимавшегося над поверхностью пенного варева паром, но всё же залезать туда было жутковато.

— Ступай смелее, вождь, — едва слышно подбодрил Мерддин.

Чан был внушительных размеров, но всё-таки недостаточно просторный, чтобы туда свободно влез человек. Артур, уже совсем оковевший на холодном воздухе, взялся обеими руками за край горячего котла и перенёс через него одну ногу. Ожидая соприкосновения с кипятком, он стиснул зубы. Варёво и впрямь было обжигающим. Артур сделал глубокий вдох и ступил в чан второй ногой. Некоторое время он стоял неподвижно — прямой, поджарый, с крепкими мышцами, длинноволосый. Затем, свыкнувшись с температурой супа, осторожно сел, держась за края котла. Кровавая жижа быстро охладилась, приняв в себя ледяное тело человека, и Артур почувствовал облегчение. Но дно чана, под которым продолжали шипеть красные угли, было по-прежнему

раскалённым, и Артур, с трудом вметившись в котёл, лишь несколько мгновений мог опираться ногами о дно. То и дело ему приходилось отталкиваться, чтобы хоть немного зависнуть, хотя плавать, не касаясь стен чана, было невозможно.

— Вот суп, которым наш вледи́г накормит нас! — закричал Мерддин. — Вкусите же его, братья! Пусть славный Артур войдёт в каждого из вас!

Напряжённое молчание лопнуло. Воины громко заулюлюкали, замахали руками, затопали ногами в такт бубну. Мерддин поднял над головой посох, и все ринулись к котлу, чтобы зачерпнуть принесёнными с собой плошками хотя бы самую малость.

— Господин наш! — восторженно восклицали они. — Повелитель!

Ложки и посуды́ны с плеском опускались в тёмно-красную жижу, брызги летели в лицо Артура. Его борода и косы слиплись и напита́лись густым пенным варевом.

— Господин наш! Защитник!..

Люди старались притронуться к Артуру, пока он сидел в котле, боясь упустить возможность получить через прикосновение священную силу белой лошади. Некоторые пытались прорваться вперёд и почти яростно отталкивали друг друга. Отовсюду тянулись руки, громкие голоса слились в общий рёв. А бубен всё стучал и стучал. К нему присоединился второй, третий. Чёткий властный ритм не позволял собравшимся людям стоять на месте. Всё вокруг двигалось, шевелилось, кишело...

— Артур! Человек-Медведь!

— Ешьте же суп, в котором варился Артур! Пейте его тело! Человек-Медведь согласился накормить вас собой!

Мерддин достал из-за пояса ритуальный нож, которым Артур рыл землю, и, держа его за лезвие, вытянул перед собой.

— Во имя Христа, — прошептал он и величественно перекрестил сидевшего в чане Артура. — Да снизойдёт на тебя слава Господа нашего!

Толпа не слышала его слов. Никто не смотрел на старца, все глаза устремились на Артура. Он сидел, закрыв глаза, и терпеливо сносил безумное проявление чувств рвавшихся к нему людей. Кубки и плошки, окунаясь в суп, колотили Артура по плечам и спине, длинные ногти царапали его, цепкие пальцы рвали волосы на голове и на лице. Иногда кто-то тыкал в суп ножом, стараясь нацепить кусок конской печени, и лезвие укалывало ноги Артура. Ему казалось, что мир вокруг него

сошёл с ума и что люди и впрямь видели в нём не человека, а гигантский ломоть мяса, от которого надо непременно откусить, дабы волшебная ночь не прошла зря.

Наконец друиды с помощниками протиснулись к чану и помогли Артуру подняться.

— Господин наш! Тебе пора появиться перед твоим народом во всём блеске! Ночь не так уж длинна. Пусть люди вкушают суп из крови священного животного...

Они провели его сквозь толпу. Мерддин шагал впереди. К изумлению Артура, никто больше не пытался притронуться к нему. Его будто не видели.

— Как это может быть? — спросил он у бритоголового друида.

Тот повернул голову, на его синем лице по-прежнему не отражалось никаких чувств.

— Дурман-трава скрыла тебя от них.

— Где моя жена? — спросил вдруг Артур.

Никто не ответил ему.

В крепости друиды отвели Артура в баню и тщательно омыли его.

— Вот твой наряд. — Мерддин положил перед ним одежду, богато расшитую цветочными узорами. — А это ты наденешь на голову.

Мерддин указал на тонкий золотой обруч, украшенный золотыми же листьями и фигуркой стоящего на задних лапах медведя.

Когда он вновь появился во дворе, ему подвели белого коня. Артур легко вспрыгнул в седло. Пламя костров сияло вокруг его головы, отражаясь в золотом сплетении искусственных листьев.

— Люди! — необычайно громким голосом провозгласил Мерддин. — Вот ваш государь! Артур! Человек-Медведь! Пойте же ему песню славы!

Артур тронул коня, толпа послушно расступалась перед ним. Всем казалось, что на огромной белой лошади скакал необычайной красоты великан, от которого во все стороны исходила неодолимая сила. Дурман-трава делала своё дело. Люди восторженно ревели, тут и там слышались певучие стихи, смех, по многим лицам струились слёзы счастья.

Артур отъезжал всё дальше и дальше от крепости, а людей не становилось меньше. Создавалось впечатление, что вокруг колыхалось целое людское море. Пылали костры, стучали бубны...

Внезапно он увидел перед собой Маэля.

— Маэль! — воскликнул Артур.

— Государь! — вдохновенно выкрикнул юноша и упал перед белой лошадью на колени.

— Маэль, куда ты пропал? Почему я не вижу тебя давно?

Шагавший рядом друид легонько пошлёпал Артура по колену:

— Не останавливайся, господин, сейчас не время для разговоров.

Тебе надо объехать всех собравшихся...

Артур двинулся дальше.

Маэль улыбался. Он был по-настоящему счастлив.

«Теперь в Британии есть правитель!»

Он повернулся и пошёл к воротам Круглого Стола. Он уже давно не появлялся здесь, считая себя преступником. Но сегодня, в Священную Ночь Духов, он хотел быть рядом с близкими ему людьми. Он не желал думать о том, что случилось на скале возле Дома Мерддина. Он шагал, уверенный в себе, и гнал прочь мысль о Гвиневере.

А она стояла на крыльце и со смешанными чувствами наблюдала за праздником. От неё не укрылось, что Мерддин осенил крестным знаменем Артура во время ритуала с котлом.

«Он приведёт Артура к Христу, — сказала она себе. — Так и должно быть. Не могу же я сгинуть в тёмном мире язычников. Я не святая и не готова принести себя в жертву».

Внезапно она увидела Маэля в воротах крепости, и сердце её бешено заколотилось. Он тоже сразу заметил её и, открыто улыбаясь, направился к ней.

— Госпожа, я счастлив приветствовать тебя.

— Маэль...

— Я должен был увидеть всех в эту священную ночь. Мне хочется обнять друзей. Хочется услышать братские слова. И я, конечно, надеюсь услышать голоса Духов. Возможно, они подскажут мне, как жить дальше... Ты уже глотнула магического напитка?

— Нет. — Она решительно покачала головой.

— Тогда пойдём к котлу. Я уберегу тебя от давки. Не бойся.

— После того дня я ничего не боюсь, — неуверенно улыбнулась она.

Он протянул ей руку и, расталкивая неистово плясавших вокруг людей, повёл Гвиневру к котлу, где всё ещё стоял Мерддин.

— Здравствуй, Маэль, — кивнул ему друид.

— Дай мне выпить... И побольше...

Мерддин протянул ему полный ковш.

Юноша жадно сделал несколько глотков и повернулся к Гвиневере.

— Теперь пей ты, госпожа.

Она с некоторым испугом взглянула на Мерддина.

— Стоит ли? — спросила она, стараясь перекрыть общий шум.

— Ты живёшь среди своего народа, — ответил друид.

Она глотнула раз, другой, третий. Поморщилась. И тут же качнулась, ощутив мягкий, но властный толчок в голову.

— Ох...

Маэль с удовольствием подхватил её под руки и повёл к дому. Мерддин внимательно смотрел на них, нахмутив седые брови.

— Маэль! — крикнул Мерддин вслед воину. — Будь бдителен!

Юноша чуть повернул голову и кивнул. Его взгляд помутнел. Поддерживая Гвиневеру, которая, казалось, едва держалась на ногах, он медленно двинулся дальше. На крыльце Маэль остановился.

— Любовь моя... — прошептал он.

— Любовь... — жарко выдохнула Гвиневера и внезапно отшатнулась от него. В её глазах застыли ужас и боль. — Нет! Нет! Нет!

Она увидела, как по лицу Маэля медленно потекла кровь, наполняя глазницы как пустые чаши. Из его груди потянулся зелёный вьюн, усыпанный нежными клейкими листочками. За первым стеблем наружу вырвался второй, потом третий. Поначалу они извивались, сворачивались и разворачивались змеиными кольцами, будто не зная, как себя вести. Затем они застыли. Гвиневера видела, как зелёные стебли становились крепче, приобретали упругость, понемногу выпрямлялись, превращаясь в ровные прутья, а Маэль не обращал на них внимания. Он стоял неподвижно, голова продолжала истекать кровью, а кровь ровно, как если бы Маэль лежал на спине, стояла в глазницах, лишь изредка разбегаясь кругами, будто по поверхности большого водоёма. И Гвиневера не могла понять, как такое могло происходить.

— Маэль, милый мой, — позвала она. — Очнись.

Он не реагировал. А прутья, торчавшие из его груди, тем временем твердели, крепи каждую секунду и превращались в древки стрел. Там, где они уходили в тело юноши, стала расплываться кровь на одежде.

— Маэль!

Он покачнулся и рухнул на спину. При ударе о пол он рассыпался на глиняные куски, разлетевшиеся по крыльцу и покотившиеся по ступеням. Откуда-то набежали люди и принялись топтать эти куски,

оставляя только пыль на широких досках.

— Ничего не останется от тебя, глупый юнец! — кричали люди, облачённые в монашеские плащи. — Сгинь! Будь проклят!

— Уйдите! Не трогайте! — закричала Гвиневера. — Пусть хоть что-нибудь сохранится! Зачем повергать в прах настоящую жизнь?

Она бросилась туда, где только что лежал Маэль, но, упав на пол, не обнаружила ничего, даже следов пыли. Гвиневера взвыла и сама ужаснулась собственному голосу — настолько страшным и безумным показался он ей. Она перевернулась на спину и принялась рвать волосы на голове, а из чёрной бездны ночного неба на неё посыпались крупные капли дождя. Они тяжело били её по щекам и по губам, но не касались широко распахнутых глаз. Капли обжигали кожу, разрывали её, превращали в лохмотья.

— Ты обманула сама себя! — визгливо хохотнул кто-то ей в самые глаза.

Гвиневера вздрогнула, ощутив на себе отвратительное дыхание невидимого существа. Что-то заставило её вскочить на ноги. Одежда исчезла, истаяла в одно мгновение. Но Гвиневера не испугалась своей внезапной наготы. Откуда-то сбоку, треща и скрипя, появился массивный деревянный крест. Он медленно кренился, угрожая придавить Гвиневеру своей массой. От него пахло опилками, навозом и какими-то ароматическими маслами. По кресту прошмыгивали юркие ящерицы, стреляя длинными языками по невесте откуда налетевшей мошкаре. Гвиневера вскинула руки, готовая принять на себя удар этого тяжеленного креста. Но он не рухнул, а медленно лёг на её ладони, и она ощутила шершавую, плохо оструганную поверхность перекладины. Извернувшись, Гвиневера подставила кресту спину и застыла в этом положении, стараясь не упасть. Ноги её дрожали, голова тряслась.

— Ты обманула сама себя! — опять взвизгнул кто-то. — Теперь неси свой крест!

Она хотела ответить, но язык прилип к нёбу. Стало душно. В глазах потемнело. Она покачнулась и упала лицом вниз...

— Дочь моя, — позвал Мерддин, — тебе нехорошо?

Гвиневера медленно открыла глаза.

— Что со мной?

— Похоже, тебе что-то привиделось.

— Крест... Меня придавил крест...

Мерддин недовольно нахмурился при этих словах.

— Дурман-напиток оказался слишком крепок для тебя, — сказал друид.

Гвиневера огляделась и обнаружила, что прижалась спиной к дверному косяку, опустившись на корточки. Видимо, она уже долго находилась в этом положении, так как ноги её сильно затекли.

— Позволь я отведу тебя в твои покои, — предложил друид. — Пора уже и Артуру возвратиться.

— А где Маэль?

— Ушёл. Довёл тебя до двери в дом и ушёл из крепости. Не знаю, где он сейчас.

— Мерддин... У меня кружится голова... И мне страшно... Я видела что-то ужасное, святой отец... Я боюсь...

Маэль танцевал в одиночестве возле священной рощи. Со стороны деревенских домов неслись удары бубнов, переливы арф, звон бубенцов, гул голосов. Вокруг костров двигались хороводы. Но теперь всё это казалось далёким и недостижимым: Маэль окончательно решил покинуть мир Круглого Стола. Это не означало, что он перестал считать себя слугой Человека-Медведя, но он запретил себе отныне приближаться к Артуру, Гвиневере и всем, с кем его прежде связывали узы воинского братства. Самайн подвёл итог прежней жизни и распахнул ворота в новую. Отныне Маэль превращался в воина-одиночку, в человека-тень, в рыщущий дух отчаянья и мести.

— Жители Сида, помогите мне, поддержите меня на выбранном пути! — Маэль остановился и закрыл глаза. Раскинутые крестом руки застыли. — Сегодня я покидаю мир близких мне людей, но как трудно оставаться одному, когда привык чувствовать возле себя плечо друга и брата. Помогите же мне, жители Сида!

С каждой минутой Маэль наполнялся тяжестью леденящего одиночества. Летевшие со стороны города звуки праздника казались юноше прощальным гимном.

— Как мне тяжело быть изгнанником...

— Тебя никто не изгонял... — прошептало из тьмы несколько голосов. — Ты сам ушёл...

Маэль открыл глаза.

— Кто здесь?

— Мы... Ты звал нас... Мы поможем тебе... Ничего не бойся...

— Я не боюсь.

— Ступай смело вперёд. Ты давно выбрал свой путь. Что бы ты ни сделал, ты не изменишь себе.

— Но я уже изменил себе, сойдясь с Гвиневерой.

— Разве любовь бывает преступна? — откликнулся целый хор голосов. — Ты полюбил женщину и тем заслужил уважение Духов, а не порицание. Не каждому удаётся полюбить.

— Но я заставил её обмануть мужа... — Маэль тяжело опустился на колени. — Я чувствую себя виноватым...

— Ты заблуждаешься...

— Я хочу искупить свою вину.

— Ты ни в чём не виноват. Ты лишь растратишь силы зря, пытаясь искупить вину, которой нет.

— Не понимаю вас! Как же так? — Маэль растерянно оглядывался, стараясь высмотреть хоть кого-нибудь. — Я же всем сердцем чувствую тяжесть вины.

— Людям свойственно ошибаться. Путь человеческий труден именно из-за человеческих заблуждений. Настоящий путь лёгок и приятен.

— Жители Сида, подскажите мне!

— Мы уже подсказали.

— Что ждёт меня?

— Смерть. Каждого человека ждёт смерть. Зачем знать что-то другое? Если ты знаешь это, то можешь наслаждаться каждым отпущенным тебе мгновением. В этом и есть глубочайший смысл. Ступай и наслаждайся жизнью.

— Я не умею. Я умею лишь воевать.

— Тогда наслаждайся вкусом горячей схватки...

Над самым его ухом пружинисто зазвенел хомус. Вибрирующие звуки по кругу обежали голову и взмыли в тёмные глубины ночного неба. Чья-то невидимая рука легла на затылок Маэля, и он ощутил хлынувшую в его тело теплоту.

— Не печалься, друг, — пропел мягкий женский голос (был ли он на самом деле женским?), — не печалься. Человек всегда одинок. Человек одинок до тех пор, пока он жаждет оставаться человеком.

Вскоре ты поймёшь это. Твоя книга давно написана. Скоро ты прочтёшь свои строки.

— Прочту мою книгу?

— Ты познаешь, что, только воссоединившись с Творцом, только вернувшись в свой Дом, ты обретёшь подлинное счастье. А до тех пор пользуйся отпущенными тебе благами человеческой жизни.

Утро дымилось кострами. Над землёй стелился туман. Сколько Артур помнил, всякий раз после Священной Ночи Духов окрестности были наполнены густым туманом. Казалось, отступившая ночь оставила после себя мутное дыхание, продолжавшее околдовывать землю и людей. Очертания крепостной стены едва угадывались. В молочной мути воздуха слышались сонливые звуки: квохтанье кур, бляенье овец, тьяканье собак, всхрапывание лошадей, негромкие разговоры людей.

Артур вышел на крыльцо и глубоко вздохнул.

Из белёсого пространства к нему шагнул Мерддин. В тумане он, одетый в длинный пурпурный плащ с капюшоном, выглядел особенно таинственно.

— Приветствую тебя, — улыбнулся Артур.

Мерддин молча кивнул. Когда он приблизился, Артур увидел, что старец чем-то серьёзно озабочен.

— Что-нибудь случилось?

— Пропал наш священный котёл.

— Что? — не понял Артур.

— Пропал мой котёл, в котором я варил дурман-траву.

— Как пропал? Как это возможно?!

— Его забрал Мордред.

— Ты видел?

— Нет. Но я знаю это. Я заглянул в дыру времени. Мне удалось прочитать следы тех, кто похитил котёл.

— Мордред! Будь он проклят! — воскликнул Артур и ударил кулаком о дверной косяк. — Но как ему удалось проникнуть сюда и не обратить на себя внимание?

— Все были опьянены травой, вдобавок многие носили маски, — пояснил Мерддин. — Мордред и его пособники накинули на себя плащи

друидов.

— Где они раздобыли их? — оторопел Артур.

— Я только что побывал в Доме Духов, — ответил Мерддин, — и обнаружил там пять убитых друидов.

— Что?! — На несколько мгновений Артура парализовало. Он прижал руку к груди и, преодолевая боль, заполнившую сердце, произнёс: — Надо созвать людей.

— Не сейчас.

— Нужно немедленно снарядить погоню!

— Не сейчас, Артур. После Священной Ночи никто не имеет права браться за оружие. Нужно переждать семь дней.

— Семь дней! — жарко выдохнул Артур. — Но семь дней — это целая вечность!

Он сбежал по ступеням и остановился, не зная, что ему делать. Пальцы сжались в кулаки, руки вознеслись к небу, голова запрокинулась.

— О боги! Не в добрый час я возложил на себя венец вледи́га... Как мне быть? Что делать?

— Наберись терпения, Артур, — подошёл к нему Мерддин.

— Я не умею ждать...

— Умение терпеть и ждать — одно из важнейших качеств правителя. Испытание терпением — тяжелейшее из всех.

— И всё же я немедленно созову вождей.

— Созови, но в поход всё равно нельзя отправляться. Погляди на туман. Ничего не видно в трёх шагах.

— Ты прав... Но сколько же ждать?

— Семь дней, ибо столько продержится туман...

Артур потрянул головой, решительно вернулся в дом и сорвал со стены сигнальный рог, сделанный из сильно изогнутой медной трубы с надетым на неё кожаным раструбом в виде головы ревущего вепря. Человек-Медведь набросил медную спираль трубы на плечо, вышел на крыльцо и набрал побольше воздуха в грудь. Пронзительный звук разрезал утренний воздух, созывая воинов.

Вскоре двор наполнился людьми. Все жадно слушали Артура. Новость о краже священного котла произвела на всех удручающее впечатление.

— Найдём Мордредра и уничтожим! — громко произнёс кто-то, когда Человек-Медведь закончил речь. — Артур, мы обещаем тебе, что

привезём тебе голову этого мерзавца. Он осмелился не только осквернить нашу землю своим присутствием, но и совершил тягчайшее из преступлений — обагрил клинок кровью священных старцев. Смерть ему!

— Смерть! Смерть! — взревела толпа.

[1] С а м а й н — 1 ноября. Праздник, иногда называемый кельтским Новым годом, длился три дня перед Самайном, в день Самайна и три дня после Самайна.

[2] С и д ы — подземная волшебная страна, подземные обитатели сверхъестественных существ. Эти существа тоже назывались «сиды». Сиды высоки ростом и очень красивы, их красота способна свести человека с ума, поэтому людям следует избегать встреч с сидами.

[3] Это угощение называлось «bwud cennad y meirw», то есть «пища головы мертвеца».

Профессор

Май 1995 года

Профессор Николай Яковлевич Замятин посмотрел на круглые часы, висевшие на стене, и пробормотал что-то себе под нос. Шагая по гулкому коридору, он иногда поглядывал в окно, за которым яркое воскресное солнце сияло на сочной зелёной листве.

— Чудесная погода, — проговорил он сам себе и остановился перед массивной дверью, недавно выкрашенной в белый цвет и всё ещё пахнувшей краской.

Зачем-то обернувшись, он окинул безлюдный коридор долгим взглядом и распахнул дверь.

Леонид Гуревич, тридцатилетний аспирант Замятина, стоял к нему спиной. Услышав скрип двери, Леонид обернулся. Его рука лежала на большом дощатом ящике, водружённом прямо на профессорский стол.

— Добрый день, Николай Яковлевич! — Гуревич лучился радостью.

— Здравствуйте, Леонид Степанович. Признавайтесь, зачем выдернули меня из дома в воскресенье. Что за срочность?

— Николай Яковлевич, смотрите. — Гуревич бережно поднял крышку ящика и обеими руками вытащил из вороха соломы большой металлический предмет, по форме напоминавший высокую кастрюлю.

— Кельтский ритуальный котёл! — победно произнёс Леонид, не отрывая от него горящего взора. — Каково! — прошептал он возбуждённо. — Что скажете, Николай Яковлевич?

Дно котла было не сферическим, а плоским, поэтому он твёрдо стоял на поверхности стола. На его боках были закреплены серебряные пластины с рельефными изображениями людей и оленей.

— Замечательный экземпляр, — улыбнулся профессор и провёл рукой по выпуклым очертаниям человечков. — Великолепно сохранился. Редкий случай. Обычно до нашего времени доходят только пластины, но не сами котелки.

— Какие рисунки! — продолжал восторгаться Гуревич. — Вы только посмотрите, Николай Яковлевич, тут изображён друид, окунающий людей в котёл. Господи, как же мне повезло! Судя по характеру изображения, это не галльский, а бриттский котелок... Я не ошибаюсь? Как вам кажется?

— Валлийский, — уточнил Замятин.

Он с усилием оторвал тяжёлый котёл от стола и, закрыв глаза, прижал его к груди, словно ребёнка, и постоял так несколько минут.

— Николай Яковлевич, опустите же его, тяжесть-то какая!

— Ничего, — пробормотал Замятин, — ничего. Мне так лучше думается...

Он замолчал и поводил дрожащими пальцами по пластине, на которой был изображён человек, падающий вниз головой в объёмный котёл.

На улице внезапно посмурнело, солнце спряталось за невесть откуда набежавшими густыми тучами. Гуревич даже обернулся к окну, он мог поклясться, что минуту назад небо было безоблачным и сверкало лазурью. Теперь же оно затянулось плотной бурой пеленой. В кабинете сделалось настолько темно, что Леонид протянул руку — включить настольную лампу. И в это мгновение он увидел, как между пальцами Замятина и поверхностью серебряной пластины пробежала яркая искра, сияющей голубоватой нитью скользнув по выпуклому изображению.

— Николай Яковлевич! Вы видели? Что это?

Замятин открыл глаза и взглянул на Гуревича.

— Что случилось?

— Электрический разряд! Неужели вы ничего не почувствовали?

Замятин поставил котёл.

— Николай Яковлевич, я собственными глазами видел, как от котелка к вашей руке брызнула искра! Клянусь!

Замятин таинственно улыбнулся.

— Так вы почувствовали? — настороженно спросил Гуревич. — Как это объяснить? Неужели эти котлы и впрямь обладают неизвестными для нас качествами?

— Обладали, — кивнул Замятин, и в глазах его заплескала хитринка, — и обладают поныне.

— Вы разыгрываете меня? Это вы какой-то фокус сделали?

— Вы лампу всё-таки включите, Леонид Степанович...

Гуревич заметил, что его рука по-прежнему была протянута к кнопке настольной лампы и что в кабинете по-прежнему было темно. Он надавил на выключатель, и жёлтый свет залил помещение, обозначив на поверхности белого плафона толстый слой пыли.

— Дайте-ка и мне попробовать. — Гуревич порывисто подвинул к себе котелок и начал оглаживать его, прислушиваясь к собственным ощущениям.

Ничего не происходило.

— Нет, никакой искры, никакого разряда, — смущённо сказал он. — Померещилось... Смешно, правда? Учёный, а такая наивность. Вижу, вы рады подшутить надо мной... Знаете, Николай Яковлевич, мне нельзя было в науку идти. У меня всегда была чрезмерная вера в чудеса, почти детская вера.

— Это хорошо, Леонид Степанович. Вера в чудеса не позволяет нашему уму костенеть. А мы, учёный народец, так склонны окапываться в наших гипотезах и, как говорится, ни шагу назад, будем до последнего дыхания отстаивать привычную нам точку зрения, даже если она в корне неверна... Нет, Леонид Степанович, вера в чудеса — это прекрасно.

— Но не настолько же! Вы же видели, как я вцепился в котёл. Что-то померещилось, а я уже готов поверить...

— Но это на самом деле не простой котелок... Им пользовались во времена знаменитого короля Артура. Сам Мерлин готовил в нём магический отвар на священный праздник Самайн.

— Вы так говорите, словно это непреложный факт.

— Так и есть. Именно этот котёл использовался в братстве Круглого Стола. Именно его похитили у Мерлина. Правда, тогда его звали Мерддин, в Мерлина он превратился гораздо позже... Это и есть тот котёл. Именно на его поиски Артур отправил отряд своих лучших воинов. Это тот самый котёл, с которого началась легенда о Граале...

— Прямо-таки тот самый? — ухмыльнулся Леонид.

Леонид Степанович Гуревич по праву считался одним из самых перспективных учеников Замятина. Сам же он не уставал повторять, что его самая большая удача — выпавшая возможность работать с профессором Замятиным. Он не просто уважал Николая Яковлевича, но благоговел перед ним, жадно ловил каждое слово и неуклонно следовал всем указаниям этого учёного мужа с мировым именем. Впрочем, не он один испытывал по отношению к Замятину глубочайшее

почтение, граничащее с суеверным страхом перед этим великим учёным. Это касалось очень многих.

Николай Яковлевич был среди историков фигурой знаковой, многие считали его живой легендой. Замятин поражал широтой взглядов и особым талантом предсказывать то, чему ещё не было доказательств.

Поговаривали, что всё дело было в сердечном приступе: однажды Замятин попал в больницу, и врачи даже констатировали смерть. Однако уже через тридцать минут доктор объявил, что сердце профессора — вопреки всем законам природы — снова заработало. И каково же было всеобщее удивление, когда через две недели Николай Яковлевич, лукаво улыбаясь, появился в Академии! И выглядел он, пожалуй, даже лучше, чем до больницы. Глаза его горели неудержимой жадной деятельностью.

— Нуте-с, — проворковал он, пройдя в свой кабинет, — приступим...

С тех пор прошло более пяти лет, но за это время Замятин успел удивить коллег больше, чем за всю свою предыдущую жизнь. Правда, от всех его статей и выступлений теперь веяло духом мистики, всюду между строк можно было увидеть намёки на какие-то «тонкие» материи, которые, собственно, и являются главными во всей человеческой жизни. Все его теории вызвали бурные споры, обсуждались долго и горячо, вовлекая в дискуссии даже тех, кто обычно оставался равнодушным к новым течениям в исторической науке.

— После клиники старик стал другим, — шушукались за спиной Николая Яковлевича. — У него в корне изменился подход к работе.

— Теперь он прежде всего напирал на интуицию. Только ведь это не научный подход. Нельзя на интуиции строить целые научные направления.

— Старик просто немного тронулся умом после последнего приступа.

— А что, если у него была клиническая смерть? Я слышал о нескольких случаях, когда у людей открываются необъяснимые способности...

— Только не надо вот этого мракобесия! Давайте не уклоняться от действительности! Хватит нам одного Замятина с его непредсказуемостью и необъяснимостью. Я его безмерно уважаю, но к моему прискорбию вынужден признать, что взгляды Николая Яковлевича теперь с трудом можно назвать научными. Предсказания, интуиция... Нет, надо опираться на реальные факты.

— Это, конечно, так, только ведь все его гипотезы подтвердились! У Замятина и впрямь развилась способность видеть сквозь время.

Такие разговоры можно было услышать в коридорах и кабинетах Академии наук в любое время суток.

Замятин манил к себе всех. Особенно подкупала его общительность и доброжелательность, совсем не свойственные ему до последнего приступа. Он словно сбросил с себя скорлупу, вернувшись из больницы, и избавился от какого-то внутреннего омута, всасывавшего раньше всё его внимание внутрь себя и не позволявшего ему видеть окружающий мир. Вместе с тем от внимания коллег не укрылся тот факт, что Замятин стал менее серьёзен. Почти обо всём он говорил шутя. Он будто разучился строго сводить брови и говорить без улыбки. Шутя он мог сказать порой, что видел какое-нибудь древнее событие собственными глазами, мог описать его подробнейшим образом, но при этом не настаивал ни на чём. А после этого где-нибудь вдруг обнаруживались письменные свидетельства, подтверждавшие слова профессора Замятина. Понемногу стали расползаться слухи, что Николай Яковлевич умеет заглядывать в глубь веков, к нему начали всё чаще приходиться не как к профессору, а как к ясновидящему. Он только посмеивался над этим, но порой соглашался ответить на некоторые вопросы.

Леонид Гуревич всегда воспринимал Замятина как полубога, приписывая ему чуть ли не колдовские способности, поэтому он не слишком удивился, когда увидел, как между пальцами профессора и серебряной пластиной ритуального котла промелькнул голубой искрой электрический разряд. Ему ещё никогда не доводилось видеть ничего чудесного, но в душе он был убеждён, что Замятин рано или поздно распахнёт перед ним врата в мир неведомого.

И вот теперь профессор сказал:

— Это тот самый котёл, с которого началась легенда о Святом Граале.

— Николай Яковлевич, — неуверенно начал Леонид, — но ведь Грааль — традиция христианская. Это общеизвестно. Все признают, что Грааль — это чаша, из которой Иисус поил вином своих учеников во время Тайной вечери.

— Леонид Степанович, вы меня удивляете. Вы же давно не мальчик, чтобы мыслить категориями школьных учебников!

— Но...

— Я же сказал, что с этого кельтского котла началась легенда...

Легенда, молодой человек! Я произнёс слово «легенда», а не «история». Вам ли не знать, как рождаются легенды! Легенды замешаны на мечтах, на желании выдать вымысел за правду; время обтёсывает этот вымысел и подгоняет к нему подправленные факты, которые после этого тоже превращаются в далёкие от подлинной истории штучки. При этом настоящая история никуда не девается, просто о ней забывают, её теряют, но все хотят её узнать.

Дверь кабинета отворилась, и в проём заглянула девушка.

— Леонид Степанович, можно к вам?

— Ира? — Гуревич, похоже, смутился, увидев девушку.

— Проходите, милая, смелее, — улыбнулся Замятин. — Вы, кажется, у меня курс слушаете? Лицо ваше мне знакомо.

— Да, Николай Яковлевич. — Девушка смутилась, она не ожидала встретить профессора. — Я попозже... Извините...

— Нет, нет, непременно заходите, — Замятин призывно замахал рукой. — У нас тут прелюбопытная вещичка. Идите-ка сюда и не мешкайте.

Гуревич закивал вслед за профессором:

— Да, Ира, входи... — И тут же поправил себя, сделав голос более официальным: — Входите...

— Эх, молодёжь, зачем вы так стыдитесь быть открытыми? — засмеялся Замятин. — Ирина, взгляните на этот великолепный культовый котёл. Вы кельтской мифологией не занимаетесь?..

— Нет...

— Что ж, всё равно полюбуйтесь... Итак, Леонид Степанович, вернёмся, как говорится, к нашим баранам. — Замятин задумался и опять повернулся к девушке. — Вы на первом курсе учитесь? Про Святой Грааль приходилось слышать? Я тут начал говорить, что перед нами на столе находится котёл, с которого началась легенда о Святом Граале, легенда о христианской святыне, породившая целое направление в средневековой культуре... Но известно ли вам, уважаемая, что до определённого времени никакого Грааля не существовало и никто о нём даже не упоминал? Поначалу сочинители занимались написанием невнятных рыцарских рассказов, где ни стержня не было, ни духовности. Лишь ближе к 1180 году в мире окончательно сформировался рыцарский эпос. Кретьен де Труа впервые написал о Граале и о Персевале — его искателе. До знаменитого кретьеновского «Conte

del Graal»^[1] нигде вообще не говорилось ни о какой священной чаше. А чуть позже появилось очередное французское сказание — «Иосиф Аримафейский», и вот тут чаша приобрела более конкретный облик. Это был грандиозный замысел! Величайшая поэма о Граале: первая часть должна была поведать о происхождении чаши, во второй сведения о Граале сплетались с похождениями Артура и Мерлина, а в третьей предполагалось начинать поиски священной чаши... Впрочем, поэма та и не была завершена. А потом, как вам известно, на литературную сцену вышел Вольфрам фон Эшенбах, появился его многострадальный Парцифаль. И пошло-поехало: Лоэнгрин, Титурель... Кажется, только самый ленивый не отправлялся на поиски Грааля. Дошло до того, что даже в гитлеровской Германии велись официальные поиски Святого Грааля. Но в Германии это стало возможным лишь потому, что сам Гиммлер, руководитель СС, прилагал необычайные усилия к возрождению средневековых традиций. Сама организация СС была устроена на манер рыцарского ордена. Гиммлер и Гитлер очень любили всякие рыцарские шествия. Почти ни одного праздника у них не обходилось без парада тевтонских рыцарей: доспехи, шлемы, щиты с крестами, копья, флаги. А это означает, что культовой стороне нацисты придавали огромное значение. Факельные шествия и всё такое. И к поискам Святого Грааля Гиммлер относился очень ответственно.

— Но ведь поиски ни к чему не привели, Николай Яковлевич.

— Они ничего не дали, — весело согласился Замятин, — потому что Гиммлер искал не то, что следовало искать. С Граалем у них вышла промашка, однако прошу заметить, молодые люди, что прочие оккультные «опыты» Третьего Рейха дали немало результатов.

— Простите, Николай Яковлевич, — Гуревич понизил голос, — я недавно работал в архиве Спецуправления, и там в одной комнате со мной находился человек, который просматривал бумаги из Особого архива. — Леонид ещё понизил голос и оглянулся на дверь комнаты. — Когда тот человек вышел ненадолго, мне удалось заглянуть в его бумаги. Там шла речь о тайных обществах Третьего Рейха. Представляете? Всего несколько дней назад я держал в руках эти документы, а теперь вот вы завели разговор об оккультизме нацистской Германии. Как странно...

Гуревич поёжился, почувствовав внезапный озноб, и обеспокоенно посмотрел на Иру. Она заворожённо глядела на профессора.

— Николай Яковлевич, в тех бумагах упоминалось название

«Аненэрбе». Вам доводилось слышать об этой организации? — спросил Гуревич.

— О «Наследии Предков»? Да, приходилось, — спокойно ответил Замятин. Теперь весёлость покинула его. — А почему вы спрашиваете?

— Там были какие-то заклинания. Как я понял, говорилось там не о древних текстах, а об оккультных церемониях именно гитлеровской Германии. Каким-то боком это было связано с Граалем и Круглым Столом Артура.

— Я же вам только что сказал, что Гиммлер всерьёз разрабатывал теорию магической силы Грааля. Никто не понимал, насколько серьёзными были устремления рейхсфюрера СС. Ему, конечно поддакивали, но больше из желания угодить. То есть я, конечно, знаю имена настоящих его сподвижников в этой области и даже более чем сподвижников. Были и такие, которые верили в магию куда больше самого Гиммлера. Взять хотя бы знаменитого Карла Рейтера, возглавлявшего одно из подразделений «Аненэрбе». В секретную организацию «Наследие Предков» входило около пятидесяти научно-исследовательских институтов. Граалем занимался Отдел Реконструкций, которым и руководил упомянутый мной штандартенфюрер Рейтер.

— Как странно. Научно-исследовательский институт ищет Грааль... Почему этой несуществующей чаше придавалось такое большое значение? Неужели немецкие учёные не владели достаточно полной информацией об эволюции этого литературного и религиозного образа?

— Видите ли, Гиммлер был не совсем здоровым человеком, ну, в смысле психики. До него дошло кое-что из того, что не положено знать обыкновенным людям, в результате чего у него в голове слегка помутилось и он возомнил, что имеет право на создание своего тайного Ордена. Этим орденом он сделал СС — настоящий рыцарский орден со своими ритуалами, уставом, и всем-всем, что угодно душе психически ненормального человека. Более того, Гиммлер основал для своего ордена центр, где собирались главные лица СС. Кстати, да будет вам известно, что СС никогда не была государственной организацией. Это был настоящий Орден. Его центр, так сказать, сердце СС находилось в старинном замке Вевельсбург. Там Гиммлер устроил нечто вроде Круглого Стола короля Артура. Для заседаний двенадцати высших чинов СС был оборудован специальный зал, сделаны ниши для урн, куда должны были ставиться урны с прахом выбывших «главных рыцарей»,

стоял большой круглый стол. Там проводились специальные ритуалы, читались молитвы... Словом, Гиммлер играл в рыцарей с размахом. Так если рейхсфюрер СС столь серьёзно увлекался идеей Круглого Стола, разве мог он устоять перед искушением найти ритуальную чашу или какую-нибудь церковную дарохранительницу, воспетую в стольких романах и якобы обладающую необычными свойствами?

— Николай Яковлевич, но ведь не на пустом же месте всё это возникло, — робко вступила в разговор Ира. — Что-то обязательно стоит за всеми этими легендами. Может, какой-нибудь ритуальный кельтский котёл, где варили дурман-траву?

— Да вот он, тот самый котелок! — воскликнул Замятин и постучал ладонью по рельефному боку стоявшего на столе котла. — Это именно тот котёл, который был украден из Дома Круглого Стола и на поиски которого отправились лучшие воины Артура... Вообще-то котлов было много. Но дело не в каком-то конкретном котле и даже не в котле вообще. Котёл считался священным по той причине, что из него поили во время главных праздников, особенно во время Самайна, специальными галлюциногенными отварами. И тут, Ирина, вы на сто процентов правы, говоря о дурман-траве. Самайн был праздником, когда встречался мир живых, то есть плотный мир, с миром теней, тонким и невидимым. И в этот день можно было узнать то, что в остальное время было закрыто для простого смертного. Можно было получить откровения, величайшие знания. А когда котёл исчез, люди бросились искать его, считая, что именно эта посуда является носителем истины. Народ предпочитает верить не в Бога, а в вещи, приписывая им божественную силу. Поэтому-то и начались поиски священного котелка. Затем стали появляться один за другим всевозможные рассказы о похождениях рыцарей. А потом эти истории смешались с историями о поисках откровения, за которым многие мужчины в древности отправлялись в глухие леса и пещеры, превращаясь в отшельников. Всегда одно накладывается на другое, в результате чего рождается химера... Грааль — всего лишь символ. Символ величайшего знания. Символ постижения истины. Где-то Грааль назван чашей, где-то — камнем. Алхимики искали философский камень, это — тот же Грааль, *prima materia*. Алхимики пытались нащупать некую одушевлённую материальность, то есть знания, живущие вне человека, знания космические, божественные — называйте это как угодно. А в книгах

примитивные переписчики начертали просто — «философский камень». Но Грааль — не камень и не чаша. Это олицетворение истины. Все мы стремимся к ней: одни открыто, другие неосознанно. Вспомните, как в мифическом замке Грааля попавшие туда рыцари всегда были окружены изобилием: Грааль давал им всё, что они желали есть и пить, сосуды на столе вновь и вновь наполнялись, но никто не видел источника этого чуда. Никто никогда не видит самого Грааля, потому что его невозможно увидеть. Грааль — символ самой природы знаний, способной одарить нас любыми благами. Это символ Бога. Познаешь божественную суть бытия — найдёшь Грааль.

Гуревич молча посмотрел на профессора и протянул руку Ире. Девушка сжала её и прильнула к молодому человеку всем телом. Казалось, их обоих охватило оцепенение.

— Друзья мои, что с вами? — спросил Замятин.

— Мне почему-то вдруг стало грустно, — призналась Ира. — Вот тут, в груди, всё свернулось, похолодело.

— Вот это зря. Холод — плохой знак.

— Не пугайте, Николай Яковлевич, — печально проговорила девушка.

— Что вы, милая! Я не из тех, кто любит пугать. Я проповедую только счастье, потому что в жизни нет ничего, кроме счастья. Надо лишь уметь понять это.

— Что вы такое говорите, Николай Яковлевич! — Гуревич возмущённо взмахнул рукой и нахмурился. — Какое счастье вы видите вокруг? Мы, люди увлечённые, ещё можем спрятаться от окружающего мира в своём любимом деле, но остальные-то как? Они ведь остаются лицом к лицу со всей мерзостью, которая окружает нас. Вы бы ещё сказали, что мир вполне гармоничен.

— Мир действительно гармоничен, Леонид Степанович. Он не может не быть гармоничным.

— А война?

— Это одно из качеств нашей жизни. Можно и без войны, но тогда будут катаклизмы, иные всевозможные катастрофы в результате человеческой деятельности. Видите ли, боль — это одна из составных частей нашего бытия. Я не говорю о том, что к ней надо стремиться, но понимать её природу просто необходимо. Горький вкус перца ничуть не хуже сладкого вкуса сахара. Но каждому есть своё место. Нужен холод, нужно и тепло. Это разные качества нашей жизни. В этом

и заключается гармония. Человеку нужно лишь научиться пользоваться этими качествами. А вот этого-то люди и не умеют. Люди хотят испытать определённый вкус жизни, но не умеют сделать правильный шаг, ведут себя неверно, поэтому творят чёрт знает что.

Гуревич недоумённо смотрел на Замятина. Лицо профессора сделалось другим, незнакомым. Перед Леонидом стоял человек с низко опущенными надбровными дугами, огромным лбом, нависшим мясистым носом. На коже пропечатывались вытатуированные узоры. А воздух вокруг головы профессора густился каким-то сизым облаком. Гуревич вздрогнул, и видение пропало. Возле него был прежний Николай Яковлевич, но без улыбки на лице.

— Николай Яковлевич, — Гуревич испуганно коснулся руки профессора, — вам нехорошо?

— Всё в порядке. — Замятин опять улыбнулся.

— А мне, знаете, такое померещилось...

Леонид замолчал и перевёл взгляд на Иру. Девушка продолжала молча смотреть на Замятина. Казалось, она тоже видела что-то невероятное. В её глазах дрожали слёзы.

— Всё в порядке, господин де Бриен, — тихо проговорил Замятин, продолжая задумчиво улыбаться.

— Простите, Николай Яковлевич, я не расслышал, что вы сказали? — спросил Леонид.

— О чём вам говорит имя Жак де Бриен?

— Жак де Бриен? Пожалуй, не встречал этого имени.

— Встречали, мой друг, встречали... Просто вы запамятовали. Такое случается, — улыбка Замятина сделалась почти радостной.

— Почему вы так уверены, Николай Яковлевич? — растерялся Гуревич и опять взглянул на девушку. — Почему я должен знать это имя? Он оставил какие-то труды, с которыми я непременно должен был познакомиться?

— Он оставил труды, — согласился профессор.

— Вы хотите сказать, что я их читал, но забыл его имя? Это вряд ли...

— Дорогой Леонид Степанович, неужели вы... — Замятин дружески обнял своего ученика, — неужели вы совсем ничего не понимаете? Вы же верите мне, верно?

— Верю стопроцентно.

— Тогда поверьте, что вы знаете это имя.

— Знаю, но не помню? Такого просто не может быть, — засмеялся Леонид.

— Не помните, потому что вы не помните всю ту жизнь.

— Какую жизнь?

— Вашу жизнь в те времена...

— Не понимаю, о чём вы говорите, Николай Яковлевич.

— О реинкарнации... Вы жили в ту эпоху. И не надо тарашиться на меня. Вы же только что сказали, что верите мне.

— Верить-то я верю, но реинкарнация... Это уж чересчур... Переселение душ?

— Ещё раз спрашиваю вас: вы мне верите?

— Да, Николай Яковлевич.

— Стало быть, вы должны согласиться с моим утверждением, что реинкарнация существует, верно? В таком случае поверьте и в то, что труды Жака де Бриена написали вы.

— Что? — Гуревич никак не мог понять, насколько серьёзен был в ту минуту профессор.

— Это означает, что когда-то вы были де Бриеном. Вот вам мой ответ.

— Как так?

— Я только что увидел это... Поверьте, Жак был талантливым поэтом. С ним не мог сравниться никто в области сочинительства...

— В области сочинительства? — Гуревич поморщился. — Николай Яковлевич, это звучит как-то пошлово.

— Вы позволяете себе принижать значение чужого труда. Сочинители — великие люди. Они порой умеют открывать то, чего не видят сильно подкованные учёные мужи... Вам выпал шанс сравнить одно с другим... Впрочем, вижу, что вас это не увлекает. Ладно... Оставайтесь и целуйтесь на здоровье.

— Николай Яковлевич...

— Да что вы в самом деле! — воскликнул профессор. — Уж если я способен видеть прошлое, то в настоящем как-нибудь тоже смыслу кое-что. — Замятин повернулся в девушке. — Я на вас очень рассчитываю.

— В каком смысле?

— В смысле возложенных на вас задач. — Профессор подмигнул Ирине.

Она вежливо улыбнулась, но в глазах её застыло недоумение.

— Николай Яковлевич, — пролепетала она.

— Пока всё хорошо, милочка. Следуйте зову сердца. Вслушивайтесь в себя... Кому-то передаются деревянные амулеты Артура, а кто-то наследует душу. Что лучше?

Она растерянно перевела взгляд на Леонида.

— Вы поймёте меня чуть позже, голубушка, — легонько потрепал её по плечу профессор и направился к двери. — А котёл этот чудесен, просто великолепен! И вы оба постарайтесь приглядеться к нему, дорогие мои. Для каждого из вас это очень важно!

Придя домой, Николай Яковлевич сбросил башмаки, снял плащ и нащупал мягкие тапочки. В квартире уже царили сумерки. Профессор снял плащ и нащупал ногами мятые тапочки. Ноздри привычно втянули запах пыли, витавший вокруг стеллажей, плотно забитых книгами. Книги поднимались от пола до самого потолка, некоторые тускло поблёскивали золотыми тиснениями, потрёпанные годами тряпичные корешки, виднелись и гордые кожаные переплёты массивных старинных изданий, и новенькие книжечки в лаковых обёртках, ощущавшие себя явно не на своём месте среди изданий, прошедших испытание временем.

Миновав длинный коридор, Замятин очутился в своём кабинете, тоже сплошь заставленном книгами. Возле окна стоял массивный письменный стол, переживший, похоже, не одно столетие. Между кипами лежавших на столе бумаг стояла фотография античной женской головки, вырезанной из мрамора. Профессор присел на придвинутое к столу кресло, на подлокотнике которого висел синий стёганный халат, и посмотрел на фотографию.

— Сегодня хороший день, Лидия[2], — проговорил он, обращаясь к безучастному женскому лику. — Я видел котёл Мерддина. Знаю, тебе не понять моей радости. Ты и в прошлом не понимала, кто я такой. Мы жили вместе, я даже любил тебя... Скольких женщин я обнимал, скольким говорил нежные слова, однако лишь ты осталась в моей душе. Я не вспоминаю даже про Эльфию, хотя мы были сильно привязаны друг к другу. Настолько сильно, что я почувствовал её присутствие, когда она была уже мёртвой... в теле Энотеи-Певницы... И всё же я не вспоминаю её. Мои мысли возвращаются лишь к тебе. Ты сыграла свою небольшую роль в моей непростой игре... Сейчас ты живёшь недалеко от меня,

но даже не догадываешься о твоём прошлом. Ты молода, ещё совсем девочка... Как знать, пересекутся ли наши пути вновь? Я мог бы пойти к тебе, но... Зачем? Если всё сложится, как я задумал, то вскоре мне удастся достигнуть поставленной цели. Если только моя дочь не спутает карты. И если Ирина сумеет порвать пути времени... Да, сначала нужно разобраться с Ириной. Рисунок её жизнью имеет важнейшее значение для составления узора...

Профессор нежно коснулся фотографии.

— Да, я уже близок к цели... Может, лет через десять я сложу окончательный магический узор и мне откроется Истина...

Он улыбнулся.

— Я, Амрит, известный как Нарушитель, переиграл на сегодняшний день всех... Почти переиграл...

Он поднялся и твёрдым шагом направился на кухню, чтобы приготовить чай. В коробке, где хранилась заварка, ничего не оказалось. Несколько лет назад умерла жена Замятина, и дочка Наташа росла в основном под присмотром тётки, часто гостила у неё, иногда пропадая там недели по две. Вот и теперь Наташи не было дома. Впрочем, на неё, десятилетнюю девчушку, Замятин не рассчитывал в хозяйстве. Раз в неделю к нему приходила домработница, прибирала немного, стирала и гладила бельё, варила здоровенную кастрюлю борща, закупала хлеб с сыром. А Наташа привозила от тётки пакеты с конфетами и печеньем к чаю, и поглощала все сладости сама.

Николай Яковлевич заглянул в заварной чайник: там ещё оставалось немного тёмной жидкости.

— Ну и славно. Много ли нужно старику?

Он застыл на несколько секунд, провалившись в свои мысли.

— Много ли нужно? — повторил он. — Прежде всего развязать узел событий. Очень уж они помешали мне своими любовными делами, просто с ума посходили... Эх, Ира, глупышка... Ведала бы ты о своём прошлом... Какие могучие фигуры стояли рядом с тобой! Артур, Мерддин, Ван Хель, а ты... Ты всё только портила мне. Я ошибся, сделав ставку на тебя... Или же Коллегия что-то сделала, дабы те далёкие коридоры событий не выстроились нужным рисунком... Но я одолею всех! Я буду первым из Коллегии, кто добьётся права дойти до высшего знания! Я буду первым. Возможно, я буду единственным...

[1] Повесть о Граале.

[2] См. книгу Андрея Ветра «Волки и волчицы».

Лезвие разлуки

Май 471 года

Маэль выслеживал Мордредра всю зиму, но так и не сумел подобраться к вожаку Волчьей Стаи. Артур тоже гонялся за Мордредом, но тот умело скрывался, хотя мало кто в Уэльсе решался предоставить кров личному врагу Человека-Медведя — за оказанную Мордреду помощь Артур обещал сжечь не только дом укрывателя, но и всю деревню.

Маэль горел желанием найти Мордредра. О краже священного котла он услышал вскоре после Самайна — весть об этом разнеслась по всей стране. Священный котёл и труп Мордредра — вот была цель Маэля. Юноша жаждал вернуться к Артуру, но хотел искупить свою вину.

«Будет ли достаточно этого? Как взглянут на меня боги? Что скажут? — размышлял вечерами Маэль. — Может, этого будет мало? Уничтожить врага... Смогу ли искупить этим моё предательство?»

Где бы Маэль ни появлялся, деревенские жители с удовольствием принимали его. Маэль Длинное Копьё пользовался в Уэльсе громкой славой. Его уважали не меньше Артура. Все прекрасно знали, что Человек-Медведь поручал ему самые ответственные дела, верил ему во всём. Присутствие Маэля вселяло во всех уверенность и спокойствие.

Когда же вдруг появлялся Артур или кто-либо из его дружины, деревенские радостно и даже с гордостью сообщали, что у них ночевал Маэль.

— Маэль? Но почему он не появляется в Доме Круглого Стола? Люди, что он рассказывал вам?

— Он занят поисками Волчьей Стаи.

— Один? Без своих воинов?

— Так он сказал нам, — пожимали плечами деревенские.

Первое время в братстве Круглого Стола царило недоумение: почему вдруг Маэль исчез, никому ничего не сказав? Но понемногу к его отсутствию привыкли. Иногда говорили, что Маэля кто-то видел то там,

то здесь. Маэль превратился в призрак. Время от времени он привозил к стоявшему возле священной рощи Дому Духов отрубленные головы кого-то из Волчьей Стаи и клал их на ступенях. И тогда в городе происходило всеобщее ликование.

— Почему он ушёл от тебя? — рискнула однажды спросить Гвиневера Артура.

— Мне трудно объяснить это. Полагаю, что он дал обет.

— Какой обет?

— Молодые воины часто дают разного рода обеты. Чаще всего они обрекают себя на одиночество до тех пор, пока не выполнят что-то важное для них. Маэль, как говорят крестьяне, у которых он ночевал, обещал убить Мордред... Помнишь тот день, когда на вас напала Волчья Стая во время твоей прогулки? Маэль исчез именно после той схватки. Думаю, что он считает себя виноватым.

— В чём? — испуганно спросила Гвиневера.

— В том, что допустил оплошность, позволил подвергнуть тебя смертельной опасности.

— Как ты считаешь, он найдёт Мордреда? Он справится?

— Мордред скрывается. Он знает, что на него объявлена охота. Если бы они сошлись один на один, Маэль одержал бы верх. Но Мордред вряд ли согласится на честный бой.

— Что же будет?

— Время покажет...

Маэль ждал.

Вчера он приехал в разграбленную деревню, где побывала Волчья Стая, затем весь день мчался по её следам. Отряд Мордреда скрылся в лесу, покрывавшем Лисьи Холмы, где располагались таинственные пещеры на берегу Лисьего Озера. О тех местах ходили страшные слухи: будто в пещерах жили женщины, завлекавшие своей писаной красотой случайных путников и пожиравшие их заживо в своём каменном логове. Маэль не смел усомниться в том, о чём вполголоса говорили люди.

«Разбойники Волчьей Стаи давно потеряли душу, — рассуждал он, — и вполне могли найти общий язык с пещерными колдуньями. Если они нашли там приют, то туда лучше не соваться. Вот был бы здесь Мерддин,

я бы получил от него полезные наставления и рискнул бы подняться в холмы».

Маэль решил набраться терпения.

Он ждал весь день и всю ночь. Наутро он заметил поднимающуюся над дорогой пыль — к нему приближался какой-то отряд, возможно, люди Артура. Почти в то же самое время и с противоположной стороны замаячили фигуры всадников. Этих Маэль хорошо видел и сразу узнал.

— Волчья Стая! — торжественно проговорил Маэль и впрыгнул в седло. — Только вот с ними ли Мордред? Там лишь несколько человек.

Маэль неторопливо отъехал в заросли кустарника.

Волчья Стая медленно приближалась. Маэль насчитал всего семь человек. Значит, остальные остались в пещерах.

— Что ж, разберёмся для начала с этими...

Маэль выжидал, пока всадники спустятся по тропинке и выберутся на открытое пространство. Наконец он достал меч.

— Пора...

Он ударил коня пятками и стремительно понёсся навстречу врагам.

Ближе и ближе...

Уже стали различимы их лица...

— Проклятье! Мордреда тут нет!

Всадники остановились и подняли луки. Маэль придержал коня. Против стрел его меч был бессилён. Но и поворачивать обратно он не мог, так как подъехал слишком близко. Поверни он — стрелы вонзятся ему в спину. Так посрамиться в бою он не мог.

— Беззубые щенки! — крикнул он, стаскивая с себя стёганные доспехи. — Дайте мне возможность раздеться!

Всадники ждали, положив стрелы на тетиву. Он видел их мрачные бородатые лица, кто-то скалился. Один из разбойников носил кожаный шлем с металлическим ободом, другой был наголо обрит, у остальных на голове лохматились нечёсанные космы.

Маэль разделся до пояса и яростно отшвырнул рубаху. Правой рукой он сжимал меч, левой — длинный нож. Его конь возбуждённо всхрапнул.

— Где ваш вожак? В какой норе прячется Мордред? — прокричал Маэль, двигаясь на разбойников.

— Сейчас мы отрежем тебе голову и отвезём к нему. Там твой язык сможет задать Мордреду любой вопрос.

— Трусливые твари! Кто из вас рискнёт сойтись со мной?

— С тобой сойдутся наши стрелы! — пролаял кто-то в ответ. — Попробуй увернуться от их жала! Покажи, насколько ты ловок!

— Десятерым вашим друзьям я уже отрезал головы! Теперь ваш черёд! — выкрикнул Маэль, но его богатый воинский опыт подсказывал, что из нынешней схватки ему вряд ли удастся выйти победителем. Маэль погладил пританцовывающего жеребца по шее. — Прости, брат... Тебе, видно, придётся сегодня послужить мне в последний раз... Если ты покинешь наш мир раньше, жди меня на том берегу... Я не задержусь...

Он пустил коня вскачь, двигаясь зигзагами, резко сворачивая в стороны. Несколько стрел пролетело совсем рядом. Одна ударила в седло. Воины Мордредра умели пользоваться оружием, они вытаскивали стрелы из колчана с удивительной ловкостью. Маэль понимал, что не опередит их, как бы стремительно ни нёсся его боевой конь. Очередная стрела вонзилась в грудь жеребца, и животное вздыбилось. Маэль удержался в седле, но конь попятился на задних ногах, взбивая воздух передними. Стрелы продолжали лететь. В брюхо коня впилося сразу две. Животное начало падать. Маэль много раз видел смерть и не раз терял лошадей под собой, поэтому в доли секунды понял, что случилось и выпрыгнул из седла.

Разбойники захохотали.

— Что будешь делать теперь, Длинное Копьё?

Один из них подъехал чуть ближе, небрежно откинувшись в седле.

— Что это там? — вдруг насторожился бритоголовый наездник, всматриваясь вдаль.

Маэль быстро оглянулся. На другом конце поля появились всадники. По трепетавшим над ними знамёнами он сразу узнал воинов Круглого Стола.

— Это Артур! — рявкнул ближайший из разбойников. — Будь проклято это место!

— Чем тебе не нравится это место, пёс? — злорадно спросил Маэль. — Всякое место хорошо, чтобы встретить смерть.

И он метнул в разбойника нож. Тот не успел уклониться, и оружие мягко вошло в его незащищённый доспехами живот. Всадник скорчился и выдернул из себя нож.

— Ты прав, — воскликнул бритоголовый, натягивая лук, — любое место хорошо, чтобы встретить смерть. Так сдохни же, любимец Артура!

Сразу шесть стрел вонзилось в грудь Маэля. Их удар был столь

мощным, что юношу отбросило на пару шагов. Он попытался подняться, встал на колени, но очередная стая стрел со свистом распорол воздух и истыкала ноги Маэля. Он со стоном откинулся на спину.

Волчья Стая поспешила развернуться и помчалась прочь. Разбойник, раненный Маэлем, проскакал недолго и вскоре свалился с коня, но Маэль не видел этого. Он смотрел в небо и пел, едва шевеля губами, прощальную песню.

— Встреть меня, Великая Мать. Окончен мой путь...

Он смутно слышал, как возле него гулко ударили копыта, остановились всадники, Артур спрыгнул на землю и склонился, чтобы заглянуть ему в глаза.

— Маэль!

Юноша никак не мог сфокусировать на нём взгляд. Лицо Артура казалось ему чрезмерно большим, оно заполнило всё пространство, от него исходили яркие лучи, но Маэль не мог понять, откуда взялись эти лучи на лице Человека-Медведя.

— Ты светишься, — прошептал Маэль.

— Молчи, не растрачивай себя, береги свои силы.

— Я виноват... — шепнул Маэль, — виноват...

— Ты ни в чём не виноват, — громко сказал Артур.

— Каждый знает о себе... Только каждый о себе... До конца... Груз вины... Нет ничего тяжелее...

Когда они приехали в Дом Круглого Стола, Маэль уже не дышал. Его везли на носилках, закреплённых между двумя лошадьми. Выдернутые из тела погибшего юноши стрелы лежали на его залитой кровью груди.

Артур молча спрыгнул на землю и, не оглядываясь, скрылся в доме. Маэля бережно сняли с носилок и передали друидам, тут же принявшимся читать молитвы.

Гвиневера вышла навстречу мужу.

— Что произошло, мой господин? Почему такой шум во дворе?

— Мы привезли Маэля, он убит.

— Что?!

Артур не проронил больше ни слова. Он расстегнул пряжки ремней и бросил оружие на стол.

— Где он? — с трудом шевеля языком, спросила Гвиневера.

— Друиды занимаются им.

— Где он?

Артур окинул жену тяжёлым взглядом и махнул рукой.

— Он во дворе... Сейчас его должны омыть, он с ног до головы залит кровью...

— Как он погиб?

— Стрелы... Его сплошь истыкали стрелами... Он ещё дышал, когда мы подъехали. Он пытался сказать что-то... Его словно терзали какие-то мысли... Но я ничего не понял...

— Господи...

— Он говорил о своей вине... Но он ни в чём не виноват... Он преданно служил мне и Круглому Столу... Почему он покинул нас? Что терзало его сердце? Откроют ли мне боги это когда-нибудь?

— Господи! — Гвиневера закрыла лицо ладонями. — Он погиб! Его больше нет! Отец Небесный, прими его в своём доме и прости ему его прегрешения! Господь наш, Иисус сладчайший, пречистому образу твоему поклоняюсь, именем твоим молю о душе Маэля! Не допусти, чтобы закрылись перед ним врата Рая. Не допусти, чтобы за пролитую кровь врагов он был осуждён на вечные страдания. Его сердце всегда было чистым. Услышь меня, Боже, прими раба твоего Маэля в свои объятия.

— Замолчи, женщина! Маэль никогда не был рабом!

— Прости, господин, — сжалась Гвиневера. — Просто мы с тобой говорим на разных языках.

— Замолчи! Моё сердце переполнено скорбью. Маэль был мне как сын. Что может быть горше гибели любимого чада? Не погружай же мою душу в чёрную пучину гнева. Не заставляй меня слушать твои христианские речи.

— Прости, господин, — едва различимо произнесла Гвиневера и перекрестилась, бросив короткий взгляд на деревянный крест, висевший на стене. Этот крест, тщательно отшлифованный и украшенный тонкой резьбой кельтских орнаментов по всей поверхности, на днях подарил ей местный плотник.

Артур тяжело покачал головой и быстрыми шагами покинул комнату, не затворив за собой дверь. Гвиневера осталась неподвижной посреди комнаты. Ей почудилось, что пространство сжалось вокруг неё, мир

словно иссох в одно мгновение, звуки исчезли, цвета померкли. Она тяжело переступила с ноги на ногу и опустила на стул, навалившись всем телом на массивный подлокотник. Она не слышала, как вошла служанка и что-то спросила. Она не слышала, как служанка осторожно вышла, чтобы больше не беспокоить госпожу.

«Маэль... Свет моего сердца... Как я буду без тебя? Зачем ты оставил меня? Что мне делать? Господи, прости, но зачем ты послал мне такое испытание? Я не справилась с любовью, зачем же ты пытаешь меня ещё и вечной разлукой? Неужто плата за сердечную привязанность должна быть такой тяжёлой? Разве я не имею права на счастье?»

Она с трудом поднялась и добрела до окна.

«Маэль, нет мне жизни без тебя! Солнце моё, радость моя, наше счастье оказалось таким коротким! Почему мы не рождены простыми людьми, почему не имели права видаться запросто, а предназначены были для какого-то служения? Кому мы служим? Зачем? Простое человеческое счастье важнее государственных дел... Маэль, почему ты не забрал меня с собой? Мне остаётся теперь только умереть от горя... Но проще — от удара клинка... Найду ли в себе силы? Осмелюсь ли нарушить Божий закон? Ох, Маэль, любовь моя, как тяжело думать об этом...»

Во дворе раздался топот копыт, и Гвиневера увидела, как десять всадников остановили коней перед крыльцом дома. На поднятых вверх копьях торчали человеческие головы, из приоткрытых ртов с мёртвым оскалом вываливались посиневшие языки. Артур медленно вышел к приехавшим.

— Мордред ускользнул, мой государь, — проговорил первый из всадников, расстёгивая ремешок кожаного шлема. — Мы убили ещё пятерых из его отряда.

— Священную чашу нашли? — мрачно спросил Артур.

— Нет, господин. Нам удалось схватить одного из разбойников, но сколько мы ни поджаривали его над огнём, он не проронил ни слова о чаше. Возможно, он не знал о её местонахождении.

— Он умер?

— Да, государь.

— Значит, Мордред никто не видел?

— Он удрал. Вряд ли он теперь вернётся в пещеры. С ним осталось не более десятка человек.

Гвиневера смотрела на Артура сквозь слёзы. Мысли её были устремлены к Маэлю. То, о чём разговаривали мужчины во дворе, не имело ни малейшего значения...

В тот же вечер тело Маэля, завернутое в белые олени шкуры, было уложено в гроб. На груди покойника лежал его меч. Дымились четыре аккуратно сложенные кучки углей, обозначая четыре стороны света, и возле каждого из них стояли, прислонённые к воткнутым в землю жезлам, черепа вепрей. Друиды, облачённые в длинные серые платья, стучали в бубны и нараспев читали заклинания. Не менее десятка пожилых женщин собрались перед покойником и громко причитали, беспощадно дёргая себя за взлохмаченные волосы и осыпая себя пеплом. Народ тянулся в крепость из окрестных деревень, чтобы проститься со своим любимцем. На фоне мрачного неба покачивались на высоких шестах деревянные птицы, расправившие неподвижные крылья, и казалось, что это настоящие птицы зависли в воздухе, наблюдая за печальными событиями в крепости Круглого Стола.

Человек-Медведь подвёл к Мерддину белого жеребца.

— Я выбрал этого, — сказал он глухо. — Пусть отправляется с Маэлем.

Мерддин молча качнул седой головой и потянул жеребца за повод. Тот было заупрямился, предчувствуя недоброе, но старик потянул к себе коня за гриву и что-то шепнул ему на ухо. Животное фыркнуло, тряхнуло головой и послушно двинулось за старцем. Перекрестив Маэля, Мерддин оставил белого коня перед гробом и вложил невесть откуда взявшийся серповидный нож в руки одного из священнослужителей. Друид почти сразу полоснул лезвием по горлу жеребца и ловко завалил животное на бок, прижимая голову коня коленом к земле. Хлынувшая кровь тут же запачкала его одежду. Остальные жрецы ухватили коня за ноги, чтобы он не зашиб кого-нибудь, лягаясь. Мерддин беззвучно прочитал молитву и окунул руку в распоротое горло животного, затем подошёл к гробу и тщательно обмазал кровью лицо Маэля.

— Ступай, сынок, и ничего не бойся. Именем Всевышнего отпускаю тебе все твои грехи...

Артур долго смотрел на Маэля, наконец взял его меч и отнёс в кузницу.

— Сделайте так, чтобы никто не смог пользоваться этим клинком, — сурово сказал он.

Кузнецы понимающе кивнули и принялись за дело. Через несколько

минут меч, раскалённый в печи, лёг на наковальню и под звонкими ударами молотов стал изгибаться, теряя свою форму, и вскоре превратился в нечто безобразное, не имеющее никакого отношения к оружию. Только по сохранившейся рукояти можно было угадать, что это когда-то было мечом Маэля. Артур кивнул и вернулся к гробу.

— Теперь ты можешь не беспокоиться. Твоё оружие не попадёт никому в руки, мой вечный друг, — сказал Человек-Медведь и положил изуродованный клинок на грудь покойника.

Бубны и флейты звучали до глубокой ночи. Поминальная трапеза затянулась до утра. Когда двор опустел, Артур, увидев стоявшего поблизости Мерддина, рывкнул, ударив кулаком по столу:

— Я сам разыщу Мордред. Я хочу раздавить его. Хочу услышать, как будут хрустеть хрящи и кости этого бешеного волчонка.

— Не твоё это дело, государь. У тебя есть задачи поважнее. Отправь за Мордредом молодых воинов. Только пусть не ради мести ищут его, а для наведения порядка на нашей земле.

— Не ради мести? Учитель, как я могу простить этому негодяю смерть моего лучшего и самого преданного мне человека? Разве поймёт меня кто-нибудь, если я прошу?

Мерддин мягко положил руку на плечо Артура.

— А ты умеешь прощать?

— Не всех... Не каждого... Некоторых... Но Мордред я убью. Клянусь, я не оставляю его в покое.

— Артур, почему ты считаешь, что смерть Маэля есть что-то особенное? Разве он не был воином? Разве не ты воспитал в нём отвагу и любовь к сражениям? Разве не ты учил его смотреть смерти прямо в глаза и не страшиться её? Разве не ты сделал его таким, каким он стал?

— Куда ты клонишь?

— Он вёл жизнь воина. Смерть ему к лицу. Было бы странно, если бы он дожил до глубокой старости. Он умер честно и гордо. Он заслужил громкую и долгую память. Что же печалит тебя?

— Я хочу умыться кровью Мордред.

— Не он повинен в гибели Маэля, — твёрдо проговорил друид. — Привыкай смотреть шире, государь. Маэль воевал, как воюют тысячи других, и погиб с оружием в руках. О такой смерти мечтает каждый воин. О нём будут сложены песни. Ты должен радоваться, а не печалиться.

- Прежде мне не приходилось слышать от тебя подобных слов.
- Прежде ты не нуждался в них...

Гвиневера потемнела лицом. Казалось, что ежедневно она состаривалась на целый год. Мерддин беседовал с ней подолгу, но жена Артура не находила сил, чтобы совладать со своим горем. Она была убеждена, что теперь впереди ничего нет, что Маэль украл её жизнь.

— Я признаю, что согрешила, святой отец, — шептала Гвиневера, склонившись перед старцем. — Однако я согрешила по любви. Я согрешила с человеком, которому отдала своё сердце. И вот он умер. Как же мне жить без сердца?

— Дочь моя, мне радостно слышать, что ты стала говорить искренне. Поверь, только через искренность мы обретём истину. Только через искренность мы придём к Господу.

— К сожалению, искренность не даёт мне успокоения.

— Тебе надобно лишь успокоить твою страсть. Маэль — источник твоей страсти. Он не крал твоего сердца, он увлёк твоё тело.

— Разве я не любила его? Святой отец, неужто я могла отдаться ему, не любя?

— Что есть любовь?

— Любовь?.. — Гвиневера запнулась.

— Любовь есть истина.

— Не так сказано в Писании, — возразила она.

— Спаситель сказал: «Я есть любовь», — уточнил её друид. — Но он не сказал, что любить надо только Его. Он имел в виду, что любовь и есть спасение. Однако ты не любишь, коли позволяешь себе гибнуть из-за потерянного мужчины. Любовь — это радость, это свет, это жизнь.

— Не понимаю...

Она не понимала и продолжала терзать себя.

И день изо дня она стояла перед окном и смотрела в ту сторону, где находилась могила Маэля. За несколько недель Гвиневера довела себя почти до безумия, и никто не мог справиться с её повредившейся психикой. Она стояла и смотрела в окно, она видела Маэля, поднимавшегося из гроба, видела, как он приближался к её окну, мягко ступая по облакам, протягивал к ней руки и манил за собой.

Однажды она впала в горячку и в бреду бормотала невнятно:

— Он зовёт меня на скалу... Я пойду... Я готова броситься оттуда...

Едва она произнесла те слова, как в комнату вошёл Мерддин. Кикфа, старушка-прислужница, не отходявшая от Гвиневеры ни на шаг, рассказывала позже, что друид появился бесшумно, словно соткавшись из воздуха. Она точно знала, что Мерддин отправился рано утром в крепость у Вороньих Ключей, сама видела, как он выезжал в сопровождении пятнадцати человек. И вот могущественный друид стоял возле ложа Гвиневеры. Кикфа остолбенела, таращась на старика. Она много была наслышана о его чудесных способностях, но самой воочию не доводилось видеть. Теперь же Мерддин возник из ниоткуда прямо в двух шагах от неё.

— Кикфа, сходи и немедленно позови сюда отца Герайнта, — властно проговорил друид. — Пусть захватит Священное Писание и молится здесь, возле ложа нашей госпожи.

Служанка попятилась, не отрывая взора от Мерддина, и никак не могла отворить дверь. Она толкала её и толкала, но дверь не поддавалась. Друид медленно повернулся к женщине и нахмурился. Кикфе показалось, что в его глазах вспыхнул огонь, жар которого она ощутила даже на расстоянии. В ту же секунду дверь распахнулась, будто кто-то сильно надавил на неё.

— Ступай, — сказал Мерддин.

Кикфа шмыгнула в коридор и громко затопала по лестнице.

— Гвиневера, — Мерддин положил руку на бледный лоб девушки, — забудь обо всём, что было на той горе, где вы прятались с Маэлем.

Старик приблизил своё лицо к лицу Гвиневеры, его взлохмаченная седая борода коснулась её губ. Жена Артура что-то произнесла одними губами, но слышно было лишь жалобное постанывание. Длинные узловатые пальцы друида нарисовали что-то невидимое на лбу девушки.

— Я попираю установленные правила, вторгаясь таким образом в твою жизнь, — гулко произнёс Мерддин, — но я обязан помочь Артуру. Твоя страсть губит всё, что я сделал, Гвиневера. Забудь же о Маэле, забудь о своём бессмысленном беспокойстве. Вернись к Артуру. Великий государь ждёт тебя, он нуждается в твоей любви...

Мерддин выпрямился и, постояв несколько минут неподвижно, вдруг взвихрил воздух длинными своими руками. Всё пространство комнаты пришло в движение. Пламя масляных светильников запылало,

обезумев. Стены шевельнулись, задышали, как грудь разгорячённого бегуна, свет из крохотного окошка ринулся внутрь и тут же метнулся обратно, утягивая за собой воздух, коим было наполнено помещение.

— Я гоню прочь твою одержимость Маэлем! — прокричал Мерддин. — Повелеваю: наполнись настоящей любовью, спокойной и глубокой. Стань верной женой. Живи! Ты рождена для жизни!

И тут же всё успокоилось. Пламя светильников унялось, стало неподвижным.

Мерддин властно провёл рукой по лицу Гвиневеры, сбрасывая с него выступившие крупные капли пота.

— Вот и всё...

Когда Кикфа вернулась в комнату вместе с Герайнтом, Гвиневера спала глубоким и ровным сном.

— Где же Мерддин? — недоумённо спросил Герайнт.

— Он был здесь. Он точно был.

— Тебе пригрезилось, Кикфа.

— Нет, я видела. Он стоял вот тут. И дверь распахнул взглядом, — испуганно прошептала служанка.

Герайнт перекрестился.

— Ладно... Пусть так... — неопределённо проговорил он и опустился на стул. — Я кликну тебя, если что понадобится. А ты ступай.

Он раскрыл тяжёлую книгу и подвинул к себе светильник.

Целый месяц Артур с беспокойством следил за тем, как его жена, побелевшая и обессилевшая, балансировала между жизнью и смертью. Безумие покинуло её, но на смену ему пришло равнодушие. Гвиневера не обращала внимания ни на кого, будто мир вокруг неё исчез. Она не участвовала в разговорах и даже не откликалась на собственное имя. Артур много раз заставлял её перед окном, выходившим на ту сторону, где лежали холмы — те самые холмы, куда её увёз Маэль, чтобы скрыться от Волчьей Стаи. Там, перед лесом, темнели три древних каменные изваяния, прислонённые друг к другу спиной и своими формами напоминавшие женщин. Народ поговаривал, что это — триединое изображение Матери-Богини, но никто не знал наверняка. Там же теперь находилась и могила Маэля, возле которой в день

похорон была сожжена телега с дарами всем жителям Сиды и всем божествам, о которых знали и не знали бритты. Гвиневера смотрела на холмы, и по её лицу невозможно было понять, тревожил её этот пейзаж или вселял в её сердце умиротворение. Гвиневера отсутствовала.

— Она здесь или не здесь? — спросил однажды Артур, войдя в комнату Мерддина.

— Ты спрашиваешь о Гвиневере?

— Да. Что с ней? Есть ли у меня надежда увидеть её прежней?

— Препней? Нет, — покачал головой друид, — никто из нас не бывает прежним. Все мы меняемся раз и навсегда.

— Она останется такой, как сейчас?

— Наберись терпения, Артур. Господь вернёт её тебе.

— Что с ней? Как долго это протянется? Она похожа на призрак.

— Её дух потрясён.

— Она почти ничего не ест. Не понимаю, как она живёт.

— Если ты доверишься Господу, он не допустит её гибели. Верь и молись.

— Как? — Артур всплеснул руками.

— Как умеешь... Христос услышит тебя.

— Христос? Ты всё время подталкиваешь меня, Учитель.

— Не я подталкиваю, но жизнь. Ты убедился, что прежние силы не помогают тебе. Зачем ты упрямисься? Попробуй. Ты ощутишь, как новая сила наполнит тебя.

— Новая сила?

— Тебе предстоит поднять всю страну, а не только твою жену, Артур.

Человек-Медведь тяжело опустился на стул и обхватил косматую голову руками.

— Я растерян... — прошептал он. — Я в полном смятении...

— Прислушайся к себе...

— Я слышу только отчаянье. Моя любимая женщина потеряла рассудок.

— Господь поможет тебе вернуть ей не только рассудок, но и любовь. Тебе надо лишь обратиться к нему. Повернись к нему лицом, повернись к нему сердцем, протяни к нему руки.

Старик шагнул к Артуру и набросил ему на шею шнурок с деревянным крестиком.

Человек-Медведь кивнул.

— Ради Гвиневеры я соглашусь на всё.

— Ради любви, — поправил его Мерддин, улыбнувшись, — ради любви, сын мой.

Артур встал и расправил плечи.

— Прими крещение, — сказал друид.

— Поможет ли оно?

— Это требование времени, — ответил Мерддин. — Древние святыни уходят от тебя. Ты потерял то, чего не терял ещё никто из вледигов.

— Ты намекаешь на священный котёл?

— Тебе не удаётся отыскать его. Но народ не должен усомниться в твоей силе.

— Что ты хочешь сказать?

— Пора тебе повернуться лицом к будущему.

Артур угрюмо посмотрел на старика.

— Ты должен смириться с неизбежным. Прими Христа, — проговорил Мерддин. — Прими Христа, и бриттам не потребуются никакие котлы, никакие чаши.

— Ты лукавишь, Учитель.

— В чём ты усматриваешь лукавство? Не впервые слышу от тебя этот упрёк. — Мерддин нахмурился.

— Священные чаши нужны всегда. Я видел одну церемонию в монастыре Святого Креста. Монахи пили из священной чаши. А ты говоришь, что чаши не нужны. Нет, Мерддин, реликвии всегда нужны. И плох тот народ, который не способен отстоять их.

— Возможно, в этом ты прав.

— Зачем же ты останавливаешь меня? Зачем удерживаешь от поисков?

— Ты должен принести покой на эту землю. Поиски украденной чаши принесут только раздоры. Люди уже начинают проявлять недоверие друг к другу, подозревать, что кто-то помогает Мордреду... Я принесу новую чашу. Она будет не менее священна, чем прежняя.

— Разве можно одну священную вещь заменить на другую?

— Легко, Артур. Очень легко. Странно, что ты не понимаешь этого.

— Ты, конечно, принесёшь одну из тех чаш, которой пользуются христиане? — предположил Артур.

— Да, государь, — спокойно ответил друид.

— Ты даже не скрываешь этого. — Артур печально покачал головой.

— Зачем обманывать? Так вы станете ближе друг другу, свыкнетесь. Так вы быстрее соединитесь.

— Мы?

— Твои люди и христиане, — уточнил Мерддин.

Артур отвернулся и сделал несколько шагов в сторону.

— Что ответишь мне, Человек-Медведь?

— Ты хитрее, чем я думал, — проговорил Артур.

— Мудрее...

— Пожалуй, — согласился Артур. — Мне кажется, я начинаю понимать твой замысел.

— Это не мой замысел, — поправил старик, — но замысел времени.

— Что есть время?

— Это истина в чистом виде. Истина, избавленная от человеческих страстей, то есть от заблуждений. Время расставляет всё по своим местам.

— Ты хитрее, чем я думал, — повторил Артур. — И хитрость твоя незаметна. Она проникает в нашу жизнь, как запах костра проникает в лесной воздух, смешивается с ним, и вот уже невозможно отделить одно от другого. Мы понимаем, что к утренней свежести примешался дым, но не способны разъединить их... Ты незаметно — капля за каплей — подливаешь в нашу жизнь свою христианскую краску. Пролетят годы, и люди однажды поймут, что они давно уже не верят в то, что было важно и ценно для их предков, а поклоняются совсем другим богам.

— Если это пройдёт безболезненно, то плохо ли это?

Артур промолчал. Внезапное понимание происходящего застигло его врасплох. Он не желал отречься от бывшего и не собирался делать этого. Но сопротивляться естественному ходу событий тоже было бесполезно. Мерддин был лишь крохотной частицей этих событий и старался сделать всё, чтобы новый дух, уже пустивший корни в Британии, не причинил никому боли.

— Если ты примешь крещение, — негромко, но твердо сказал Мерддин, — то люди пойдут за тобой. И первой пойдёт за тобой Гwineвера. Не отрекайся от веры предков, просто возьми в помощь ещё и силу Христа.

— В помощь?

— Да, воспринимай крещение как ещё один клинок в твоей руке.

Артур вздохнул.

— Хорошо...

Из книги «Жития Святого Мерлина»

И молвил Мерлин, выйдя к собравшимся на площади людям:

«Множество форм я сменил, пока не обрёл свободу. Был я и деревом, был я и дождевою каплей, был я и птицей в лазурном поднебесье, был я и бурной водой в стремительных реках, был я и камнем под ногой, был я и зверем, был я и человеком, был я и глупцом, был я и мудрецом.

Я видел битвы королей, видел битвы рыб, видел битвы деревьев. Всё вокруг сражается за своё место под солнцем.

Я слышал голоса многих богов, но голос Единственного всегда звучал громче других. И возвестил он мне о пришествии Спасителя.

Однако я знал уже с первого дня, как услышал весть о Спасителе, что люди долго будут упорствовать в своём нежелании принять учение Спасителя».

Тогда спросили собравшиеся на площади:

«О каком Спасителе ты говоришь? Мы избрали Артура нашим королём и доверили ему решать нашу судьбу. Он и спасёт Британию от нашествия чужеземцев».

Мерлин ответил:

«Артур — владыка ваш и всей Британии, король королей, государь государей, спаситель и охранитель жизней ваших, наполняющих ваши бранные тела. Но я говорю о том, кто спасёт ваши души и кто подарит вам жизнь вечную, если вы последуете за ним».

Люди недоумевали:

«Отцы наши и деды учили нас, что мы живём вечно. Ты и сам начал речь свою с этого. Что же теперь стало угрожать нам настолько, что души наши вдруг должны умереть будут? Что изменилось в мире? Ужели порядок вещей нарушен? Ужели рыбы стали летать, а птицы плавать у дна озёр? Или ты только пугаешь нас? Если так, то зачем? Или же мы не понимаем твоих слов?

Ты распорядился поставить огромный крест возле священной рощи. Мы видим в этом кресте символ меча, воткнутого в землю, как это

с давних времён принято делать, присягая королю. Но ты опять и опять повторяешь, что крест этот означает новую веру. Откуда же взялась новая вера, если ничто в мире не изменилось? Мы едим, пьём, любим друг друга, ходим войной на врага, рождаемся и умираем. По праздникам мы разговариваем с душами умерших. Всё происходит, как происходило не одну тысячу лет. Даже римляне не вытоптали нашу веру. Почему вдруг мы должны уверовать во что-то новое. Нет в мире ничего нового. Жизнь бежит по кругу, и боги наши следят за тем, чтобы всё оставалось на своих местах».

Опечалился Мерлин, услышав такие слова, и изрёк:

«Не сейчас, но позже поймёте вы меня. Наступит час, и ваши глаза откроются и узрят истину»...

Поход

Май 1096 года

Граф Робер де Парси решительно шагал по тёмному коридору, позвякивая пряжками ремней. Его лысый череп с растрёпанными за ушами остатками жидких волос отражал свет факелов, расставленных вдоль коридора и лестницы на расстоянии десяти шагов. За графом спешил молчаливый слуга.

— Вы готовы, мессир? — громко спросил граф, шумно входя в комнату Ван Хеля.

— Я всегда готов, ваша светлость, — отозвался Ван Хель с учтивым поклоном.

— Тогда спускайтесь во двор. Больше я не намерен откладывать. Сегодня же выступаем в поход.

— А как же барон де Белен?

— Жду его с минуты на минуту. Но превыше всего я надеюсь на вас, мессир. — Граф почти угрожающе посмотрел Ван Хелю в глаза. — На пути к Граалю нас могут поджидать самые невероятные препятствия. Я убеждён, что будут и такие, с которыми не справится никто. Только ваша рука, только ваш сказочный воинский талант сумеет одолеть демонов, которые захотят остановить нас.

Ван Хель молча поклонился. Граф шумно потряхнул плащом, намотанным на руку, и вышел. Слуга бесшумно скользнул за ним.

Ван Хель осмотрел комнату, где ему вольготно жилось последние несколько месяцев, и улыбнулся. «Что ж, опять берёмся за оружие».

Граф де Парси тронулся умом, в этом не сомневался почти никто. Рассказанная Фродоаром история о таинственной чаше настолько поразила воображение графа, что он только и говорил о необходимости разыскать чудесный сосуд. По завершении турнира Робер де Парси стал готовиться к походу. Барон де Белен, к которому он с готовностью прислушивался, поначалу старался отговорить графа от безумной затеи.

— Ваша светлость, неужто вы всерьёз поверили в существование

этой сказочной чаши?

— Фродоар погиб из-за того, что проболтался нам об этом священном сосуде, — настаивал граф.

— Фродоар всего лишь выпил лишнего перед турниром и оказался чересчур неповоротлив в сватке, — парировал де Белен.

— Барон! Я отправляюсь на поиски Грааля.

— Ваша светлость, даже если этот кубок и впрямь существует, зачем он вам? Для чего вашей светлости понадобилась языческая посудина?

— Я найду Грааль во что бы то ни стало! Моё сердце пылает священным огнём. Я чувствую, что призван для свершения этого подвига, и хочу посвятить его святой католической Церкви! Я вручу Грааль епископу, а Церковь пусть решает, что это за реликвия — языческая, еретическая или христианская. Это будет мой вклад в дело крестового похода. Готовьте своих людей, барон!

Услышав о намерениях графа взять с собой Ван Хеля, Изабелла встревожилась. Они говорили об этом почти ежедневно, а сегодня пришла пора прощаться.

— Всё будет хорошо. Нет причин для волнений, — успокаивал Ван Хель её, однако несчастная девушка почему-то продолжала испытывать страх перед этим походом.

— Сердце подсказывает мне, что вам грозит опасность, — шептала она.

— Изабелла, мне ничто не грозит. Хотите я открою вам тайну?

— Какую? — взглянула она на него с надеждой.

— Я неуязвим.

— Неуязвимых людей нет.

— Тогда почти неуязвим. Поверьте мне и успокойтесь.

— Милый мой Ванхель, обещайте вести себя благоразумно, — взмолилась она, обнимая его.

— Обещаю. А вы ждите меня здесь.

— Шарль Толстяк тоже отправляется с графом?

— Да, его светлость хочет, чтобы кто-нибудь вёл хронику этого великого похода.

— Когда вы отправляетесь?

— Нынче же. Барону не терпится начать поиски.

Изабелла закрыла глаза ладонями.

— Неужели сегодня?

— Да, любовь моя.

— Но Ванхель! Почему? Зачем вам это? Вы же не обязаны. Вы не состоите на службе у графа. Вы вовсе не обязаны...

— Изабелла, радость моя, так уж я устроен. Не за графом я следую, не поиски Грааля манят меня, но мой воинский дух не позволяет мне оставаться на месте, когда речь идёт о чём-то удивительном.

— Неужели для вас так важно отвоевать какую-то сказочную чашу? Да и есть ли она? Не вымысел ли это, не горячечный ли бред покойного барона Фродоара?

— Никакого Грааля нет, Изабелла. Но разве дело в том, есть существует ли эта чаша в действительности?

— В чём же? — Девушка судорожно сжала кулаки и прижала их к своей груди.

— Важны испытания, важен опыт, важен вкус новизны.

— Вам мало вашего опыта, мало испытаний, Ванхель?

— Моего опыта хватит с избытком на всё человечество. Однако лично мне его мало. Я должен искать, должен играть...

— Играть со смертью!

— И с ней тоже. Но не корите меня за это. Таков мой путь. К сожалению, не могу открыть вам ничего больше... Я не смог бы объяснить ничего, даже если хотел бы.

— Вы обрекаете меня на мучительную смерть от тоски.

— Никогда не произносите таких слов! — нахмурился Ван Хель. — Вы не понимаете, насколько каждое слово обладает способностью создавать реальные события... Будьте благоразумны. В ожидании есть свои положительные стороны. Найдите их.

— Возвращайтесь скорее! — Изабелла пылко поцеловала своего возлюбленного в губы и, всхлипнув, побежала прочь по тёмному коридору.

Ван Хель стоял неподвижно, прислушиваясь к незнакомому голосу грусти в груди.

Позади раздались шаркающие шаги Толстяка. Ван Хель обернулся.

— Ты готов? — спросил он.

— Послал же чёрт поход на мою голову, — проворчал в ответ Шарль. — Вот и мессир де Белен тоже не верит в успех. Говорит, что это всё пустое, никакой исцеляющей чаши нет, никакого Грааля не существует. Мы ничего не найдём, только потратим время и силы

на ненужные поиски.

— А зачем тебе время, Шарль?

— Книги читать.

— В этом походе ты получишь возможность увидеть много больше, чем ты отыщешь за это же время в самых толстых писаниях.

— Не люблю переезжать с места на места, — пожаловался Толстяк, — и ты прекрасно знаешь об этом. Я надеялся найти в замке его светлости уютный уголок и углубиться в научные труды, а приходится тащиться на край света. Мне ли с моим брюхом заниматься такими нелёгкими делами?

— А ты полагал, что тебя будут кормить здесь даром? За хлеб надо платить.

— Я не рождён для подвигов.

— Никто не призывает тебя к подвигам.

— Трястись тысячу миль верхом на кобыле — это уже подвиг для меня.

— Я уговорю де Белена выделить тебе уголок в какой-нибудь повозке. Собрался целый обоз. Благородные рыцари не любят путешествовать налегке. Телеги набиты всяким ненужным барахлом, найдутся там и подушки, чтобы обустроить мягкую лежанку для тебя.

— Ох, — обречённо вздохнул Шарль Толстяк.

— Если ты упаковал бумагу и чернильницы, то спускайся во двор...

После полудня конная процессия под трепещущими знамёнами — сотня рыцарей, столько же оруженосцев, священники во главе с епископом и не менее полутора десятков крытых повозок — медленно поползла по южной дороге через зелёные поля, поднимая ленивую пыль. Каждый рыцарь вёл с собой три лошади; рыцари были вооружены только мечом и кинжалом, прочее воинское снаряжение — щит, панцирь или кольчуга, латы на ноги, стальной наголовник, дополнительные нагрудные пластины, копье — было нагружено на одну из вьючных лошадей, но боевые кони двигались налегке. Изабелла смотрела на колонну из своего крохотного окошка и то и дело стирала со щёк струившиеся слёзы. «Ванхель, мой милый Ванхель!» Она не говорила, она лишь шевелила губами, но он слышал её. Он знал, что она стояла у окна, чувствовал её наполненный болью взгляд, ощущал её горячее дыхание и наполнялся раздражением: «Надо отогнать все мысли о ней... Изабелла, зачем я повстречал тебя? Я могу разрушить сейчас всё, что

создавал веками. Думая о тебе, я позволяю себе слабость и тем самым обрекаю себя на гибель...» Порой он был готов остановить коня и повернуть обратно, но сдержался.

Несколько часов пути изменили облик Ван Хеля — он побледнел и сделался мрачнее графа де Парси. Когда к нему подъехал барон де Белен, Ван Хель бросил на него из-под капюшона такой тяжёлый взгляд, то барон счёл за лучшее удалиться, не проронив ни слова. От Ван Хеля исходила почти физически ощутимая всеми злоба. Он настолько не мог совладать с собой, что его жеребцу передалось нервное возбуждение хозяина, и он стал взбрыкивать и испуганно ржать. Понемногу ржание подхватили все лошади, по обозу прокатилась волна тревоги, все начали оглядываться, всматриваться беспокойно в лесную чащу, обращаться друг к другу с пустыми вопросами, стараясь словами заглушить беспричинное волнение.

Робер де Парси угрюмо оглянулся на громко переговаривавшихся всадников и увидел, как Ван Хель внезапно покинул колонну и рысью поехал в лес.

— Что с ним? — рявкнул граф, показав неровные жёлтые зубы.

— Похоже, он не в духе, ваша светлость, — сказал де Белен.

— Он не Христос, чтобы быть в духе, — ворчливо возразил граф. — Верните его.

— Боюсь, что не справлюсь с этим.

— Что?! — по опухшему лицу Робера де Парси прокатилась волна негодования.

— Я видел его глаза, ваша светлость: Ван Хель без колебаний убьёт сейчас любого, кто помешает ему.

— Что с ним такое? Кто же так разозлил его?

— Понятия не имею. Пусть побудет один. Я уверен, что скоро он нагонит нас...

Ощупывая взором мшистые деревья, за которыми скрылся Хель, к графу приблизился епископ Бернард. В седле он чувствовал себя неуверенно, но Робер де Парси настоял на том, чтобы из крепости все выехали непременно верхом. Поглаживая висевший на груди крест, епископ проговорил скрипучим голосом:

— Не беспокойтесь за него, Робер. У этого человека в жилах течёт не кровь, а дьявольское зелье.

— Никто за него не тревожится. — Граф сжал тонкие губы и метнул

в епископа хищный взгляд. — И уж я меньше других. Но терпеть не могу такого поведения.

— Я думал, вы успели привыкнуть к поведению Ван Хеля, — сказал де Белен.

— Чересчур вольнолюбив и независим, — вставил епископ.

— Зато в бою ему нет равных, — вставил де Белен.

— Робер, — епископ протянул руку к графу, — нам всем было бы лучше расстаться с этим Ван Хелем. Я боюсь его. В нём живёт Сатана.

Граф отрицательно мотнул головой и жадно посмотрел в ту сторону, где исчез Ван Хель.

— Будем ждать? — спросил барон.

Епископ перекрестился и тронул коня. Граф вздохнул и, властно оглядев проезжавших мимо рыцарей, последовал примеру епископа. Де Белен пока остался на месте. Откинувшись в седле, он поглаживал пальцами рукоятку меча и задумчиво смотрел перед собой. В нескольких шагах ждал слуга.

— Чересчур независим, — повторил де Белен слова епископа. — Никогда не спросит позволения, всё решает сам. Нам никогда не понять его. Но как бы мне хотелось проникнуть в его мысли, его сердце, его душу. О чём он думает сейчас? Что так омрачило его настроение, что его состояние вдруг передалось всем? Ведь всех охватило беспокойство! Я видел, я почувствовал...

Ван Хель заехал довольно далеко, чтобы не видеть никого и чтобы никто не видел его. Спрыгнув, он сразу опустился на колени и положил обе ладони на мягкую траву. Так, застыв и почти не дыша, он сидел, вслушиваясь в пульсировавшие под землёй токи и понемногу входя в общий с ними ритм. Не отрывая ладоней от земли, Ван Хель запрокинул голову и обратил лицо к небу. Кроны могучих деревьев над ним зашумели, задвигались, ветви согнулись и расступились, словно под чьей-то властной рукой, открывая сияющий небосвод, из которого слепящим потоком полилось солнце. Со стороны могло казаться, что Ван Хель находился внутри светящегося столба, освещавшего вокруг неподвижного человека ровный круг на земле и поднимавшегося вертикально вверх между покорно и причудливо раздвинувшимися многовековыми деревьями.

Некоторое время Ван Хель оставался неподвижен, затем медленно опустил голову, и густая листва тут же с громким шелестом вернулась

на своё место, погрузив лесную чашу в привычную тень. Ван Хель отнял руки от земли, осторожно потёр ладонью о ладонь, словно проверяя их чувствительность, затем поднёс их к лицу и сделал омывающее движение.

— Теперь всё нормально, — произнёс он, встал и глубоко вздохнул. Повернувшись к своему жеребцу, он спросил: — Ты в порядке?

Тот громко фыркнул и тряхнул головой.

— Замечательно, — сказал Ван Хель. — Можно ехать...

Он выбрался на дорогу в том же месте, где въехал в лес, и увидел барона де Белена.

— Вы поджидаете меня? — спросил он.

— Вы были чем-то расстроены. — Барон внимательно смотрел на Ван Хеля, но не видел в нём и следа недавней мрачности. — Похоже, теперь вы в полном порядке.

— Да, всё хорошо.

Единственным ориентиром графу де Парси служил город Альби на юге Франции. Покойный Фродоар утверждал, что заплутался где-то в его окрестностях, значит, где-то там находились пещеры с таинственным монастырём. Там ли был Грааль, Робер де Парси не знал, но готов был калёным железом вырвать правду из любого монаха, повстречавшегося в районе Альби.

Первый ночлег устроили по-походному, без шатров, спали на земле, около костров, положив под голову свёрнутые плащи.

— Его светлость показывает пример подлинной рыцарской самоотверженности, — пошутил барон де Белен. — Долой роскошь! Да здравствует суровая воинская жизнь! Но уверяю вас, — склонился он к Ван Хелю, — это настроение продлится не дольше двух дней. Как только выдастся возможность выспаться под надёжной крышей, граф сразу воспользуется этой возможностью. Походная жизнь ему в тягость.

— И всё-таки он отправился искать несуществующий Грааль, — заметил Хель.

Они сидели перед костром, и барон жарил над огнём утку, насадив её на кинжал (провизии в обозе пока хватало, поэтому встречавшиеся на пути деревни могли не бояться графских слуг).

— Граф не хочет участвовать в крестовой экспедиции, — пояснил барон. — До Святой Земли далеко, и тяготы долгих переходов страшат его светлость больше военных действий. Граф предпочитает взирать на сражения со стороны. Но и находиться в стороне от святого дела сейчас нельзя. Поиски Грааля — хороший повод ограничиться экспедицией до южной границы нашей страны. Граф объявил, что поиски таинственной чаши — тот же крестовый поход...

Из-за рощи послышалась тягучая песня. Слова не различались, но голос слышался ясно.

— Поют, — ухмыльнулся де Белен. — Из деревни, что ли, доносится?

— Должно быть, трубадур, — предположил Ван Хель.

— Вам не кажется, что здесь песни звучат чаще, чем у нас? И ночью они кажутся какими-то особенно красивыми.

— Южная луна и южное солнце рожают любовь и песни, — проговорил Ван Хель.

— Однажды мне довелось побывать на севере Дании. Тамошняя луна совершенно не похожа на луну здешнюю, — ответил де Белен, отрывая утиную ногу от жирной тушки.

— Вы обращаете внимание на такие вещи? — удивился Ван Хель, никогда не замечавший за бароном склонности к романтичности.

— Мне нравится всё красивое. А ведь луна красива, не так ли? Красивее солнца.

— Всё красивое... — задумчиво повторил Хель. — А разве есть на свете что-то некрасивое?

— Уродства хватает.

— Уродство — очень субъективная оценка качества. Поверьте, одежда, которую будут носить лет через пятьсот, покажется вам сегодня кошмарной. А жители того времени будут смотреть на наши с вами наряды как на смешные, нелепые и безобразные.

— Почему вы так думаете? — Барон перестал жевать и осторожно поинтересовался: — Разве вы умеете заглядывать в будущее?

Ван Хель молча улыбнулся.

— Вы умеете? — тише, но уже настойчивее спросил де Белен. — Признайтесь мне, откройтесь. Вы не просто умелый воин, мессир. Кто-то, а уж я-то разбираюсь в людях. Вы знаете больше, чем любой из нас, но умело скрываете ваши знания. Почему?

— За некоторые знания можно угодить на костёр, — почти беззаботно

пояснил Хель.

— Вам это не грозит, — убеждённо парировал барон.

— Почему?

— Вы чувствуете опасность на расстоянии. Вряд ли в мире отыщется ум, способный устроить вам ловушку.

— Ловушку? — небрежно спросил Хель. — Разве кто-то готовит мне западню?

— Каждому из нас кто-то устраивает западню. — Де Белен внимательно посмотрел на частично обглоданную утиную ножку с болтавшимся лоскутом обжаренной кожи. — Жизнь устроена по очень нехитрому принципу — напади или нападут на тебя. В мире зверей это происходит открыто, никто не ищет оправданий своим поступкам. Оправдание одно — голод, борьба за выживание. Человек же придумал тысячи поводов для того, чтобы напасть на соседа, когда в том нет никакой надобности. Нам никто не угрожает, но вся страна снялась с насиженных мест и отправилась в поход, сочинив себе врагов. Сколько крови мы прольём, сколько языков вырвем, сколько деревень спалим дотла! Зачем? Разве наши поля плохо родят? Мы голодаем? Нет, у нас всё в порядке. И всё-таки мы едем убивать... Скажите, мессир Ван Хель, вам не кажется, что Господь что-то перепутал, устраивая этот мир? Не подумайте, что меня грызёт совесть за тысячи невинных жертв, коими усеян мой пройденный путь. Ничего подобного. У меня нет совести. Просто я хочу понять, меня одолевает любопытство.

— Вы наделены пытливым умом, барон.

— Что же вы ответите мне? Может, эту землю сотворил не Бог, а Сатана, поэтому мы вынуждены претерпевать адовы страдания здесь?

— Нет, сударь, Сатана тут ни при чём.

— Тогда почему праведники страдают не менее грешников? Знаете, какие слова произнёс епископ Тьерский во время осады Миравальской крепости, когда наши отряды пробили брешь в стене и стали проникать внутрь? Я спросил его: «Как же нам быть? Там спрятались от наших мечей не только еретики, но и правоверные католики!». Он только засмеялся в ответ: «Не занимайте свою голову глупостью. Убивайте всех. Господь отличит своих от чужих!» Разве это не слова Дьявола?

— Нет, мессир, это слова епископа Тьерского, — спокойно ответил Ван Хель. — Создавая нас, Господь наделил каждого в равной мере качествами зла и качествами добра. Мы вольны в наших делах

пользоваться как добром, так и злом.

— Но как же избавиться от греха? Его тяжесть временами становится невыносимой. Никакая исповедь не помогает, хотя его святейшество легко идёт на отпущение грехов.

— Тяжесть не в грехе, сударь. — Ван Хель поднялся и потянулся, мягко хрустнув суставами рук. — Греха не существует по той причине, что всё здесь происходит по воле Творца — единственного, вездесущего, всеведущего, всемогущего. Осознание ненужности наших поступков — вот что тяготит. Осознание бессмысленности растраченных попусту сил — вот что тяготит. Это вы и принимаете за грех.

Барон поднялся и, обойдя костёр, встал с противоположной стороны огня напротив Ван Хеля.

— Продолжайте, — сказал он повелительным тоном, — я должен понять вас.

— Люди не понимают главного.

— А что есть главное?

— Игра.

— Какая игра? — свёл брови барон.

— Божественная... Но мы не знаем правил этой игры. Господь сотворил нас, чтобы играть. Все мы — лишь игрушки в его руках. Человек считает себя самостоятельным существом, но он лишь выполняет заложенную в него волю Творца. «Не сокрыты были от Тебя кости мои, когда я созидаем был в тайне, образуем был во глубине утробы. Зародыш мой видели очи Твои; в Твоей книге записаны все дни, для меня назначенные, когда ни одного из них ещё не было...» Помните? Сто тридцать восьмой псалом Давида.

— Помню, но этот псалом никогда не возникает в моей памяти. И как же он связан с грехом?

— Забывая о том, что мы лишь выполняем волю Господа, мы чрезмерно усердствуем, нагнетаем в себе страсти, тужимся совершить *другое, лишнее*. А лишнее всегда тяжело нести.

— Лишнее? Откуда же возьмётся лишнее, если всё по Его воле?

— Господь сказал вам: «Защити дом свой от врагов». И вы защитили ваш дом, отстояли семью, а затем погнались за врагом и стали уничтожать не только его, но и жечь его дома, убивать его братьев и сестёр, насиловать дочерей. Вы уже не защищаетесь, вы делаете чрезмерное. Это и есть *другое, ненужное, греховное*. И тяжесть этого вы

несёте по жизни и преумножаете её изо дня в день.

— Но как узнать? Как остановиться вовремя?

— Скажите, сударь, как вы справляете нужду? — спросил Ван Хель, глядя в глаза барону.

— То есть?

— Вы мочитесь столько, сколько вам надо. Лишнего вы даже не сумеете из себя выдавить. Вот это и есть праведность — делать по потребности. И ничего сверх того.

— Любопытно, — не сгоняя с лица нахмуренности, произнёс барон. — Только боюсь, народ не согласится с этим.

— Вы беспокоитесь о народе или о себе? Народ, сударь, — это слишком много для каждого из нас. Мы созданы каждый для своей жизни. Служить или повелевать, познавать или оставаться в невежестве — каждый выбирает для себя... Хочу обратить ваше внимание, что я не навязываю вам моего мнения. Вы изволили спросить, и я дал исчерпывающий ответ на ваш вопрос. Мы разговаривали с глазу на глаз, я не поднимался на трибуну, не обличал ни государя, ни Папу, ни Церковь. Я открыл вам, какими принципами я руководствуюсь.

— Зачем же вы живёте?

— Играю.

— Во что? Вы же сами сказать, что правила игры нам неведомы.

— Я приспособился к этим неведомым правилам.

— Как? — жадно выпалил барон.

— Познаю мир, набираюсь опыта и через это познаю себя самого.

— Что это даёт вам?

— Мессир, вы же сами сказали, что мне известно нечто особенное и что я отличаюсь от других.

— Да, сильно отличаетесь. Неужели это — результат вашей игры?

— Никаких иных причин нет.

— Вы чего-то не договариваете, — покачал головой де Белен, — что-то скрываете.

— Того, что я сказал, вполне достаточно. Когда вы примете это, мы сможем продолжить разговор. Но пройдёт немало времени, прежде чем вы согласитесь со мной, сударь. Возможно, вы не согласитесь никогда. Зачем же мне открывать лишнее?

— Вы не доверяете мне?

— Недоверие, обман, предательство — понятия не из моей жизни. Я

признаю только знание, — сказал Ван Хель.

Через пять дней отряд Робера де Парси добрался до замка барона Фуа и простоял там двое суток. Де Парси жаловался на постоянную головную боль и никак не мог сесть в седло. Лекарь пустил ему кровь, но головная боль не отступила.

— Это знак, — бормотал граф, стиснув свой лысый череп руками. — Мне нужен Грааль, только он поможет мне...

Рыцари графа заговорили о вероятности возвращения домой.

— Нет, если не Грааль, тогда двинемся против иноверцев в Палестину, — качали головой наиболее изголодавшиеся по крови.

— О каком Граале идёт речь? — поинтересовался за ужином барон Фуа, чуть наклонившись к Ван Хелю. — Я уже не первый раз слышу это слово из уст ваших людей.

Они сидели за длинным столом, вдоль которого проворно бегали слуги, предлагая то одно блюдо, то другое. Два музыканта, сидевшие в углу зала, играли на псалтериях^[1]. Один из инструментов был квадратный, второй имел старинную треугольную форму. Музыканты смотрели перед собой отрешёнными глазами, будто погрузившись в глубокий транс; один из них перебирал струны пальцами, другой — с помощью зажатого в руке птичьего клюва, добиваясь с его помощью громкого и звонкого звука.

Ван Хель вкратце изложил владельцу замка историю, которую Фродоар привёз графу де Парси.

— Любопытно. — Фуа промакнул рукавом покрытые жиром губы. — Слышал я нечто подобное.

— Неужели? — подал голос барон де Белен, сидевший по другую руку от Фуа.

— Да, да, слышал.

— От кого же, мессир?

— Как-то сюда привезли молодого рыцаря. Он был тяжело ранен, свита рыдала. Особенно убивалась юная дама. — Фуа взял кусок свинины и принялся энергично поедать, маслянистая пена потекла из уголков его рта. — Они рассказали, что посетили какое-то таинственное место, где перед ними чуть ли не сами по себе появлялись

яства на столе... Словом, бред, сказки для младенцев.

— Что же теперь с тем рыцарем? Где он? — поинтересовался де Белен.

— Скончался.

— Досадно. Что-то подсказывает мне, что этот славный юноша мог бы помочь графу в поисках Грааля.

Ван Хель отпил вина из кубка и сказал:

— Барон, а вы не думаете, что графу лучше не знать про этого рыцаря?

— Вы зря надеетесь, что Робер из-за какой-то головной боли повернёт обратно. — Де Белен громко рыгнул. — Как только он придёт в себя, сразу сядет в седло. А если не сядет, то устроится в повозке на подушках. Нет, друг мой, если граф вбил что-то себе в голову, то никакая сила не заставит его отступить. Так что нам придётся искать таинственную чашу до победного конца. Потому-то я и спрашиваю об этом рыцаре: может, он смог бы помочь нам?

— К сожалению, душа его покинула нашу грешную землю, — ответил барон Фуа.

— Ладно, будем развязывать языки встречным бродягам, — хохотнул де Белен. — Никто не знает о таких вещах лучше бродяг, трубадуров и странствующих монахов...

Они оставались в замке барона Фуа ещё пять дней. Затем Робер де Парси вдруг поднялся, его налитые кровью глаза очистились, на лице появилась улыбка.

— Я видел Грааль! — объявил граф, появившись за обеденным столом. — Я видел его во сне. Это он исцелил меня. Теперь я точно знаю, что он существует и что покойный мессир Фродоар поведал нам о нём, дабы мы совершили великий подвиг и принесли священную чашу в лоно католической Церкви!

Граф чувствовал себя прекрасно, и было трудно поверить, глядя на него, что ещё вчера его колотили судороги, а лицо искажалось от нестерпимой боли.

— Завтра мы продолжим наш путь!

— Как видите, шепнул барон де Белен на ухо Ван Хелю, — вера творит чудеса... Или это вовсе не вера, а простая убеждённость? Имеет ли значение, как назвать то, что наполняет человека силой?

На закате следующего дня возле лагеря рыцарей появился странствующий монах. Увидев его, граф оживился.

— Давайте его сюда. — Робер нетерпеливо замахал рукой. Когда опиравшийся на посох монах предстал перед де Парси, граф сел на стул, подложив под себя бархатную подушку, и закинул ногу на ногу. — Благословите, святой отец. Мне очень нужна помощь Господа нашего.

Монах сбросил с головы капюшон и лёгкими движениями перекрестил графа.

— Да пребудет с вами Христос.

— Вы давно в этих местах? — Де Парси подался вперёд всем корпусом. — Хорошо ли знаете окрестности?

— Мне приходилось бывать здесь раньше, милорд, но очень давно.

— Откуда вы идёте и куда путь держите?

— Иду говорить с людьми, а люди живут всюду, стало быть, иду куда глаза глядят. Много лет я служил в церкви Иоанна, что в городе Альби, затем мне открылось, что надо менять жизнь. Служение Богу заключается отнюдь не в служении настоятелю храма.

— Так вы из Альби?

— Можно сказать так.

— А не приходилось ли слышать про местечко, называемое Грааль? Или что-то в этом роде?

— Нет.

— Подумай хорошенько, монах, — нахмурился граф. — Я ищу тайный храм, сокрытый в горных пещерах.

— В горах вокруг Альби много пещер, там обитают разные общины.

— Язычники? — жадно спросил граф и провёл рукой по своему лоснящемуся черепу.

— Они добрые люди, милорд, христиане.

— Почему же они скрываются в пещерах? Зачем?

— Они там живут, но не скрываются ни от кого.

— Чушь! Должно быть, это еретики.

— Они исповедуют Христа, — негромко отозвался монах.

— Тебе приходилось бывать в тех пещерах? — спросил граф строго.

— Да.

— А чудодейственную чашу ты видел?

— Что за чаша? В пещерных общинах нет ничего чудодейственного. Все чудеса происходят там с теми, кто верует истинно. Ни чаши, ни кресты, ни книги, ни иконы не надобны для этого. Живущие там добрые люди несут в своём сердце любовь к Господу и не уповают ни на что другое.

— Что за странные общины! Ужели в их храмах нет даже икон? Почему ты называешь их добрыми людьми?

— Они сами называют себя так. И все вокруг называют их так. Многие уходят из города жить с добрыми людьми.

— Отрекаются от католической церкви?

— Нет, милорд, никто не отрекается от церкви, просто уходят к добрым людям.

— Вот как... — Робер де Парси замолчал и посмотрел на стоявшего поодаль барона де Белена. — Мессир, — граф поманил барона, — вы слышали?

Де Белен молча кивнул.

— И что вы скажете? — Де Парси поморщился. — Всё это кажется мне странным. И «добрые люди», и пещеры, и желание скрыться подальше от глаза католических епископов... А про Грааль ни слова...

Барон ничего не отвечал. Граф думал с минуту, опустив голову, затем вскинулся и, вытянув руку к монаху, взревел:

— Ты лжёшь! Но я сумею вырвать из тебя правду! Стража, разденьте его и привяжите к тому дереву!

— Чего вы хотите? — забеспокоился монах, сопротивляясь схватившим его рыцарям.

— Мне нужна чаша! Отведи меня к Граалю, и я отпущу тебя.

— Но я не знаю... не слышал...

— Высеките его как следует! — Де Парси повелительно махнул рукой и пошёл к своему шатру. Выпив вина, он вернулся. Обнажённое тело монаха безвольно повисло на верёвках, по хилым плечам и впалой груди струилась кровь.

— Быть может, этот несчастный на самом деле ничего не слышал о Граале, ваша светлость, — подал голос барон де Белен. — Как он может знать о нём, если это название придумал сам мессир Фродоар.

— Он должен хотя бы что-нибудь знать... Хотя бы краем уха... — Де Парси подошёл вплотную к монаху. — Ты что, не понимаешь, что сейчас я начну убивать тебя?

— Будь ты проклят, сатанинское отродье! — выдохнул монах

— Что?! Как ты смеешь... — Лицо графа перекосилось и сделалось багровым. Он нанёс удар кулаком монаху в нос. Кровь хлынула с новой силой, и монах обмяк, потеряв сознание. — Удавите его и вздёрните повыше, — распорядился де Парси, сплёвывая налипшую на губе густую слюну. — Пусть его склюёт вороньё.

Шарль Толстяк удалился в противоположный конец лагеря и шёпотом молился. Когда возле него присел на корточки Ван Хель, Шарль спросил:

— Почему ты не остановишь графа?

— Ты хочешь, чтобы я прикончил его, перерезал ему глотку?

— Хочу.

— А как же воля Божья?

— Пусть это случится по воле Божьей, но сейчас же. Пусть ты будешь разящей рукой Господа нашего, — настаивал Толстяк.

— А почему ты не считаешь, что де Парси убил этого монаха, исполняя волю Божью? — почти равнодушно спросил Ван Хель. — Всякая смерть случается по прихоти Судьбы, а ею наделяет каждого из нас Бог.

— Мне страшно рядом с этим чудовищем.

— А мне кажется, что Парси ничем не отличается от других рыцарей. Ты слышал, что рассказывали в городе про сеньора Гвебера? По пути в Иерусалим он режет людей как скот, берёт в плен сотнями и всех подвергает чудовищным пыткам.

— Я слышал о нём.

— Он вымогает у пленников выкуп, чтобы на эти деньги кормить свой сброд, называемый войском Христовым. Он приказывает подвешивать мужчин за половые органы и с удовольствием наблюдает, как тела жертв разрываются и кишки вываливаются наружу. Женщин подвешивает за большие пальцы рук, а к плечам прикрепляет камни, сам же стоит рядом и лупит их дубиной.

— Я слышал об этом, — глухо отозвался Шарль.

— Так ты хочешь, чтобы я и его убил? И всех остальных, которые идут под знаменем Христа на Землю обетованную, грабя на пути своёю каждую деревню? Может, лучше вырвать сердце у Папы, чтобы он больше никогда не призвал никого в поход против «неверных»? Но ведь появится другой Папа, другой епископ, другой пастырь заблудших душ человеческих... Нет, Толстяк, я не трону графа. Кровь льётся не из-за него

и не из-за ему подобных. Насилие — выбор всего человечества. Ты хочешь, чтобы я поднялся против всего человечества? Братец, такое мне не под силу.

— Раньше ты проявлял благородство, вступался за людей.

— Ты отправился в путь, чтобы свидетельствовать о делах земных, — сказал Ван Хель. — Свидетельствуй, летописец!

[1] П с а л т е р и й (psalterion) – струнный инструмент, отдалённо напоминающий русские гусли.

Эктор Непобедимый

Июнь 471 года

Выехав на пригорок, Эктор Хоель придержал своего коня и поднял руку, сжимавшую небольшую резную дубинку, приказывая следовавшему за ним отряду остановиться. Поверх длинной рубахи на нём был надет набивной доспех из плотного льна, напоминавший стёганный халат, достигавший колен, расшитый красными и синими треугольниками и украшенный золотой вышивкой по краям. На поясе поверх доспеха красовалась украшенная медными бляхами кожаная перевязь с двумя петлями, куда были продеты два боевых метательных топора. Помимо топоров к перевязи крепился короткий меч, а на спине — длинный меч, спрятанный в ножны из выдубленной кожи.

Длинные тёмно-русые волосы Эктора растрепались, то и дело падая на глаза.

Далеко впереди сидел на мшистом валуне старый человек, облачённый в синюю тунику, поверх которой был надет чёрный плащ с капюшоном. Капюшон полностью скрывал его лицо, но большая седая борода, выступала вперёд. Перед ним стояли две рыжие косули и, вытянув шеи, тёрлись о его лицо носами. Заслышав конский топот, косули вздрогнули, подняли большие уши, мигнули чёрными влажными глазами и испуганно бросились прочь, мгновенно скрывшись в зарослях орешника. Человек в капюшоне медленно повернул голову.

Эктор Хоель ударил коня пятками и двинулся вперёд в сопровождении ещё одного всадника. Старик поднялся. Теперь на его тунике стал виден белый голубь.

«Друид», — догадался Эктор.

Внезапный порыв ветра сдёрнул капюшон с головы старика, длинные седые волосы всколыхнулись. Эктор увидел старое, очень выразительное лицо, заросшее густой бородой. Тёмно-синие глаза внимательно смотрели на приближавшихся людей.

— Да будет Небо милостиво к тебе! — громко поприветствовал Эктор.

— Желаю и тебе здоровья, незнакомец. — Старик чуть заметно кивнул.
— Как называется это место? — спросил Эктор, указывая на журчавший поодаль ручей.

— Брод Совокупления.

— Теперь уже, должно быть, рукой подать до Круглого Стола?

— А кто ты таков, чтобы спрашивать о Круглом Столе? Назовись. — В голосе старика слышались властные нотки. Он умел приказывать.

— Эктор Хоель из Арморики^[1], — звучно ответил всадник.

— Не тебя ли величают Эктором Непобедимым? — Друид снова окинул незнакомца с ног до головы.

— Ты слышал обо мне? — Всадник горделиво подбоченился.

— Так вот ты какой, — продолжил старик. — Слава о твоих подвигах мчится далеко впереди тебя.

— Могу ли я узнать твоё имя?

— Мерддин.

Эктор указал глазами на голубя, вышитого на тунике Мерддина и спросил:

— Ты проповедуешь учение Христа?

— Ты угадал. Голубь на моей тунике — символ Святого Духа. А ты из тех, кто придерживается старинных взглядов?

— Ты умеешь заглядывать в сердце, — улыбнулся Эктор. — Не тот ли ты Мерддин, о котором ходит столько невероятных историй? Не ты ли был наставником Артура? Не тебя ли громко прозвали Лесным Вепрем?

— Верно. Я воспитывал Артура, — старик качнул головой, — но это было давно. С тех пор он возмужал и теперь мало прислушивается к моим советам.

Эктор внимательно оглядел Мерддина, затем повернулся к своему спутнику и велел ему:

— Поезжай к отряду, скажи, мы сделаем короткий привал. Мне нужно поговорить. Я дам знать, когда мы продолжим путь.

Всадник молча кивнул и повернул обратно.

Эктор спрыгнул с коня, опустился на землю и вытянул ноги. Мерддин неторопливо занял своё место на валуне, где сидел раньше.

— Я проделал долгий путь, — сказал Эктор. — Хочется отдыха. Хочется пить и есть...

— В доме Артура ты получишь хороший приём. — Глаза друида буравили Эктора. — Там всегда найдётся угощение для настоящего

мужчины.

— Ты смотришь на меня с подозрением.

— Нет, просто изучаю.

— Я не женщина, чтобы меня разглядывали, — возразил Эктор Хоель. — Моё достоинство — умение драться, а не нежная красота.

— У меня такое чувство, будто я знаком с тобой, — проговорил друид, приближаясь к Эктору.

— Мы никогда не встречались.

— От тебя исходит особый дух...

— Дух одинокого волка.

— Может быть, — неуверенно произнёс старик и опустил рядышком на землю, — всё может быть...

Эктор Хоель, поигрывая травинкой, подался вперёд и потыкал стебельком в руку друида.

— Что это? — спросил он, указывая на синюю татуировку, покрывавшую пальцы Мерддина.

— Тайные друидические символы, — спокойно ответил Мерддин. — Тебе не нужно знать этого.

Внезапно Эктор заразительно расхохотался.

— Друидические символы, — повторил он, успокоившись. — Ты доведешь меня до слёз, старик...

— Что рассмешило тебя? — нахмурился Мерддин.

— Друидические, говоришь? — опять улыбнулся Эктор.

— Вижу, ты на что-то намекаешь, но никак не возьму в толк...

— Я намекаю на Тайную Коллегию Магов, старик.

Мерддин внимательно посмотрел на собеседника, но ничто не изменилось в его лице.

— Где ты слышал о Коллегии?

— Это не имеет значения, — беспечно отмахнулся Эктор.

— Имеет. — В голосе Мерддина прозвучала угроза, хотя сам он продолжал сидеть в прежней позе.

— О, ты сделался серьезнее... Только не следует меня пугать, Лесной Вепрь. — Эктор взял травинку губами и перекатил её из одного угла рта в другой. — Я не случайно получил прозвище Непобедимого. Даже члены Тайной Коллегии не могут одолеть меня. По крайней мере, магу второй степени посвящения, каким являешься ты, это не по силам.

— Ты хорошо осведомлён, Эктор Хоель. Ты знаешь даже мою

степень...

И тут лицо Мерддина изменилось, по нему пробежала тень недоумения, затем в глазах зажёгся огонь догадки, брови удивлённо поползли вверх.

— Какой же я старый болван! — Старик шлёпнул себя ладонью по лбу, и морщинистая кожа задрожала, будто готова была осыпаться с его лица. — Тебя зовут Эктор Хоель из Арморики? Эктор Хоель! И ты знаешь о Коллегии! Куда же подевалось моё чутьё?! Теперь я понимаю, откуда проистекают твои вопросы, Хоель... Ты — Хель, знаменитый Хель из числа отступников!

— Да.

— Бывший маг Коллегии. Теперь мне всё понятно, — с облегчением вздохнул Мерддин. Он прикоснулся пальцами правой руки ко лбу, затем опустил руку к солнечному сплетению, поприветствовав собеседника так, как это было принято делать во время встреч членов тайного общества с глазу на глаз. — Приятно увидеть тебя воочию. О тебе ходят легенды, Хель.

— Легенды... Человечество кормится легендами.

— Что привело тебя в наши края?

— Здесь пахнет яростной схваткой, — ответил Хель.

— Схваткой пахнет всюду.

— Я много слышал о братстве Круглого Стола. Хочется познакомиться с этими людьми. Скажи, ты приложил руку к его созданию?

— Немного.

— Это какой-то очередной замысел Тайной Коллегии? — уточнил Хель.

— Я не в курсе всех замыслов моих старших братьев, — уклончиво ответил Мерддин.

— Забудь о моём вопросе, жрец, — отмахнулся Хель, выплёвывая травинку. — На самом деле мне дела нет до ваших тайных планов. Мне важно лишь дело, активное движение. Я не умею жить без этого.

— Ты хочешь встать в ряды Артура войска?

— Почему бы нет? Я чувствую, что здесь назревает нечто важное... Большая схватка. Битва старого с новым... Сейчас я приехал только познакомиться с Артуром, но если предчувствия не обманут меня, я призову сюда остальных моих людей[2]... Правда, теперь меня будет смущать твоё присутствие.

— Я не причиню тебе вреда.

— Мне с трудом верится, что ты не сообщишь верховному жрецу Коллегии о моём появлении.

Мерддин помолчал, затем проговорил медленно:

— Если ты не будешь мешать мне, то у меня нет причин натравливать на тебя кого бы то ни было.

— Я никогда не вмешиваюсь в дела Тайной Коллегии. Я лишь живу в собственное удовольствие. Или в ваших кругах обо мне рассказывают что-то иное?

— Нет, но о тебе всегда вспоминают как об отщепенце. Ты овладел тайными знаниями и позволил себе ступить за пределы дозволенного круга.

— Я люблю свободу.

— Ты осмелился стать самостоятельной единицей. Коллегия Магов никому не прощает таких поступков.

— Вот поэтому-то я и раздумываю теперь, как мне поступить. Не покончить ли с тобой прямо сейчас? Ты знаешь, кто я, и ты обязан, согласно вашим строгим правилам, приложить все силы, чтобы уничтожить меня... Впрочем, это будет даже интересно...

— Ты хочешь вступить в противоборство с Коллегией?

— Уже не одно столетие я занимаюсь этим. Просто обычно я борюсь лишь против ваших козней и далеко не всегда встречаю это. — Хель снова сорвал травинку и потыкал ею в татуировку на руках Мерддина. — Ваша сила присутствует всюду, но встретиться лицом к лицу с действующим жрецом — большая редкость.

— Однажды ты убил Кармеля, мага четвёртой степени посвящения.

— Он рискнул преследовать меня и вступил со мной в открытый бой. У меня на одну степень посвящения меньше. Как маг я был слабее Кармеля, но его подвела самоуверенность. Даже сильные маги страдают порой избытком ненужных чувств. Он слишком полагался на свои сверхъестественные способности, я же действовал обыкновенным клинком, надеясь только на крепость моих рук.

— Позволь спросить, а куда подевалась твоя татуировка? На твоих руках нет никаких узоров.

— Однажды я сильно обгорел, кожа сошла почти со всего тела.

— Я слышал, ты научился восстанавливать любые повреждения тканей на себе.

— Это и есть мой ключ к вечной жизни, — кивнул Хель. — А теперь ты ответь мне, Лесной Вепрь. Зачем тебе потребовалось создавать Круглый Стол?

— Зачем ты задаёшь ненужные вопросы? — Друид отвернулся.

— Боишься, что тебе голову оторвут, если сболтнёшь что-нибудь? — Хель выразительно поцокал языком. — Но ведь ты так и так смертен, Вепрь, как смертны все люди. Какая разница, как умереть, если ты знаешь, что всё вокруг — лишь игра? В своё время каждый из нас покинет этот мир и, родившись снова, уже ничего не будет помнить ни о своих подвигах, ни о своём отступничестве. Не обидно ли это, Вепрь? Пройти нескончаемо долгий путь ученичества, служить делу самого таинственного братства магов, сути которого ты никогда не узнаешь, если не доберёшься до самого верха, а после этого лишиться всякой памяти о том, кем ты был раньше и какой силой обладал. А ещё ужаснее стать в следующей жизни человеком, который будет искоренять магию, преследовать всех, кто имеет отношение к тайным знаниям, обвинять обыкновенных фокусников в колдовстве и вырезать их семьи. Не страшно тебе, что ты можешь стать таким?

— Этого не знает никто. — Мерддин нахмурился и уточнил: — Не знает наверняка.

На лице Хеля появилась широкая улыбка

— Знает Амрит, — сказал он.

— Ах этот... Нарушитель... Первый проложивший дорогу отступникам.

— Он умеет видеть далеко вперёд. И меня радует, что Тайная Коллегия бессильна против него. Она вставляет палки ему в колёса, но всё это напоминает обыкновенное хулиганство, ведь Нарушитель не умрёт до тех пор, пока сам не пожелает этого. Что может Коллегия против него? Убить его? Порвать на куски? Но он восстанет из мёртвых. Он знает то, что неведомо всем нам, даже получившим самую высокую степень посвящения. Возможно, даже Магистр не знает того, что знает Амрит.

Тут Хель задумался и, помолчав немного, спросил вкрадчиво:

— Скажи мне, жрец, а не Нарушитель был ли причиной вашего нынешнего усердия?

— Не понимаю, о чём ты говоришь?

— О христианстве... С чего вдруг Тайная Коллегия так рьяно взялась за распространение новой религии? Какую цель она преследует?

— Я выполняю лишь то, что поручено мне, — проговорил Мерддин. — Я умею объяснить только то, что знаю.

Хель недоверчиво прищурился.

— Но ведь ты не можешь не знать, что воскресший иудей по имени Иешуа, послуживший причиной стольких разговоров, был вовсе не тем, за кого его нынче выдают.

Мерддин задумчиво посмотрел на Хеля.

— Что за странный взгляд? — удивился Хель. — Погоди-погоди, да ты, я вижу, и впрямь ничего не знаешь! Неужели ты, могущественный жрец, на самом деле веришь в то, о чём толкуют евангельские тексты? Ответь мне, ты веришь в это?

— Жизнь — сложная игра. Написанные на пергаменте слова служат нынче многим путеводной звездой, — негромко произнёс Мерддин. — Все мы живём по воле Творца.

— Разве кто-то оспаривает это? Но я задал тебе конкретный вопрос. Веришь ли ты в то, о чём рассказываешь?

— Я рассказываю о сыне Божьем.

— А кто из нас не сын Божий? Все мы — дети Создателя. Каждого из нас Творец вылепил собственными руками. Всех — от последнего глупца до величайшего мудреца.

— Это так.

— Тогда объясни мне, для чего Тайная Коллегия старается внушить всем, что люди — ничтожные твари? Зачем стремится только одного провозгласить сыном Бога? Почему побуждает уверовать в него? Открой мне эту цель, жрец! Растолкуй, что за страшный замысел осуществляет братство магов?

Мерддин вздохнул и посмотрел в небо.

— Конечно, ты имеешь право не отвечать, — понимающе кивнул Хель. — Но что-то подсказывает мне, что замысел тут прост — швырнуть наш мир во всеобщую войну... Нескончаемая рознь по всей земле. Думается мне, что Коллегия именно этого добивается.

— Я проповедую Любовь, — резким тоном возразил Мерддин. — Этому учил Иисус.

— Какой Иисус?

— Которого называют Спасителем!

— А кому дано это имя?

Мерддин строго посмотрел на Хеля и промолчал.

— В тот день на Лысой Горе было распято много людей, — заговорил Хель, мысленно уходя в воспоминания. — Большинство из них были сикарии[3], главаря их тоже пригвоздили к кресту. Его звали Иешуа бар Гиора, а среди черни он был известен под кличкой Потрошитель — за частые и жестокие убийства римских легионеров. Он был из числа самых непримиримых врагов Рима. Он отличался могучим телом, и римские солдаты долго и с удовольствием истязали его. Примитивные люди почему-то очень любят пытать. Когда Потрошителя подняли на крест, он был уже без сознания. Никто из простых смертных не знал, что телом Потрошителя интересовался Нарушитель. Ты же знаешь, что время от времени он вселяется в человеческое тело, чтобы осуществить некоторые свои планы. Тайная Коллегия ненавидит его именно за это... Так вот, он для каких-то своих нужд решил воспользоваться телом бар Гиоры. Так как он умеет заглядывать в будущее, он узнал, что этому смутьяну предстояла гибель на кресте. И он терпеливо ждал этой казни, ждал, когда душа Потрошителя покинет тело... И вот стражники поочерёдно пронзили грудь каждого распятого, чтобы ускорить их кончину.

Мерддин угрюмо поглядел на собеседника из-под лохматых седых бровей.

— Надвигались праздники, — продолжал Хель, — и римляне не решились оставить казнённых гнить на крестах, опасаясь волнения иудеев. Поэтому всех прикончили ударом копья. Когда их, залитых кровью, снимали с крестов, никто не подозревал, что в теле Иешуа бар Гиоры уже жил Нарушитель. После мощного удара копьём под сердце невозможно было выжить. Да и измучен Потрошитель был смертельно уже до казни. Однако Амрит Нарушитель умет сохранять жизненную силу даже в самой немогущей плоти. Ему нужна лишь лёгкая зацепка за тело, тончайшая нить, которую никто из обыкновенных людей не видит.

— Почему Нарушитель выбрал тело именно Иешуа бар Гиоры?

— Этого не узнает никто. Он никому не открывает своих замыслов.

— Что произошло дальше?

— Покойников отвезли подальше от Лысой Горы, разложили на земле и стали омыывать. Когда дело дошло до Потрошителя, он открыл глаза, чем поверг в ужас всех стоявших вокруг. Если бы поблизости находились римские стражники, они бы наверняка пронзили его мечами, но римлян рядом не оказалось, они ничего не увидели. А иудеи просто потеряли

дар речи. Иешуа, то есть теперь уже Нарушитель, протянул руку к склонившимся над ним и сказал: «Я вернулся. Помогите мне, иначе Бог наслёт на вас кару». Его спрятали, залечили раны, но шуток всё-таки пополз по городу. «Иешуа не умер! Бог отказался принять его до тех пор, пока он не уничтожит достаточно римских оккупантов!..» Вот так пустили первые корни великого мифа. Неугомонный Потрошитель вскоре погиб в очередной схватке с легионерами, но об этом никто уже не говорил. Из уст в уста передавалась только история о его чудесном возвращении в жизнь после распятия.

— Но ведь был другой Иешуа. Я точно знаю, — сказал Мерддин.

— Да, был и другой... Иешуа по кличке Галилеянин. Нищий проповедник из кумранской общины, учивший тому, чего никто из иудеев не мог понять. Он был щедедушный, с едва слышным голосом, всегда полуголодный. Всюду, где он начинал проповедовать, в него швыряли камнями. Дважды его чуть не убили. Если бы не десяток последователей, закрывших его собой, Галилеянин погиб бы сразу. Его прогоняли из селений не только потому, что его слова во многом расходились с текстом Святого Писания, но и потому, что у него не было законного отца. Галилеянина обвиняли в том, что его родила блудница. Сколько раз слышал он эти горькие слова, но лишь слабо улыбался и отвечал: «Вы ничего не понимаете, люди. Позвольте мне открыть вам истину». В ответ в него летели камни. Его арестовали с несколькими другими бродягами, прятавшимися в саду во время очередной облавы на сикариев. Их всех отправили на крест. Это случилось через полгода после казни Потрошителя... Я помню, как мучительно умирал Галилеянин.

— Ты видел это собственными глазами? — недоверчиво спросил старик.

— Да... Ведь я живу так долго, что многие, кто знает обо мне, называют меня бессмертным.

— Это верно. О тебе именно так говорят... Но почему тебе было дано видеть Галилеянина? Ты ведь не веришь в него? За что ты был удостоен такого великого счастья?

— Не я один видел ту казнь, о Мерддин! На Лысой Горе находились простые иудеи, высокородные граждане, чужеземцы и римские легионеры. Но уверяю тебя, что никто из них не считал ту казнь чем-то особенным. Обычный знойный день, обычные приговорённые, обычная

казнь. Для всех она была лишь одной из многих. Люди глазели просто ради развлечения. Нет, это не было большим событием. Лишь несколько человек пришли из-за распятого бродячего учителя, потому что считали себя его последователями... Разве ты не помнишь ничего?

— Я? — удивился друид. — Как я могу помнить это?

— Потому что ты тоже был на Лысой Горе. — Хель хитро улыбнулся.

— Я? — Мерддин оторопел.

— У тебя короткая память. Что ж, попытаюсь расшевелить её... Так вот, Иешуа по кличке Галилеянин оказался невероятно выносливым, несмотря на худобу. Казалось, что он должен был умереть сразу, умереть просто от боли, а то и просто от страха. Но нет, он долго оставался в сознании, то и дело открывал глаза и шептал что-то, обращаясь к солдатам. Они не понимали его, потому что римские легионеры никогда не учили арамейского языка. А евреи, стоявшие за оцеплением, плевали в его сторону и выкрикивали оскорбительные слова. «Сын шлюхи! Как смеешь ты проповедовать, когда у тебя нет отца!» — ругались они. Один из стражников страдал болями в животе и всё время бегал по нужде в деревянный нужник, специально поставленный для солдат на Лысой Горе. Этот легионер был сильно раздражён, от палящего солнца кружилась голова, шум толпы пробуждал злость, распятые стонали, и от их голосов у легионера звенело в ушах. Вернувшись в очередной раз из нужника, он остановился перед крестом, на котором висел Галилеянин, и зарычал на него: «Неужели ты не можешь заткнуться, вонючая скотина? Из твоего рта льётся дерьмо, сводящее меня с ума! Замолкни поскорее сам, пока я не помог тебе!». Но проповедник продолжал бормотать что-то. Тогда стражник выловил кусок губки, плававшей в лохани с уксусом, и насадил на наконечник копья. В походе и в военных лагерях не было возможности подмыться после туалета, поэтому солдатам предписывалось тщательно протирать промежность губкой, смоченной в уксусном растворе. И вот кусок такой губки легионер затолкал в рот Галилеянину. Он не церемонился, пихнул губку настолько грубо, что глубоко проткнул острием наконечника нёбо Галилеянину. Тот вскрикнул, тряхнул головой, пытаясь избавиться от жгучего кома, забившего рот, но не смог сделать этого. «Теперь ты не произнесёшь ни слова, тварь», — засмеялся солдат, весьма довольный собой. Галилеянин был настолько слаб, что не мог выплюнуть губку, быстро разбухшую от крови, и скоро подавился ею. Он ушёл из жизни

бесповоротно, как и все остальные распятые рядом с ним. В течение нескольких дней они висели на крестах, птицы клевали их, солнце иссушивало.

Мерддин угрюмо молчал, слушая Хеля. Затем спросил после долгой паузы:

— Ты хочешь сказать, что Галилеянин не воскрес?

— Никто не воскресаёт никогда. Только маги способны иногда заставить мёртвых ходить. Я видел халдейских магов, которые умели наполнять покойников силой и на некоторое время придавали им облик живых. Но это не воскрешение. Мёртвый остаётся мёртвым. Лишь один Нарушитель умеет, умерев, вернуться обратно в жизнь... Неужели твоя память, Мудрый Вепрь, не подсказывает тебе ничего? — Хель сокрушённо покачал головой. — А ведь ты мог бы воспользоваться своим умением, прибегнуть к магии и пробудить для себя тот день...

— Ты пытаешься убедить меня, что я был свидетелем того, о чём ты только что рассказал? Нет, я не помню ровным счётом ничего.

— Ты был там. Ты участвовал во всём.

— Участвовал? Как?

Хель подумал и проговорил медленно:

— Тот легионер с насаженной на копьё губкой — это ты.

— Ты лжёшь! — Мерддин сжал кулаки. — Ты жаждешь очернить меня!

— Какой мне прок от этого, старик? Мне нет никакого дела до тебя.

— Ты явился с тем, чтобы сокрушить мою веру, — прошептал друид.

— Нет, я лишь передаю то, что знаю. Все толки о воскресшем начались из-за Нарушителя. Ожило тело сикария по имени Иешуа бар Гиора. Других восставших из мёртвых в то время там не было. Но слухами, как говорится, земля полнится...

— Ты пришёл сокрушить мою веру, — повторил Мерддин и ладонями погладил свои колени, скрытые плащом.

— Нет. Просто ты должен вспомнить кое-что. Ты должен знать...

— Я знаю то, что мне нужно знать и что даёт мне силу.

— Ты искренне веришь в Христа?

— Эта вера необходима мне, чтобы выполнять миссию, возложенную на меня Коллегией.

— Ты искренен? — Хель немного изменил вопрос.

— Я рассказываю людям о Спасителе, — чеканя каждый слог, сказал Мерддин. — А каким он был в жизни и что из написанного соответствует

действительности, а что является вымыслом, людям вовсе не обязательно знать. Мифы опираются только на мифы.

— Но ты же обманываешь людей, Вепрь! — почти весело воскликнул Хель. — Проповедуя истинную веру, ты обманываешь!

— В основе сегодняшней неопровержимой истины всегда лежит вчерашняя ложь! — напористо проговорил Мерддин.

— О, я вижу, в идеологии Коллегии произошли глубокие изменения. — Глаза Хеля сделались холодными. — Человечеству можно только посочувствовать.

— Христос принесёт людям умиротворение.

— Умиротворение? В одном из ваших священных текстов Христос говорит: «Не думайте, что я пришёл принести мир на землю; не мир я пришёл принести, но меч»[4]. Нет, Лесной Вепрь, вы несёте страшную рознь людям, разделяете их бессовестно... Ты посвятил свою молодость изучению друидических наук, ты добился положения в сообществе друидов, овладел многими тайными искусствами. Скажи, зачем ты согласился вступить в Тайную Коллегию?

— Братство друидов стало терять свою власть над людьми из-за того, что в умах людей сейчас царит неразбериха. И мне было предложено присоединиться к Тайной Коллегии, я решил не упускать пловшую мне в руки рыбу.

— Ты прозорлив.

— Нет народа, который смог бы жить достойно, не имея духовных ценностей. Я решил, что сумею стать проводником свежих сил. Тайная Коллегия, пусть и преследует свои цели, служит также и моим... Говорят, раньше членов тайного братства магов можно было пересчитать на пальцах, теперь же их много, они разошлись по всему миру. Одни слабее, другие сильнее, но их много. И разве ты, Хель, не понимаешь, что значительная часть из них преследует в основном личные интересы?

— Понимаю. Я и сам такой.

— Мне нравится твоя честность, Хель. Думаю, что у нас не будет причин для вражды. Я честно выполняю возложенные на меня обязанности. Но одновременно я служу стране, в которой живу и которую люблю. Я посвятил этому служению всю жизнь. Скоро мне умирать. Я воспитал Артура и горжусь им, хотя он и отказывается принять крещение.

— Зачем ему крещение? Зачем ему то, что порождает злые споры

и вносит раздор? — Хель недовольно потрянул головой. — Я помню, как в Британию ехал епископ Оксерский, теперь вы называете его святым Германом[5]. Сколько шуму было связано с его миссией! Сколько крови еретиков обещал он принести к алтарю! А причиной его похода против «заблудших овец» была лишь их убеждённость в том, что внутренних сил человека достаточно для «снискания вечной благодати». И ещё они отрицали «первородный грех»[6]. За это епископ сжигал их деревни. Как же так, Вепрь? Учение Христа существует уже почти пятьсот лет, а вы — его проповедники — никак не договоритесь даже между собой.

— Я никого не караю, — решительно возразил Мерддин.

— Пусть не ты лично. — Хель милостиво кивнул. — Но христиане всюду кричат о любви, на деле я вижу только жестокость по отношению к тем, кто осмеливается высказываться против Церкви. Нет, Мерддин, нищий проповедник Галилеянин учил любви и долготерпению, а к мечу призывал Иешуа-Потрошитель. Вы же всё смешали в одну кучу, да так, что теперь сами не можете разобраться. Кому нужна такая вера?.. Ты сделал великую ошибку, друид, пойдя по христианской тропе. Может, для тебя эта тропа и хороша, но ты не вправе принуждать других идти по ней...

Они говорили долго. Воины Эктора Хоеля, вытянувшись на земле и жмурясь под тёплыми солнечными лучами, наблюдали за беседой со стороны, не слыша ни слова.

Наконец Эктор поднялся и сделал знак, чтобы отряд вернулся в седло.

Эктор понравился Артуру, он чем-то напоминал ему погибшего Маэля — та же неукротимая жажда боя, тот же неугасимый задор, та же уверенность в победе. Только Маэль был гораздо наивнее Эктора. Порой Эктор Хоель говорил вещи, смысл которых озадачивал слушателей, временами никто в братстве Круглого Стола не понимал его, и тогда Человек-Медведь просил: «Будь милосерден, Эктор. Мои воины не в состоянии поспеть за твоими мыслями. Они виртуозны с оружием, но не со словом». Сам Артур любил посидеть с новым другом у костра и поговорить о том о сём. Он не заметил, что с появлением Эктора Хоеля в братстве Круглого Стола ему на глаза ни разу не попался Мерддин.

Старый чародей исчез.

Однажды, когда Человек-Медведь собирался на охоту, к нему подошёл отец Герайнт и, смиренно приложив руки к груди, спросил:

— Государь, согласишься ли ты пойти со мной в покои твоей супруги?

— Что-нибудь случилось?

— Она послала за тобой.

Артур быстрыми шагами направился в дом.

Гвиневера сидела на кровати. Едва Артур появился на пороге, она протянула к нему руку.

— Муж мой...

— Гвиневера, любовь моя! Наконец-то я слышу твой голос! — Глаза Артура засияли.

— Мне привиделся Мерддин. — Её худая рука легла в огромные ладони Артура. — Он благословил нас. Он сказал, что ты готов принять крещение. Так ли это?

Артур смутился, насупись, но кивнул утвердительно.

— Я рада. Теперь я смогу называть себя твоей законной женой.

— Как ты себя чувствуешь, дорогая?

— Лучше... — Она обняла его и спросила шёпотом: — Когда же это случится?

Артур привлёк её себе и удивился невесомости её тела.

— Как только ты поднимешься, любовь моя.

— Силы возвращаются ко мне с каждой минутой. Скоро я буду на ногах.

— Ты вернёшь мне утраченное счастье. Без тебя жизнь стала бессмысленной, Гвиневера.

Она опять улыбнулась и краем глаза посмотрела на ожидавшего у дверей отца Герайнта. Он тоже улыбался.

— Ты отправляешься на охоту? — спросила она, сдержанно поцеловав Артура в щёку.

— Да! — громко воскликнул он. — Мы закатим шумный пир в честь твоего выздоровления.

— Но сначала возблагодарим Господа нашего Иисуса Христа.

Артур молча кивнул.

— И не забудь помолиться перед тем, как отправишься на охоту, — с мягким нажимом проговорила Гвиневера. — Я тоже буду молиться

о тебе.

Артур поцеловал жену и выпрямился. Он растерянно поглядел на Герайнта, затем снова перевёл взгляд на жену. Её бледное лицо лучилось радостью.

«Неужели ей настолько важно, чтобы я носил на груди крест? Неужели она будет по-настоящему счастлива?.. И я так долго сопротивлялся такой мелочи? Чего мне стоило креститься? Что это меняет для меня по существу? Зато у Гвиневеры будут сиять глаза... Боже, как хочется, чтобы навсегда исчез тот холод вражды, которым она обдавала меня раньше. А ведь она требовала, нет — просила о такой малости!»

— Я не знаю молитв, которые надо произносить, — развёл он руками. — Но скоро я выучу их.

И Артур, переполненный любовью, вышел из комнаты.

— Христос с тобой, — перекрестила его вдогонку Гвиневера.

Во дворе уже нетерпеливо били копытами кони.

— Впервые вижу у тебя такое счастливое лицо, — сказал Эктор.

— Ещё бы! Гвиневера выздоравливает! Братья мои, вы слышали? Моя жена возвращается к жизни!

Дружный рёв восторга прокатился над крепостью:

— Да здравствует Гвиневера! Да здравствует Человек-Медведь!

— Что ж, после охоты будет повод для праздника, друзья! — воскликнул Артур.

Отряд выехал в распахнутые ворота и с гиканьем пронёсся по улице.

Из травы тут и там вылетали птицы, шумно хлопая крыльями. Волнами колыхались на ветру цветы — жёлтые, красные, синие — и разливали над полями густой аромат. Вокруг видневшихся вдали деревянных идолов хороводом ходили девушки. Рядом с ними дымилось несколько костров. Высоко в небе медленно плавилась тонкие белые облачка.

Возле брода всадники перешли на шаг и вытянулись цепочкой.

Эктор внезапно остановился, хищно всматриваясь в густую лесную зелень. Солнечные пятна скользили по широким листьям, качавшимся на ветру, и не позволяли разглядеть что-либо в чаще.

— Огвэн! — окликнул Эктор ехавшего в голове колонны всадника. — Не спеши оставить свои следы на том берегу, не то они могут из белых превратиться в красные[7]!

Огвэн осадил коня.

— О чём ты, Эктор? — нахмурился воин.

— Ты что-то заметил? — спросил Артур негромко.

— Нет, но я чувствую опасность, — ответил Эктор.

Отряд застыл в ожидании приказа: что скажет Человек-Медведь? Эктор Хоель тем временем взял в руки лук. Несколько секунд он сидел с закрытыми глазами и вслушивался во что-то. Лес шумел птичьими голосами, громко плескалась вода на камнях, фыркали лошади. Эктор натянул тетиву лука, медленно, словно что-то управляло им со стороны, повернулся в сторону зарослей орешника и, только теперь открыв глаза, тотчас пустил стрелу. Кто-то охнул в глубине листвы.

— Засада! — крикнул Огвэн.

С противоположного берега посыпались стрелы. Первые два всадника из Артурова отряда рухнули в траву, обливаясь кровью. Огвэн схватился за руку, пытаясь вырвать воткнувшуюся в него стрелу.

Артур оскалился и поднял над головой копье.

— Кто бы там ни прятался, вырвем их сердца, братья! А потом повеселимся на пиру! — крикнул он и погнал своего скакуна в сверкающий поток.

Стрелы сыпались густо. Не успел Артур перебраться на противоположный берег, как в горло коня вонзилась одна из них. Вторая ударила в грудь самого Артура. Эктор видел, как Человек-Медведь вывалился из седла и исчез под водой. Всхрапывающий конь навалился на своего хозяина сверху, взбрыкивая мощными ногами. Победные возгласы донеслись из леса, и на некоторое время обстрел прекратился. Этим воспользовались воины Артура и ринулись вперёд.

Эктор спрыгнул со своей лошади и прыгнул в реку. Он хорошо видел Артура под водой и сразу схватил его за руку, помогая выбраться из-под агонизирующего коня. Оказалось, стрела даже не ранила Человека-Медведя.

— Оставь меня, я в порядке, — прорычал Артур. — Боги милостивы ко мне. Поезжай вперёд, не теряй времени. Принеси мне хоть одну голову.

Эктор вспрыгнул на своего жеребца и поскакал на противоположный берег. Теперь сидевшие в засаде увидели, что Артур жив, и начали было снова стрелять, однако важные мгновения были упущены — около десятка всадников успели переправиться через реку. Большинство лучников кинулось наутёк, но, поскольку их кони были отведены далеко,

дабы враг не обнаружил засаду, их шансы убежать от воинов, сидевших на специально обученных для охоты лошадях, были ничтожны.

Эктор Хель сразу наметил себе жертву. Развитое чутьё воина подсказало ему, что перед ним — зачинщик. Без особого труда Хель настиг бежавшего.

— Ноги сотрёшь! — презрительно крикнул он.

Человек остановился и, судорожно отбрасывая плащ, выхватил меч.

— Ты думаешь, я испугался тебя? — захрипел он. — Никто не способен устроить Мордред.

— Так ты и есть Мордред? — усмехнулся Хель. — Какое разочарование! Я надеялся повстречать в твоём лице грозного соперника, а вижу жалкого мальчишку, способного разить противника только в спину.

— Замолчи, иначе я заставлю тебя сожрать собственный язык! — выпал Мордред.

— Слишком много слов.

Эктор лениво слез с коня и бросил на землю лук со стрелами.

— Я бы мог пришить тебе стрелой к дубу, как букашку, — улыбнулся он. — Но я позволю тебе умереть воином, хотя ты не заслуживаешь такой чести... Нападай.

Мордред оцепенел на несколько мгновений. Он не привык к унижению. Он чувствовал, как в ногах разлилась слабость, голова закружилась, в глазах потемнело от бешенства. Задыхаясь, он сделал шаг, но вдруг увидел глаза Хеля и остановился. В этих глазах была смерть — равнодушная и всепобеждающая. Мордред почему-то сразу понял, что одолеть врага не удастся. И это понимание лишило его сил.

— Кто ты? — спросил он, опустив руку с мечом. — Ты не человек, ты демон.

— Какое это имеет значение? Ты расхотел драться?

— Я вижу, что это бесполезно. Можешь убить меня. Я готов...

Мордред отбросил меч.

— Вот уж не ожидал, — разочарованно проговорил Хель. Он стоял неподвижно. Не двигался и Мордред.

— Бей. — Голос вожака Волчьей Стаи звучал глухо.

— Резать тебя, как свинью? Может, возьмёшь в руки меч?

— Какой смысл, если конец известен?

— Какой смысл жить, если конец известен? Ты разочаровываешь

меня всё больше и больше. — Хель покачал головой. — Ужели тебя не интересует бой? Значит, ты и впрямь никогда не был воином.

— Я всегда был воином!

— Тогда очнись! Сразись с лучшим! Не каждому выпадает шанс испытать себя в схватке с Эктором Непобедимым, в схватке с Хелем! Увидеть то, что умеет единственный в мире! Разве это не высшее наслаждение для воина, даже если ты погибнешь при этом?

Мордред тяжело вздохнул.

— Подними меч, — настаивал Хель.

Мордред повиновался. И внезапно в нём проснулась былая звериная ярость.

— Так-то лучше, — засмеялся Хель.

Мордред ринулся на врага, вкладывая в удары всю свою ненависть, всё своё отчаянье, всю свою силу... И вдруг остановился. Дальше двигаться было невозможно — в его грудь был воткнут меч. Лезвие вошло глубоко, по самую рукоятку, но Мордред даже не заметил, как это произошло.

— Удивительно, — пробормотал главарь Волчьей Стаи. — Ради такого удара стоило умереть...

Хель улыбнулся.

Он упёрся в Мордреда коленом и оттолкнул его от себя, высвобождая свой клинок.

Лес умиротворённо шевелил густой листвой.

Хель подошёл к коню и погладил его по шее.

— Что ж, охота была удачной...

Вернувшись к реке, он увидел, что вокруг Человека-Медведя сгрудились воины.

— Этот амулет достался мне от моей матери, — рассказывал Артур. — Женская фигурка из каменного дерева. Не знаю, кто и когда вырезал её, но однажды Мерддин сказал мне, чтобы я никогда не расставался с этим амулетом, поэтому он всегда висит у меня под рубахой. И вот стрела попала прямо в фигурку.

— Надо же! — удивлялся один.

— Красивая вещица, — восхищался другой, разглядывая небольшую деревянную фигурку.

За гулом голосов не все заметили приближение Эктора. Он спрыгнул с коня.

— Эктор? Ты жив? — заметил его Огвэн.

— Я в полном порядке. Много наших убито?

— Двое. Трех тяжело ранило. Засаду устроила Волчья Стая. Только Мордред опять улизнул.

— Не улизнул, — ответил Хель и бросил к ногам Артура отрезанную голову Мордреда.

На несколько мгновений повисла абсолютная тишина. Даже птицы, казалось, замолкли. Артур поднялся. Убитый конь придавил ему ногу, и Человек-Медведь прихрамывал.

— Вот и всё. — Артур пнул ногой голову Мордреда. Испачканное кровью лицо предводителя Волчьей Стаи несколько раз ткнулось открытым ртом в землю, будто Мордред хотел вгрызться в неё. — Этот злодей принёс людям много горя... Ты знаешь, что он украл священную чашу Круглого Стола? Мы пили из неё кровь жертвенной белой лошади.

— Больше он ничего не украдёт, — сказал Эктор.

— Да, но теперь мы никогда не узнаем, куда он спрятал священную чашу, — с сожалением покачал головой Артур. — Впрочем, теперь у нас есть другая...

Эктор кивнул и беззаботно сказал:

— Такие вещи всегда легко заменить.

— Ты так полагаешь? — удивился Артур.

— Священные предметы — всего лишь игрушки.

— Не слишком ли ты легко относишься к этому? — сурово спросил Артур и покосился на стоявших вокруг воинов.

— Я видел, как толпы людей фанатично рвались к золотым храмам, чтобы поклониться там идолам, а позже те же люди с прежней фанатичностью разрушали свои золотые храмы, потому что им внушили, что в тех храмах живёт зло. Человек — это сосуд, который можно наполнить чем угодно. Ему можно навязать любую глупость, — ответил Эктор.

Артур не ответил. Он лишь махнул рукой, приказывая всем сесть в седло и возвращаться в крепость. Гварды неторопливо поехали прочь, оставив для Артура лошадь.

— Трудно разговаривать с тобой, — признался он, оставшись наедине с Хелем.

— Я видел так много, что это не влезет в тысячи жизней. Я умею много больше Мерддина. Но Мерддин служит, а я живу независимо.

Мерддин — раб своей идеи. Впрочем, может, и я раб своей убеждённости?

— Все мы являемся рабами своей судьбы, — с нескрываемой печалью произнёс Артур.

— Почему бы не сбросить с себя цепи этого рабства? — Эктор задорно засмеялся.

Артур долго смотрел на собеседника, не произнося ни слова, затем сделал несколько шагов и остановился над головой Мордредра. Он стоял спиной к Хелю и молчал.

— Иногда ты произносишь слова, которые рождают в моём сердце тревогу, — проговорил Человек-Медведь, не глядя на собеседника. — Ты знаешь так много, что я не представляю, что думать о тебе. Я никогда не спрашивал Мерддина, почему одним людям дано быть носителями знаний, а другим не дано. Не спрашивал, каким образом Мерддин стал тем, кем он стал. Не спрашиваю о том и тебя, Эктор. Мой разум не охватит и сотой доли того, что знаешь ты.

— Ты умеешь достаточно для себя, Человек-Медведь, достаточно для того, чтобы быть великим вледигом и успешно править страной.

— Успешно править? Как? Мерддин убеждает меня принять христианство. Я не хочу, но я согласился. Останусь ли я после этого самим собой?

— Впусти новую религию в свою жизнь, Человек-Медведь, — без нажима сказал Ван Хель. — Не опасайся ничего.

— Но я не верю в Христа!

— Это не имеет значения, — ответил Хель. — Разве ты по-настоящему веришь в Матерь Богов? Или ты веришь в существование Морриген? Разве ты когда-нибудь видел их? В чём заключается твоя вера?

— Не обязательно видеть, чтобы верить. Я всегда поклонялся богам нашей земли.

— В чём заключается твоя вера, Артур? — настойчиво повторил свой вопрос Хель. — В том ли, что ты мажешь лицо кровью поверженного врага, как того велит богиня смерти? В том ли, что ты поёшь нужную песню в нужный день? Имена богов легко меняются, Человек-Медведь. Скоро в храмах, где поклоняются Матери Богов, будут воспевать божество по имени Богоматерь. Ещё её называют Девой Марией... Во что ты веришь? В имена или в божественную суть тех, кто заставляет бежать кровь в наших жилах, кто раздувает ветры над просторами земли

и поднимает волны над морской грудью, кто вселяет жар в пламя костра, кто наделят тонкие стебельки травы такой силой, что они способны пробиться сквозь скалу? В именах ли дело? Ты веришь в Бога, в его вездесущность, в его способность быть всюду и всегда. А как называется это «всюду и всегда» — в том ли вопрос?

— Мне нелегко понимать тебя, Эктор, — признался Артур после долгого молчания. — Мерддин рассуждает понятнее.

— Важны дела человеческие, а не зная, под которым они свершаются. Кого интересуется зная, того не волнуют дела, — подвёл черту Хель.

Артур вздохнул и направился к лошади.

— Сегодня тебя будут чествовать. Ты справился с Мордредом, — сказал он.

— Победу будет праздновать Круглый Стол, — улыбнулся в ответ Хель. — А я — лишь один из его воинов...

Вернувшись в крепость, Артур в первую очередь пошёл в покои Гвиневеры.

— Твой обидчик мёртв, — сообщил жене Человек-Медведь. — Мордред устроил засаду, поджидал нас, осыпал стрелами. Одна из них ударила меня в грудь, но мне повезло.

— Я слышала о случившемся. Христос спас тебя, — сказала Гвиневера.

[1] А р м о р и к а — Северная Франция, позже получившая название Бретань.

[2] «Быстро Хоель отовсюду собрал упорных в сражение воинов, мощных мужей, и много тысяч привёл их к нам и врагов разгромил, нападая в союзе с Артуром... С этим союзником Артур позабыл страх и отважен стал пред толпою врагов. А победив пришельцев, он в королевстве своём учредил закон и порядок» (Гальфрид Манмутский «Жизнь Мерлина»).

[3] С и к а р и и (лат. *sicarii* — кинжальщики, от *sica* — кинжал) — представители радикального крыла религиозно-политического течения zelотов (ревнителей). Выражали интересы наиболее обездоленных социальных слоёв, выступали против римского владычества и против господствующих классов Иудеи. Проводили массовое уничтожение долговых документов, освобождали рабов, убивали представителей римской власти, побуждали к восстанию.

[4] Матфей, 10, 34.

[5] С в я т о й Г е р м а н (ок. 378—446). В Британию приезжал дважды (в 428 и 446 годах) для искоренения пелагианской ереси и торжества ортодоксального католицизма.

[6] П е л а г и а н с к а я е р е с ь — учение, получившее название по имени монаха Пелагия (ок. 360—422) и широко распространившееся в Британии. Пелагианство было осуждено в 431 году на Эфесском церковном соборе.

[7] О г в э н — (валл.) белый след.

Война

Осень 1096 года

Отряд графа де Парси остановился лагерем у стен Сен-Пуана, когда день уже клонился к закату. К городу со всех сторон стекались люди, скрипели телеги, мычала скотина. Отдельные группы людей несли знамёна с вышитыми на них уродливыми физиономиями.

— Похоже, тут празднуют что-то, — сказал граф. — Мессеры, мы должны хорошенько отдохнуть в Сен-Пуане.

Де Парси решительно пустил своего коня рысью, направляясь к городским воротам. Бароны последовали за ним. Мост надо рвом был чуть приподнят, чтобы не допустить проезда каких бы то ни было повозок. Стоявший на его краю стражник с алебардой властным жестом остановил важную кавалькаду.

— Сегодня в город можно только пешком! — сочным басом сообщил он.

— Пешком?! — оторопел граф. — Да ведомо ли тебе, кто перед тобой?

Стражник виновато пожал плечами. Сзади к нему подошло ещё несколько дозорных.

— Пусть ваша милость не изволит гневаться, потому как сегодня у нас благородные господа наравне с простым народом! — задорно выкрикнул кто-то из стражников.

— Его светлость граф Робер де Парси не должен идти пешком, — подал голос один из баронов, выезжая вперёд.

Стражники с пониманием кивнули, но развели руками. Они даже не посмотрели на красочные знамёна с родовыми гербами, плескавшимися над головами знатных особ.

— Да будет известно вашей светлости, что сегодня в Сен-Пуане проходит маскарад! — торжественно доложил кто-то из стражников. Всем заправляет аббат Монтьё!

— Аббат Монтьё? — удивился стоявший рядом с графом епископ. — Никогда не слышал о нём.

— Ха-ха-ха! — добродушно рассмеялись стражники.

Из-за городских стен доносились звуки флейт, стук барабанов и бубнов, звон колокольчиков, шум трещоток. Мимо всадников, бесцеремонно расталкивая их коней, пробежали, приплясывая и звеня бубенцами, люди в масках — женщины и мужчины.

— Кто такой аббат Монтьё? — спросил граф, заметно раздражаясь столь негостеприимным приёмом.

— Самый известный здешний шут, возглавляющий Весёлую Шайку, — ответил ближайший стражник.

— Что за Весёлая Шайка такая?

— Да вы ничего не знаете, судари! Видать, вы никогда не бывали в наших краях. Согласно закону Сен-Пуана, раз в году город переходит во власть шутов. Шуты становятся главными у нас. Они могут судить даже вас, мессеры, если узнают, что за вами водится какой-нибудь грешок. А за кем из господ нет грехов? Так что можете войти в ворота, если не боитесь быть приговорёнными к повешению или четвертованию.

— Что за чушь! — возмутился де Парси.

— Можете нацепить маску, чтобы никто не узнал вас, господа, — предложил стражник.

— Возвращаемся в лагерь! — прорычал граф. — Никто ещё не позволял себе ничего подобного!

Он злобно пришпорил коня и помчался к белеющим палаткам своего обоза. Свита, гремя копытами, поскакала за ним.

Только Ван Хель спрыгнул со своего коня.

— Кто может присмотреть за ним, приятель? — спросил он у стражника, поглаживая коня по шее.

— Если вернётесь до захода солнца, то я приглажу за вашим красавцем. Позже нас сменят.

— Я успею, — заверил Ван Хель. — За усердие получишь звонкую монету.

Он спокойно перешёл мост и вошёл в ворота, тут же погрузившись в карнавальный шум.

— Значит, у вас тут маскарад? — заговорил он с хозяином хлебной лавки.

— Да, аббат Монтьё готовится к судилищу. Вот уж позабавимся. Наступает самое интересное время. Поглядим, какое из шутовских объединений победит на состязаниях.

— У вас что, шуты имеют свои объединения? — удивился Ван Хель.

— Да, братства шутов.

— Никогда не слышал про такие, — признался Ван Хель.

— В нашем городе, — принялся растолковывать лавочник, — шуты объединяются в корпорации, как и ремесленники. Ты же знаешь, что всякая деятельность должна быть упорядочена.

— Не понимаю, зачем им объединяться в какие-то группы.

— Потому что высказывание собственного мнения может происходить только в рамках профессиональных союзов. Таковы строгие правила нашего города.

— А если я пожелаю выразить собственное недовольство чем-то, неужто мне посмеют заткнуть рот? — не поверил Хель.

— Видать, ты приехал издалека, коли задаёшь такие вопросы, сударь... Что ж, отвечу тебе, раз ты хочешь знать. Да, ты можешь сказать всё, что ты думаешь, но не на общественных собраниях. В собрании и на площади право голоса принадлежит только представителю профессионального объединения, будь то сапожник, ткач, цирюльник — любой. Шуты, если им угодно смеяться и показывать фокусы в одиночку, имеют на это право. Однако ни один из них не посмеет высмеять никого из наших градоначальников и тем более потребовать от них держать ответ перед простыми людьми. Но в маскарадную неделю аббат Монтьё не только позволяет себе всякие шалости со своими шутами, но и устраивает трибунал, где вершит суд над господами... Некоторых он приговаривает к тюремному заключению, некоторых — к обезглавливанию или к повешению. Народ ликует и хохочет.

— И что? Казнят? — удивился Ван Хель.

— Нет. Это ведь шутка. Кто же позволит нам отрубить голову барону, опозорившему крестьянскую девушку? Но всё-таки в глазах простых людей — это своего рода правосудие, пусть шуточное, но всё-таки правосудие. Аббат высмеивает всех.

— Забавно у вас.

— Некоторые мессеры, зная за собой немало грехов, стараются покинуть город на эти дни, но большинство всё же остаётся, потому как много всякого развлечения у нас в маскарадную неделю.

— Да уж...

— Знаете, сударь, к нам даже Тюрлюпены^[1] из Парижа приезжают, чтобы показать своё умение зубоскалить. Правда, за право надевать

маску в такие дни следует заплатить в городскую казну. Но разве кто-нибудь против? Столько подлинного веселья! Какие возможности посмеяться в глаза над ненавистными господами... Гляньте, а вот и аббат Монтьё!

На площадь вкатил повозка, на которой стоял мужчина в митре, с крестом на груди, в чёрной длинноносой маске, закрывающей верхнюю половину лица. Он сыпал направо и налево злыми шутками, декламировал сатирические стихи, хохотал и, неистово извиваясь всем телом, был похож на безумца, нуждавшегося в том, чтобы его связали сию же минуту. Толпа отвечала «аббату» дружным рёвом, воодушевляя его на новые шутки.

Из городской магистратуры шли, облачённые в свои лучшие одежды, чиновники, а вокруг них плясали, бешено задирая ноги и вертя руками, вертявые человечки с размалёванными лицами и в разноцветных клоунских колпаках. Магистраты широко улыбались плясунам, из всех сил стараясь выглядеть добродушными и раскованными, хотя им было не по себе — боялись колкостей господина Монтьё. Они с поклоном остановились перед шутком, и длинноноса маска устрашающе кивнула. Ван Хель не слышал, о чём они беседовали, но вскоре магистраты удовлетворённо засеменили обратно.

За пару часов, проведённых на маскараде, Хель успел убедиться в том, что шутники из Шайки аббата Монтьё выставляли в смешном виде всех подряд, а не только дворянство и духовенство, доставалось и простым горожанам. Тут и там на площадях на деревянные помосты взбирались облачённые в маски «следователи» и рассказывали собравшейся толпе о скандалах, злоупотреблениях, воровстве и глупостях, имевших место за последний год. «Следователям» можно было передать любые материалы и жалобы. Хель обратил внимание и на то, что каждый «следователь» занимался своими вопросами: один высмеивал глупость, другой — жадность, третий — зависть, четвёртый — супружеские раздоры и так далее. Из-за этого толпа собиралась по интересам и живо обсуждала всё, что слышала.

Когда стало смеркаться, Хель вернулся к воротам, чтобы забрать у стражника своего коня. Он едва успел сесть в седло, как кто-то из стоявших у ворот указал рукой вдаль.

— Что за толпа, братцы?

На горизонте густо темнела человеческая масса, ошетилившаяся

копьями и вилами.

— Поднимайте мост! — скомандовал командир стражников.

Хель тут же поскакал в лагерь Робера де Парси.

— Милорды! — крикнул он, осадив коня возле шатра графа. — Похоже, назревает заварушка. Сюда идёт вооружённый отряд.

— Что у них на знамёнах? — вышел из шатра барон де Белен.

— Я видел только кресты.

— Кресты? Уж не рыцари ли крестового похода?

— Всё может быть, мессир, — ответил Ван Хель. — Я разглядел копья и вилы.

— Вилы? Нет, это не рыцари.

— А гербы? Какие гербы?

— Никаких, мессир.

— Сюда едут не благородные воины, а вонючие мужики?! — Лицо графа тут же налилось воинственной свирепостью. — Может, какие-нибудь бунтари? Судари, возьмёмся же за оружие! Разгоним их, как бездомных псов!

Рыцари поспешно разошлись по палаткам, созывая своих оруженосцев.

Пока они облачались в доспехи, Хель внимательно смотрел на катившуюся, как чёрная волна, вооружённую толпу человек в пятьсот. Это была именно толпа, а не организованная сила. Люди были одеты кто как, никакого даже отдалённого подобия формы не наблюдалось; единственное, что было общим в их одежде, это нашитый на грудь белый или красный крест. Многие несли копья, некоторые держали щиты, большинство же вооружилось вилами. Они нестройно завывали какую-то похабную песню. Несколько красных, белых, синих кусков материи, неаккуратно привязанных к кривым жердям, плескались на ветру, красуясь нашитыми на них крестами. С первого взгляда было ясно, что это не солдаты, а просто сброд, во главе которого ехал на исхудавшем муле монах, угрожающе выставив перед собой деревянное распятие.

— Хлеба! — закричал монах, остановившись перед раскинувшимся около городской стены деревней. — Именем Господа нашего Иисуса Христа приказываю вам накормить святую армию! — Поскольку никто не ответил ему, так как хозяева ушли на карнавал, монах обернулся к своим крестоносцам и, величественно взмахнув распятием,

выкрикнул: — Братья мои во Христе! Кормитесь всем, что вы найдёте! Набирайтесь сил перед дальней дорогой! Да отпустятся вам ваши грехи, ибо дело ваше свято!

На крепостной стене Сен-Пуана обеспокоено замелькали фигурки. Горожане остановили праздник, услышав о приближении непонятного отряда. Многие поднялись на стену и с тревогой следили за передвижениями людей с крестами на груди, не понимая, что происходит. Когда же тёмная толпа захлестнула ближайшие деревенские дома и послышалось визжание попавших под нож свиней и коров, люди поняли, что началось разграбление. Народ на крепостной стене заметался, все бурно жестикулировали, кричали.

— Отворяйте ворота! — ревели толпившиеся перед поднятым мостом мужики, остервенело размахивая вилами над головами. — Именем Господа нашего Иисуса Христа! Впустите нас по-доброму, не то мы заставим вас. Нам нужен хлеб! Нам нужны женщины!

Соломенная крыша одного из деревенских домов задымилась и вспыхнула.

— Боже, они всё сожгут! — донеслось со стены.

Когда загорелся второй дом, стражники на смотровой башне засуетились. Послышался лязг шестерёнок, и мост медленно стал опускаться. Стоявшая снаружи толпа одобрительно заревела и приготовилась уже прыгнуть на мост, едва он опустится достаточно низко, но им навстречу вылетели, тяжело ударя копытами, кони с сидевшими на них рыцарями. Отряд сверкал шлемами и обнажёнными мечами. Всадников насчитывалось не более тридцати, но они умело оттеснили толпу, нанося удары направо и налево. С крепостной стены донёсся рёв труб.

— Приказываю вам остановиться! — надсадно вопил монах, руководивший крестоносцами, подняв над головой распятие. — Во имя Гроба Господня, который мы призваны освободить, остановите избиение армии Христовой!

Рыцари заставили отступить толпу и выстроились в шеренгу.

— Сатанинские выродки! — исходя слюной, вопила толпа, выставив перед собой копыта и вилы. — Будьте прокляты вы и ваши дети! Бесовские отродья!

Командир рыцарей взмахнул рукой.

— Убирайтесь прочь, бродяжье племя!

— А ты прогони нас! — слышалось в ответ. — Нас вон сколько, а вас что-то негусто!

Ван Хель с интересом наблюдал за происходящим. К нему подъехал де Белен.

— Ну что там? — спросил барон. — Мы уже почти готовы.

— Это всё-таки крестоносцы, только не рыцари, а самые отбросы. Но ведь на святую землю Палестины хотят попасть все, — сказал Хель. — Похоже, они грабят на своём пути всех подряд.

— Их уже остановили?

— Да, но не думаю, что этот сброд так легко откажется от своих намерений. Вглядитесь в их лица, милорд, они звереют с каждой минутой.

Барон повернул коня и вернулся к графу.

— Ваша светлость, вам не обязательно участвовать в схватке. Там всего лишь изголодавшиеся смерды.

Де Парси недовольно поморщился.

— Какая разница, кто там! Зря я разве нацеплял на себя всё это железо? Пусть не рыцари, а смерды! Я соскучился по крови! Дайте мне растоптать их!

Барон молча поклонился и перевёз взгляд на стоявшего в стороне Ван Хеля.

Протрубил рог, и отряд Робера де Парси, грозно ошестинившись копьями, выехал из лагеря. Могучие боевые лошади мчались, гремя спрятанными под красивыми попонами защитными щитками. Почти двести человек ринулось на растерявшееся крестоносное войско.

— Превратим же их в грязь! — призывал граф из-под опущенного забрала.

Монах с поднятым над головой распятием всё ещё продолжал кричать что-то, а его армия, увидев тяжеловооружённых рыцарей, бросилась наутёк. Лишь некоторые из крестоносцев, охваченные какой-то необъяснимой яростью, стояли на месте, выставив перед собой копья. Рыцари смяли их в считанные мгновения.

Де Парси остановился перед монахом и пророкотал из-под шлема:

— Кто позволил тебе нацепить на себя эту рясу, пёс?

— Именем Господа заклинаю тебя: опусти оружие! — И монах вцепился одной рукой в древко копья, стараясь отвести его от себя.

— Я верен своему правилу, пёс: никогда не останавливаться

на половине пути! — надменно произнёс граф.

— Оставь в покое служителей креста, рыцарь! — Монах казался обезумевшим. — Властью, данной мне свыше, приказываю тебе отступить!

— Что?! — от негодования граф затрясся. — Ты смеешь приказывать мне?! Негодяй! Клянусь пресвятой девой, ты зашёл слишком далеко! Сдохни же, тварь, и пусть Всевышний позаботится о тебе на небесах, если ты дорог Ему!

Робер де Парси почти торжественно вонзил копьё в монашескую грудь.

Подоспевший к месту побоища епископ Бернард мрачно обвёл сощуренными глазами пространство, усеянное трупами.

— Ваша светлость слишком усердствует, — произнёс он. — Всё-таки это не язычники и не еретики. Они шли отвоёвывать Гроб Господень по призыву Папы.

— Мне нужно было выместить на ком-нибудь раздражение, — прогудел граф из-под забрала. — Надеюсь, ваше святейшество отпустит мне мои грехи.

Епископ поспешно перекрестил графа.

— Христос с вами, милорд.

Рыцари, приехавшие из крепости, остановились перед Робером де Парси.

— Позвольте выразить вам благодарность, граф. Вы оказали городу неоценимую услугу, — учтиво произнёс один из них, снимая шлем и встряхивая вспотевшей головой.

— Надеюсь, благодарные горожане позволят теперь мне и моим баронам въехать в ворота? — ворчливо сказал граф.

— Думаю, мы сможем решить этот вопрос положительно, несмотря на устоявшиеся правила карнавала.

— В таком случае, я буду ждать у себя в шатре, — ответил де Парси и повернул своего скакуна.

Под плещущимися на ветру знамёнами его отряд удалился.

Ван Хель не принимал участия в той схватке, он наблюдал за ней со стороны. Проезжая мимо него, де Парси придержал коня и спросил:

— Вам, сударь, показалось, что ваш меч не достоин замараться кровью черни?

— Я был абсолютно уверен, что ваша светлость справится с этой

рванью в одиночку. Было достаточно одного вашего грозного вида, мессир.

Граф поднял забрало и хищными глазами впился в Хеля.

— Скоро к нам приедут с приглашением от магистратов, сударь. Не соизволите ли сопровождать меня в город? Сен-Пуан желает отблагодарить нас.

Хель поклонился.

Следом за отрядом графа он въехал в лагерь.

— Толстяк! Где ты? — позвал Хель. — Собирайся, у тебя есть возможность сытно поужинать.

Шарль боязливо высунулся из повозки.

— Война закончилась?

— По крайней мере, оружие сейчас не звенит.

— Это обнадеживает. Кажется, ты говорил про ужин?

— А разве у тебя не пропал от страха аппетит?

— Что ты, мой друг. Когда я нервничаю, голод одолевает меня с удвоенной силой... Похоже, надвигается дождь. — Шарль Толстяк указал глазами на закат. Солнце почти скрылось, а по небу тянулись плотные чёрные тучи. — Настроение природы вполне соответствует мрачной картине побоища. Как ты думаешь, эти бродяги, нагруженные копьями, вилами и ножами, не надумают вернуться сюда?

Ван Хель посмотрел в наползающую мглу.

Уже в полной темноте прискакали, держа в руках факелы, всадники с приглашением графу и его свите. А когда гости въехали в городские ворота, сверкнула первая молния. Последовавший за ней гром, перекашиваясь по небу, никак не желая смолкнуть. Затем молнии полоснули со всех сторон, и, едва гости вошли в зал, где накрывались столы, на улице хлынул дождь.

Зал освещался восковыми свечами в железных бра, вделанных в стены, и канделябрами, расставленными на столе. С потолка свисали две люстры в виде деревянных перекладин.

— Как славно, что мы не мокнем в наших походных шатрах, — потирая руки, поёжился Толстяк.

Он бесцеремонно потянул носом, учуяв запах жареной свинины.

Ван Хель оглядел помещение. У задней стены стояли дрессуары[2], на полках которых сияли золотом кубки и тарелки. Вдоль стен тянулись сундуки, служившие одновременно скамьями, поверх них лежали

разноцветные подушки. Слуги разносили подносы с овощами и фруктами.

За столом шёл разговор о крестоносцах.

— До нас уже долетали слухи, — говорил мужчина преклонных лет, — что первыми в Иерусалим бросились простолюдины. Даже беглые рабы присоединяются к ним, украв где-нибудь белую мантию с красным крестом. А чего им бояться? Монахи охотно прячут этих мерзавцев, ибо сам Папа обещал отпущение любых грехов участникам крестового похода: чего ж теперь страшиться смердам, удравшим от господина?

— Тяжёлой руки господина! — рявкнул де Белен.

— Настоящей армии Христовой ещё нет, — насупившись, вступил в беседу высокий человек с измождённым лицом. — Кое-кто из рыцарей уже, конечно, пустился в путь, но в основном на юг идёт всякое отребье. Сегодня к стенам Сен-Пуана пришло несколько сотен голодных бродяг, а завтра-послезавтра здесь будут уже тысячи. Они растопчут всё на своём пути. Они получили хороший повод для грабежа. Сколько разбойников уже рыщет по окрестностям, называя себя крестоносцами! Вы слышали про альмогаваров?

— Нет, сударь, — покачал головой граф де Парси и жадно припал к серебряному кубку, украшенному полудрагоценными камнями. — Кто они?

— Здесь, на юге Франции, это самые ловкие и беспощадные разбойники. Этих людей кормит только их оружие. Они живут не в городах и деревнях, а в лесах и горах. Они ведут постоянную войну против сарацин, проникают в их землю на один или два дневных перехода, грабят, захватывают добычу, приводят с собой много пленников. Очень сильные, стремительные, подвижные люди, лёгкие на подъём и скорые на преследование.

— Почему никто из баронов не нанимает их для войны? — поинтересовался Ван Хель.

— Нанимают. Многие обращаются к альмогаварам за помощью, и они охотно продают своё умение убивать. Но когда они выходят из-под контроля военачальников, то превращаются в самую страшную разрушительную силу[3]. В прошлом году был уничтожен замок барона де Ла Роша, который нанял альмогаваров для своих нужд. Они отблагодарили его убийством всей его семьи и челяди. Так что на вашем пути могут встретиться не только буйные толпы смердов,

но и профессиональные вояки.

— Нам вполне по силам дать им отпор, — самоуверенно заявил Робер де Парси. — А мой хронист, — граф указал рукой на Шарля Толстяка, — составит об этой битве чудесную историю. Он напишет десятки томов о моём походе!

Хозяин замка благосклонно посмотрел на Толстяка.

— Позвольте поднять бокал за тех, кто вписывает наши имена в историю! — негромко произнёс он. — Мне удалось собрать хорошую библиотеку, сударь. Хотите взглянуть на мои книги?

— Книги? Вы сказали, что у вас есть книги, мессир? — оживился Шарль.

— Он обожает книги, — засмеялся Робер де Парси. — Впрочем, куда больше он обожает жрать.

Хозяин похлопал в ладоши, и возле него появился слуга.

— Проводи этого господина в мою комнату и не мешай ему. Пусть он займёт себя книгами.

Шарль промокнул рукавом жир на губах и раскланялся.

Слуга провёл его сквозь просторную гардеробную, где вдоль стен стояли сундуки с бельём, летней и зимней одеждой и доспехами хозяина. Затем они остановились в небольшом кабинете. На этажерках поблёскивали толстые переплёты громоздких книг. Слуга оставил свечи и скрылся. За окнами шумел дождь.

Шарль доставал то одну, то другую книгу, с жадностью переворачивая страницы и вчитываясь в чернильные слова с такой пристальностью, будто каждая буква открывала для него дверь в иные миры. Ему хотелось заглянуть сразу во все эти двери, он потел от нетерпения, пыхтел, проговаривал некоторые строки вслух. Наконец он почувствовал себя обессиленным, погна за содержанием сразу всех сочинений изнурила его. Толстяк откинулся на резную спинку высокого стула, поставил ноги на изящную лавочку для ног, накрытую мягкой подушкой, и закрыл глаза.

— Господи, какое счастье, что ты сотворил нам, грешным, возможность радоваться книгам! — пробормотал он.

Несколько минут он сидел, погружившись в блаженство. Когда же открыл глаза, то увидел перед собой женщину за столом. Это было совсем иное помещение.

При свете тусклой лампы, внутри которой подрагивал жёлтый язычок

пламени, она, торопливо окуная стальное перо в чернильницу, писала письмо, бормоча слова себе под нос. Она торопилась, словно боялась потерять мысль. И всё же, несмотря на спешку, писала аккуратно, точно, без исправлений, как будто кто-то невидимый нащёпывал слова ей на ухо. Шарль приблизился и через плечо женщины заглянул в бумагу. Он не знал языка, не узнавал букв, синим следом ложившихся на бумагу, но, к своему изумлению, обнаружил, что ему понятно всё написанное.

«Я всё время, всё время об этом думаю, и вот, наконец, решила написать Вам всю правду, ничего не скрывая. Я открою Вам весь свой внутренний мир: свою душу, своё сердце, свой ум — и будь что будет! Если Вы поймёте меня — слава Богу, значит, судьба благоволит мне; если же нет, если Вы рассердитесь, это меня глубоко опечалит и беспокоит... Ты и дядя, по доброте души и родственному пожеланию, желаете два экземпляра моей книги. Первый том „Против положительной науки“, так сказать *science exacte* (точной науки), конечно, тебя будет интересовать в высшей степени. Но я боюсь за второй том — „Против теологии (богословия сиречь) и за Религию“. Я знаю, какой ты искренно религиозный человек. Какая у тебя святая, чистая вера; и вся надежда моя на то, что ты поймёшь, что не против религии, не против Христа направлена моя книга, а против гнусного лицемерия тех, кто во имя величайшего Сына Божия, с той самой минуты, как Он умер на кресте за всё человечество, и в особенности за греховных павших людей, за язычников, павших женщин и заблудшую братию, — режут, жгут, убивают во имя Его! Где правда? Где её искать? В трёх громадных христианских так называемых Церквях? В Англии, Германии и других протестантских странах насчитывается двести тридцать две секты, в Америке — сто семьдесят шесть сект. Всякая требует уважения и признания того, что её доктрины и догматы верные, а догматы соседа — враньё. „Где Истина, что она такое?“ — спрашивал Пилат у Христа 1877 лет тому назад. Где она? — спрашиваю аз грешная. И нигде не нахожу я её, а всюду обман, подлог, зверства — печальное наследие Иудейской Библии, которое обременяет христиан и из-за которого половина христианского мира буквально задушила даже учения самого Христа. Пойми меня; я не говорю о нашем русском Православии. О нём в книге ни слова. Я раз и навсегда отказалась от попыток анализировать его, паче чаяния желаю сохранить хоть один уголок в сердце, куда бы не заползло сомнение, которое я отгоняю

всеми силами. Православный народ искренен, его вера пусть будет слепая, неразумная, но эта вера ведёт к добру народ; и пусть наши батюшки — пьяницы и воры, подчас и дураки, да народная вера чиста и кроме добра ни к чему не может повести. Учитель признает это; Он говорит, что единственный народ в мире, у которого вера не спекуляция, — это православный народ. О высших наших классах — ну их к чёрту. Такие же лицемеры, как и всюду; не верят ни в Бога, ни в чёрта, набрались нигилистических идей да и материализуют всё на свете[4]...»

Толстяк попятился, споткнулся о лавочку для ног и опрокинулся. Рухнув на спину, он увлёк за собой тяжёлый стул и больно ушибся. Сидевшая за столом женщина даже не обернулась.

— Её здесь нет! Я тут один! — шёпотом объяснял себе Толстяк. — Это всё снится мне, я сплю, крепко сплю... Ничего этого не может быть!

Но он не убедил себя и, поднявшись, почти бегом кинулся прочь из кабинета.

— Не верят ни в Бога, ни в чёрта, — донёсся из кабинета хрипловатый женский голос.

Шарль быстрым шагом, путаясь в длинной своей монашеской одежде, шагал по коридору, испуганно оглядываясь. Затем он остановился, почувствовал слабость, ноги подкосились. Он тяжело оплыл на пол и стукнулся затылком о стену. Голова его безвольно свесилась на грудь.

Он не помнил, сколько просидел так, но когда пришёл в себя, то вокруг царил тишина. Только со стороны зала доносились звуки нехитрой музыки, звенели бубенцы, слышался пьяный смех. Шарль поднялся с трудом и, осеняя себя крестным знамением, поспешил вперевалку в полный людей и хорошо освещённый зал.

— Здесь живут призраки, — прошептал он на ухо Ван Хелю. — Я видел... И я хотел бы поскорее убраться из этого замка.

— Выпей вина, мой друг, — улыбнулся Хель.

Шарль не стал упираться и влил в себя подряд три кубка.

— Тебе, конечно, лучше? — спросил Хель. — А теперь возьми вон ту баранью ногу. И забудь о привидениях. Нам, простым людям, всё равно не понять, что это такое...

Отряд графа ещё не успел выехать из леса, как появились посланные вперёд дозорные, размахивая руками.

— Там опять крестоносцы! Опять толпа смердов!

— Опять эти босоногие дети свинопасов? — оскалился Робер де Парси. — Они что, у нас на пути?

— Они осаждают замок, ваша светлость!

— Впереди есть замок?

— Манора[5], милорд. Похоже, они хотят подпалить её.

— К оружию! — крикнул де Парси. — Нет времени облачаться в доспехи, мессирь!

Они ринулись вперёд и увидели впереди двухэтажный каменный дом, обнесённый рвом. Вокруг бушевала толпа. В тусклых солнечных лучах вспыхивали топоры, ножи, копья и вилы. По всему полю перед манорой лежало с десятков трупов, на которых была видна кольчуга. Несколько человек в монашеских одеждах возились возле костра, поджигая длинные палки, обмотанные тряпками, — судя по всему, намеревались метать их в окна маноры.

Осаждавшие не ждали удара сзади. Оглушённые своими криками, они даже не услышали топота коней и только тогда поняли, что происходит, когда первые два десятка их товарищей рухнули на землю, обливаясь кровью. Рыцари не знали пощады.

— Уничтожьте этих собак! Растопчите их всех до единого! — выпучив глаза, ревел де Парси.

В считанные минуты всё было кончено.

— Слава пречистой Деве! Вы опять одержали лёгкую победу, граф! — воскликнул епископ, разглядывая корчившихся на земле разбойников.

Из ворот маноры выехал рыцарь. Он не был закрыт доспехами, только стёганая поддёвка, порванная на груди и пропитавшаяся кровью, была на нём.

— Наш господин барон Оливье де Эно выражает вам глубочайшую благодарность! — учтиво поклонившись, произнёс он. Он был смертельно бледен, рана отняла у него немало сил. Но он держался прямо.

— Значит, эта манора принадлежит мессирю де Эно?

— Именно так, ваша светлость, — ответил рыцарь. — Мой господин нижайше просит вас не отказать ему в гостеприимстве. Сам он, увы,

получил ранение в ногу и не в состоянии выйти вам навстречу.

— Что ж, мы с удовольствием примем его приглашение.

— К сожалению, весь дом пропах гарью, — рыцарь мотнул головой в сторону сожжённых крестьянских хижин, — поэтому застолье не получится изысканным. От имени моего господина я заранее приношу извинения вашей светлости.

— Война придаёт всему свой запах, — ответил де Парси и мрачно улыбнулся.

— Это даже не война, — печально отозвался рыцарь. — Сброд безумных мерзавцев схватился за вилы. Смерды...

— Приходится констатировать, что и чернь может стать грозной силой, — включился в разговор барон де Белен. — Не подоспей мы, вскоре здесь горели бы не только деревенские дома, но и ваше укрытие.

— Да, натиск был ужасен.

— Мы видели такое же нашествие у стен Сен-Пуана.

— Не понимаю, откуда они взялись, — вздохнул рыцарь. — У многих на груди нашиты кресты.

— Крестоносцы. Начало великого похода в Иерусалим. Папа призвал всех, а первыми, как водится, откликаются те, у кого ничего нет. Эту мразь ничто не удерживает. Они двинулись в поход, не обзаведясь даже оружием, похватили вилы и топоры, по дороге грабят и убивают всех, не щадя никого, насилуют женщин. Нам довелось видеть уже десятки разорённых селений. Люди озверели. Всюду гниют трупы... Вам повезло, что у нас сильный отряд. А где же ваши люди?

— Часть рыцарей отправилась в Париж, где король собирает армию. Впрочем, здесь никогда не было сильного гарнизона...

Так, обсуждая случившееся, они вошли в дом и сразу погрузились в уютную прохладу каменных сводов.

На первом этаже располагались кухня и небольшой зал для приезжих; в каждом углу этого зала были выделены отгороженные пространства, обставленные полками, лавками, переносными стульями. Одни из этих закутков предназначались для аудиенций, другие — для хранения архивов, в третьих вершились судебные дела. Перед камином, над которым нависал огромный вытяжной колпак, украшенный массивным гербовым щитом, на полу валялись куски окровавленных тряпок, набросанная рваная обувь, несколько опрокинутых кубков — здесь, вероятно, ухаживали за ранеными.

Пока рыцари графа де Парси рассёдлывали коней и выставляли пикеты, дабы избежать внезапного нападения какой-нибудь очередной орды, граф с приближёнными поднялся на второй этаж, чтобы поприветствовать хозяина дома. Там находился зал для общих собраний. В западной его части была устроена спальня, отгороженная от общего пространства тяжёлыми гардинами. Обстановку зала составляли скамьи с низкими спинками и массивными подлокотниками, лёгкие передвижные стулья, камышовые циновки и ковры, занавески на окнах и дверях. Большой стол был прикреплён к полу. Возле окон всё ещё стояли вооружённые арбалетами мужчины.

Оливье де Энo сидел в кровати. Ван Хель сразу обратил внимание на его туго перевязанную ногу. Бледность лица барона де Энo говорила о его скверном самочувствии. Возле кровати находились священник и молоденькая девушка, почти совсем девочка. Чуть в стороне блестел в солнечном свете медный таз с окровавленной водой.

— Благодарю вас, мессеры! — Оливье де Энo заставил себя улыбнуться. — Ваше появление было как нельзя более кстати. А я уж решил, что всей моей челяди пора исповедоваться.

— Его светлость граф де Парси всегда счастлив оказать помощь добрым христианам! — воскликнул выступивший вперёд барон де Белен.

Де Энo тяжело кивнул и сделал девушке знак удалиться. Она шустро подхватила таз, бросила в него какую-то тряпку и бесшумно скользнула прочь.

— Сначала этих мерзавцев было мало, не больше двадцати, — устало шевельнул губами де Энo, — и я никак не ожидал от них ничего подобного. Обыкновенные бродяги, вонючие, слюнявые, облепленные мухами. Требовали хлеба и вина. Не просили, а требовали! Угрожали! Я велел им убраться, но они внезапно набросились на меня, стащили меня с коня и едва не разорвали на куски. А потом кто-то взмахнул топотом. Удар пришёлся по ноге... Пусть их души горят в вечном огне! Мои слуги едва успели вызволить меня, как на дороге появилась целая лавина других оборванцев...

— Пресвятая Церковь поднесла нам всем худший из подарков, призвав чернь к священному походу, — произнёс кто-то из-за спины графа де Парси.

Оливье де Энo слабо отмахнулся от этих слов.

— Сейчас я распоряжусь, чтобы накрыли стол, — сказал он. — Нет

ничего лучше шумного застолья, чтобы забыть о неприятностях... Вы, надеюсь, погостите в моём доме?

— Разумеется, — кивнул граф. — Мы слышали, что в здешних горах есть пещеры, где живут отшельники. Далеко ли это?

— Пещеры? Да, я слышал про них. — Де Эно, приподнялся на локтях и скривился от боли. — Отшельники... Там живут отшельники...

— Христиане? Язычники?

— Толком никто не знает. Зачем вам они?

— Я ищу магическую чашу, исцеляющую от недугов. Барон Фродоар видел её, держал её в руках. Но он был болен и не смог точно описать местность. Единственное, что он запомнил наверняка, это храм в пещере.

— Храм в пещере? Нет, не слышал, не знаю... У меня есть шут, который, возможно, подскажет вам...

— Шут?

— Он обожает конные прогулки, знает все тропинки вокруг, каждый кустик. Если уж он не расскажет вам, господа, о пещерах, то не расскажет никто...

Шут, гремя бубенцами на красно-зелёных рукавах, явился через несколько минут. На бледном лице горели два чёрных глаза. Потупив взор, он выслушал вопрос графа.

— Да будет известно вашей светлости, что живущие в пещерах добрые люди не любят, когда к ним приезжают вооружённые...

— Добрые люди?

— Да, они так называют себя, — кивнул шут. — И так называют их другие.

— Где-то я уже слышал это... Ах да... — Граф недобро ухмыльнулся. — Странствующий монах, которого мы повстречали...

— И которого нам не удалось разговорить, — подсказал барон де Белен.

— Монах из Альби, — вспоминал граф. — Он тоже называл их добрыми людьми... И что же? Далеко ли пещеры? Знаешь ли ты про скрытый в пещерах храм?

— Добрые люди говорят, что каждая пещера для них — храм Господа. Они ведут уединённую жизнь, иногда путешествуют, чтобы проповедовать. Иногда их называют «утешителями», «ткачами», «чистыми», «катарами». Они отреклись от всего и не принадлежат себе.

— Человек всегда кому-то принадлежит.

— Они принадлежать только Церкви Любви, — ответил шут и, стянув с головы жёлтый колпак, быстро-быстро перекрестился. Из-под его рукава потекла кровь.

— Ты ранен?

— Я дрался, чтобы спасти моего господина, ваша светлость. Не успел обработать рану.

— Иди, — велел граф, — я позову тебя позже.

Шут посмотрел на Ольвие де Эно, тот едва заметно кивнул.

— За два дня, если ехать быстро, можно добраться до ближайших пещер, — сказал шут уже из дверей.

Разбойники появились из-за скалы внезапно — пешие, лёгкие, прыткие, облачённые в кожаные гетры, сандалии, кожаные шапки, длинные рубахи, в кожаных и металлических доспехах, с заплечными мешками для провизии, копьями, мечами, луками со стрелами. Их насчитывалось не более двадцати, но они бежали навстречу рыцарям Робера де Парси с такой решимостью, что у Ван Хеля не было сомнений: где-то за камнями скрывались другие.

— Будьте осторожны! — крикнул Хель барону де Белену. — Это альмогавары! Мы попали в западню.

— Но их мало! — возразил де Белен.

— Остальные не заставят себя ждать. Наши повозки слишком неповоротливы для горной дороги. Да и рыцари тяжеловаты для боя на такой местности.

Рыцари, ехавшие в первых рядах, ринулись на альмогаваров, но почти сразу сбились в кучу, мешая друг другу, толкаясь крупами коней. Разбойники же, стремительные и подвижные, прыгали и вертелись между лошадьми, без труда уклоняясь от ударов.

— Вперёд! — кричал граф, выпучив глаза. — Растопчите этих вонючих псов!

В считанные минуты упорядоченное движение обоза смешалось, на склоне горы появились новые разбойники. Подчиняясь умелому командиру, они пустили в рыцарей графа тучу стрел. Альмогавары разили точно, целясь только в людей и оставляя невредимыми коней:

они знали цену богатству — своему и чужому.

— Западня! Это западня! Пресвятая Дева! — раздались голоса оруженосцев.

Ближайшая к Ван Хелю повозка качнулась, перепуганные лошади попятись, колёса съехали с утрамбованной дороги, мелкие камни с шумом посыпались по склону, возница закричал, нахлёстывая лошадей, но они уже не справлялись с тяжестью фургона, который медленно увлекал их за собой в пропасть. Ржание обезумевших животных слилось с треском ломающихся колёс, захрустели оглобли, лопнули ремни, поднялась пыль, и повозка с грохотом покатила вниз.

Альмогаваров оказалось не менее сотни. В открытом бою они не одолели бы отряд графа де Парси, но тут на их стороне были все преимущества, хотя сил явно не хватало, чтобы накрыть весь обоз целиком. Последние всадники успели развернуться и бросились наутёк, понимая, что сопротивляться на узкой горной тропе бессмысленно.

Шарль Толстяк видел со своего коня, как Хель умело отразил нападение нескольких разбойников. Как всегда, Хель дрался легко, словно играючи. На его лице застыла едва уловимая улыбка снисходительности по отношению к разбойникам. Они были умелыми и сильными бойцами, но для Хеля их мастерство не представляло угрозы. Ни один вражеский клинок не коснулся его. И всё же Толстяк следил за схваткой, внутренне сжавшись. Слишком яростно наседали альмогавары, слишком много их было на том конце обоза даже для неуязвимого Хеля. Но не сверкающие мечи и копыта оказались опасны для искусного воина, а обыкновенная случайность...

Два столкнувшихся конных рыцаря опрокинулись навзничь, их тяжеловесные кони — смолянисто-чёрный и белоснежно-белый — перевернулись, забили ногами. Мощные копыта со свистом рассекали воздух, угрожая проломить голову каждому, кто попадёт под них. Рыцари с трудом поднимались на ноги, путаясь в своих плащах, когда в них воткнулись короткие стрелы, пущенные из арбалетов. Опрокинувшиеся кони вспрыгнули, мотая головами и звеня сбруей. Чёрный жеребец шарахнулся в сторону от своего охнувшего хозяина и сбил с ног длинноволосого разбойника. Тот взмахнул рукой и ткнул клинком в шею животного. Конь чёрной тенью взвился над сражавшимися, лягнул кого-то задними ногами, ударил передними, завалился на бок, придавив третьего бойца, вновь поднялся, брызгая

кровью и, перекувыркнувшись, налетел всей массой на Ван Хеля. Хель отпрянул, и в то же мгновение ему в грудь ударила стрела.

Шарль Толстяк вскрикнул и замер, не веря своим глазам.

Бившийся в агонии чёрный жеребец подмял под себя Хеля, и они вдвоём полетели в пропасть.

— Ван Хель! Мой друг! — застонал Шарль, и по его щекам заструились слёзы.

Он неуклюже соскочил на землю и побежал к обрыву, но поднятая пыль и устремившаяся в бездну лавина мелких камней не позволили ему разглядеть ничего.

— Ван Хель! Ван Хель! Как же так?! — всхлипывал Шарль. — Ведь ты говорил, что неуязвим... Как же так...

Проскакавший мимо всадник сильно толкнул Шарля, и Толстяк упал, порезав ладони об острые камни на дороге.

— Ван Хель! Где ты, друг мой?! Погиб! Убит!

— Убит! — эхом откликнулись несколько голосов. — Граф де Парси убит! Солдаты, сюда! Отобьём тело его светлости! Не позволим разбойникам надругаться над благочестивым христианином!

Шарль с трудом поднялся.

— Гибельное место, — прошептал он, стряхивая впившиеся в ладони каменные крошки, — дьявольское место, дьявольское время...

Когда Шарль Толстяк вошёл в покои Изабеллы, её не было. Она не знала о возвращении отряда де Парси в замок, не слышала ничего о побоище на горной дороге, не догадывалась о гибели Ван Хеля.

— Она уехала неделю тому назад, — сказала служанка.

— Далеко ли она направилась?

— Решила навестить семью.

— Что ж она, не слышала о разгроме рыцарей его светлости?

— Гонец прискакал на следующий день, — пояснила служанка, виновато глядя в пол, и едва слышно добавила: — Горе-то какое! Горе!

— Семь дней, как уехала? — переспросил Толстяк.

— Точно так, — кивнула девушка.

Он утомлённо вздохнул и тяжёлыми шагами вышел в тесный коридор.

Вечером Толстяк купил небольшую повозку, запряжённую понурой клячей, и двинулся следом за Изабеллой.

«Как я скажу ей? Сумею ли я? Нет, мой язык не привык сообщать о смерти. Но ведь кто-нибудь должен рассказать ей... Кто-нибудь... А нужно ли? Может, нет никакой надобности? Может, пусть она живёт в мечтах, в ожиданиях? Пусть ждёт Ван Хеля до конца своих дней... Нет, так нельзя. Это не по-христиански. Лучше уж я расскажу о его гибели. Она должна знать. Она забудет, время всех излечивает от любых ран. Пусть Изабелла горько поплачет, но со слезами уйдут страдания... А потом, когда её сердце успокоится, она обратит взор к другим молодым людям, полюбит кого-нибудь, станет женой, родит детишек... Да, так и должно быть... А потери... Что ж, жизнь состоит из потерь и находок. Мы находим гораздо больше, чем теряем. Если бы не так, то жизни просто не было бы...»

Всю дорогу Шарль представлял встречу с Изабеллой, но, когда встреча произошла, он не знал, что сказать...

Он стоял перед девушкой, пытая и шмыгая носом.

— Что случилось, Шарль? — спросила Изабелла.

Он сокрушённо покачал головой.

— Плохие новости...

— Что-нибудь с Ванхелем? — заволновалась девушка. — Говорите же! Чего вы молчите?!

— Ван Хель... Он погиб...

Изабелла не поверила. Толстяк подробно рассказал о нападении альмогаваров, и девушка выслушала монаха молча, ни разу не перебив вопросом.

— Не верю, — сказала она, когда Толстяк замолчал.

— Но я сам видел.

— Не верю... Ванхель не может умереть...

— К сожалению, все мы смертны, дорогая Изабелла. Знаю, что вам нелегко принять мои слова, но то ущелье...

— Не верю!

— Тот обрыв... Изабелла, там невозможно выжить... Бездна...

— Не верю...

— Я сам не верю... Но я же видел, вот этими глазами видел, как мой добрый друг сначала был придавлен конём, затем в него вонзилась стрела, а потом он сорвался в пропасть... Всё это ужасно, дитя моё,

но такова жизнь. Каждый день я молюсь о душе Ван Хеля...

Изабелла покачала головой, повернулась к Шарлю спиной и скрылась за дверью. Толстяк растерянно потоптался перед домом, развёл руками и побрёл вдоль улицы к харчевне, где он снял комнату.

— Разве можно понять женщину? — спрашивал он несколько раз себя, останавливаясь и оглядываясь. — Да, мне тоже жаль, у меня тоже болит душа, однако я принимаю данность. Зачем нелепое упрямство? Или это не упрямство?

Ближе к вечеру он вновь отправился к Изабелле, но никто не отозвался на его стук в дверь. Несколько проشمгнувших мимо людей подозрительно покосились на его потрёпанную монашескую рясу.

— Не мешайте им, святой отец! — рявкнул с противоположной стороны краснолицый мужик с сальными седыми волосами. — У них большое горе!

— Что? — Шарль поправил на животе верёвку, заменявшую ремень.

— Беда случилась. Изабелла скончалась. — Мужик перекрестился. — Упокой Господь её душу.

— Что? — не понял Толстяк. — Вы что-то путаете, любезный.

— Перепутаешь тут! Её принесли домой часа два назад, всю в крови, уже бездыханную.

— Принесли? Не может быть! — Толстяк перекрестился. — Когда? Я же только что разговаривал с ней...

— Это вы путаете, святой отец, — седовласый собеседник Шарля снял с двери навесной замок и принялся разбирать его, усевшись на лавку.

— Ну не только что, конечно, а утром.

— То-то и оно... Утром Изабелла была жива, а теперь её нет. Разбилась.

— Разбилась?

— Бросилась с городской стены.

— С городской стены... — эхом отозвался Шарль.

— Головой вниз, — продолжал рассказывать краснолицый, громыхая железом.

— С городской стены... Она упала? Сорвалась?

— Сама бросилась. Это видели и служанка, и многие, стоявшие рядом. Она выкрикнула какое-то имя, назвала его своей любовью.

— Ах вот оно что...

— А вы чего шлёетесь, святой отец? Чего вынюхиваете? Зачем вы

здесь? — ворчливо спросил краснолицый и отложил замок.

— Я пришёл проведать, хотел поговорить... Я уже был утром...

— Из церкви приходил настоятель и отказался отпевать Изабеллу. Вы тоже будете читать им проповеди о несмываемом грехе самоубийства? — Краснолицый мужик угрожающе поднялся и шагнул к Толстяку.

Шарль испуганно отпрянул и ударился плечом о дверной косяк.

— Она здесь? — спросил он, кивая на дверь.

— А где ж ей быть?

Шарль поспешно толкнул закрипевшую дверь и нырнул внутрь. На лестнице было темно. Со второго этажа доносилось чьё-то бормотанье. Тусклый предвечерний свет едва давал возможность разглядеть ступени.

— Кто там? — появился на втором этаже сутулый человек с коротко остриженными волосами.

— Да хранит вас Господь, — отозвался Шарль.

— Что вам угодно, святой отец? — грубо спросил мужчина, подёргивая небритым лицом.

— Вы отец Изабеллы?

— Да. Чего надо?

— Позвольте я приготовлю вашу дочь к последнему пути.

— Вам известно, что она наложила на себя руки?

— Это был шаг отчаянья, сударь.

Отец Изабеллы перекрестился и всхлипнул.

— Какой ужас, какое горе... и какой позор! — прошептал он.

— Не вините вашу дочь ни в чём.

— Самоубийство! Смертный грех! — Мужчина обеими руками закрыл лицо и закачался.

— Прошу вас, сударь, не надо так.

— Из церкви приходили, — глухо отозвался отец Изабеллы. — Пригрозили, что не будут отпевать её и не позволят похоронить Изабеллу на городском кладбище. Сказали, что не разрешат никому из священников даже прочесть молитву в нашем доме! Как же так! Разве это справедливо? А где же всепрощение? А кто же заступится за мою доченьку, если не Церковь? Почему вы отворачиваетесь от нас в трудную минуту?

— Я не отворачиваюсь, сударь. Как я уже сказал, я здесь, чтобы

подготовить вашу дочь к последнему пути.

— Правда? — Отец Изабеллы быстро спустился по лестнице, громко стуча башмаками по шатким деревянным ступеням. — Но вы... вы и впрямь готовы... отпустить её грехи?

— Не беспокойтесь, сударь, — мягко проговорил Толстяк, — я всё сделаю.

— Сюда, идите сюда... Она здесь... Несчастливая моя красавица... Доченька моя... Как же она могла... Как осмелилась... Ведь ужас-то, ужас... Умоляю, сделайте так, чтобы её приняли. Нельзя, чтобы она маялась на том свете...

— Всё будет хорошо, — забормотал Шарль, невольно проникаясь тревожным волнением поникшего от горя родителя. — Всё будет хорошо...

[1] Т ю р л ю п е н ы (turlupins) — злые шутники. В Средние века во Франции существовало множество различных корпораций шутов. В историю вошли знаменитые парижские Бадены (badins — шутники) и Беззаботные Ребята (Enfants sans souci), в Пуатье пользовалась славой Шайка Аббата Могуверна, в Дижоне — Дети Сумасшедшей Матушки (Mere folle), в Руане — Олухи.

[2] Д р е с у а р ы (dressoirs) — мебель в форме этажерки, полки которой нередко располагались ступеньками; предназначалась для хранения посуды из драгоценных металлов, служившей обычно для украшения интерьера, а не для еды.

[3] Готье Мап в работе «О развлечении придворных» рассказывал об альмогаварах: «Они грабят, всё опустошая, и насилуют, в полный голос крича, подобно безумцу из Писания: „Бога нет!“; это люди вне закона, беглые, лжеклирики... Они размножились сверх всякой меры и настолько усилились, что живут, ничего не страшась, и рыскают, как враги Бога и народа, по провинциям и королевствам».

[4] Е. П. Блаватская. Письма.

[5] М а н о р а (manoir) — небольшой укрепленный дом-усадьба без мощных оборонительных стен и башен.

Мерддин

Май 472 года

Артур, стараясь шагать тише, вошёл в покои Гвиневеры. Его жена лежала на просторной кровати, покрытой прозрачным балдахином. На скамьях сидели три служанки, готовые выполнить любое указание Гвиневеры. Увидев Артура, они проворно поднялись и поклонились вледигу.

— Спит? — одними губами спросил Артур.

Служанки кивнули.

— Нет, я не сплю, — сказала Гвиневера, открыв глаза. Она ждала ребёнка и чувствовала себя не лучшим образом. — Сядь возле меня, государь.

Артур поднял край балдахина и отбросил его, чтобы лучше видеть жену. Взяв её за руку, он улыбнулся.

— Как твоё самочувствие?

— Хорошо... Но всё теперь кажется мне не таким, как прежде. Я чувствую что-то новое... Мир стал другим для меня...

— Из-за ребёнка? — Артур указал глазами на округлившийся живот Гвиневеры.

— Да... Мне трудно объяснить словами... Я уже люблю моего ребёнка, хотя он только зреет в моём теле. Но я уже чувствую его по-настоящему. Чувствую как полноценное живое существо. Я вовсе не мечтаю о нём, не жду его, но живу вместе с ним, разговариваю с ним. И мне кажется иногда, что я слышу его мысли. Может ли такое быть?

— Мне не открыты тайны женской природы. Мужчина многое не способен понять из того, что естественно для женщины.

— Но как может быть, что я люблю существо, которого ещё нет? — изумлённо продолжала Гвиневера. — Ребёнка ещё нет, но любовь к нему уже есть. Значит, наша любовь направлена не к кому-то конкретному?

— Быть может, любовь подобна воздуху? Она просто необходима нам? — спросил Артур.

— Возможно...

— Когда приходит нужда в любовном воздухе, мы начинаем искать этот воздух и легко отыскиваем его. Однако...

— Не говори, государь, об этом. Мне хорошо известны слова, готовые сорваться с твоих губ...

— Я знаю, что ты не любишь меня, — продолжил Артур. — Ты просто честно исполняешь долг жены. Но уже за одно это я благодарен тебе. Ты честна передо мной, верна мне, согласна идти по жизни, взяв меня за руку. Чего ещё могу желать? Твоей любви? Возможно, когда-нибудь и ты полюбишь меня, а пока моей любви сполна хватит на нас двоих.

— Я полна глубочайшего уважения к тебе, государь мой.

— Спасибо и на том, — улыбнулся Артур.

— Не думай, что я не понимаю, каких внутренних сил тебе стоило пойти навстречу моим желаниям. Я понимаю... Сама я не готова была протянуть тебе руку, но ты сделал шаг ко мне... Не один шаг... Ты проделал долгий путь, муж мой. Ты самый благородный из всех известных мне людей.

Артур, нежно поглаживая живот Гвиневеры, ответил:

— Любящий человек не приносит себя в жертву, он просто живёт в любви. Я делаю то, что считаю нужным, а ты делай своё. Теперь, когда ты носишь в себе ребёнка, ты обязана научиться прежде всего думать о нём.

— Так же, как ты думаешь о своём народе, государь?

— Именно. Отныне ты — мать. Твоя забота — потомство.

Артур снял с шеи шнурок, на котором висела деревянная фигурка, спасшая его однажды от удара стрелы.

— Возьми этот амулет. Он всегда охранял меня. Пусть теперь послужит тебе, а после — ребёнку.

— Ты говоришь так, словно прощаешься со мной.

— Прискакал гонец. На восточных границах очень беспокойно. Мне придётся уехать на некоторое время. Грядёт большая война.

— Германцы?

— Да, саксы, алеманы, англ. Огромная армия идёт на нас. Начинаются трудные времена. Я хочу, чтобы ты проводила как можно больше времени с Мерддином.

— Хорошо, государь.

— Сейчас он отправился зачем-то в свою лесную берлогу, и я

не знаю, дождусь ли его возвращения... Мне так нужно поговорить с ним. О многом поговорить...

Мерддин стоял на краю обрыва и смотрел вниз. Лес шевелился, колыхался, перекашивался зелёными волнами, подчиняясь нажиму ветра. Ровный шум листвы нарастал с каждой минутой. Ветви деревьев раскачивались сильнее и сильнее. Ветер усиливался.

Мерддин поднял глаза к небу.

— Я чувствую твоё присутствие, Магистр, — проговорил он.

Постояв некоторое время на обрыве, друид повернулся и неторопливо двинулся к своей лесной хижине. Приблизившись к входу, он опять остановился и обернулся к лесу.

В двух шагах от себя он увидел полупрозрачные очертания человека в длинном одеянии.

— Магистр!

— Брат мой Мерддин! Мы давно не встречались, я пришёл побеседовать с тобой, — проговорила человеческая тень.

— Приветствую тебя, Магистр! Редко выпадает мне счастье беседовать с Хранителем Ключа Знаний.

Очертания человека сделались отчётливее, но, как всегда, лицо Магистра оставалось скрытым под низко нависающим капюшоном.

— Я узнал, что ты общался с Хелем. — Голос Хранителя Ключа Знаний звучал ровно, почти бесстрастно.

— Да, Магистр.

— Тебе следовало доложить о его появлении.

— Да, Магистр. Но Хель сразу раскусил меня. Между нами состоялся открытый разговор. Хель сильнее меня. Я бы не справился с ним. Кроме того, он обещал мне не вмешиваться в дела Коллегии. Он давно не практикует магию, он превратился в воина и жаждал вступить в братство Круглого Стола.

— Не надо об этом, — великодушно махнул рукой Магистр. — Я просмотрел на тонком плане ваш разговор и понимаю, почему ты умолчал о вашей встрече. Не вини себя ни в чём. Приехав в Британию, Хель нам не помешал.

— Да, Магистр.

— Но у меня сложилось впечатление, что ты стал менее искренним в своей миссии.

— Не понимаю тебя, Магистр. Разве я не справляюсь с возложенным на меня поручением?

— Ты долго и преданно служил Коллегии на земле Британии. Тебе удалось сделать гораздо больше, чем я ожидал.

— Почему же ты говоришь, что я стал менее искренним?

— Зерно сомнений пустило корни в тебе. Ты не хочешь признаться в этом себе, но после встречи с Хелем ты потерял былую твердость духа.

— Это не так.

— Ты хочешь поспорить со мной? — удивился Магистр.

— Нет.

— Тогда просто выслушай меня. Ты должен знать истину. Иногда наши братья могут принимать всё на веру, не задаваясь лишними вопросами, но случается, что мне приходится сбрасывать покров с того, что лежит на дне сосудов, откуда истекают наши замыслы. Я пришёл, чтобы поведать тебе об Иисусе, веру в которого мы сейчас распространяем по миру... Ты стал сомневаться, был ли он в действительности.

— Да, я начал сомневаться. Но сомнения мои касаются лишь человека, а не идеи, которую мы несём как знамя.

— Хорошо, что ты произнёс эти слова. Идея важнее всего остального... Ты стал сомневаться, а потому я скажу тебе то, чего не раскрывал никому. Иисуса — того, о котором написано в священных книгах, — не было никогда! Сейчас, заглядывая в прошлое, мы увидим множество крестов, множество распятий, множество замученных до смерти пророков. Но не увидим Иисуса Христа, не увидим того, о ком мы рассказываем. Однако мы понемногу материализуем его. Вскоре он будет жить в действительности. Наши проповеди превращают идею в материю. Пройдёт каких-нибудь сто или двести лет, мы обратим наши взоры к правлению Пилата в Иерусалиме и увидим Иисуса во всей славе его. Те немногие люди, которые обладают даром проникать в прошлое, смогут день за днём проследить его жизнь, смогут прикоснуться к нему, услышать его голос. Иисус будет на самом деле жить в том времени, и земля, по которой он ступал, будет источать тончайшую благодать.

— Мы изменяем время? Переделываем прошлое? — удивился Мерддин. — Я не слышал, что такое возможно, Магистр.

— Об этом знают только маги высшей степени посвящения. Ты ещё далёк от этого. Высшей степени достигают лишь те маги, которые трижды проходят через Тайную Коллегию.

— Реинкарнируются, чтобы снова стать магами? — уточнил Мерддин.

— Именно. Они рождаются и опять попадают в Тайную Коллегию. Их прежние способности сохраняются и преумножаются в очередной жизни. — Магистр замолчал и долго сидел, не произнося ни звука. — Выслушай меня, Мерддин. Я появился здесь, чтобы предложить тебе непростую сделку.

— Слушаю тебя, Магистр. — Глаза друида вперились в важного гостя.

— Твоя судьба была начертана таким образом, что ты должен был довести Артура до самого конца, до его последней битвы. Твоя судьба предполагает очень долгую жизнь. Но я хочу изменить твою судьбу.

— Каким образом?

— Предлагаю тебе уйти из жизни в ближайшее время. Если я проведу тебя через временной узел ближайших двух месяцев, то ты воплотишься в теле человека, которого я взращу собственными руками и сделаю магом. Ты обладаешь редчайшими способностями. Было бы жаль потерять такого служителя. Если ты дашь своё согласие, то я немедленно займусь окончательными расчётами — как и когда лучше организовать твой уход...

Мерддин глубоко вздохнул.

— Опять служить Тайной Коллегии? — переспросил он. — Это заманчиво.

— Но если я ошибусь в составлении твоей линии жизни, то ты придёшь на Землю простым смертным, — добавил Магистр. — И тогда у тебя уже не будет никогда ни единого шанса подняться над уровнем самого примитивного человека. Если бы ты умер в этот раз по схеме своей судьбы, то всё шло бы своим чередом. Ты мог бы стать в будущей жизни великим художником, философом, учёным, но никогда бы ты уже не обладал магическими способностями... Однако при искусственном уходе шкала твоих воплощений меняется непредсказуемо. Я буду очень аккуратен, но ошибка всё-таки возможна. Это не пугает тебя? Ты можешь не соглашаться.

Мерддин шевельнул сухими пальцами, словно нащупывал в воздухе рукоять невидимого оружия. Его губы дрогнули и растянулись в счастливой улыбке.

— Как бы то ни было, — произнёс он, покачивая седовласой головой, — я приду сюда во времена, когда христианство будет по-настоящему живой религией. А если всё сложится успешно и я снова стану членом Тайной Коллегии, то смогу однажды вернуться в прошлое и увидеть Христа. Ведь к тому времени священные тексты уже материализуются? Иисус станет реальностью?! Я хочу увидеть и услышать его...

— Ты даже сможешь стать одним из его апостолов, — уточнил Магистр.

— С радостью. — В голосе Мерддина прозвучал вызов всем законам природы, даже нерушимым законам времени.

— Значит, ты согласен на преждевременный уход?

— Да, — кивнул друид.

— Тогда оставайся здесь. Я скажу братьям, чтобы они провели церемонии, необходимые для твоего движения во времени. Сам же займись коридорами событий... Не жди ничего, просто оставайся здесь, оборви связь с внешним миром...

Из книги «Жития Святого Мерлина»

И было Мерлину видение. Через заснеженные горы к нему явился человек с посохом в руке. Когда остановился человек перед Мерлином, то старец увидел, что пришедший был как бы прозрачен. И понял Мерлин, что перед ним не плоть, а дух.

«Кто ты?» — задал вопрос Мерлин.

«Иосиф из Аримафеи. Тот, кто снял тело Иисуса с креста, кто омыл его и кто собрал его кровь в чашу, коей суждено стать высоким символом нашей веры».

«О какой чаше ты говоришь, Иосиф?»

«Когда Господь наш воскрес из мёртвых, Он пришёл ко мне, улыбнулся, сказал, что узнал меня. Он сказал, что я буду в чести, когда мы, паства Его, начнём блюсти душеспасительный обряд и когда мы сбережём полотно, покрывавшее Его, и чашу, куда была собрана кровь Его. Из той чаши люди станут пить кровь Христову и через сие действие соприкоснутся с телом Господа, вольют Его в себя и станут с Ним одним целым».

«Никогда не приходилось мне слышать о чаше с кровью».

«До поры не полагалось упоминать об этом, — молвил Иосиф. — Теперь же срок настал. Неси благую весть людям! Отыщи сию чашу, и она станет несокрушимой опорой в вашей вере!»

«Но как узнаю, какую чашу искать?» — вопрошал Мерлин.

«Каждый узнает её по благодати, которую почувствует, испив из неё, ибо тотчас наступит духовное пробуждение!»

И отправился Мерлин на поиски чаши.

Прошёл он много земель и забрёл однажды в глубокий грот, затерявшийся в таинственном лесу. Там, под низкими каменистыми сводами, он обнаружил дверь, ведущую в подземелье.

«Сюда! Войди сюда, — голоса зазывали Мерлина в подземелье. — Помоги нам, мудрейший, окажи нам помощь! Чёрные силы заточили нас в этом гроте!»

И вошёл Мерлин в подземелье. Увидел он трёх прекраснейших

девиц, прикованных золотыми цепями к стене. Каждая из них была красивее луны и прекраснее солнца. Никогда не видел он столь чудесных лиц. Но немедленно он заподозрил неладное, ибо проглядывалась в их сиявших глазах скверна.

Мерлин завёл с девицами разговор, расспрашивая их и стараясь выведать их тайные помыслы. А они только рыдали и ничего не говорили. Наконец одна из них произнесла:

«Хочешь найти священную чашу? Сними с меня цепи, и я подскажу тебе путь, по которому ты должен пойти».

Мерлин освободил девицу от цепей, и в следующее мгновение вся красота её улетучилась, и девица превратилась в уродливое чудовище, жаждущее только срамных ласк.

«Так я и знал, — произнёс Мерлин, отступая. — Цепи сдерживали тебя, твою похоть, твою прожорливость, твою жадность. Цепи позволяли тебе оставаться человеком, теперь же ты потеряла человеческий облик. Твоя нечеловеческая сущность вырвалась наружу. Она погубит тебя, погубит и многих других».

Он хотел уйти из подземелья, но чудовище опередило его, вылетело из пещеры и привалило снаружи тяжёлую плиту, навсегда заперев Мерлина под землёй.

Тем временем король Артур ждал Мерлина к себе, а Мерлин не являлся. И опечалился Артур: «Где мой возлюбленный учитель? Кто поможет мне в трудную минуту?»

Прекрасная и благочестивая жена Артура только что родила первенца и тоже ждала Мерлина, чтобы он крестил младенца. Однако Мерлин не являлся, и Гвиневера отправилась крестить сына сама. Младенец, едва был крещён, умер прямо в крестильных одеждах. Король из-за этого весьма рассердился. Но королева Гвиневера истово молилась Христу, упрасывая возвратить ей сына.

«Зачем просить о невозможном? — спрашивал Артур. — Наш сын скончался. Никто не в силах вернуть отнятую жизнь».

Тут Мерлин предстал перед Артуром в сиянии священного света и молвил:

«Ты, государь, ошибаешься. Сила любви Господа нашего так велика, что может вершить настоящие чудеса. Обратись с мольбой к Иисусу Христу, и Он услышит тебя. Но помни, что в сердце твоём должна быть истинная вера в то, что Господь поможет тебе».

И Мерлин исчез.

Тогда опустился Артур на колени рядом с Гвиневерой, и они оба истово молились. В тот же день их младенец вернулся к жизни и улыбнулся.

«Ты благосклонен ко мне, Господи, — сказал король Артур, уверовав во всемогущество Господа. — Дабы прославить деяния Твои, велю возвести церковь, где буду гимнами прославлять величие Твою».

И велел Артур возвести церковь Блаженных Апостолов, дабы Британия знала, как глубоко король почитает Господа и следовавших за ним апостолов.

Альбигойская ересь

Август 1209 года

Двадцатитысячная армия крестоносцев уже выступила из Лиона, направляясь к Провансу, а в Лион всё продолжали стекаться толпы простолюдинов, жаждавших записаться в новобранцы. Вокруг городских стен образовался гигантский лагерь, трепетали на ветру старые походные палатки, теснились кибитки, без умолку звучали взбудораженные голоса, воздух сгустился от стойкого запаха испражнений. Если бы на это взглянул случайный путник, то он непременно решил бы, что Лион находится на осадном положении.

Возле костра, чуть в стороне от общего лагеря, глядя в угасавшее вечернее небо, сидел укутанный в плащ мужчина. Лето выдалось холодное, и огонь был очень кстати.

— Здравствуй, Хель, — раздался голос за его спиной.

Ван Хель оглянулся. У него было заросшее густой бородой лицо, длинные волосы, глаза смотрели пристально из-под густой чёлки. Перед ним стоял грязный, плохо одетый крестьянин с вилами в руках. На испещрённом оспинами худом лице жутко торчал огромный мясистый нос, крохотные чёрные глазки жгли необъяснимым огнём, маленький рот хитро улыбался, показывая гнилые зубы.

— Не узнаёшь? — спросил незнакомец, подсаживаясь к костру.

Ван Хель покачал головой, будто сомневаясь.

— Неужели ты, Амрит?

— Всё-таки узнал, старый вояка, — хмыкнул крестьянин. — А я уж думал, ты не угадаешь.

— Только угадывать и остаётся. Ты меняешь облик, как сам Господь Бог, — отозвался Хель.

— А как иначе, братец? — Амрит поднёс руки к костру. — Мне приходится перепрыгивать из одного тела в другое. Путешествую, ха-ха-ха... Это ты нескончаемо живёшь в одной и той же оболочке, а у меня всё устроено по-другому.

— Нескончаемо? — переспросил Хель. — Ну да, я умею заживлять любые раны. И всё же я смертен, Амрит, и тебе известно это не хуже, чем мне или любому магу Тайной Коллегии. Мне можно отрубить голову, и я умру. Я выживаю только до тех пор, пока меня не расчленили.

— И всё же ты обладаешь удивительными способностями, Хель. Ты восстанавливаешь себя, как бы сильно тебя ни изрезали. В последний раз, когда я слышал о твоих похождениях, ты сорвался в пропасть, был раздавлен лошадью, тебе переломало руки и ноги, но вот ты предо мной живой и здоровый.

— Это случилось более ста лет назад... Неужели мы так долго не встречались?

— Долго? Пожалуй... — Амрит лениво почесал затылок.

— Что заставило тебя влезть в шкуру оспенного пеона? — спросил Хель. — Какую игру ты затеял на сей раз?

Амрит таинственно прижал палец к губам.

— Об этом не скажу, — ответил он. — Да и какая тебе разница? Моя игра всегда одна и та же. Ищу ключ к истинным знаниям. Выстраиваю коридоры событий, ищу нужных людей, стараюсь вплести их жизнь в нужный мне магический узор... А ты по-прежнему воюешь?

— Воюю. А кто на земле не воет? Это здесь главное занятие — воевать, грабить, убивать.

— Значит, ты сумел выжить после того падения в пропасть?

— Выживать — не самая трудная наука. При желании ею овладел бы любой смертный. Странно, что в Тайной Коллегии нас не учили восстанавливать повреждённые ткани тела. Пришлось самому открывать в себе для себя эту науку.

— Вот за это Тайная Коллегия и ненавидит тебя.

— Тебя тоже.

— Меня ненавидят за другое. Впрочем, какая разница, за что к тебе испытывают ненависть? Тайная Коллегия никогда не остановит охоту на нас, нарушителей и отступников. Коллегия Магов стремится сохранить свои знания только для себя, иначе она потеряет власть над людьми... Ты кажешься мне грустный, Хель. Или я ошибаюсь?

Ван Хель пожал плечами.

— Не вижу в тебе былой уверенности, — настаивал Амрит. — Тебя что-то тревожит?

— Со мной приключилась беда, Амрит, — ответил после долгой паузы

Хель.

- Странно слышать от тебя такое.
- Я чувствую, что погибаю.
- Ты?
- Погибаю от любви.
- Что? — не поверил Амрит.
- От отнятой у меня любви, от удушающего одиночества.

Крестьянин, нахмурившись, бросил озадаченный взгляд на Хеля, и оспины на его неумытом лице сделались глубже.

— Как такое возможно? — покачал он головой. — Ты принадлежишь к числу избранных. Тебе ведомы тайны, о существовании которых другие даже не подозревают. Ты сделал себя великим человеком, и ты почти бессмертен, Хель.

— Моя возлюбленная умерла...

— Возлюбленная! — презрительно передразнил Амрит. — Откуда в твоём языке появилось это слово? Впрочем, я в какой-то степени понимаю тебя. Есть любимые облики. Некогда я любил Эльфию, как мне казалось, прекраснейшую из женщин. Ты наверняка помнишь её, она была одной из самых могущественных жриц нашего сообщества. Но я ушёл из Коллегии и не мог больше видаться с ней. Затем я повстречал женщину по имени Лидия, простую смертную, не имеющую никакого отношения к магии. Я перевёз её из захудалого городка в Помпеи, а потом и в Рим^[1]. С тех пор меня не оставляет её дивный облик. Но любовь ли это? Пожалуй, да. Только она не тяготит. Мне приятно вспоминать её. Я не тоскую и никогда не тосковал о ней после её кончины.

Крестьянин похлопал Хеля по плечу.

— Дружище, — внушительно произнёс он, — ты не можешь печалиться из-за смерти человека. Ты же знаешь, что все возвращаются сюда. Хочешь, я скажу тебе, когда она вновь родится и где тебе найти её?

— Нет.

— Почему?

— Это будет совсем не моя Изабелла. — Хель удручённо покачал головой. — Ты помнишь Гвиневру?

— Разумеется, — кивнул Амрит. — Я выстраивал коридоры событий с её участием, но она изрядно напортила мне некоторыми своими поступками.

— Моя Изабелла и есть Гвиневера.

— Вот как?

— Но когда я встретил её в братстве Круглого Стола, она не тронула моего сердца. Да, она была красива, только красота к тому времени давно перестала привлекать меня. От Гвиневеры исходила холодность презрения ко всему окружению Артура. Я до сих пор не могу понять, за что Артур полюбил её. Только юнцы подобные Мазлю могли потерять голову из-за неё.

— Артур тоже полюбил её, а он был зрелый мужчина, — возразил Амрит и переложил вилы из руки в руку. У него были чёрные от грязи ногти. — Значит, ты уже отыскал её... Но почему ты говоришь, что она — вовсе не она? Ты ведь знаешь, что обе они — одно и то же существо!

— Один и тот же инструмент может издавать разную музыку, Нарушитель.

— Согласен... Просто я не думал, что ты ещё слушаешь музыку.

— Изабелла пробудила во мне что-то неведомое.

— Обыкновенный человек пробудил в могущественном маге что-то неведомое! Это невозможно! Послушай, Хель, а тебе не приходила ли случайно мысль, что Изабеллу могли подставить тебе специально?

— Кто же?

— Наши заклятые враги. Я говорю о Тайной Коллегии... Сколько раз они пытались заманить меня в запутанные ситуации, сколько раз разрушали мои планы, надеясь покончить со мной. Не удивлюсь, если твою встречу с Изабеллой подстроили...

— И что? Какое мне дело?

— Большое, Хель. Ты сейчас на грани слома. С тобой легко расправиться. И если ты не возьмёшь себя в руки, то Коллегия победит, Магистр будет доволен: один из самых ненавистных отщепенцев прекратит своё существование.

Хель безучастно махнул рукой.

— Что ж, тебе решать, — проговорил крестьянин.

— Амрит, почему нас не научили магии любви?

— Такой магии нет, — холодно ответил Нарушитель.

— Если есть любовь, то есть и её магия. Тайные силы присутствуют всюду в каждом чувстве.

— Забудь о чувствах.

— Забыть? Но даже мы с тобой живём чувствами! Амрит, ты

выстраиваешь коридоры событий, потому что тебя толкают на это твои чувства. Обыкновенные человеческие чувства!

— Я стремлюсь к истинным знаниям. Я должен переиграть Магистра, который хранит Ключ Знаний.

— Настоящий маг ни к чему не стремится, Амрит! Маг лишь служит! Он принимает случившееся как должное. Ты же рвёшься в бой, прибегаешь к обману. Тебя завораживает эта бесконечная игра, которую ты затеял против Коллегии. Ты научился переселяться из тела в тело, сохраняя свою память и накопленные знания. За это Коллегия преследует тебя, заманивает в ловушки. Но ты уходишь от опасности, меняешь облик, тело, перетекаешь из одного времени в другое, потому что внутри тебя живёт азарт, тебя направляют твои устремления, чувства... Как и меня...

— Но я не влюбляюсь.

— Согласен, я совершил оплошность. И всё же я не желаю вычеркнуть из памяти случившееся. Мне нужно понять... Понять любовь... Раньше я не знал её...

— Тогда соберись с силами, запасись терпением. Пойди опять к своей Изабелле, или как там теперь её зовут, и попытайся размотать этот клубок.

— Впервые я чувствую себя бесконечно одиноким.

— Человек, попавший на шкалу бесконечности, не может чувствовать себя иначе.

Из сгущавшегося сумрака появилась процессия из десяти монахов.

— Да пребудет с вами Господь, — проговорил первый из них и перекрестил сидевших у костра крестьянина и воина. — Не найдётся ли у вас доброго вина, чтобы смочить горло?

— Можете глотнуть из купели святого Бенедикта, если вас мучит жажда! Ступайте своей дорогой, святые отцы, — грубо отозвался Хель. — До альбигойцев ещё далеко, мы ещё никого не грабили, чтобы раздавать направо и налево.

— Ты сказал «не грабили»? — остановился монах. — Сын мой, не хочешь ли ты сказать, что мы собрали великую крестоносную силу, чтобы заниматься обыкновенным разбоем? Уж не еретик ли ты?

— У тебя есть сомнения на мой счёт, святой отец? — мрачно ухмыльнулся Хель. — А сам-то ты искренне веришь в Христа? А что, если я испытаю твою веру, пощекотав твоё горло моим клинком? Что-то

подсказывает мне, что в твоих глазах появится животный страх, а вовсе не радость от предвкушения встречи с Господом.

Хель угрожающе поднялся и положил руку на меч. Монахи отпрянули.

— Ты не так нас понял, солдат, — простуженным голосом отозвался другой служитель церкви.

— Я не солдат, а убийца, — возразил Ван Хель, — и лучше вам, святые причетники, держаться от меня на приличном расстоянии.

— Ты служишь славному крестоносному делу, солдат, и нет ничего дурного в том, чтобы очищать землю от еретиков, — заговорил третий монах.

— А разве не всех нас сотворил Господь? — Голос Ван Хеля опустился почти до зловещего шёпота. — Разве не с позволения Вседержителя существует всё, что существует? Разве Господь назвал хоть кого-нибудь еретиком? Нет, монах, это люди провели страшную разделительную черту, но не Бог. По какому же праву человек позволяет себе решать, что есть добро и что называть злом? Сядьте же возле моего костра и растолкуйте мне. Научите меня своей церковной мудрости. Садитесь же! — прорычал он, выхватив меч.

Монахи, боязливо прижимаясь друг к другу, сгруппировались возле костра. Хель недобро оскалился и посмотрел на Амрита.

— Как ты думаешь, они смогут ответить на мои вопросы? — спросил он.

— Не смогут, — убеждённо-равнодушным тоном отозвался крестьянин. — Они же ничего не знают, кроме написанных букв.

— Священное Писание... — начал было кто-то из монахов, но Хель оборвал его резким движением руки и властно спросил.

— Ответьте мне, что ждёт нас после смерти?

— Каждого своё. Одни идут в рай, иные попадают в ад, — заученно ответил чей-то голос.

— И всё? — удивился Хель.

— Чего ж ещё! Одних ждёт вечная благодать, другие будут наказаны за свои грехи.

Амрит снова переложил вилы из руки в руку и крикнул, безучастно глядя в костёр.

— За грехи? — переспросил Хель, придвинувшись к монахам.

— За грехи, — кивнул самый молодой из монахов, — за распутство,

алчность, тщеславие, сладострастие... За всё. В вечном огне за это надо жечь.

— Это ты так считаешь? Про огонь-то? — язвительно уточнил Ван Хель.

— Не только.

— То есть наказание вполне человеческое, верно я понимаю?

— Вполне.

— Кто же будет наказывать? И где? — продолжал допрос Хель.

— В аду.

— То есть Сатана и его подручные.

— Видимо.

— Наивен ты, братишка.

— Хватит! — потерял терпение монах. — Можно подумать, ты умнее меня.

— Вот ты про адские муки сейчас говорил. А почему грешники там должны мучиться? Неужели ты думаешь, что Сатана, соблазняя их здесь всякими греховными сладостями, будет наказывать их за то, что грешники фактически преданно служили ему? Нет, братец, он будет их благодарить за совершённые грехи и осыпать всякими благами, чтобы укреплять свои позиции. Зато те, которых ты считаешь праведниками и которые, согласно твоим утверждениям, отправятся в рай, не получают там ничего хорошего. Им достанется скучная жизнь с церковными песнопениями, молитвами с утра до ночи.

— Они получают благодатную жизнь за свою праведность! — воскликнул монах, затравленно оглядываясь на своих собратьев.

— Благодатная жизнь, братец, в том для них и состоит, чтобы поститься две трети года, а не вино вкусное вкушать. Или ты думаешь, что в раю им будет позволено наслаждаться радостями женских прелестей? Нет. Для праведников это грех. Там будет всё так же, как и здесь. Потому что сказано: каждому по вере его. Вот ты веришь, что баб тискать грешно, и терзаешься из-за того, что глаза твои вопреки твоей воле за девками следят, так в раю у тебя будет то же самое. Какие угрызения совести тебя здесь мучают, такие и там будут мучить. Просто там ты не будешь видеть греха, тебя отделят от него высоким забором. Не будет у тебя соблазна перед глазами, только и всего. А мысли твои и желания останутся. Мечты ведь никуда не денутся, братец. И если тут тебе кто-нибудь может отпустить грехи за твои несправедные мысли, то там уже никто не будет

отпускать их. Будешь жить с ними лицом к лицу, если они вдруг возникнут. И будет они тебя жечь страшным огнём желания. И где ж, получается, вечное пламя адское? В преисподней или в раю, братец?

— С твоего языка льётся губительный яд ереси! — воскликнул кто-то из-за спины молодого монаха. — Тело человеческое есть скопище скверны!

Ван Хель громко и беззастенчиво рассмеялся. Сидевший возле костра Амрит тоже мерзко захихикал.

— Я лишь рассуждаю, прибегая к логике, — проговорил, отсмеявшись, Хель. — Грех не в том, что ты хочешь женщину, а в том, что ты само совокупление считаешь порочным, нечистым. А это происходит потому, что ты ищешь во всём только мерзость. Некоторые восхищаются человеческим телом, а ты порочишь его, клеветнешь на него, потому что презираешь саму жизнь и себя презираешь, братец. Ты выступаешь против того, что сотворено Богом!

Ван Хель жадно всматривался в напряжённые лица служителей церкви. Глаза стоявших перед ним монахов были полны ужаса.

— Зачем же вы живёте, братья? — Хель опять понизил голос. — Зачем вы живёте, если вы не любите жизнь? Может, мне помочь вам избавиться от её греховной тяжести? Я могу сделать это прямо сейчас!

Он шагнул к ним. В свете затухавшего костра вспыхнуло лезвие остро отточенного меча, и острое, тонко разрезав воздух, застыло возле горла молодого монаха.

— Или ты ещё не готов умереть?

Тот громко сглотнул и закрыл глаза.

— Вы говорите, что голодны, так я могу напоить вас вашей кровью, — продолжал горячиться Хель. — Вы насытитесь сполна.

— Довольно, Хель, — вдруг проговорил крестьянин. — Что это на тебя нашло?

Ван Хель покосился на него, всё ещё продолжая держать меч возле горла молодого монаха. Так он простоял несколько секунд, затем опустил руку.

— Убирайтесь, пока я не выпустил вам кишки!

Монахи закивали, попятились...

Но в следующее мгновение откуда-то из-под ряса они выхватили ножи и бросились на Ван Хеля. Амрит успел выставить перед собой вилы и насадил на них молодого монаха. До конца схватки он так и не смог

выдернуть вилы из подрагивавшего тела. Хель, не отступая ни на шаг, отражал удары нападавших, вращаясь на месте, уворачиваясь, припадая к самой земле и высоко подпрыгивая. Хороший конюх не успел бы оседлать лошадь, а схватка уже закончилась.

— И что это было? — спросил Амрит, разглядывая окровавленные трупы монахов. — Видишь, до чего ты довёл их своими разговорами.

— Не в разговорах дело, — парировал Хель.

— А в чём же?

— Это Псы!

Ван Хель наклонился над ближайшим мертвецом и вздёрнул широкий рукав рясы. На пальце убитого серебрился перстень с четырьмя лепестками. На руках других монахов виднелась татуировка с тем же узором.

— Узнаёшь этот перстень, Амрит? Псы Тайной Коллегии, — сказал Ван Хель. — Интересно, кого из нас они вычислили? Тебя или меня?

— Так или иначе, нам надо разойтись. Когда мы вдвоём, им легче определить, где мы находимся. — Нарушитель ещё раз внимательно осмотрел трупы. — Да, не каждый выбирает работу себе по вкусу. Рабы... Все вокруг рабы...

Он похлопал Ван Хеля по плечу и неторопливо пошёл в темноту. День совсем угас.

— Амрит, разве ты не пойдёшь с крестоносцами?! — крикнул вдогонку Хель.

— Пойду, конечно, пойду. Когда пространство насыщено смертью, следы запутывать гораздо легче, — отозвался Нарушитель и растаял во мраке.

Рыцари наступали шумно. Лязг тяжёлых доспехов и топот тысяч боевых коней заглушал человеческие голоса. Хлопавшие на порывистом ветру знамёна напоминали шум океанских волн. Звук продвигавшейся армии разносился далеко по округе. По широкой дороге тянулись колонны всадников и пеших воинов, в крытых кибитках сидели купцы, женщины и странствующие музыканты.

Перебравшись через перевал, Ван Хель остановился, оглядывая открывшуюся перед ним зелёную долину. В воздухе висела густая пыль,

из-за чего дышалось тяжело. Хель облизал пересохшие губы.

По правую руку от дороги виднелся крестьянский дом с повалившимся забором. Земля вокруг была вытоптана, хозяйство казалось разорённым, но какие-то признаки жизни всё-таки угадывались. Ван Хель уверенно приблизился к дому и осмотрел унылый двор. Возле двери стояло ведро, на дне которого виднелась вода. Хель опустил на корточки и погрузил руку в воду. Посидев в этом положении некоторое время, он смотрел на дорогу, по которой двигались нескончаемым потоком вооружённые люди. Затем он зачерпнул воду, поднёс ладонь ко рту и смочил губы. Вода отдавала тиной. Он опять зачерпнул и теперь сделал небольшой глоток. Истосковавшийся по влаге организм отозвался пробежавшим по телу огнём. Ван Хель неторопливо глотнул ещё, вслушиваясь в свои ощущения... Какая-то необъяснимая тревожная тень коснулась сердца.

Он оглядел двор, прислушался. Шум тысяч ног заглушал все тихие звуки, но Хель всё-таки уловил ухом что-то на заднем дворе. Выпрямившись, он поправил висевшую за спиной вещевую сумку и осторожно обошёл крестьянскую хижину.

Возле покосившегося стола стояла сутулая женщина и разделывала, судя по запаху, рыбу. В её движениях чувствовалась неодолимая усталость. Некоторое время женщина не замечала присутствия Хеля и продолжала заниматься рыбой, вяло отмахиваясь от назойливых мух, жужжавших вокруг неё.

Он нахмурился... Веки опустились на несколько секунд, освобождая Хеля от картины реального мира. Он медленно повёл головой и тут же открыл глаза.

— Изабелла... — прошептал он.

Женщина вздрогнула и замерла. Казалось, она услышала шёпот Ван Хеля, несмотря на висевший в воздухе гудящий топот тысяч копыт. Она медленно обернулась, и Хель увидел незнакомое лицо, опалённое солнцем, с тёмными следами синяков под левым глазом.

— Вот я и нашёл тебя, — задумчиво проговорил Хель, изучающее разглядывая молодую женщину. — Не искал, но нашёл.

Она попятилась, выставив перед собой нож с обломанным концом.

— Не подходи! — просочилось сквозь её сжатые губы.

Её лицо не отличалось ни красотой, ни правильностью черт. Женщина выглядела невзрачно и неопрятно. Из-под линялого синего

платка выбивались нечесанные волосы. На сером фартуке тёмными пятнами выделялись следы жира и крови, на руках поблёскивала налипшая рыба чешуя.

— Не бойся, — сказал Ван Хель, пытаясь придать голосу успокаивающие интонации.

— Не подходи! Христос свидетель, мне терять нечего...

— Опусти нож, если не хочешь покалечиться, — сказал Ван Хель. — Я не хочу тебе зла.

— Все вы так говорите! Все прикрываетесь именем Господа! А потом насилуете! Грабите! Не приближайся!

— Как тебя зовут?

— Зачем тебе моё имя? Чтобы помолиться о моей погибшей душе?

Ван Хель отступил на несколько шагов и отвернулся.

— Как тебя зовут? — повторил он вопрос. — Что с тобой произошло? Тебя избили? Над тобой надругались? Как тебя зовут?

Он услышал, как она громко всхлинула и выронила нож.

— Анна, — пробормотала она, бессильно опустившись на землю и закрыв лицо руками. — Ты спрашиваешь, надругались ли надо мной? Разве это так называется?.. Десять человек! Десять вонючих солдафонов! Они привязали меня к столу... Посмотри сюда, взгляни на мою шею! Видишь следы верёвки? Я едва не задохнулась... Но лучше бы мне сдохнуть, чем жить с таким позором... Десять человек!.. Господи, за что ты дал мне такую жизнь?! Чем я прогневала тебя? Почему кому-то даётся любовь, а мне только грязь? Неужто я не заслужила лучшей участи?

Анна медленно поднялась, продолжая держать рукой ворот рубахи и показывая пунцовую полосу на шее.

— Они искушали мне всю грудь. Хочешь полюбоваться, солдат? Искушали, словно я кусок мяса. Я не могла кормить ребёнка, и он умер... Он кричал, а я не могла дать ему грудь, потому что она разрывалась от боли... А что у меня было между ног? Кровь не останавливалась целый день... Я едва не теряю сознание, вспоминая об этом, меня выворачивает наизнанку... Почему ты стоишь и смотришь на меня? Если у тебя есть мужество, то проткни меня своим мечом! Убей! У меня не хватает смелости наложить на себя руки... Убей, но не пытайся овладеть мной... Умоляю...

— Анна, успокойся.

— Меня успокоит только смерть.

— Жизнь на этом не кончается.

— Да уж... Вот сколько вас идёт! Тьма! И от каждого можно ждать того же... Рыцари Христа! Мясники! Господь не пустит вас на небеса. Вы обманули Христа! Вы попрали его своими сапогами! Вам неведома любовь! Вы не заслуживаете прощения! Будьте прокляты!

— Я могу помочь тебе чем-нибудь?

— Помочь? — Она смотрела на него непонимающе. — Помочь? Сооруди крест на могилке моего младенца... Но нет, нет! Не нужно креста! Крест — это позор нашего времени! Не хочу!.. Ничего не хочу...

— Позволь, я помогу тебе хоть чем-то...

— Что ты можешь? Ты можешь воскресить моего ребёнка? А если и можешь, то зачем? Что ему делать в этой жизни? Взорвать, как снова и снова насилюют его мать? Или самому превратиться в животное, взяв в руки меч и топор? Не надо! Он умер, его прибрал Господь. Моему ребёнку лучше быть там, чем здесь...

— Анна, тебе нельзя оставаться здесь. Бог весть, сколько ещё продлится эта война.

— А кому можно оставаться здесь? Кто мог, тот уже сбежал... Мне бежать некуда...

Ван Хель подошёл и взял её за плечи. Вблизи лицо Анны, когда можно было заглянуть прямо в голубые глаза, не казалось таким блёклым.

— Мне бежать некуда, — повторила она.

Ничего похожего на Изабеллу не было в этой женщине, но Хель точно знал, что перед ним — та самая сущность, которая однажды приходила в мир в облике Изабеллы.

— Где твой муж? — спросил Хель. — От кого твой ребёнок?

— Мужа сожгли на костре.

— Обвинили в ереси?

Анна кивнула.

— Сюда уже давно наведывались ищейки из Ватикана, — со вздохом сказала она, — вынюхивали, расспрашивали, но поначалу никого не трогали. Они даже боялись признаться, что состоят на службе у Папы...

Южная часть Франции, называемая Романией, давно выражала своё недовольство властью Римского Папы. Епископы взимали подати с народа, накладывая их произвольно, исходя из собственной жадности,

порой нанимая на службу шайки уголовников, которые не гнушались использовать при сборе денег нож и удавку. Развращённость клира вызывала бурный протест населения. Время от времени недовольство Церковью прорывалось наружу, и священников колотили на улице. Дошло до того, что многие священники, чтобы их не поколотили на улице, стали скрывать тонзуру и одеваться в мирское платье. Жестокие насмешки толпы не давали покоя служителям культа. Трубадуры исполняли на улицах похабные песни, в которых в роли ничтожнейших людей выступали представители Церкви. Официальные церковные проповеди не собирали в храмах почти никого, зато послушать катаров любили все. В проповедях катаров народу виделась справедливость — они вели уединённую жизнь, полную смирения и доброты, отрекаясь от всякого имущества, от кровных и дружеских связей, постились три раза в год по сорок дней. Катары не позволяли себе убить даже червя, ибо этого не позволяло им их учение о переселении душ. Они считались искусными врачами и пользовались славой непревзойдённых астрологов. Люди верили, что во власти катаров было даже повелевать ветрами, останавливать грозу и успокаивать разбушевавшееся море. Нет ничего удивительного, что к их словам прислушивались с живым интересом.

Побывав однажды в городе Альби, Ван Хель стал свидетелем огромного скопления простолюдинов на площади, где выступал некий Пьер Вальдо. Люди жадно внимали его словами, то и дело одобрительно гудели, хлопали в ладоши. «Апостольская жизнь, которой учил Христос и его ученики, давно нигде не встречается, — рассуждал Вальдо. — Католическая Церковь прогнила насквозь. Мы идём за Христом, Церковь же давно повернула в другую сторону. Явись сегодня Иисус со своими возлюбленными учениками, Ватикан бы отправил на крест и апостолов, и самого Иисуса! Ибо нет любви в нынешней Церкви, нет ничего христианского в нынешнем христианстве...»

Рассказывают, что как-то раз епископ города Альби был призван к одру умирающего барона Фурнье. На вопрос о том, в каком монастыре барон хотел бы обрести упокоение, епископ получил неожиданный ответ: «Не беспокойтесь об этом. Я хотел бы умереть у добрых людей». Духовник не понял и переспросил, кого именно имел в виду отходящий. Тот произнёс: «Добрые люди — это катары. О них знают все, святой отец». Епископ возмутился и сказал, что не может дать на это своего

согласия. «Если меня будут удерживать, я отправлюсь к ним ползком. Я хочу умереть в окружении чистых людей», — сказал на это смертельно больной. Ван Хель не знал наверняка, но молва утверждала, что барон Фурнье выразил свою волю в завещании, согласно которому его погребли катары.

Мало-помалу Альби превратился в символ нового мышления, на стенах католических храмов еженощно появлялись ругательные слова и прославления «добрых людей», как называли катаров. Некогда жившие в укромных горных пещерах «добрые люди» теперь свободно ходили по улицам и клеймили позором представителей католической Церкви. Когда разозлённый аббат Альби наложил на «добрых людей» церковное отлучение, они недобро засмеялись в ответ: «Вы сами все еретики, и лучше вам спрятаться от нас, не то мы докажем вашу ересь, опираясь на Новый Завет и Послания». Толпа поддержала катаров, и аббат испугался не на шутку и написал обеспокоенное письмо Папе. Ватикан ответил решительно, собрав собор в Тулузе, на котором было постановлено, что «в городе Альби нашла приют ересь, достойная осуждения». Папа Иннокентий III воскликнул: «Бог поставил меня над народами и империями с тем, чтобы я не только вырывал и уничтожал, но также строил и возделывал. Мне было сказано: „Я хочу вручить тебе ключи от Царствия Небесного; итак, то, что ты свяжешь на земле, будет связано на небе“. Стало быть, я стою между Богом и людьми, меньший, чем Бог, но больший, чем человек. Нет человека, кто будет судить меня, но я буду судить многих. Каждый еретик, не желающий вернуться к истинной вере, должен быть сожжён». Так начался крестовый поход против катаров, поход французов против французов. Всюду дымились угли уничтоженных деревень и городов, всюду текла кровь...

— Мой муж не был катаром, — сказала Анна, — но мы укрыли в своём доме человека, обвинённого в ереси. Когда инквизиторы нашли его, то арестовали и моего мужа. Их обоих отправили на костёр. Я успела убежать и поселилась тут, у сестры... Но и сюда пришли крестоносцы... Сначала погибла сестра и её муж, потом скончался мой ребёнок... Зачем мы живём? Неужели жизнь даётся нам только для того, чтобы ползти сквозь унижения, потери и страх?

— Жизнь даётся, чтобы жить, — медленно ответил Хель, — и чтобы искать смысл существования.

— Смысл... Какой смысл в том, что мой ребёнок умер, не причинив

никому вреда и не провинившись ни в чём? Какой смысл?

Ван Хель потянул Анну за руку, она попыталась вырваться, но ей не удалось.

— Ты пойдёшь со мной, — властно сказал Хель.

— Нет! Чего тебе надо?

— Я хочу спасти тебя... Анна, не упрямься.

— А я ничего не хочу!

— Ты обманываешь себя. Ты бы не встретила меня ножом, если бы ничего не хотела. Ты хочешь жить. Несмотря на окружающий тебя кошмар, ты хочешь жить. Идём же со мной, я помогу тебе.

— Кто ты?

— Человек, возложивший на себя тяжесть веков.

Он выпустил Анну, но теперь она уже не вырывалась, только с непониманием смотрела в бородатое лицо Хеля. Бесспорно, он был профессиональный убийца, она видела многих таких, привыкших хладнокровно орудовать клинком. Но в его глазах угадывалось и нечто иное, чего Анна не умела распознать.

— Я устала... — покачала она головой. — Куда я пойду? Дорога требует усилий.

— Положись на меня.

— Зачем ты хочешь помочь мне?

— Ты не поймёшь. Да и сам я не совсем понимаю. Наверное, не хочу, чтобы во мне умерло главное.

— Главное?

— Любовь.

Женщина излучающе осмотрела Хеля. Её лоб наморщился, губы сжались.

— Любовь? Ты тоже потерял кого-то?

— Потерял.

— Но при чём тут я? — неуверенно продолжала допытываться она.

— Ты не поймёшь...

— И всё же?

— Я виноват в твоей судьбе.

— Как так?

— Ты не поймёшь, поэтому не спрашивай больше ничего. Если угодно, считай, что я просто взял тебя в плен.

Она кивнула и обвела рассеянным взглядом двор. Недочищенная

рыбёшка лежала на столе, усыпанном блестящей чешуёй.

— Куда же мы направимся? — спросила Анна.

— На север, подальше от этих мест.

Женщина подняла грязную руку вверх и предостерегающе выставила указательный палец.

— Ты слышишь?

Из-за дома доносился гул тысяч ног и лязг оружия.

— Разве можно от них уйти?!

Хель кивнул.

— Если тебе нужно собрать что-то из вещей, то поторопись, — проговорил он, усаживаясь на корточки и прислоняясь спиной к стене. — Я пока отдохну.

Он закрыл глаза.

— У меня нет ничего, — ответила Анна, но всё-таки скрылась в доме, а когда вновь остановилась перед Хелем, то держала в руке небольшой узелок с пожитками. Хель не открыл глаз, но спросил: — Это всё?

— Всё.

— Тогда можем идти.

Он быстро встал и вдруг показался Анне невероятно большим, высоким, широким, заслонившим весь мир. Она почувствовала себя крохотной девочкой, спрятавшейся на груди великана.

Хель с неожиданной лаской провёл ладонью по её щеке.

— Анна...

— Что?

— Жизнь заставляет нас играть в удивительные игры. Кто бы мог подумать, что я...

Он замолчал и опять закрыл глаза, вспоминая что-то.

— Кто ты? — опять спросила она, в этот раз робко и едва слышно.

— Меня зовут Ван Хель. Больше мне нечего сказать о себе...

Он мотнул головой, приглашая Анну следовать за ним, и двинулся к дороге. Женщина послушно засеменила сзади, почему-то внезапно ощутив необходимость подчиниться этому мужчине.

Шагавшие по дороге солдаты усталыми глазами смотрели на Хеля и Анну. Некоторые отпускали грубые шутки, некоторые просто свистели, не зная, как иначе отреагировать на появление женщины. Анна втягивала голову глубоко в плечи, стараясь спрятаться, а Хель не обращал внимания ни на кого.

Они шли без остановки почти до заката, потом Ван Хель свернул с дороги в поле.

— Заночуем подальше от этого сброда, — пояснил он.

Возле густого кустарника он развёл небольшой костёр и достал из сумки какие-то чёрствые лепёшки.

— Оставайся здесь, — велел он. — Я пойду за водой. Тут должен быть ручей.

— Ручей? — устало удивилась женщина.

— Я слышу его...

Когда он вернулся с бурдюком, полным холодной воды, Анна крепко спала. Казалось, она чувствовала себя в полной безопасности.

Утром она долго не могла понять, что с ней и где она. Глубокий сон заглушил память о вчерашнем дне, но при этом Анна не забыла Ван Хеля. Она улыбнулась ему, как улыбаются только очень близкому человеку.

— Похоже, я хорошо отдохнула...

— Поешь, и мы пойдём дальше. Нужно поскорее уйти подальше отсюда...

К полудню погода испортилась, наплзли тучи, угрожая дождём. Когда впереди появилась деревушка, Хель прибавил шагу.

— Переждём там дождь. Кто-нибудь пустит к себе...

На рыночной площади толпился народ. Увидев людей, Хель остановился.

— Не вовремя мы, — пробормотал он.

— Почему? — спросила Анна.

— Здесь инквизиция...

— Что вы стоите как истуканы?! — доносился чей-то раздраженный голос. — Костёр должен быть!

— У нас нет дров, — вяло отвечали крестьяне. — У нас нет ничего. Крестоносцы вытрясли из нас всё до последней крошки.

— Еретика следует сжечь! — кричал стоявший на площади инквизитор. — Я обещаю отпущение грехов каждому, кто принесёт дрова для костра! Пресвятая католическая церковь гарантирует полное отпущение грехов!

— У нас нет ничего. Мы не можем даже суп сварить! У нас отняли лошадей и коров! Как нам ездить в лес за дровами?

— Вы просто все заодно с этим еретиком! Вам жаль его? Ересь

невозможно истребить, не истребив всех еретиков! Христиане! Помните о своём долге перед святой Католической Церковью! Ваш высочайший долг — помощь в искоренении ереси. Вы обязаны выдавать церковным властям каждого еретика без какого-либо человеческого и религиозного сострадания. Даже родство не может быть оправданием бездействия. Сын обязан выдать отца, если тот отступил от истинной веры. Супруг будет признан виновным, если не обречёт на смерть свою жену-еретичку!

— У нас нет ни дров, ни даже хвороста!

Инквизитор широкими шагами обошёл собравшихся. Он двигался так, будто давил кого-то, плотно и тяжело ступая кожаными сапогами. Наконец он остановился перед вооружёнными людьми, у ног которых лежал связанный человек. Подул ветер, и чёрная ряса инквизитора буйно колыхнулась и вздулась, как парус пиратского корабля.

— Отказываетесь помочь? — Инквизитор обвёл толпу хищными глазами. — Бунтуете? Против Церкви поднимаетесь? — И он внушительно поднял вверх руку со скрюченным указательным пальцем. — Напомню вам, что имена еретиков не должны быть записаны в книгу жизни; их тела будут сожжены на этом свете, а их души будут мучиться в аду! Каждый, кто отказывается помочь Святой Инквизиции в борьбе против ереси, сам причисляется к еретикам! Вы все хотите на костёр? Что ж, будь по-вашему! Я приеду с отрядом и сожгу вашу деревню дотла! Я всем уготовлю место в аду!

— Им мало власти над живыми, — в ужасе прошептала Анна, — они хотят держать всех в страхе и на том свете.

Ван Хель подтолкнул её к ближайшему сараю.

— Иди сюда, укроемся пока тут...

Начал накрапывать дождик, и крыша над головой пришлась кстати. Они сели на земляной пол. Тем временем снаружи слышались брань, удары, крики. Судя по общему шуму, толпа быстро разбегалась. Низенький мужичонка вбежал в сарай, прячась от всадника, и в ужасе остановился, увидев перед собой Хеля, выставившего обнажённый меч.

— Что вы, господин! Что вы! Я не виноват не в чём! Не убивайте меня!

— Закрой рот и не кричи. Мне твоя кровь не нужна, — ответил Хель. — Что у вас там случилось?

— Инквизитор велел солдатам хватать всех подряд, раз мы не хотим

помочь ему в сожжении еретика.

— Рано или поздно вас всё равно всех швырнут в костёр, если вы не дадите отпора.

Всадник, топтавшийся снаружи, прыгнул с коня, услышав голоса в сарае, и решительно двинулся к входу. Длинный меч в его руке угрожающе поблёскивал. Анна вскрикнула, увидев в дверном проёме тёмную фигуру в шлеме.

— Ага! Целое сборище! — прорычал солдат, но не успел произнести больше ни слова, так как Хель ткнул клинком ему в горло. Брызнувшая кровь залила лицо солдата.

— Что ты делаешь! — воскликнул мужичок и закрыл рот обеими руками, выражая этим высшую степень ужаса. — Что ты наделал!

— Если ты не проглотить язык, то я отрежу его тебе, — почти прошипел Ван Хель. — Вас давят и топчут, а вы только рыдаете в ответ.

Он осторожно выглянул из двери и подхватил лошадь под уздцы.

— Господин! — взмолился мужичок. — Что же будет с нами? Ты убил солдата! Тяжесть этого убийства ляжет на нас...

— Вы достойны быть зарезаны, как свиньи, раз безропотно готовы сносить все унижения.

Хель обернулся к Анне и сделал знак рукой, подзывая её.

— Сядешь позади меня, будешь держаться за мой ремень.

Он ловко вспрыгнул в седло и протянул Анне руку...

Через несколько минут они были уже далеко от деревни. Впрочем, Ван Хель знал наперёд, что им встретится ещё не одно селение, где на площади будут пылать инквизиторские костры и солдаты озверело будут волочить по земле перепуганных людей. Сейчас Хель думал только об Анне: он должен был вывезти её из этих краёв.

— В своё время, — рассказывал Ван Хель, сидя у костра и переворачивая заячью тушку, насаженную на палку, — Папа Стефан VII обвинил своего предшественника, Формозу, в ереси и велел выкопать его труп. Когда тело Формозы достали из гроба, Стефан собственноручно отрубил ему два пальца правой руки, а труп выбросил в реку.

— Обвинять умершего! — возмутилась Анна.

— Это самый лёгкий и удобный суд. Обвиняемый не сможет молвить

ни слова в свою защиту... Но в этой истории печально другое. Нашлось несколько граждан, которые выловили труп и тайно похоронили его. Чуть позже Папа Иоанн IX объявил приговор недействительным, но ещё через несколько лет Папа Сергей III приказал снова выкопать труп Формозы, облачил его в папские одежды, усадил на престол, вынес ему приговор в торжественной обстановке, отрезал оставшиеся три пальца на правой руке, отрубил голову и вновь бросил в реку.

— Откуда ты знаешь обо всём? Ты странный человек. — Анна огляделась. — Как далеко мы ушли? Где мы сейчас? Мы уже недели две в пути... Здесь всё по-другому, здесь царит тишина.

— Тишина всегда обманывает. Не доверяйся ей.

— Куда мы всё-таки едем? Какова наша цель? Мы когда-нибудь остановимся где-нибудь насовсем?

— Когда человек останавливается, он перестаёт быть, — ответил Хель. — Я хочу отвезти тебя к человеку, в доме которого ты будешь чувствовать себя в безопасности. Конечно, всюду может случиться беда, но сейчас ничто не будет угрожать тебе там.

— Где же этот человек?

— Он живёт на самом севере Франции.

— Значит, ещё далеко, — вздохнула Анна.

— Человеку всегда далеко...

На следующий день они опять двинулись в путь. Плыл густой туман, заволакивая всё вокруг, словно стирая окружающую действительность с лица земли. Ван Хель вёл лошадь под уздцы, женщина сидела в седле.

— Скажи, — спросила однажды Анна, — почему всё-таки ты помогаешь мне? Зачем я тебе? Ведь я вижу, что ничуть не нравлюсь тебе как женщина...

— Однажды я был в этих местах... Сопровождал сумасшедшего барона... А далеко отсюда меня ждала девушка. Она была прекрасна... Но она не дождалась меня.

— Что случилось? Болезнь? Набег другого барона? Её убили?

— Нет, ей рассказали, что я погиб, и она не могла вынести этого известия. Она бросилась с городской стены и покончила с жизнью.

— Упокой Господь её душу! Пресвятая Дева, смилуйся над ней! — Анна истово перекрестилась.

Хель обернулся и долго смотрел на женщину.

«Странно видеть, как она молится о спасении чужой души, которая

живёт на самом деле внутри неё. Раздавленная горем, растерзанная войной, отвергнутая Церковью, она всё же молится о спасении чужой души. Как много на свете людей, которые просят за кого-то, даже не подозревая, что в действительности просят за себя».

— Но при чём тут я? — спросила Анна.

— Ты напомнила мне мою Изабеллу. Вот я и решил помочь тебе.

— Я напомнила? — удивилась женщина. — Мы похожи лицом?

— Нет, ничем не похожи — ни лицом, ни голосом, ни ростом. Разве только глазами... Но дело не в схожести.

— Тогда не понимаю.

— Тебе и не нужно. Просто я решил, что обязан тебе помочь. Каждый из нас обязан делать некоторые шаги. Можешь называть это добродетелью, можешь называть совестью, можешь никак не называть.

— Да, ты прав, солдат, мне не нужно ничего понимать. Женщина должна лишь исполнять волю мужчины... Потерпи немного, пока ко мне вернутся силы. Я приведу себя в порядок и попытаюсь отплатить тебе хоть чем-то. Может, я всё-таки понравлюсь тебе по-женски? Тогда смогу порадовать тебя...

— Молчи, Анна, ты ничего не понимаешь и никогда не поймёшь... По крайней мере, в этой жизни.

— Да, — кивнула она и понурилась, — мир так устроен, что человеческий разум не способен понять ничего. Господь всё устроил по своему желанию, а мы — лишь мелкие твари. Мечемся, тужимся, смешим его нашими мечтами. Когда мы надоедаем ему просьбами, он насылает на нас мор или войну...

— Ты так понимаешь устройство мира? — удивился Хель.

— Разве я заблуждаюсь?

Ван Хель не ответил.

Впереди из мутной синевы тумана появились очертания двухэтажного строения. Донеслось звучное похрюкивание с заднего двора, чавканье ног по грязи. Пахло дымом печи и горячим хлебом. Позади угадывались контуры деревенских хижин, тесно поставленных друг к другу.

— Похоже, это трактир. Сегодня мы отдохнём под настоящей крышей, — сказал Ван Хель.

— У нас нечем расплатиться за постой, — возразила Анна.

— Пусть это не беспокоит тебя.

Навстречу им выбежала мохнатая собака. Она скалилась, вздёрнув верхнюю губу, и лаяла, но едва Ван Хель посмотрел на собаку, она вдруг виновато заскулила и поджала хвост.

— Вчера здесь был сильный дождь, земля совсем сырая, — заметил Хель. — Нам повезло, что тучи не накрыли нас. Мы промокли бы насквозь.

Из дверей трактира на лай собаки вышел хозяин. Жидкие светлые волосы длинными прядями свисали вокруг худого лица. Серая холщовая рубаха опускалась до колен.

— Храни вас Христос, — дребезжащим голосом проговорил хозяин, с опаской поглядывая на вооружённого Хеля.

— Спасибо на добром слове! — Ван Хель дружелюбно улыбнулся. — Найдётся в твоём трактире уголок для нас? Мы давно в пути.

Хозяин кивнул.

— Заходите...

Войдя внутрь, Анна сразу направилась к высокому камину, где над огнём висел на железном крюке чёрный котёл. Из котла валил ароматный пар. Дым из камина уносился в отверстие дымохода, но изрядная порция всё-таки попадала в горницу, из-за чего воздух в трактире казался мутным. Справа от камина находилась хлебная печь, около которой возилась пожилая хозяйка, буркнувшая невнятное приветствие. Почти всё центральное пространство горницы занимал длинный стол. Вдоль стен стояли корзины, кувшины, два огромных корыта, несколько метёлок и шкафчик с посудой. Земляной пол был усыпан соломой.

— Свободная комната есть? — спросил Хель, когда вернулся трактирщик, отведивший коня на задний двор.

— Есть. Мы сейчас без постояльцев. Как долго думаете отдыхать? День? Два?

Ван Хель обернулся к Анне, размышляя о чём-то, затем сбросил с плеча вещевую сумку и отвязал тощий кошелёк от ремня, на котором висели несколько ножей и меч. Достав из кошелька золотую монету, он спросил:

— Сколько дней, если с хорошей кормёжкой?

— Господин, — заволновался трактирщик, увидев монету и попробовав её на зуб, — за эти деньги я буду кормить тебя с женой целый месяц! Не угодно ли тебе подняться на второй этаж и выбрать

комнату?

— Анна, — позвал Хель.

Она сидела на корточках перед огнём и неотрывно смотрела на пламя.

— Пойдём наверх, тебе надо хорошенько отдохнуть.

Женщина устало поднялась и медленно пошла вверх по лестнице. Ей было всё равно, в какой комнате спать, и она согласилась на ближайшую. Хель взял себе соседнюю.

Вечером начался дождь.

— Осень явилась, — протянул трактирщик, стоя в дверях и глядя на улицу.

Со стороны деревни доносилось звучание свирели.

Хель посмотрел на небо и сказал:

— Дня на два или три.

— Непогода? — уточнил трактирщик.

— Дождь...

Ливень, сопровождаемый громом и сполохами молний, и впрямь не утихал три последующих дня, затем внезапно прекратился, наступила тишина. Только в полях журчали потоки воды. Кое-где неуверенно запели птицы.

На четвёртый день трактирщик услышал далёкий конский топот.

— Кого чёрт несёт? — вытянул он шею.

Ван Хель равнодушно поглядел вдоль улицы. Приблизился вооружённый отряд человек в двадцать. Позади катила скрипучая телега. Среди всадников различалась фигура священника с наброшенным на голову капюшоном. Хозяйская собака с лаем бросилась навстречу отряду. С того дня, как появился Хель, она не лаяла ни разу, а потому трактирщик сразу обратил на это внимание.

— Ты как-то благотворно повлиял на моего пса, господин, — сказал он Ван Хелю. — В твоём присутствии он ведёт себя как ягнёнок.

Тот ответил молчаливым кивком.

— Эй, Эльжита! — позвал трактирщик жену. — Похоже, придётся покрутиться. Такая орава едет. Разведи огонь под котлом!

Остановившийся перед трактиром отряд спешил. Тяжело сполз с коня и священник.

— Мир вашему дому, — утомлённо пробормотал он. — Да снизойдёт благодать на вас и вашу семью.

— Аминь, — отозвался трактирщик.

— У нас больной, — сообщил священник. — Помогите перенести его в дом.

— Больной? — забеспокоился хозяин. — Чем же болен? Не опасно ли будет?

— На всё воля Божья... Показывайте, куда нести.

Священник подал знак солдатам, и они подняли из телеги мужчину. Тот не шевелился, его руки болтались, как тряпки, голова далеко запрокинулась — он выглядел покойником.

— Святой отец, разумно ли это? — попытался возразить трактирщик. — Он ведь почти умер. Зачем его в дом? Ему самое место на кладбище.

— Перестань молоть чепуху! — рявкнул кто-то из солдат. — Это наш командир.

Больного внесли, и Ван Хель увидел его лицо, похожее на голый череп. Тёмные глазницы были словно две дыры. Приоткрытый рот показывал кривые жёлтые зубы и почерневшие дёсны. Спустившаяся из своей комнаты Анна не сводила глаз с вошедших солдат. Один из них, заметив её, приказал:

— Принеси горячей воды! Живо!

Услышав его голос, Анна вздрогнула, будто её ударили кнутом. Она попятилась и отрицательно покачала головой.

— Воды! — повторил свой приказ солдат.

Поскольку Анна продолжала испуганно пятиться, солдат шагнул к ней и схватил её за руку.

— Шевелись, дура!

— Эй, оставь её, — проговорил Хель спокойно, но таким тоном, что к нему обернулись все.

Некоторое время в трактире висела тишина. Солдаты даже забыли про своего умирающего командира.

— Вам лучше вынести больного из трактира, — сказал Хель. — Он опасно болен и может заразить не только вас, но и нас. Везите его в ближайший монастырь.

— Дорога убьёт его, — возразил кто-то.

— Блезнь уже убила его. Он ещё дышит, но тем опаснее для живых. Перенесите его обратно в телегу.

— Ты отказываешь нашему командиру в милосердии?

Ван Хель быстрыми шагами подошёл к Анне. Взял её за руку и повёл за собой из дома.

— Идём, здесь нельзя оставаться ни минуты!

Увидев озабоченность в глазах Хеля, Анна повиновалась, даже не спросив про свои вещи.

— Куда так спешишь? — наперерез Ван Хелю шагнул высокий солдат с копьём в руке.

— Не хочу сдохнуть, надышавшись опасным воздухом.

— А что, если дело в другом? Может, ты скрываешься? Покажи свои документы!

Ван Хель попробовал отстранить человека с копьём, но тот цепко схватил Хеля за плечо.

— Хочешь удрать? Я сказал, чтобы ты показал документы!

В трактире поднялся гул, и к Хелю со спины подошли ещё пятеро. Кто-то схватил Анну за шею.

В следующее мгновение случилось то, чего никто не смог позже внятно объяснить, потому что никто толком ничего не понял. Хель стремительно взлетел и двойным ударом ног, вытянувшихся в шпагате, сшиб двух солдат. Удары были настолько сильны, что свалившиеся долго ещё лежали без сознания. Вырвав копье из рук противника, Хель ткнул тупым концом ближайшего солдата в лоб, а наконечник упёр в горло того, который держал Анну. Острие застыло неподвижно, касаясь кожи.

— Отпусти её, — сказал Хель

Солдат, побледнев, разжал хватку, и Анна бросилась к Хелю.

— Зря вы притащили сюда больного, — проговорил Ван Хель. — Хотите отправиться за ним на тот свет? Воля ваша, но не нужно тянуть нас за собой. Надеюсь, вы поняли, насколько сильно моё нежелание оставаться с вашим командиром под одной крышей?

Не выпуская копыя, Хель вышел из трактира.

— Как ты? — спросил он женщину. Она молча кивнула.

Через несколько минут он оседлал лошадь, и они отправились в путь.

— Ты знаешь, чем он болен? — осмелилась поинтересоваться Анна, сев в седло. — Что-то страшное?

— Страшное. Нельзя находиться рядом с таким больным. Большинство этих солдат обречено.

Анна испуганно посмотрела на трактир.

— Забудь о них, — сказал Хель. — Каждый сам делает свой выбор...

Птицы лениво скакали по земле, не обращая внимания на Хеля и Анну.

— Как их много, — удивилась женщина. — И не видно людей.

Хель стоял, держа лошадь под уздцы, и пристально всматривался в деревню. Возле домов и на улице никого не было. Если бы не масса птиц, собравшихся на крышах домов и на деревьях, то можно было сказать, что деревня не подавала никаких признаков жизни.

— Подожди здесь, — велел Хель и направился к ближайшему дому.

Вороны, каркнув, с неохотой отбежали в сторону, освобождая Ван Хелю дорогу. Во дворе лежала дохлая свинья, основательно ислёванная птицами и изъеденная червями. Хель остановился и посмотрел на Анну.

За время их путешествия она привыкла к Хелю, привыкла к его уверенности и надёжности. Каждый раз теперь, когда он отлучался куда-то, она начинала беспокоиться. Сейчас весь её облик говорил о нестерпимом желании находиться возле Ван Хеля. Птичий гомон вызывал в Анне ужас.

— Что там?! — крикнула она. — Можно мне к тебе?

— Подожди...

Ван Хель толкнул ногой дверь и шагнул через порог. Изнутри сладковато пахло трупами. Этот запах Хель узнавал безошибочно.

На спинках стульев, на столе, на полу — всюду сидели птицы. Всё вокруг было в птичьем помёте. На полу лежало несколько покойников. Птицы ислеквали их до костей. Увидев человека, пернатые твари загалдели и захлопали крыльями, но даже не попытались скрыться. Вероятно, они проникли в дом через раскрытое окно.

Хель быстро покинул дом.

— Должно быть, здесь солдаты подцепили заразу, — сказал он Анне. — Деревня вымерла. Возможно, соседние деревни тоже мертвы. Надо уезжать отсюда немедленно. Нужно в лес и к воде. Как ты себя чувствуешь?

Женщина слабо улыбнулась.

— У меня второй день кружится голова.

— Тошнота есть? — уточнил Хель.

— Нет, только слабость.

— Скоро отдохнём...

Ван Хель взял лошадь под уздцы и повёл её прочь с дороги.

«Я хотел спасти Анну, но, похоже, смерть идёт за ней по пятам. Что предначертано, то и сбудется в той или иной форме, — думал он. — Анна уже заболела. Два дня кружится голова. Завтра начнётся тошнота, затем — жар, несколько дней нестерпимой боли, а потом — потеря сознания, после чего она, уже ничего не понимая, затихнет и медленно угаснет...»

Проникшая в организм Анны зараза не оставляла ей шансов на выживание.

Через пару часов Ван Хель решил сделать привал.

— Остановимся здесь, — сказал он и помог Анне слезть.

Она сразу опустилась на землю и пожаловалась:

— Голова болит...

— У меня есть кое-какие травы, — успокоил её Хель. — Сейчас разведу огонь и приготовлю отвар. Боль уйдёт. Подожди немного.

Анна поджала под себя ноги и закрыла глаза. Хель долго смотрел на неё, размышляя, как поступить. Он не хотел, чтобы Анна мучилась.

Она громко вздохнула.

«Задремала... Хорошо, пусть спит...»

Когда она проснулась, Хель сидел у огня и помешивал деревянной ложкой в котелке.

— Мне приснилось, что я живу в замке, — негромко сказала Анна. — Я видела там и тебя.

— Меня?

— Ты собирался в поход, а я очень не хотела, чтобы ты уезжал. Я видела моё лицо в зеркале, но это не моё нынешнее лицо. Как такое возможно?

— Возможно, — ответил Ван Хель, снимая котелок с огня. — Возьми, это ты должна выпить.

Понюхав варево, Анна поморщилась.

— Гадость!

— Зато прекрасно помогает при головной боли.

— Меня тошнит, — пожаловалась она.

— Пей. Сразу уснёшь. Во сне всё пройдёт. Верь мне.

— Верю. — Анна улыбнулась. — Только тебе и верю...

Она дождалась, пока отвар немного остынет, и сделала несколько глотков.

— Пей всё.

— Сейчас, сейчас выпью. Чересчур горько.

— Так надо. Эта штука не для удовольствия...

Справившись с отваром, Анна вытянулась на расстеленном плаще Ван Хеля. Сон охватил её сразу.

— Спи... Ничего другого не могу предложить тебе. Только крепкий сон, который отворит перед тобой двери в иной мир... Спи... Ты не будешь больше мучиться... Не желаю, чтобы тебя выворачивало наизнанку... Видишь, я увёл тебя от костров инквизиции, от насильников, но не увёл от смерти. Тебе, оказывается, было предначертано умереть — если не от топора, так от чёртовой хвори, у которой и названия нет...

Анна глубоко и спокойно вздохнула.

— Всё хорошо, — пробормотала она голосом Изабеллы.

— Спи, любовь моя. Усни и освободи меня от давящей на меня тяжести...

— Всё хорошо, — едва различимо повторила она.

Хель опустил голову и стал ждать. Прошло несколько минут, и Анна перестала дышать.

— Вот и пришло избавление, — проговорил Ван Хель.

Наступила внезапная тишина. Птицы умолкли, исчез ветер, качавшиеся только что ветви деревьев застыли, оборвав лёгкий шелест листвы. Окружающий мир затаился, словно боясь растревожить сон Анны.

— Иногда смерть бывает желаннее жизни, — вздохнул Хель. — Изабелла, любовь моя, простишь ли ты меня? Снимешь ли груз вины с моего сердца?.. Зачем я отправился в тот проклятый поход с Робером де Парси? Зачем оставил тебя? Зачем обрёл нас на вечную разлуку? Кому это было нужно?

Он обошёл неподвижное тело, всматриваясь в лицо покойницы. Сейчас она и впрямь была похожа на Изабеллу.

— Я старался... Веришь ли?

— Верю... Знаю... — прозвучал где-то мягкий женский голос.

В следующее мгновение над головой Хеля сомкнулись чёрные тучи, полыхнула молния, прокатился гром. Трава вокруг неистово заколыхалась под порывами буйного ветра, деревья закачались,

затрещали ветви, сорвавшиеся листья помчались над землёй, как испуганные бабочки.

Ван Хель вынул меч и, опустившись на колени, принялся рыть яму...

Он не читал молитв над могилой, не стоял над закопанным телом Анны с понурой головой, а сразу поехал прочь, впервые за долгое время почувствовав, что какой-то важный этап его жизни пройден безвозвратно...

На дороге он обнаружил бесхозную повозку, накрытую грубой тканью, под которой лежали мешки с товаром. Под колёсами повозки валялся бездыханный бородатый мужчина с почерневшим лицом. Судя по платью, это был купец. Видимо, спутники бросили его, испугавшись неведомой болезни, и даже не тронули товар. Они взяли только коня, чтобы поскорее умчаться от умирающего.

Разгулявшийся ветер яростно трепал туго перетянутое верёвками покрывало. Оно вздувалось парусом, сопротивлялось, но не могло устоять перед напором ветра и с одной стороны вырвалось из-под верёвок, обнажив тяжёлые серые мешки. Покрывало громко хлопало и билось о повозку, пугая лошадь Ван Хеля, которая тянула в сторону, желая убраться подальше от подозрительного места.

Ван Хель готов уже был впрыгнуть в седло, как взгляд его остановился на книге, краешек которой высывался из-под неподвижного тела купца.

— Книга... Что ж это такое? Он читал до последней минуты какую-то книгу? Может, это Библия? Он молился? Испрашивал милости у Бога?

Ван Хель склонился над покойником. Седая борода и усы выразительно выделялись на чёрном лице и трепетали, как заиндевевшая трава на гряде промёрзшей земли. Хель протянул руку и вытащил книгу из-под тяжёлого тела. Открыв увесистый фолиант, он прочитал на титульном листе: «Жизнь и приключения славного короля Артура, истинного правителя Британии, ревностного христианина, доблестного воина, защитника униженных и оскорблённых. Подлинная история, рассказанная Жаком де Бриеном».

[1] См. книгу «Волки и волчицы».

Нашествие

Апрель 475 года

Всё новые корабли приплывали к берегам Альбиона. Всё новые отряды германцев высаживались на берег, бряцая оружием. Мелкие стычки саксов с бриттами постепенно переросли в затяжную войну, которая то разгоралась, то затухала, но уже не прекращалась ни на день. Несмотря на ожесточённое сопротивление бриттов, саксы не желали покидать Британию. Они возвели свои города, насадили свои законы и быстро свыклись с мыслью, что Туманный Альбион предназначен только для них. Вместе с саксами шли орды наёмников из северной Европы. К регулярным войскам присоединялись разбойники, движимые только жадой наживы и не знающие пощады. Вожди некоторых кельтских кланов, не желавшие мириться с популярностью Артура в народе, переметнулись на сторону германцев; перебежчики отыскивали тысячи причин, чтобы оправдаться перед местным населением, но в глазах простолюдинов предательство оставалось предательством. В деревнях и городах бурно обсуждали каждого нового перебежчика, подсчитывали, сколько гвардов он увёл к германцам и как всё это скажется на общем положении. Приближение захватчиков заставляло людей сниматься с насиженных мест и уходить к Артуру. Слава Круглого Стола вознесла Человека-Медведя на небывалые высоты, в него верили как в божество, на него возлагались огромные надежды. Под знамёна Круглого Стола становились все, кто мог держаться в седле, даже старики готовились вступить в бой с презируемым врагом. Воины каждого клана перед тем, как отправиться в поход, клялись не возвращаться домой, если их отряд не прорвётся хотя бы дважды через неприятельские ряды. Но Артур требовал другого.

— Не подвиги нужны нам, но разгром врага! — выступал он перед собравшимися воинами. — Не личная отвага ради похвальбы перед сородичами, но война за свободу Британии! Что будет с нашими жёнами и детьми, если мы, красуясь друг перед другом своей удалью, сложим

головы на поле брани? Наши дети превратятся в рабов! И пусть о нас будут слагаться хвалебные гимны, это не вернёт свободу нашим детям! Пришло время изменить тактику, пришло время разработать стратегию. Если всё останется по-прежнему, то саксы отнимут у нас победу. Им нужна наша смерть. И многие бритты, как я вижу, потакают желанию врага — отправляются в бой не драться, похвастаться своей храбростью. Они выезжают голыми, с одним клинком в руке, подставляя грудь вражеским стрелам... Не храбрость это сегодня, а глупость! Помните, что вы, погибая, оставляете беззащитными ваших детей! Сюда, в Британию, хлынули все, кого германцы подмяли под себя. Их гораздо больше, чем нас, а потому лоб в лоб мы их уже не можем одолеть. После ухода отсюда римлян наша земля сошла с ума: каждый вождь возомнил себя верховным правителем, каждый воин возомнил себя вождём. Жадность и глупость разорвали нашу страну на куски, которые мы до сих пор не можем сшить в одно крепкое полотно. Но теперь поздно сетовать. Мы имеем то, что имеем. У нас есть два пути: собраться все вместе и дать решительный отпор чужеземцам или же погибнуть... Но помните, что вместе с нами сгинет Британия кельтов. От нас не останется ничего, разве только легенды, да и те будут лживы... Вы этого хотите?

Толпа загудела.

— Веди нас за собой, Артур! Скажи, что нам делать, Человек-Медведь!

И Артур говорил снова и снова. Казалось, его понимали, но когда доходило до военных действий, он видел, как наиболее горячие юноши, раскрасив лицо в священный синий цвет и сбросив доспехи, мчались вперёд, выкрикивая оскорбления в адрес врагов. Они горели желанием проявить свою доблесть, они жаждали доказать всему миру, что смерть не страшна им... И они погибали первыми. Вожди не могли совладать с молодыми воинами, которые стремились в первую очередь покрасоваться с трофеями в руках перед своими возлюбленными, а потому забывали о дисциплине и нередко рушили разработанные командирами планы.

— Если вы не в силах справиться с буйными головами, — угрюмо заговорил на очередном совете Артур, обращаясь к военачальникам, — тогда рубите эти головы. Только беспощадными мерами мы сможем навести порядок.

— Государь, — не менее угрюмо ответил длинноволосый Флезаур,

сидевший напротив Артура, — такая мера не принесёт тебе популярности.

В народе Флезаура называли «правой рукой» Человека-Медведя. Получив своё имя за опустошительные набеги на врага^[1], он пользовался славой и самого надёжного соратника из всего окружения Артура. Ему, и только ему, верховный вледиг доверял безоглядно. Даже Эктор Непобедимый, умевший выполнить даже невыполнимое, не пользовался таким доверием. Артур давно заметил в Экторе нечто, что делало его похожим на Мерддина и прочих друидов, а Флезаур был прост, предсказуем, предан Круглому Столу; Флезаур был надёжен.

— А кто говорит о популярности? Речь идёт о жизни и смерти, — ответил Артур. — О жизни и смерти нашей страны! Мне популярность не нужна. Я согласился принять корону вледига, поддавшись уговорам народа. Если не выполняются мои приказы, то чего стоит моё слово?

— Мы не германцы, государь, — возразил Флезаур, — мы вольные люди. Как могу я рубить голову глупому мальчишке за то, что он просто хочет быть первым в бою? У него есть право проявить себя.

— Из-за десятка таких неугомонных мальчишек мы потеряли несколько сотен прекрасных бойцов. Вспомните сражение у Бычьего Брода. Мы продумали всё до мельчайших деталей, заманили передовой отряд саксов в ловушку, но в последний момент какой-то сопляк, возомнивший себя героем, ринулся вперёд, вопя, что он отомстит за своего отца... Мало того, что он сам погиб без всякой пользы для дела, он и наши отряды обнаружил, не дав саксам подойти достаточно близко!.. Если такое повторится, я буду рубить головы не только виновникам, но и командирам. Больше предупреждать не стану.

За круглым столом вождей нависла тягостная тишина.

— Государь, — с трудом заговорил Хыддун после продолжительного молчания, — чем же мы будем отличаться от саксов, если обратим оружие против своих же?

— Хватит жалеть глупцов! Мы потеряем всё, если не избавимся от груза глупости! Вы не успеете опомниться, как наша страна исчезнет... Всё начинается с дисциплины и заканчивается дисциплиной. Порядок — вот моё знамя. Об этом я твердил всегда.

— Порядок и жестокость не есть одно и то же, — возразил Хыддун.

— Ответь мне, славный Худдун, — Артур подался вперёд всем телом, — что ты сделаешь с человеком, который убил твоего брата?

— Убью.

— А в результате выходки некоторых молокососов погибли чьи-то братья. Заслуживают ли прощения эти сосунки? Молчишь? А вот я не в силах молчать... Меч верховного правителя — не игрушка! Наши планы разваливаются из-за глупости безмозглых тварей, а не из-за прозорливости врага! Сейчас мы ещё держимся, но скоро начнём отступать! Подумайте хорошенько, нужна ли нам прежняя «вольная» война... Или пора взяться за ум? Если предпочитаете воевать по старинке, то я сложу с себя власть, ибо нет ничего хуже и смешнее, чем властитель, не способный справиться со своеволием вассалов.

Опять наступила тишина.

Артур поднялся и подхватил рукой свой красный плащ. Вожди остались сидеть на своих местах. Сверху, сквозь плотную соломенную крышу, донеслось карканье вороны. Артур молча пошёл к воротам крепости.

Поднявшись по лестнице на башню, он задумчиво поглядел туда, где по настоянию Мерддина был сооружён большой каменный крест. Перед крестом пылал костёр, неровно освещая могучую крестовину и сидевшего у основания креста друида.

— О чём думаешь, брат? — спросил Артур, вернувшись мыслями в крепость, и посмотрел на стоявшего рядом дозорного. Это был средних лет мужчина с ясными голубыми глазами, весь в бороде, с косами на висках. — Что нас ждёт?

— Только победа, государь, — натянуто улыбнулся дозорный.

— Победа над кем? Над чем?

Тот пожал плечами в ответ.

— А что ты скажешь, друг, — продолжил Артур, — если я признаюсь тебе, что не верю в победу, потому что не верю в себя...

— Не может такого быть, государь. Ты знаешь всё.

— Даже Мерддин не знал всего, — возразил Человек-Медведь.

Артур пробудился внезапно. Ночь наполняла спальню густой тьмой, только из окна струился едва уловимый лунный свет, падая на край кровати. На кровати кто-то сидел, укутанный с головой в длинный кусок грубой ткани. Голубоватый свет луны чуть прорисовывал неподвижный

контур головы, ссутулившейся спины и складки ткани. В первое мгновение Артур решил, что это Гвиневера проснулась и, одолеваемая бессонницей, размышляла о чём-то.

— Ты почему не спишь? — спросил Артур, стараясь говорить негромко, будто боялся спугнуть висевшую в спальне тишину.

— Я никогда не сплю, — послышался ответ. Голос принадлежал мужчине. Он звучал мягко, почти глухо.

Артур мгновенно бросился к висевшему на стене оружию, но, едва схватившись за рукоять меча, остановился, потому что голос таинственного гостя произнёс:

— Разве ты не смешон сейчас?

— Смешон? — Артур всё-таки взял в руки клинок.

— Ты полагаешь, что враг, сумев незаметно проникнуть в твои покои, стал бы дожидаться, когда ты откроешь глаза? Ты думаешь, что враг не зарезал бы тебя спящим?

— Тогда зачем ты пришёл? Кто ты?

Артур остановился перед незнакомцем, сиюсь разглядеть черты его лица.

— Мне трудно сказать, кто я есть... Я почти ничего не знаю о себе... — сказал гость. — Раньше я был просто человек, искавший истину. Но время сделало из меня совсем другое...

— Ты был монахом?

— Я бродил по дорогам моей страны, беседовал с людьми, посещал храмы.

— Бродяжничал? — уточнил Артур.

— Одно и то же можно назвать разными словами. Твой учитель Мерддин тоже много путешествовал, но ты не называешь его бродягой.

— Мерддин был мудрец и маг, — сказал Артур и посмотрел в тот угол кровати, где спала Гвиневера.

— Не тревожься за жену, — сказал незнакомец, — она не услышит нас. Нас нет для неё сейчас.

Артур наклонился к таинственному гостю.

— Ты хочешь сказать, что снишься мне? Всё это сон?

— Можно сказать и так, — кивнул гость. — Можно сказать, что вся наша жизнь снится нам. Всё вокруг — это грёзы Создателя. Он рисует наши жизни, лепит их, смотрит на всё через прорези наших глаз...

Артуру показалось, что он разглядел ухмылку на лице собеседника.

— Кто ты? — спросил Человек-Медведь. — Зачем ты здесь? Если ты не станешь отвечать, то я проткну тебе горло! Ты явился в мой дом без приглашения. Говори же!

— Для чего угрожать тому, кто давно убит?

— Так ты призрак? — Артур шагнул вперёд и решительно тряхнул сидевшего перед ним человека за плечо. — Нет, ты вполне осязаем, — возразил он.

— Потому что меня вернули к жизни.

— Ты маг? Как твоё имя?

— Я не маг и никогда не занимался магией, хотя мне приписывают всевозможные чудеса. Рассказывают, что ходил по воде, излечивал проказу одним лишь прикосновением руки и даже возвращал жизнь мёртвым. Ничего этого не было, когда я жил среди людей, однако время раскрасило мою жизнь чудесами, превратило меня в другого человека. На мне сосредоточены миллионы взглядов, ко мне обращены миллионы молитв, именем моим прикрываются церковники. Из меня сделали божество, а я всего лишь искал ответы на вопросы и говорил о любви. Я искал истину, пытался сформулировать её, а теперь священники заставляют поклоняться мне. Вскоре по Земле прольются реки крови, погибнут миллионы невинных, а зачинщики зла будут прикрываться моим именем и, размахивая над головой крестом с изображением распятого, будут отправлять на костёр тех, кто по каким-то причинам мешает Церкви... Я пришёл к тебе, потому что ты хотел узнать меня.

— Постой, постой... Так ты... Христос?

— Нет. Меня зовут Иешуа. Я никогда не выдавал себя ни за Помазанника, ни за Спасителя. Христос — вот кому поклоняются, вот кого изображают на иконах и ваяют из камня. Я никогда не был им.

— А кто же тогда Христос?

— Время обладает необъяснимой способностью менять наше прошлое, — произнёс Иешуа. — С одной стороны, оно навсегда остаётся таким, каким было. Каждое мгновение неизменно в прошлом. Но с другой стороны, иногда история приобретает качества, которые не были ему свойственны. Тогда прошлое изменяется.

— Не понимаю.

— Всякая легенда, повторяемая толпой изо дня в день, вживляется в прошлое и материализуется там. Мысли людей меняют прошлое. Если сегодня ты отправишься в тот день и в то место, где меня приколачивали

к кресту, то ты увидишь меня таким, как это излагают священные тексты. Ты услышишь, как я произношу слова, написанные в книгах. Понимаешь? Сегодня я живу в прошлом не так, как я жил там на самом деле. Теперь там воплотился Христос. Его там не было, но теперь он там. Прошрое изменилось, оно реструктурировалось.

— Как же такое может быть?

— Бог ведёт сложные игры. Мы — лишь Его создания. Нам не дано охватить разумом Его замыслы, Человек-Медведь.

Артур вгляделся в лицо Иешуа, и на мгновение ему почудилось, что в мутной ночной тьме пространство вокруг головы гостя посветлело. На Артура посмотрели красивые синие глаза. Эти глаза были полны глубинного знания, не свойственного простым людям.

— Скажи, — задумчиво проговорил Артур, — как же возможно, что ты сейчас сидишь на моей кровати и беседуешь со мной? Как возможно, чтобы ты явился во плоти? Ведь ты не призрак, ты человек. Или мне только кажется, что ты живой?

— Я живой, — твёрдо сказал Иешуа.

— Но ты был казнён? Ты умер на кресте?

— Да, всё так.

— Как же это возможно? — Артур тяжело опустился на колени и, задавленный непониманием, обхватил голову обеими руками. — Объясни мне! Я хочу понять, что происходит! Что происходит со мной, с нами?

— Ты сможешь понять это только после смерти, — ответил Иешуа.

— Почему не сейчас?

— Есть недоступные для человеческого разума знания. Только переступив пределы привычного нам бытия, мы становимся способными понять многое из того, что не понимали при жизни.

— Почему? Ответь мне, почему человеку не дано овладеть всеми знаниями?

— Так задумал Бог.

— А ты видел его? Ты говорил с ним? Ты слышал его?

— Да. И ты тоже видел, говорил, слышал.

— Разве? — Артур мучительно замолчал.

— Да, только ты не осознаёшь этого. Бог присутствует всюду, в каждом из нас, в каждой капле нашей крови, в каждом витке наших мыслей. Прислушайся к себе, и ты услышишь дыхание Бога.

— Ты говоришь так, будто это совсем легко. — Артур закрыл глаза и склонил голову. Его сильные руки опустились ладонями на пол, всё тело обмякло. Казалось, Человек-Медведь готов был упасть. — Я прожил громкую жизнь, но не сумел обрести мудрости. Я возводил крепости, собирал племена в единый кулак, воевал, прокладывал дороги от города к городу. Однако, слушая тебя, я задаюсь страшным вопросом: не напрасны ли все мои усилия? Я вёл за собой народ, но имел ли я на это право? А народ — имел ли он право верить мне? Не ошибались ли все мы?

— У каждого свой путь. Ты вписал в книгу жизни слова своих шагов, твои воины вписали свои слова, твоя жена — свои, Мерддин — свои. Нет ненужных людей. Каждому определена важная роль, исключительная роль. Ни одна из них не является более или менее значимой, чем другая. В этом сокрыта удивительная правда жизни. Жизнь грешника, если положить её на чашу весов, весит столько же, сколько жизнь праведника. Добро таит в себе не больше правды, чем зло. Ночь нужна человечеству не меньше, чем день. — Иешуа протянул руку и невесомо коснулся головы Артура. — Ты спрашиваешь, не ошибались ли все вы... Нет, не ошибались. Никто никогда не ошибается, потому что Бог не обязал нас идти единственным предначертанным путём. Создатель дал нам возможность выбора, поэтому мы шагаем столь разными дорогами. Каждый наш шаг — это опыт. Всего лишь опыт. Не оценивай свою жизнь мерами добра и зла, потому что эти меры условны. Оценивай каждый свой день как приобретённый опыт, только как опыт... Ты понимаешь меня?

— Нет, — Артур покачал головой.

— Что ж...

Иешуа поднялся и беззвучно прошёл к двери.

— Настанет время, и поймёшь, — сказал он, остановившись посреди комнаты.

— Ты покидаешь меня? — Артур проворно вскочил.

— Я никого не покидаю. Вглядишься в себя, и ты увидишь, что я живу в тебе.

Иешуа улыбнулся и вновь шагнул к двери.

— Но ты уходишь! — воскликнул Человек-Медведь. — Почему?

— Мы все уходим однажды. Так устроен мир.

— Я хотел поговорить... Мне нужно о многом расспросить... — Артур

метнулся было следом за гостем, едва тот переступил порог, но Иешуа остановил его мягким и вместе с тем властным жестом.

— Мы наговорились сполна. Я ответил даже на те твои вопросы, которые не успели ещё созреть в твоей голове. Настанет время, и ты всё поймёшь, Человек-Медведь... Теперь ты должен уснуть. Уже подкрадывается рассвет...

Дверь затворилась. Служившее ручкой массивное металлическое кольцо чуть заметно качнулось, легонько брякнуло.

Артур ощутил внезапную пустоту. Голова закружилась, и он застыл, боясь сделать хоть шаг.

«Что ж это? Сплю я или нет? Сплю, конечно, иначе как бы всё это могло быть? Ко мне приходил Христос... Нет, такого не может быть... Я не верю в это... Да и сам он заверил меня, что он не Христос... Но тогда кто? Он подтвердил, что был казнён на кресте и что умер... Но тогда как же он пришёл ко мне?.. Разумеется, это пригрезилось мне... Но разве это имеет значение? Разве не живу я во сне? Разве не слышу важные для меня слова? Разве не посещают меня во сне Сиды, чтобы дать подсказку, когда меня одолевают сомнения? Сон — тоже жизнь... Не в том вопрос, вижу ли я сейчас сон, а в том, кто был этот Иешуа... Ах, Мерддин, почему тебя нет сейчас рядом? Почему не растолкуешь мне всё это?»

Артур побрёл к кровати и осторожно опустился на неё.

— Гвиневера, ты спишь? — несильно потрепал он за ногу жену.

— Что? — отозвалась она сквозь сон.

— Ты спишь...

Он лёг на спину и закрыл глаза.

Через мгновение он резко сел, оглянулся, вскочил и почти бегом направился к двери. Громко топая, он пробежал через просторный зал и распахнул входную дверь. На крыльце сидел охранник. При виде Артура, он быстро поднялся и нацепил на голову лежавший у ног шлем.

— Что случилось, государь? — спросил стражник с беспокойством и взялся за рукоять меча.

Артур ощупал цепким взглядом двор. Со стороны крепостной стены доносился звук варгана — кто-то из дозорных развлекал себя нехитрой игрой. Возле запертых ворот повизгивала лохматая собака, играя с обглоданной костью.

— Кто-нибудь из чужих выходил отсюда? — Артур повернулся к охраннику.

— Нет, государь. Разве я допустил бы? Никого не было.

— Не было... Конечно, не было... Значит, всё приснилось...

Уже заметно рассвело, и Артур понял, что с момента разговора с ночным гостем минуло несколько часов.

— Или ты спал на посту? — Вледиг строго посмотрел на воина.

— Нет, государь.

— Мы все спали, — задумчиво произнёс Артур. — Мы все спим...

— Я не спал, мой господин! Глаз не смыкал! — настаивал охранник.

— Все спим и видим сон, — сказал Артур, размышляя о своём. —

Может, он прав?

— Кто, государь?

Артур не ответил и скрылся за дверью.

Огромный военный лагерь раскинулся на обрывистом берегу ленивой извивающейся реки. Вокруг палаток выстроились стеной походные повозки, которых всегда было слишком много и которые всегда замедляли передвижение Артурова войска. В повозках обычно ехали женщины, не желавшие бросать своих мужей и наблюдавшие за каждым сражением, подбадривая мужчин и служа им живым напоминанием — ради кого велась война. Сейчас все спали. Вялыми струйками к небу тянулся дым угасавших костров. Утро было тихим, в мягких голубоватых тенях.

Чуть в стороне от лагеря таинственно возвышался древний насыпной курган, утыканный вертикальными камнями в два человеческих роста. Эти неровные каменные столбы и плиты, покрытые резьбой кельтских узоров, стояли в десяти шагах друг от друга и составляли гигантскую спираль, центр которой фиксировался на вершине кургана. В розоватых тонах восходящего солнца эти каменные громадины смотрелись призрачно и почти невесомо...

Одиноким всадник, обогнув мегалитическую постройку, быстро скакал вдоль берега, размахивая рукой.

— Саксы! Германцы! — кричал он.

— Тревога! Саксы! — подхватил его крик дозорный и, приложив к губам рог, пронзительно затрубил.

— Подъём! Тревога! — пронеслось над палатками, и вскоре всё

пространство задвигалось, загудело, закишело.

Артур вышел из своего шатра, одетый в длинную белую рубаху. Сопровождавший его оруженосец, высокий молодой мужчина с длинными косами на галльский манер, выступил вперёд с мечом в руке и жестом остановил примчавшегося гонца. Тот, тяжело дыша, прыгнул с коня. Два стражника, дежурившие у входа в шатёр, угрожающе опустили копыта и наклонили головы в остроконечных шлемах.

— Где они? Далеко? — спросил Артур.

— К полудню будут здесь.

— К полудню... Чего ж ты крик поднял?

Он задал несколько уточняющих вопросов и отпустил гонца.

Лагерь проснулся окончательно и гудел, как растревоженный осинник. Отовсюду слышались возбуждённые женские голоса, гремело оружие, тяжёло стучали копыта боевых коней.

Артур положил руку на плечо оруженосца.

— Оберон, найди Эктора, скажи, чтобы пришёл ко мне.

Оруженосец кивнул.

— Оберон! Пусть поспешит!

Едва оруженосец скрылся за соседней палаткой, бегом направляясь в дальний конец лагеря, где ночевал отряд Эктора Непобедимого, к шатру Человека-Медведя подъехал отряд в двадцать человек во главе с Флезауром. Артур с удовлетворением оглядел своего помощника.

— Ты уже в полной готовности, друг мой! Как всегда! — улыбнулся Человек-Медведь. — И твои гварды тоже! Почему ты не передашь своё умение всему моему войску, Флезаур? Люди только глаза успели продрать, услышав сигнал тревоги, а ты уже в седле.

— Государь! — Флезаур прыгнул с коня, подошёл вплотную к Артуру и шёпотом проговорил: — Тебя хочет видеть Мерддин.

— Мерддин? Он вернулся?

— Тише, государь! Он не хочет, чтобы об этом знали. Он хочет видеть только тебя.

— Где же он? Почему не пришёл прямо ко мне?

— Не мне расспрашивать великого друида... Он ждёт тебя там... — Флезаур указал на курган, где торжественно возвышалась каменная постройка.

— Мерддин! — выдохнул Артур, и на глазах у него появились слёзы. — Он всё-таки вернулся!

Он обернулся.

— Дайте мне коня! Любого коня! — крикнул он.

Кто-то услужливо подвёл к нему белоснежного жеребца, которого ещё не успели оседлать.

— Едем! — приказал Артур, и двадцать молчаливых всадников Флезаура двинулись галопом в направлении мегалита. Сам Флезаур, ловко впрыгнув в седло, ехал последним, иногда поглядывая угрюмо через плечо.

Вокруг кургана трава не росла, на земле густо лежала крошка из белого камня, искрившегося в солнечных лучах. С восточной стороны к мегалиту вела дорога, усыпанная тем же белым камнем, и вдоль неё стояли по обе стороны четыре дольмена, испещрённые чёрточками огамического письма. Когда отряд подъехал к ближайшему дольмену, на дорогу вышел старик в белом балахоне и с посохом друида в дряхлой руке. На гладко выбритой голове лежал длинный серый платок, свисавший почти до земли.

— Здравствуй, Человек-Медведь.

— Приветствую тебя, святой отец! — почтительно отозвался Артур и спрыгнул с коня: дальше полагалось идти пешком. — Где Мерддин?

— Лесной Вепрь ждёт тебя...

Артур почти бегом пустился по дороге, за ним быстро следовали люди Флезаура. Каменные плиты встретили Артура молчанием. Здесь, внутри спирали серых громадин, царила таинственная тишина. Артур остановился, оглядываясь.

— Мерддин!

— Не нужно кричать, — проговорил вышедший из-за ближайшего столба друид в чёрном плаще с капюшоном на голове.

— Где Мерддин?

— Он встретит тебя, когда настанет время...

— Государь, — заговорил остановившийся за спиной Артура Флезаур, — мы должны поговорить с глазу на глаз.

Позади Флезаура выстроились его дружинники.

— Сейчас не до разговоров, друг мой, — возразил Артур.

— Ты же пришёл сюда поговорить.

— Меня звал Мерддин... — Тут Артур запнулся и пристально посмотрел на Флезаура. — Или не звал? Ты выдумал это?

— Государь, — произнёс подошедший к ним друид в чёрном

облачении, — наступают тяжёлые времена. Германцы не дают нам покоя.

— Мы вполне справляемся с ними, — ответил Артур.

— Пока справляемся, но ты сам говорил, что они в конце концов одолеют нас.

— Когда-нибудь, но не сейчас. — Артур недоумённо переводил взгляд с одного человека на другого. — Зачем этот разговор?

Из-за каменных плит появились новые друиды. Их насчитывалось человек десять. Некоторые держали в руке острые ритуальные серпы.

— Государь, в народе бродит недовольство тем, что ты принуждаешь людей принимать крещение. И всё в угоду твоей супруге, — превозмогая внутреннее сопротивление, произнёс Флезеаур. — Народ сам вправе выбирать, каких богов почитать.

— Я никого не принуждаю! И не время сейчас обсуждать это!

— Самое время, государь! Самое время! Недавно ты во всеуслышание заявил, что мы исчезнем с лица земли, если нас сомнут саксы. Но разве не теряем мы своё лицо, принимая крещение? Исчезают наши обряды, наши праздники! Ты уже не позволяешь воинам воевать так, как они делали это издревле. Как Матерь Богов поймёт, что мы почитаем её, если мы не выкрасим наши тела и лица вайдой? Как увидят Сиды нашу готовность уйти в иной мир, если мы не разденемся догола перед боем?

— Что за чушь! — воскликнул Артур, оборачиваясь к Флезеауру.

— Послушай, Человек-Медведь, — сказал друид, — всё это очень важно. Ты воплощаешь собой не только силу и честность настоящего кельта, но и незыблемость традиций. Имя твоё для молодёжи стало символом святости. Но некоторыми своими поступками ты заставляешь людей усомниться в твоей праведности...

— Ты боишься, — вступил опять в разговор Флезеаур, — что саксы уничтожат нас через несколько лет, если мы не научимся мыслить по-новому. Но имеет ли это значение? Если мы перестанем быть собой, то стоит ли нашему народу жить дальше? Что могут саксы? Только убить нас... Потерять своё лицо — страшнее...

— Чего хотите от меня? — недовольно опустил голову Артур.

— Мы хотим, — негромко сказал кто-то из друидов, — чтобы ты остался знаменем для бриттов. Ты — единственный, в кого наш народ верит. Не должен ты предавать старую веру. Не должен ты упасть в глазах людей. А если ты намерен упорствовать, то лучше тебе

исчезнуть.

— Исчезнуть? Что это значит? Как исчезнуть?

— Как исчез великий Меррдин, — ответил друид. — Никто не знает, где он, и все ждут его возвращения.

— Исчезнуть?

— Ты можешь умереть, но об этом никто не узнает, государь, — выдал из себя Флезаур. — Лучше тебе исчезнуть в зените своей славы, чем дожидаться нелюбви и равнодушия со стороны народа. У людей должен быть кумир.

— Так вот для чего вы заманили меня сюда, прикрываясь именем Меррдина, — горько ухмыльнулся Артур.

— Ты встретишься с ним, — прошептал Флезаур.

— Мы не хотим, чтобы через год или два от тебя отвернулись все, — добавил друид. — Мы не хотим, чтобы твоё имя превратилось в ничто. Ты должен остаться знаменем, за которым будут идти всегда.

Артур гордо поднял голову и шагнул к Флезауру.

— Теперь я знаю, что такое предательство.

— Я не предаю тебя, государь, — нервно мотнул головой Флезаур. — Я служу тебе верой и правдой и хочу навсегда подарить бриттам твоё доброе имя.

— Странно ты понимаешь верность... Что ж...

— Прости, государь.

— Не думал, что мне придётся умирать вот так... Ты не позволишь мне взять в руки меч? Впрочем, зачем я спрашиваю? Говорить с предателем — что может быть унижительнее... Убивайте, раз решили...

— Государь!

— Молчи, тварь!

— Да будешь ты жить вечно, Человек-Медведь! — выкрикнул стоявший позади Артура друид и взмахнул серпом, нанося удар Артуру в горло.

Флезаур выхватил из ножен меч и, бросившись к падающему вледигу, вложил оружие ему в руку.

— Прощай, государь. Имя твоё не умрёт никогда! — шепнул он.

Артур попытался ответить, но захлебнулся хлеставшей из горла кровью.

Друид в капюшоне сделал знак Флезауру:

— Поезжайте! Объявите, что Меррдин срочно позвал к себе

Человека-Медведя. В сегодняшнем бою Артура не будет. Ты будешь руководить сражением, Флезатур. И пусть Эктор Хоель по прозвищу Непобедимый будет рядом с тобой. Его крепкая рука понадобится нам всем... А мы займёмся телом... Никто не должен знать, что случилось с Артуром... Человек-Медведь просто исчез, но вовсе не пропал. Он где-то рядом... Он ушёл, чтобы однажды вернуться... Пусть все так думают...

[1] Ф л е з а у р — в переводе с валлийского означает «опустошитель».

Нарушитель

Сентябрь 2005 года

Николай Яковлевич подхватил Иру под локоть, чтобы она не оступилась.

— Ира, вы сегодня будто ничего не слышите и ничего не видите. Что случилось?

Молодая женщина горько вздохнула, и глаза её мгновенно наполнились слезами.

Профессор покачал головой и расплылся в мягкой улыбке.

— Милая вы моя, зачем так убиваться? Поверьте, что в жизни нет ничего, что заслуживало бы нашего душевного расстройства. Всё проходит, всё возвращается...

— Но ведь... Нет, не могу...

Последние несколько месяцев она раздражительна, рассеяна, на пустом месте начинала плакать. Когда пять лет назад Леонид Гуревич, после продолжительного ухода за Ирой, наконец сделал ей предложение, профессору Замятину показалось, что в мире не встретить девушки счастливее. Но вот пролетели пять лет — и Ира превратилась в разбитое и жалкое существо: исчезла лучистость её глаз, пропало сияние её лица, которое все называли сказочным и которое покоряло даже женщин и заставляло всех видеть в Ире ангела, а не красавицу, сотканную из влекущей человеческой плоти.

— Давайте-ка вы мне всё расскажете толком, — предложил Николай Яковлевич, останавливаясь. — Так ведь дальше продолжать нельзя, милочка. Я вас десять лет знаю, с вашего первого курса наблюдаю за вами... Что стряслось? В семье плохо? Леонид Степанович чудит?

Ира громко всхлипнула.

— Угадал? — Замятин хмыкнул.

Женщина тяжело кивнула.

— Лёня бросил меня.

— Бросил? — Профессор выпучил глаза. — И только-то?

Николай Яковлевич громко рассмеялся, привлёк Иру к себе и звонко поцеловал её в лоб.

— А ведь я ждал этого, — проговорил он.

— Ждали? — подавленно отозвалась Ира и подняла на него красные глаза. — Почему же? Разве мы не подходили друг другу?

— Не в этом дело, Ирочка. Совсем не в этом.

— В чём же?

Замятин оглянулся и остановил взгляд на пёстрых зонтиках уличного кафе.

— Не согласитесь ли выпить со мной кофейку, Ира? Скоро похолодает, эти кафе закроются, а мне так приятно посидеть с красивой молодой женщиной за столиком.

— Это с такой-то заплаканной дурой?

— А кто из нас не плакал? И кто из нас не был дураком?

Она пожала плечами.

— Кофе так кофе...

Замятин взял два стаканчика и устроился напротив Ирины. Яркое солнце проникало сквозь красно-голубой зонт над ними и бросало мягкие цветистые тени на их лица.

— Скажите, Ира, вы верите в сказки?

— Нет... Впрочем, в плохие верю.

— Вы имеете в виду сказки с плохим концом?

— Да.

— Это очень дурно.

— Что?

— Верить в такое... Хочу открыть вам маленький секрет.

— Слушаю.

— В жизни нет ни плохого, ни хорошего. Ничто не может кончиться плохо или хорошо. Есть только следствия наших поступков, а они не окрашены ни в какие тона. Они просто есть, как и наши поступки. Есть рождение, есть смерть, но разве они плохи или хороши?

— Смерть всегда плоха.

— Но разве она не естественна?

— Не понимаю, куда вы клоните... Какое это имеет отношение ко мне?

— К вам всё имеет отношение. И ко мне тоже. И ко всем окружающим. Мы все связаны друг с другом. Мы все даны друг другу для

понимания жизни. Возьмите, к примеру, только что прошедший в Америке ураган. Он уничтожил не только Новый Орлеан, но и многие другие города, конечно поменьше, но ведь и там жили люди... Кстати, вы обратили внимание, что большинство самых разрушительных ураганов почему-то называются нежными женскими именами? Этот назвали Катриной. Он унёс десятки тысяч жизней. Все содрогаются от ужаса случившегося. Когда речь идёт о войне, там хоть можно обвинять политиков, а тут вроде и виноватых-то нет, а погибших — тьма... А почему так случилось? Потому что однажды люди решили построить город там, где его нельзя строить. Новый Орлеан располагался в низине, он лежал ниже уровня моря. Его неоднократно затопляло. Но люди зачем-то возвели дамбу и решили, что отныне море им не угрожает. А море и прочие стихии оказались сильнее...

— И что? При чём тут я?

— Не спешите... — Замятин неторопливо и со вкусом отхлебнул кофе. — Гибель Нового Орлеана — всего лишь последствие упрямства людей в борьбе с природой. Появление этого города можно сравнить с рождением человека. Хорошо ли оно? Что оно принесёт в жизнь? Было множество праздников и карнавалов, много веселья и горя, но вот пришло время умирать. И город умер. Плохо ли это? Нет. Просто город отслужил своё. Теперь его жизнь должна послужить уроком другим городам. Но послужит ли?.. Я не случайно поинтересовался, любите ли вы сказки. Жизнь — это сказка. Она рассказывает о происходящих с нами чудесах. Но почти никто не замечает этих чудес. Мы даже в рождении не видим чуда. И в смерти не видим его... Тогда зачем мы живём? Для чего наши потуги добиться того или иного результата? Впрочем, давайте по порядку...

— Давайте, а то я ничего не понимаю...

— Жила однажды очень красивая девушка. И звали её Гвиневера.

— Вот и сказка началась, — чуть заметно улыбнулась Ира.

— Отец отдал Гвиневру за великого Артура. Но она, хоть и не осмелилась перечить воле отца, никогда не считала Артура своим мужем, потому как она исповедовала христианство, а он был язычником. Кроме того, он был вдвое старше Гвиневры. Зато она влюбилась в Маэля, красивого юношу, одного из надёжнейших воинов Артура. Маэль тоже был язычник, однако это не помешало Гвиневре отдаться ему. Молодость и страсть сделали своё дело... А потом он погиб. Любовь

Гвиневеры была столь огромна, что со смертью Маэля жена Артура едва не лишилась рассудка. Когда же Артур согласился наконец креститься и венчаться с Гвиневерой по христианскому обряду, Гвиневера решила, что теперь Бог обязывает её быть верной женой, и она заставила себя забыть Маэля. Так она отреклась от своей любви...

Ира внимательно слушала Замятина, не отрывая от него взгляда.

— Через некоторое время та сущность, которая была Гвиневерой, воплотилась в другом теле и прожила новую жизнь. Затем ещё и ещё, как это случается со всеми людьми.

— Вы верите в реинкарнацию, Николай Яковлевич? Вы же историк, закоренелый материалист!

— Реинкарнация есть одно из надёжнейших проявлений материальности. Впрочем, я лишь излагаю вам сказку.

— Ладно...

— Минуло несколько веков, и на свет явилась Изабелла. Не буду вдаваться в подробности, но суть в том, что она полюбила одного человека. Звали его Хель. Однажды он отправился в поход, и Изабелле сообщили, что он погиб. Многие и впрямь видели, как он, будучи ранен стрелой в грудь, сорвался в глубокую пропасть. Естественно, все сочли его погибшим. Изабелла решила, что лишилась всего и что ей не для чего жить дальше.

— И что?

— Бросилась с городской стены головой вниз. И всё потому, что любовь свою сосредоточила на конкретном человеке, сделав его для себя смыслом жизни, то есть обожествила его. Тем самым она отобрала у всей остальной жизни право иметь такой же божественный смысл, отобрала у остального мира право на полноценность.

— Что же дальше? Вы же рассказываете о переселении души. Что произошло дальше? Как развивались события?

— Дальше? Много всякого было. Сущность, родившаяся Изабеллой, являлась в этот мир ещё не раз. Смеялась, радовалась, печалилась. Бывала и уродиной, и красавицей, и безликой, как медуза. И всякий раз она любила какого-нибудь человека, страдая от разлуки с ним. И вот в наше время она опять полюбила, что для человека вполне естественно. В этот раз на её долю не выпало кровавых сражений, голода, эпидемии, наводнений. Она жила мирно, уютно, почти не встревоженно. Всё складывалось очень удачно. Муж ей достался надёжный и, как нынче

выражаются, перспективный... Из научных кругов.

Ира насторожилась.

— Она любила его, а он любил её, — продолжал Замятин. — Но громадный опыт человечества мало что значит для каждого из нас, взятого в отдельности. Каждый из нас считает себя центром мироздания. Наши крохотные и порой ничего не значащие заботы кажутся нам иногда катастрофой вселенского масштаба... Вы меня понимаете?

— К чему вы клоните, Николай Яковлевич?

— Чем ближе к нашему времени, тем Изабелла жила спокойнее и ровнее. Чувства её оставались по-прежнему яркими и глубокими, однако обстоятельства менялись, сглаживались. И вот уже нет гибели любимого мужчины — ни настоящей смерти, ни мнимой. Муж просто ушёл к другой женщине, а Изабелла всё равно оплакивает его, как мёртвого. Разве это не глупость?

Ира в задумчивости облизала губы. Она никак не ожидала, что Замятин так прямолинейно увяжет её с мифическими средневековыми персонажами.

— Вы придумали эту сказку для меня? — смутилась она.

— Сказку? Да, конечно, это сказка, — согласился профессор. — Как и священный кельтский котёл, как рыцарское средневековье, как нацистские концлагеря. Всё минувшее — сказка, если мы рассказываем об этом. И урок — если мы желаем научиться чему-то.

— Урок любви?

— И урок разлуки, — кивнул, хитро улыбаясь, Замятин. — Вся история человечества подносит нам примеры разлуки. Помните, что говорит Евангелие от Марии? «Вот почему вы болеете и умираете, ибо вы любите то, что вас обманывает. Материя породила страсть, не имеющую подобия, которая произошла от чрезмерности. И тогда возникло смятение во всём теле...»[1]

— Я не понимаю этих слов.

— Мы живём в мире плотной материи. Мы выбрали форму познания себя через воплощение в плотные формы. Мы сгущаем материю, чтобы вылепить наши тела. Это всё та же материя — материя наших душ и духа. Но в плотном теле мы не способны слиться друг с другом, как это было возможно, когда мы пребывали в тонком мире. И всё же наши сущности, несмотря на нынешнее наше состояние, хранят память о нашей истинной природе и о всеобщем единстве. Потому и томимся мы в человеческих

телах: из-за невозможности слиться друг с другом. Мы не способны, будучи людьми, материализовать наши душевные порывы. «Материя породила страсть, не имеющую подобия»...

Ирина долго смотрела на профессора и молчала, затем спросила:

— Вы в это верите?

— Во что?

— В существование тонкой материи... В реинкарнацию... Никогда не думала, что вы религиозны.

— Я не религиозен, — возразил профессор. — Просто мне открыто многое из того, о чём обыкновенные люди даже не догадываются.

— Неужели вы на самом деле верите в переселение душ?

— Попробуйте увидеть в этом просто психотерапевтический трюк. Не религиозную концепцию и не что-то ещё в этом роде, а просто новый ракурс вашего мировоззрения. Я поведал вам про Изабеллу и Гвиневеру. Разве я пытался заверить вас, что те две женщины и вы — одно и то же? Вовсе нет, я лишь рассказал притчу об умирании любимого человека.

Ира неуверенно возразила:

— Пожалуй, можно оценивать это и так. Вы правы, Николай Яковлевич. Но какой же вывод надо сделать из вашей притчи?

— Гвиневера отреклась от своей любви к Маэлю, убила её, променяв на христианское служение другому мужчине. Началось замаливание «грехов» и прочая чушь. Она вовсе не полюбила Артура, она втоптала любовь к Маэлю и память о нём в «служения». А Изабелла уничтожила свою любовь, убив себя, потому что не считала себя способной жить без Хеля. Но ведь она жила без него, пока он был в походе! Жила! И Гвиневера жила без Маэля, пока он рыскал по дремучим лесам. И вот приходит весть о гибели мужчины. И что? Куда вдруг девается любовь? Что же важнее — любовь или предмет любви? Высочайшее из чувств или банальная привязанность к какому-то лицу, телу, голосу? А вы, Ирочка? Что делаете вы? Любимый человек, как вы называете его, жив и здоров. Более того: он счастлив в объятиях другой женщины, он наслаждается жизнью. А вы посыпаете себе голову пеплом! Где логика? Почему вы не радуетесь за любимого человека? За любимого человека надо радоваться всегда... Неужели вам нравится то, что с вами происходит? Если не нравится страдать, то прекратите эту глупость немедленно! А если нравится то, что происходит, тогда опять зачем вы страдаете? Я знаком со многими людьми, которым нравится испытывать боль, но они

радуются этой боли, радуются страданиям. Вы же терзаете себя из жизни в жизнь.

— Подождите... — Она замотала головой и зажмурила глаза. — Николай Яковлевич, почему вы говорите с такой убеждённой, что я делаю это из жизни в жизнь?

— Потому что я знаю.

— Что знаете? Что я и бросившаяся со стены Изабелла — одно лицо? Этого нельзя знать.

— Видите ли, дорогая моя, я настолько стар, что мне успело наскучить объяснять людям одно и то же. Редко кто верит мне, но это и не столь важно. Мне-то, если честно, наплевать, согласитесь вы или нет, примете ли реинкарнацию как факт. Главное — вы должны увидеть примеры. Жизнь состоит из примеров, потому что жизнь есть всеобщий опыт. Опыт Творца... В мире нет ничего, кроме творения. Наши поступки — это крупницы огромной мозаики, неохватной человеческим глазом и неподвластной человеческому уму. Наши чувства — тоже.

— И что?

— Поймите это, и многое изменится в вашей жизни. Какой смысл всю жизнь быть алкоголиком? Какой смысл на протяжении всей жизни делать одно и то же? Станьте разнообразнее! Опыт влюблённой дурочки у вас уже есть. Займитесь чем-нибудь другим. И перестаньте быть пассивной. Верните себе качество Творца!

— Разве любовь — проявление глупости?

— Ваша любовь? Безусловно! Да у вас и не любовь вовсе. Вы отыскиали для себя удобный уголок для проявления некоторых, очень, поверьте, скудных эмоций и упивались ими.

— Но я же была счастлива.

— Это потому, что вы целиком отдались этому опыту. Но всякий опыт рано или поздно истощает себя. Сначала от вина хорошо, затем начинает мутить, затем наступает тяжёлое похмелье. А вино — всё то же, ничто не поменялось в нём. Но вы изменились. Для полноты ощущений вполне достаточно лёгкого прикосновения. А порой хватает и одного взгляда.

— Вы хотите сказать, что любовь, как мы привыкли понимать её, чужда человеческой природе?

— Человеку ничто не чуждо. Даже война, ибо на войне в сконцентрированном виде проявляется вся жизнь. Там можно всё

понять в одно мгновение. Кому-то для прозрения требуются годы и тысячелетия, а кому-то — мгновения... Некоторые нуждаются в подсказке...

— Я?

— Вы. И не имеет значения, что в моих словах правда, а что присутствует лишь для украшения. Царь Соломон, Будда, Иисус и многие другие рассказывали притчи.

— А вы кто?

Профессор прищурился и поскрёб наморщенный лоб.

— Нарушитель...

— Нарушитель чего?

— Нарушитель принятых правил.

— Забавно... Пожалуй, это прозвище вам подходит... Вы знаете, Николай Яковлевич, что все считают вас странным?

— Знаю.

— Похоже, вам известно всё на свете, — улыбнулась Ира.

— Почти всё. — Он тоже улыбнулся. — К некоторым знаниям я только подбираюсь...

Он откинулся на стуле и постучал пустой чашкой о блюде.

— Что ж, кофе был изумительный. Вы не находите? — спросил профессор.

— Да, вкусный...

— Хочу поблагодарить вас за приятно проведённое время, Ирочка.

— Вы уже... уходите?

— Пора, знаете ли. Всему своё время.

— Но, Николай Яковлевич, что же мне делать?

— Ищите свой Святой Грааль, — засмеялся он вдруг совершенно незнакомым голосом.

— Где? Как?

— Внутри себя, дорогая моя, только внутри себя. Раскройте себя для себя. Увидьте в себе неведомое...

— Но как поверить в это неведомое?

— А как вы поверили в свою любовь? Была ли любовь-то? Но ведь вы уверовали в неё! Человек легко верит в то, во что хочет и готов поверить. Я открыл вам гораздо больше, чем следовало... Теперь дело за вами... Хотите верить в конечность нашего бытия? Милости прошу! Никто не запретит вам этого. Никакая камера пыток не лишит вас вашей

веры, если она по-настоящему глубока... И вот ещё что. Помните, что по вере вашей достанется вам. Не мои слова, но я целиком согласен с ними... Знаете, я ведь тоже не сразу поверил, но уж когда поверил, то поверил навечно. Не одну тысячу лет ношу в себе эту веру. Не одну тысячу лет она, и только она, спасает меня. А не поверил бы тогда, в далёкой древности, так и не сидел бы сейчас с вами за этим милым столиком, под этим милым навесом, в этом милом уличном кафе...

— Но как?! Николай Яковлевич, как поверить?!

— Вопрос равный самой вечности... Стучащемуся да откроется. Желаящий увидеть да увидит. Всё вокруг нас устроено таким образом, чтобы напоминать нам о реинкарнации и о том, что мы всего лишь играем здесь выбранные нами роли. Театр, кино, книги... Всё это — модель реинкарнации.

— Не понимаю. Почему вы сравниваете театр и кино с реинкарнацией? Что общего?

— Актёры выходят на сцену и играют свою роль, натягивая на себя чужую судьбу. Они по-настоящему плачут, смеются, целуются, едят на сцене. А потом уходят за кулисы и сбрасывают с себя то, чем только что жили. Некоторые освобождаются от груза своей роли легко, но иные выходят из этого состояния тяжело. Так и душа приходит, уйдя за кулисы привычной человеку жизни, чтобы набраться сил для новой игры, обдумать пережитое, наметить новые нюансы роли.

— Ладно, пусть так. Но актёр возвращается на сцену, чтобы ещё раз сыграть ту же роль. Вы хотите сказать, что душа не раз воплощается в одно и то же тело?

— Я об этом не говорил. Она воплощается в людей, которые проходят один и тот же путь, но при чуть-чуть, может, иных обстоятельствах. Однако фактически эти незначительные обстоятельства имеют очень большое значение. Всё, кажется, как и в прошлый раз, но значимость переживаний совсем иная. Одно и то же — на самом деле не одно и то же...

Профессор поднялся и протянул девушке руку.

— Хотите, я провожу вас? — спросил он.

— Вы расскажете что-то ещё? Приподнимете ещё немного завесу тайны?

— О нет! Никаких тайн! Только истории, интересные истории про интересных и не очень интересных людей... Желаете послушать?

Она кивнула.

Они неторопливо пошли вниз по улице, погружаясь в гущу московского шума, и вскоре скрылись в бурлящей толпе, где никто никого не знает, но все на самом деле давно знакомы и касаются друг друга плечом, чтобы напомнить о себе и начать внезапный разговор, который, возможно, поможет им размотать бесконечно длинный клубок воспоминаний...

Август 2005—декабрь 2007

[1] Евангелие от Марии. Кумранские тексты.